

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**МАТЕРИАЛЫ
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

16–19 мая 2023

В четырех частях

Часть третья

Минск МГЛУ
2023

УДК 800
ББК 81.2
М34

Редакционная коллегия: Н. Е. Лаптева (*ответственный редактор*), О. В. Лушинская (*зам. ответственного редактора*), М. С. Рогачевская, И. В. Даниленко, И. К. Кудрявцева, О. А. Судленкова, Э. В. Ломако, Е. Г. Карапетова, Н. П. Науменко, Ю. Н. Русина, В. Г. Минина, В. М. Пушков, И. А. Рябцевич, Т. Ф. Иванова, О. В. Железнякова, Т. И. Голикова, В. И. Бобрович, О. Л. Гутько, А. Н. Кушнеревич, А. М. Захаров, Н. П. Баранов, Н. Г. Севостьянова, И. П. Салтанович, С. Е. Новиков, А. Л. Подгайский, О. В. Иванов, А. Г. Цымбал, А. А. Романовская, Л. М. Надумович, М. Г. Гец, А. С. Баранова, О. В. Янчукович, О. А. Полетаева, Е. В. Тихоненко, Н. С. Евчик

М34 **Материалы** ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 16–19 мая 2023 г. : в 4 ч. Ч. 3 / отв. ред. Н. Е. Лаптева [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – 297 с.

ISBN 978-985-28-0232-1 (Ч. 3)
ISBN 978-985-28-0229-1

Третья часть сборника содержит материалы работы секций по направлениям «Язык и культура», «Зарубежная литература», «Перевод и обучение переводу», «Культурология», «Политология и международные отношения», «Философия и логика», «Гісторыя і беларусазнаўства», «Экономические науки», «Психология», «Международный туризм», а также круглых столов «Педагогический дискурс в языковом образовании», «Формирование исследовательских способностей студентов в процессе изучения педагогических дисциплин», «Проблемы современного образования в исследованиях молодых ученых», «Русский язык – теория, функционирование, практика преподавания», «Дикция и голосообразование в гуманитарном образовании современного студента».

УДК 800
ББК 81.2

Электронная версия издания
доступна в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0232-1 (Ч. 3)
ISBN 978-985-28-0229-1

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2023

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

М. В. Андреева

СПОСОБЫ ОТОБРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРА КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ (на материале публицистических текстов)

Изменяющиеся нормы взаимодействия различных индивидов и групп людей как друг с другом, так и между собой с каждым годом становится все более актуальной темой. Имеющиеся стандарты общения теряют свою ценность, и на смену им приходят новые правила корректной, толерантной коммуникации. Однако такие установки зачастую оказываются негласными, и нормы поведения вследствие этого изменяются незаметно.

«Языковая толерантность – это активная нравственная позиция, при которой индивид осведомлен о социальных и культурных особенностях получателя сообщения и проявляет уважение к ним, подстраивая все средства речевой деятельности к этим знаниям» (И. Г. Белякова).

Почему же в таком случае гендер и его отображение в языке можно отнести к вопросу существования и проявления языковой толерантности? «Гендер – это социальный аспект отношений между мужчинами и женщинами, который проявляется во всех областях общественной жизни, включая политику, экономику, право, идеологию, культуру» (Е. М. Зуйкова, Р. И. Ерусланова).

Актуальность исследований отображения гендера в языке заключается в том, что

- 1) в современном мире роль женщины в обществе становится все более заметной, и зачастую требует более ясного и четкого отображения в языке;
- 2) стандартная система деления людей на 2 гендера – мужской и женский – становится не всегда подходящей, вызывая необходимость находить новые способы репрезентации людей.

Был проведен анализ 608 лексических единиц, отобранных из русскоязычного издания газеты «Комсомольская правда в Беларуси», белорусскоязычного издания газеты «Звязда», англоязычного издания «The Sun» за 2020 год. Данные издания были выбраны из-за большого охвата тем, публикуемых в них, а также направленности на довольно широкий круг читателей.

В русскоязычном и белорусскоязычном изданиях можно выделить следующие особенности отображения вопросов пола и гендера:

- 1) для отображения мужского биологического/социального рода используется мужской грамматический род – *директор центра академик Мрочек; выканаўчы дырэктар Беларускага Дзмітрый Грышчанкаў;*
- 2) для отображения женского биологического/социального рода используются универсальные наименования профессий – *Комментирует пресс-секретарь Минобразования Елена Высоцкая; намеснік галоўнага ўрача Ірына Глінская;*

3) для отображения женского биологического/социального пола используются слова женского рода – *жительница, пенсіонерка*;

4) использование слов, в которых определение пола/гендера заложено в самом значении и не имеет аналогов другого рода – *сурмама (суррогатная мама), медыцынская сястра*.

В русскоязычном издании также были отмечены упоминания лиц, не относящих себя к стандартному делению на мужской и женский пол (*Модель, которая, вообще-то транссексуал, то есть когда-то была мальчиком*); в белорусскоязычном издании такие единицы не были обнаружены.

В русскоязычных материалах количество единиц, называющих мужчин и женщин, составляет 31 и 68 % от общего числа. Противоположная ситуация наблюдается в белорусскоязычном издании: 56 % – упоминания мужчин и 43 % – упоминания женщин.

При сравнении способов проявления женского гендера можно заметить следующее: в русскоязычном издании большая часть исследуемых единиц представлена словами женского рода (54 %), на использование мужского рода для обозначения женщин приходится 45 %. В белорусскоязычном издании преобладает, хоть и с незначительным отрывом, использование мужского рода как универсального (52 %). Использование женского рода – 47 %.

В английском языке также можно выделить две достаточно весомые подтемы для вопросов пола/гендера: упоминание представителей ЛГБТ-сообщества и способы их отображения в массмедиа и отображение женщин.

С учетом особенностей английской грамматики – отсутствия категории грамматического рода – для обозначения людей были выделены две основные группы, к которым можно отнести найденные примеры: «гендерно-нейтральные варианты» (*a senior doctor*) и «гендерно-маркированные варианты». Последняя группа делится на подгруппы «определение гендера заложено в значении слова» (*actress*), «наличие гендерно-маркированной части в составе слова» (*spokesman – spokeswoman*), «определение гендера с помощью дополнительных слов» (*a female murderer*).

Чаще всего анализируемые единицы относились к группе «гендерно-нейтральные варианты» – 63 %. Помогать установить пол/гендер описываемого лица помогали местоимения и личные имена героев статьи. Остальные варианты так или иначе давали упоминание пола/гендера участника событий. Чаще всего это происходило с помощью слов, «где определение гендера заложено в значении слова», что отмечалось в 21 % случаев. Добавление какого-либо слова для уточнения пола говорящего встречается в 10 % от всех примеров. Специальное изменение слова *spokesman – spokeswoman – spokesperson* отмечается в 5 % случаев.

Реже всего встречаются упоминания ЛГБТ-представителей. Несмотря на растущее внимание к людям, не считающим себя принадлежащими стандартному делению на два гендера, в публицистических текстах упоминаются они еще редко.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: тема ЛГБТ-представителей, хоть и привлекает внимание многих людей, на данный момент не является особенно распространенной в публицистических текстах; в англо-

язычных текстах основным способом отображения гендера остается гендерно-нейтральный вариант, который, однако, не всегда может дать полную информацию об описываемом человеке; среди проанализированных единиц, взятых из белорусскоязычного издания, доминируют лексемы мужского рода (для отображения мужчин и отображения женщин), поскольку многие примеры можно отнести к названиям профессий, которые чаще всего используются в форме мужского рода для универсальности и нейтральности; среди проанализированных единиц, взятых из русскоязычного издания, использование мужского рода преобладает при описании профессий, в остальных случаях для описания женщин чаще встречаются лексемы женского рода.

Т. В. Анисеева

ВИЗУАЛЬНОСТЬ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Культурное и дискурсивное пространство XXI века фиксирует множественность и сложную организованность явлений и фактов внеязыковой действительности, которая манифестируется через интегративность явлений инотекста в пространстве культуры. Развитие средств массовой коммуникации, социальных сетей и средств обмена медиаконтентом усиливает визуальность культуры как семиотического конструкта, что способствует проникновению визуальных средств во все аспекты жизни человека и их обнаружению в различных знаковых пространствах, в том числе в текстовом художественном ряду. Отдельную сложность представляет собой изучение способов актуализации визуальности, реализуемой в пространстве современного художественного текста, что ведет не только к усложнению синтагматического ряда, но и актуализирует перцептивные характеристики, которые способствуют вербализации единого комплексного образа. Для современных исследований языковых средств актуализации визуальности в тексте и дискурсе используются термины «семиотический образ», «прецедентный образ», «прецедентный образ визуальной культуры», что отражает не только сложность текстового отражения визуальности, но и возможность его перекодирования из одного семиотического пространства в другое. Анализ существующих подходов и терминов, относящихся к различным сферам знания, а также практического материала, принадлежащего современному художественному тексту, позволяет выявить ряд актуальных и релевантных для художественного дискурса признаков, в соответствии с которыми осуществляется их реализация. Материалом исследования послужили языковые средства реализации визуальности, актуальные для современного художественного текста. Данные языковые единицы были отобраны из произведений крупноформатной прозы современного художественного текста XXI века и дополнены данными Национального корпуса русского языка соответствующего временного периода (<https://ruscorpora.ru/>).

В ходе анализа было выявлено, что общей характеристикой всех исследуемых средств выступает восприятие указанных форм как визуальных репрезентантов памяти культуры, которая способствует сохранению и транслированию целостного или аспектного представления о прецедентном лице или явлении. Таким образом, визуальность в рамках настоящего анализа определяется как разноаспектное отражение языковой формой визуальных репрезентаций культурной памяти, что предполагает не только идентификацию языковых средств репрезентации визуальности, но и установление актуальных типов раскрытия визуальности прецедентного феномена.

Анализ языковых средств репрезентации визуальности в семантико-структурной репрезентации прецедентного феномена в рамках исследованного материала позволяет свидетельствовать об актуализации нескольких основных типов визуальности, которые апеллируют к отдельным чертам и свойствам реализуемой единицы. Все проанализированные явления указывают на разнотипность актуализации визуальности, которая свойственна различным прецедентным единицам. Общность реализации визуальности состоит в ее воспроизведении как синтагматического отражения прецедентного образа. Под прецедентным образом, в данном случае, понимается «хранящийся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительный образ культурного пространства, имеющий визуальную природу или визуальный субстрат» (Л. А. Мардиева. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены). Основой указанных представлений, как следует из описания, выступает актуализация визуального субстрата. Ресурс, на основе которого разворачивается визуальность, реализован как один из типов прецедентных феноменов или вербально описываемых артефактов культуры. Одна из описываемых тенденций состоит в актуализации визуальности артефакта культуры. Под артефактом, в данном случае, понимается объект культурного пространства, устойчивый и тиражируемый в пространстве культуры, типичный для пространства художественного текста, культурный или знаковый объект, созданный человеком и репрезентирующий вторичный (созданный человеком) мир вещей. Средством языкового обращения к данным феноменам служит языковой компаратив, актуализирующий аспект действия или состояния, присущего объекту: *Хашем взял из рук Керри бутылку и, как горнист, приложил ее к сомкнутым губам* (А. Иличевский. Перс). Несмотря на то, что семантика аспекта действия выступает исключительно акциональной и не репрезентирует визуальность напрямую, ключевую роль в создании визуальности при восприятии реципиентом определенного текстового фрагмента играет ресурс культурной памяти, хранящий и транслирующий тиражируемый образ скульптуры советского пионера с горном, которая устанавливалась в детских учреждениях в эстетических и воспитательных целях.

Дискурсивные реализации, связанные с актуализатором *горнист*, демонстрируют соотнесенные со схожими ассоциатами действия и состояния. Образ осуществления действия *горнист* – ‘пионер, трубящий в горн’ мета-

форически переносится на схожие способы актуализации действия, предполагающего иной объект или предмет 'некто, совершающий аналогичное действие с альтернативным предметом или объектом'. Частотно в дискурсивном пространстве данный перенос актуализируется по отношению к образу лица, употребляющего напитки, в то числе алкогольные: *Я отпал от окуляра, вышел на улицу, спустился к автостанции, купил вина и приложился к бутылке, как горнист к побудке* (А. Иличевский. «Ай-Петри», 2005). Визуальность, эксплицируемая по отношению к иным феноменам инотекста, реализуется при помощи вербализованных перцептивных языковых средств (глаголов перцептивного восприятия *выглядеть, чувствовать, слышать*) и т.д.

Визуальность отдельных типов ресурса прецедентного феномена может быть семантизирована путем обращения к дискурсивным образам феномена, свойственным для современной массовой культуры. Отдельные имена и наименования, традиционно принадлежащие сферам-источникам фольклорных и мифологических представлений, могут находить актуализацию в кинематографическом пространстве, что способствует не только отдельным случаям авторского переосмысления образа, принадлежащего данным сферам, но и раскрытию способа актуализации действия или состояния, ассоциированного с предметом или объектом. Так, прецедентное имя *Голем*, представляющее персонажа каббалистических легенд и историй средневековой Европы, демонстрирует многоаспектность дискурсивных реализаций визуальности, которые актуализируются с опорой на ранние кинофильмы XX века, раскрывающие способ взаимодействия персоналии с другими персонажами дискурсивного пространства *«Голем»* (1915), *«Голем, как он пришел в мир»* (1920), *«Голем»* (1935).

Проанализированные примеры позволяют сделать несколько выводов относительно визуальности структурно-семантической организации прецедентных феноменов современного русскоязычного художественного текста. Описываемый подход к визуальности предполагает многофакторную актуализацию визуальности на различных уровнях реализации прецедентного феномена как средства выражения межтекстовых связей. Общность проявления визуальности всех указанных средств состоит не только в реализациях одного из аспектов текстовой репрезентации данного понятия, но и воспринимается как определенный ресурс, артефакт или сфера-источник заимствования. Языковым способом актуализации визуальности служит использование прецедентного компаратива, где артефакт или иной семиотический продукт выступает объектом, по отношению к которому формируется сравнение, а сам объект имеет культурную природу. Актуальным средством отображения и интерпретации визуальности артефакта служат произведения советского периода, которые представлены разнообразными артефактами: плакатами, произведениями визуального искусства, малым зодческим искусством, барельефами. По отношению к иным прецедентам реализуемые языковые средства включают глаголы перцептивного восприятия и отглагольные средства и конструкции. Семантизация образов осуществления действия, свойственных для современного художественного текста, может

находить визуальное представление в традиционных кинематографических источниках, которые не только представляют переосмысление исходного материала автором семиотического сообщения, но и расширяют и обогащают спектр представлений, свойственных вербальному тексту.

Ю. В. Вихренко

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С АБСТРАКТНЫМИ ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Атрибутивные словосочетания («синтагма, состоящая из определения и определяемого слова») имеют особую значимость в системе языка. Они не только описывают свойства, качества и признаки, присущие тому или иному предмету, но и устанавливают, по каким параметрам выделяются вещи из класса им подобных. Атрибутивные словосочетания встречаются в научно-технических и общественно-политических текстах. В художественных они помогают разнообразить текст и лучше передать настроение автора, способствуют дифференциации классов предметов и их оценке, используются не только для выражения мысли, но и для передачи отношения к высказываемому. Вышеперечисленное указывает на актуальность изучения атрибутивных словосочетаний на современном этапе развития языкознания.

Так, в данной статье рассматриваются классификации атрибутивных конструкций, расположение и свойства их компонентов, а также особенности перевода данных словосочетаний с английского на белорусский язык. Ключевым компонентом послужило абстрактное имя существительное *свобода*, а также имена существительные, входящие в данное лексико-семантическое поле. Словосочетания были выявлены методом сплошной выборки из корпусов белорусских (Беларускі N-корпус) и английских (British National Corpus) художественных текстов. Было определено лексико-семантическое поле «Свобода». В данной статье рассматриваются словосочетания со следующими его компонентами: *свабода, воля и незалежнасць*.

Абстрактное имя включает в себе невидимый мир. Именно через сочетаемость абстрактные имена существительные отражают стоящую за ними сущность и как активный субъект действия чаще всего в процессе олицетворения, и как объект воздействия в акте овеществления. В свою очередь, свобода является одной из глубоких проблем, занимающих значительное место в философии экзистенциализма. Она подробно представлена в работах И. Канта, Г. Гегеля, Ж. Сартра и др. философов. Однако данное понятие практически не описывалось в лингвистической литературе. Лингвистический анализ данного концепта может представлять ценность.

Для качественного перевода атрибутивных словосочетаний необходимо четко знать их типы и способы передачи с одного языка на другой, учитывая широкие семантические связи между компонентами внутри группы. Выделяют следующие типы атрибутивных конструкций: 1) атрибутивные

конструкции с адъективным атрибутом: *emotional freedom, надманная свабода, доўгачаканая свабода*; 2) атрибутивные конструкции с глагольным атрибутом: *freedom to choose, freedom to roam, freedom to work*; 3) атрибутивные конструкции с субстантивным атрибутом: *food freedom, mother's freedom*; 4) атрибутивные конструкции с внутренней предикацией.

Лингвисты, занимающиеся переводом английских атрибутивных словосочетаний, утверждают, что наиболее интересными, однако трудными для перевода с английского на белорусский язык, являются субстантивные атрибутивные словосочетания и атрибутивные конструкции с внутренней предикацией, так как они не свойственны для белорусского языка. В свою очередь, в белорусском языке наиболее употребляемой для выражения атрибутивных отношений является модель «прилагательное + существительное». Рассмотрим некоторые из вышеперечисленных типов атрибутивных словосочетаний, выявленных в ходе исследования.

I. Атрибутивная группа с субстантивным атрибутом

Данная группа является наиболее распространенной. Выделяют следующие разновидности таких сочетаний в английском языке:

- существительное + существительное: *food freedom*;
- существительное в притяжательном падеже + существительное в общем падеже: *Denmark's freedom, mother's freedom, child's independence*;
- отсубстантивное прилагательное + существительное: *future freedom, Irish freedom, American independence, Irish independence*;
- существительное + предлог + существительное: *freedom of assembly, freedom of action, freedom of movement, freedom of love, freedom of thought*.

В речи данные структуры могут быть распространены при помощи имени прилагательного, числительного, наречия, местоимения, причастия: *a very confined freedom, triumphant secret freedom, my lovely freedom*. Таким образом, можно заметить, что в речи субстантивные атрибутивные словосочетания могут функционировать в двух вариациях: распространенных и базовых.

В случае, когда словосочетание в английском языке состоит из двух имен существительных, первое всегда идентифицируется как определение, а второе – как определяемое. При комбинации нескольких имен существительных последнее всегда является определяемым (например, *new freedom* 'новая свобода'. *Freedom* какая? *new*).

Распространенные субстантивные атрибутивные словосочетания представляют еще большую сложность с точки зрения перевода. Помимо собственных смысловых связей с определяемым существительным, в таких сочетаниях существуют и свои собственные смысловые связи между отдельными определениями. Так, в словосочетании *triumphant secret freedom* слово *secret* выступает в роли определения к слову *freedom*. Прежде всего семантически связанными оказываются данные составляющие, а компонент *triumphant* выступает уже как определение к словосочетанию *secret freedom*. Поэтому данная атрибутивная конструкция будет переводиться как торже-

ствующая тайная свобода. Таким образом, можно заметить, что на перевод данных конструкций влияют семантические отношения между их элементами.

Перевод атрибутивных групп с субстантивным атрибутом на белорусский язык требует тщательного исследования. Выделяют следующие закономерности при их переводе: 1) прилагательным с существительным: *secret freedom* 'тайная свобода', *future freedom* 'будущая свобода'; 2) существительным в родительном падеже: *press freedom* 'свобода друк', *broadcasting freedom* 'свобода вяшчання', *Denmark's freedom* 'свобода Даніі'; 3) переводом одного из членов атрибутивного словосочетания при помощи группы слов: *food freedom* 'свобода ў пытаннях харчавання'.

II. Атрибутивная группа с адъективным атрибутом

Данные словосочетания могут быть переведены на белорусский язык двумя основными способами: 1) словосочетанием с предлогом: *hard-won independence* 'з цяжкасцю здабытая незалежнасць'; 2) словосочетанием с прилагательным: *certain freedom* 'пэўная свобода', *limitless freedom* 'бязмежная свобода'.

Таким образом, атрибутивные конструкции являются наиболее распространенными в английском языке, однако представляют серьезную трудность при переводе. Для правильного перевода данных сочетаний существует следующий алгоритм: 1) определить границы атрибутивной конструкции; 2) перевести определяемое существительное; 3) проанализировать смысловые связи между членами словосочетания и разбить их на смысловые группы; 4) перевести словосочетание, начиная с определяемого слова, и затем переводить каждую смысловую группу справа налево. В белорусском языке наиболее употребляемой для выражения атрибутивных отношений является модель «прилагательное + существительное». Атрибутивные группы с адъективным атрибутом могут быть переведены на белорусский язык при помощи словосочетания с предлогом и с помощью словосочетания с прилагательным. Однако трудность для перевода с английского на белорусский язык представляют субстантивные атрибутивные словосочетания и атрибутивные конструкции с внутренней предикацией, так как они не свойственны для белорусского языка. Атрибутивные группы с субстантивным атрибутом имеют некоторые особенности в переводе и требуют подбора верного эквивалента в белорусском языке с учетом их синтаксических связей и норм переводящего языка.

В. Т. Іватовіч-Бабіч

АКСІЯЛАГІЧНЫЯ ДАМІНАНТЫ МОЎНАЙ КАРЦІНЫ СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ

Згодна з тэорыяй аб сацыяльным паходжанні каштоўнасцей Э. Фрома выжыванне любога грамадства з яго ўласнай сацыяльнай структурай і супярэчнасцямі павінна стаць вышэйшай мэтай для ўсіх яго прадстаўнікоў,

а правілы, якія забяспечваюць выжыванне пэўнага грамадства – гэта вышэйшыя каштоўнасці, якія з’яўляюцца абавязковымі для кожнага асобнага індывіда. Маральныя каштоўнасці і прыярытэты ўтвараюць падмурак, ядро любой этнічнай культуры, дазваляюць вызначыць яе змест і накірунак, а таксама пэўным чынам дапамагчы ў вырашэнні актуальнай праблемы пошуку нацыянальнай ідэі.

Моўная карціна свету народа – своеасаблівая сукупнасць уяўленняў пра свет, пэўны спосаб канцэптуалізацыі рэчаіснасці, увасоблены з дапамогай моўных сродкаў. Такім чынам, можна сказаць, што мова прапануе сваім носьбітам матрыцу, праз якую яны ўспрымаюць навакольную рэчаіснасць.

Вусная народная творчасць, фразеалагічная і парэміялагічная спадчына з’яўляюцца важнымі сродкамі выяўлення ўнутранага свету чалавека, яго свядомасці, маральных і эстэтычных ідэалаў, духоўных каштоўнасцей народа. Перадусім у лексіцы, фразеалогіі і парэміялогіі найбольш дакладна адлюстравана моўная карціна свету пэўнага этнасу, і гэтыя ўзроўні мовы ствараюць падмурак для розных культурных стэрэатыпаў.

Зварот да вышэйпералічаных моўных крыніц, а таксама да лепшых узораў мастацкай літаратуры і публіцыстыкі і іх ўважлівае вывучэнне дазваляюць адмовіцца ад некаторых стэрэатыпаў, накіраваных таго, што беларусы часта кіруюцца ў сваім жыцці прынцыпам “мая хата з краю”, з’яўляюцца індывідуалістамі па натуре. Прыказкі, прымаўкі і фразеалагізмы як скарбніца народнай мудрасці супярэчаць такому ўяўленню пра беларусаў.

Схільнасць да сумеснай працы, узаемадапамогі, якая ўвасобілася ў такую аксіялагему, як *талака*, знаходзіць сваё адлюстраванне ў фразеалагічнай карціне свету: *адзін – дасужы, ды не дужы; адна галавешка і ў печы не гарыць, а дзве і ў полі не тухнуць; адна галавешка не гарыць, а толькі тлее; аднаму і ў кашы няспорна; адною рукою і вузла не завяжаш; адным калом плоту не падапрэш; адным пальцам і гузік трудна зашпіліць; аднымі рукамі нямнога зробіш; таму ў свядомасці беларуса моцна зафіксавана вялікая каштоўнасць грамады, калектыву, згоды: *без грамады – як адзінокі журавель перад пакровамі; будзе людзям, то будзе і нам; гуртам і ў бядзе лягчэй; дзе дружна – там і хлебна; дружнай грамадзе воўк не страшны; і як вялікае няшчасце, бяда ўспрымаецца самота, адзінота і нязгода: *засталася адна ў хаце – не дам рады кацяняці; згода будзе – нязгода руйнуе; згода збірае – нязгода растрасае; і воўк дружыну кліча; і птушцы адной нудна; пчолкі па адной не селяцца; рада людзей гуртуе; рой гару павярнуў*. Адчуць сябе асобай, чалавекам, вызначыць сваю вартасць можна толькі ў грамадзе, у супрацоўніцтве: *грамада – вялікі чалавек; змяшаўся між людзей, то і ён чалавек; ідзі з людзьмі, то не згубішся (то не зблудзіш); у лесе людзі дзічэюць, а ў людзях люднеюць*; вельмі вялікае значэнне беларусы надаюць радзе (уменню радзіцца, абмяркоўваць, выслухоўваць парады; прымаць сумесныя рашэнні): *рада людзей гуртуе; якая рада, такая і грамада; там добрая рада, дзе шчырая парада; рада з людзьмі ніколі не шкодзіць; рада***

людзей гуртуе, а крык і свіст разганяе; парада не здрада, акрамя таго, падкрэсліваюць каштоўнасць супрацы для здароўя чалавека, яго фізічнага стану: калі робіш у купе, не баліць у пупе; што аднаму цяжка, тое гуртам лёгка і г.д.

Уладзімір Караткевіч у “Зямлі пад белымі крыламі” таксама спыняецца на такой якасці беларуса, як “заўсёдная гатоўнасць прыйсці на дапамогу ў бядзе”, прычым гэтая гатоўнасць з’яўляецца вынікам супольна прынятага рашэння: “Калі ў каго на вёсцы здараўся пажар – вёска талакою ішла красці панскі лес, калі не было свайго, за пару дзён ставіла пагарэльцу новую хату, дзялілася з ім жыта: кожны адсыпаў са сваіх засекаў колькі мог, каб чалавек мог дажыць да вямны і абсеяўся. <...> Гэта не таму, што былі такія ўжо добрыя. Без гэтага было – не выжыць”.

Відавочна, што сям’я як найменшая супольнасць, малы калектыў, невялікая, але грамада, у свядомасці беларусаў таксама з’яўляецца важнай каштоўнасцю. Апроч таго трэба адзначыць, што сямейныя стасункі беларусаў, як лічаць этнографы, выклікаюць ўвогуле пэўную цікавасць, таму што пачынаючы з XIV–XVI стст. сям’я разглядалася нашымі продкамі не як частка грамадства, а як частка народа – своеасаблівая форма ўвасаблення этнасу, а спалучэнне этнічных і сацыяльных норм у сваю чаргу рабіла яе своеасаблівай мікрамадэллю народа, таму у дакументах XIV–XVI стст. паняцце *сям’я (сям’іца)* часта мела сэнс ‘злучэнне, аб’яднанне наогул’. Сацыяльны характар унутрысямейных адносін зафіксаваны, напрыклад, у такіх устойлівых спалучэннях, як *гаспадар і баба – адна рада; гаспадар і жонка – найлепшая сполка*. Адно са значэнняў, зафіксаваных ў “Тлумачальным слоўніку беларускай мовы” у артыкуле “сям’я”, пададзена, як ‘*група, арганізацыя людзей, аб’яднаных агульнымі інтарэсамі, дзейнасцю*’. Высокая частотнасць слова *сям’я* (уваходзіць у першую тысячу слоў) сведчыць пра тое, што яно з’яўляецца часткай падмурка моўнай свядомасці беларусаў, а сам інстытут сям’і ўваходзіць у сістэму аксіялагічных дамінантаў моўнай карціны свету народа. Безумоўна, з цягам часу канцэптуалізацыя сям’і набывала адпаведныя перыяду прыкметы і страчвала тыя, якія зараз можна рэканструяваць з дапамогай беларускай фразеалогіі і парэміялогіі, што і было зроблена айчыннымі навукоўцамі ў шматлікіх даследаваннях апошніх гадоў.

Мерай духоўнасці чалавека для беларусаў з’яўляюцца таксама яго адносіны да працы як першаасновы жыцця і дабрабыту, з аднаго боку: *без клопату і без поту наш брат не пражыве; хто працуе (дбае), той і мае*; з іншага боку, праца для беларуса – крыніца шчасця: *без працы не будзе шчасця*; акрамя таго, праца для беларуса – крыніца здароўя, яе гаючыя якасці адлюстраваны ў шэрагу прыказак і прымавак: *не на адну хваробу праца – найлепшыя лекі; праца здароўя не адбірае*, прычым больш каштоўным лічыцца здароўе душы, а не цела: *хоць рукі баляць, але душы лёгка*, а чалавек працы заслугоўвае асаблівай пашаны: *таго на кут, у каго мазалі цвядзейшыя*.

Як бачым, тоеснымі слову *працаваць* можна лічыць дзеясловы *кляпаціцца, дбаць*.

Як заўсёды трапна пра працавітасць беларусаў выказаўся У. Караткевіч: “...зямляк наш вызначаецца і ўтрапёнай любоўю да працы. Я нават сказаў бы: валовай упартасцю ў ёй”. Упартасць таксама ўспрымаецца як каштоўнасць, якая дапамагае беларусу вытрымаць часам у няпростых умовах, у тым ліку і кліматычных: бо “скупая зямля ой як нялёгка давала хлеб”. Народ даўно заўважыў, што белая зямля не народзіць пшана; глыбей узарэш – болей збярэш; дай зямлі і яна табе дасць, і таму сумленнай, руплівай працы (шчырая праца – мазалёвая) супрацьпаставіў лайдацтва, ляноту: дзе шчырая праца, там густа, а дзе лянота, там пуста.

Трэба таксама адзначыць сакральны характар працы ў светаўспрыманні беларуса, духоўны вопыт паказвае беларусу, што праца з’яўляецца сродкам выратавання душы і самаўдасканалення: праца нікога не ганьбіць; праца чалавека трымае і ўзбагачае, а гультайства псуе; праца не паганіць чалавека, а корміць, і поіць, і вучыць.

Спрадвеку праца беларуса была цесна звязана з зямлёй, якая можа быць удзячнай, адказваць узаемнасцю на любоў і клопат пра яе: зямля заўсёды дзякуе; зямля – талерка, што пакладзеш, тое і возьмеш; зямля ўсяго дасць, але ў яе не паложыш – нічога не дасць.

Зямля з’яўляецца своеасаблівым цэнтрам беларускага светаўспрымання, крыніцай існавання, вялікай каштоўнасцю, а яе наяўнасць і ўрадлівасць – мерай матэрыяльных і духоўных даброт працаўніка: зямелька – матка наша: і корміць, і поіць, і адзявае нас. Нават сёння ўжо моцна ўрбанізаваны беларус імкнецца да зямлі, якая ў лічбавым стагоддзі з яго няспынай віртуальнай камунікацыяй звязваецца з магчымасцю адпачынку для душы і стварае спрыяльныя ўмовы для так званай перазагрузкі, бо родная зямелька – як зморанаму пасцелька. Таму, напэўна, больш дакладным і адпаведным будзе тут выказванне У. Караткевіча: “Любіце гэтую сваю святую зямлю аддана і да канца. Іншай вам не дадзена ды і непатрэбна”; безумоўна, у гэтым кантэксце адначасова актуалізуецца яшчэ адно значэнне лексемы зямля – ‘край, краіна’, што дазваляе ў сваю чаргу звярнуць увагу на значнасць у моўнай карціне свету беларусаў і такой аксіялагемы, як патрыятызм (любоў да роднай зямлі/краіны/Радзімы), якая, на нашу думку, патрабуе асобнага грунтоўнага даследавання.

Такім чынам, вынікі праведзенага на ўзроўні фразеалагічнай (побытавай, наўнай) і мастацкай карціны свету даследавання дазваляюць зрабіць выснову, што аксіялагемы талака (грамада), сям’я, праца, зямля з’яўляюцца каштоўнымі дамінантамі моўнай карціны свету беларусаў і вызначаюць у пэўнай ступені характар аксіялагічнай сістэмы як аднаго з паказчыкаў этнічнай самаідэнтыфікацыі народа.

И. С. Каминская

КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ИНВАЛИД: ЛЕКСИКОГРАФИЯ VS РЕАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

В XXI веке в научной картине мира появилось понятие *языковая толерантность*, которое подразумевает «использование неких позитивных,

положительно направленных моделей, способствующих социальному контакту в процессе всего процесса коммуникации» (А. Г. Кудрявцев «Языковая толерантность как элемент культурной компетентности»).

С концепцией языковой толерантности тесно связан культурно-языковой феномен «*people-first language*» – правило, требующее употреблять слово *человек* перед указанием на его физические или ментальные особенности во избежание его дегуманизации и маргинализации: например, говорить *человек с аутизмом*, а не *аутист* (Office of Disability Rights). В настоящее время существует дискуссия о том, являются ли традиционные для русского языка номинации человека – *инвалид, слепой, глухой, карлик* и т.п. – оскорбительными для адресата, ведь в их словарных значениях отсутствует оценочная коннотация. Количество публикаций, посвященных этой теме, в русскоязычных СМИ (по запросу «Можно ли называть людей инвалидами?» поисковая система Google выдает 130 000 результатов), говорит о том, что проблема корректного наименования людей с физическими или ментальными проблемами является актуальной для современного русскоязычного сообщества.

По мнению М. А. Кронгауза, «слова в этой области отягощены “лишними”, “ненужными” смыслами», ученый объясняет механизм маргинализации номинаций, называющих людей с физическими или ментальными особенностями: «Сначала по отношению к людям, отличающимся от большинства психически или физически, создается своего рода культурное гетто. Дальше это слово, например, даун или олигофрен, обозначающее маргинальную группу, по мнению большинства, начинает распространяться на других маргиналов и неприятные явления. Ведь их место в общественной иерархии ниже, чем у носителей нормы. И эти слова-диагнозы мы распространяем на других людей, не страдающих подобными заболеваниями, но которых мы таким образом тоже маргинализуем» (<https://www.miloserdie.ru/>).

Из-за ассоциаций инвалидности с ущербностью, слова, которые описывают диагнозы или физическое состояние человека, стали иметь негативное значение. Поэтому необходимо оценить «степень негативности этих слов, ведь в некоторых случаях она неочевидная». Чтобы определить, есть ли у слова *инвалид* отрицательная коннотация, мы обратились к данным толковых словарей и словарей синонимов, ассоциативных словарей, а также к материалам Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Толковые словари предлагают следующие дефиниции слова *инвалид*:

- «*Человек, к-рый полностью или частично лишен трудоспособности вследствие какой-н. аномалии, ранения, увечья, болезни*» («Словарь русского языка» С. И. Ожегова);

- «*Человек, утративший (полностью или частично) трудоспособность вследствие ранения, увечья, болезни или старости*» («Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова);

- «*Человек, утративший трудоспособность вследствие увечья, болезни или старости*» («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова).

Все определения содержат указание на то, что инвалид – это человек, лишенный трудоспособности. В лексическом определении отсутствует оценочный компонент, нет отрицательных коннотаций.

Доминантой синонимического ряда к слову *инвалид* в соответствующих словарях указывается лексема *калека*. В дефиниции данной единицы – ‘человек, лишившийся какой-л. части тела или способности владеть ею; увечный’ («Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова) – также отсутствует негативная оценка, однако, в отличие от слова *инвалид*, здесь основным компонентом лексического значения является «наличие физического недостатка». Рассмотрим и синонимы к слову *калека*: *увечный, изуродованный, раненый, инвалид; безрукий, безногий, слепой, хромой, колченогий* (<http://www.gramota.ru/slovari/>). Очевидно, что архисема, объединяющая единицы данного ряда, – «имеющий физический недостаток».

Сопоставим данные толковых словарей и словарей синонимов с материалами ассоциативных тезаурусов. Ассоциативный словарь – это один из возможных способов описания «коллективного обыденного» языкового сознания «наивных» носителей языка. Он более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии, чем традиционные словари, которые составляют лингвисты и в значительной мере представляют собой описание «индивидуального лингвистического» языкового сознания (Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова «Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания»).

В «Русском ассоциативном словаре» (<http://thesaurus.ru/dict/>) представлены 47 реакций на стимул *инвалид*, которые распределяются по следующим группам: степень инвалидности (*I группы, II группы*); причина, время появления инвалидности (*войны, ВОВ, с детства, ветеран, афганец*); место (*больница*); чувство (*боль*); атрибут (*коляска, костыль, кресло*); возраст (*старый*); физические и ментальные проблемы (*немогущий, больной, безногий, безрук, безрукий, ума, хромой, калека*). Последняя группа является наиболее объемной среди ассоциаций других разновидностей. Кроме того, в словаре наличествуют и оценочные ассоциации – *не до смеха, несчастный, тормоз*.

Материалы другого ассоциативного тезауруса – «Карта слов» (<https://kartaslov.ru>) – соотносятся с данными «Русского ассоциативного словаря» и также включают реакции, в большинстве своем актуализирующие физические недостатки людей с инвалидностью (*глухонемой, глухой, увечье, хромота, слепой, неподвижность, слепота, паралич, кривой* и т.д.), а также атрибуты инвалидности, как предметные (*костыль, коляска, трость, носилки, кресло*), так и не предметные (*льгота, пенсия, пособие*).

Интересно, что в исследуемом тезаурусе основной реакцией на стимул *инвалид* указывается слово *неполноценный* – ‘не обладающий всеми необходимыми качествами здорового человека; ущербный, дефективный’, что подчеркивает, что в языковом сознании носителей русского языка инвалидность в первую очередь ассоциируется не с потерей трудоспособности,

а с наличием физических проблем. В корпусе ассоциаций отмечаются и оценочные номинации – *обрубок, овощи*, имеющие отрицательную коннотацию и также указывающие на немощность человека с инвалидностью.

Связь слова *инвалид* с представлениями о физической неполноценности подтверждается и материалами Национального корпуса русского языка. Нами были проанализированы имена прилагательные, выступающие в роли согласованных определений к искомому слову, употребленных в нехудожественных, художественных текстах и текстах обиходно-бытовой сферы. В корпусе представлены имена прилагательные, указывающие на: возраст (*престарелый, старый, несовершеннолетний, пожилой*); нетрудоспособность (*нетрудоспособный, беспомощный, негодный*); социальное положение (*безработный, нищий*). Наиболее частотными среди согласованных определений оказались единицы, в значении которых содержится указание на телесные или ментальные особенности человека: *безногий, однорукий, одноногий, умственный, слепой, хромой, одноглазый, дряхлый, убогий, психический*.

В контекстах, содержащих лексему *инвалид*, также выявляется и оценка, отсутствующая в толковых словарях: *Твой желудок стал трибуной кролика, – сказал он грозно, – но ты за это заплатишься, жалкий инвалид; А сколько осталось этих несчастных инвалидов войны?; Бедный инвалид. Прикованный к креслу – выдумал себе идеал и влюбился*. Эмоционально-оценочные имена прилагательные, представленные в примерах, выражают такие вызываемые инвалидами чувства, как жалость и презрение. Особенно интересен следующий контекст, в котором определения *бедный* и *несчастный* являются средствами создания иронии и выражают отнюдь не жалость, а скорее пренебрежение: *По его, Женечкиному, мнению, отсутствие ног не мешает работать головой, и бедный-несчастный инвалид давно бы мог замутировать какой-нибудь бизнес*.

Таким образом, несмотря на то что в дефинициях, представленных в русских толковых словарях, слово *инвалид* не имеет коннотативного компонента значения, материалы ассоциативных тезаурусов и реальное употребление лексемы демонстрируют, что в картине мира носителей русского языка доминирующим признаком слова *инвалид* является не отсутствие трудоспособности, а наличие физических и ментальных недостатков, носители которых вызывают чувства жалости или пренебрежения.

Т. А. Козлова

ОТРАЖЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ

Наименования моральных качеств представляют собой единицы, в семантике которых зафиксированы представления народа о культурных ценностях. Это те единицы, благодаря которым оказывается возможным

вербально закрепить национально-культурную информацию. Такая информация отражает наивное знание, которое доступно любому носителю языка данной лингвокультуры. Другими словами, эти знания являются общими.

Имена собственные служат для индивидуализации и идентификации объектов. Значение имени собственного связывают с денотатом, его характеристиками. Одним из источников имен собственных является переход апеллиатива, то есть не-онима, в имя собственное. Поскольку элементы лексики избирательно вовлекаются в образование имен собственных, значимым в этом отношении является способность наименований моральных качеств выступать в качестве имени собственного.

Анализ контекстов употребления наименований моральных качеств в художественной литературе второй половины XX века позволяет установить, что в английском языке взаимосвязь рассматриваемых единиц и имен собственных свойственна главным образом наименованиям положительных моральных качеств. Данные единицы репрезентируют различные лексико-семантические группы (ЛСГ), выражающие а) отношение к себе и другим людям: ЛСГ «Considerateness» (*clemency* 'милосердие', *mercy* 'милосердие'), ЛСГ «Kindness» (*charity* 'благжелательность', *grace* 'милость'), ЛСГ «Courage» (*assurance* 'неустрасимость'), ЛСГ «Courtesy» (*delicacy* 'деликатность'), б) отношение к истине: ЛСГ «Justice» (*justice* 'справедливость').

Особого внимания заслуживает единица *grace* 'милость'. В соответствии с данными словаря «Oxford Advanced Learner's Dictionary» анализируемая лексема называет моральное качество в результате развития вторичного значения. Первое значение указанной единицы называет привлекательную характеристику движения («an attractive quality of movement»). При этом данные этимологического словаря «Online Etymology Dictionary» указывают на связь имени собственного *Grace* и значения «favor, grace» 'любезность, милость', а не свойства движения.

Отрицательные наименования моральных качеств, которым свойственна онимизация, то есть переход из нарицательного имени в имя собственное, репрезентируют лишь одну ЛСГ «Arrogance» (*vanity* 'тщеславие'). Отмеченный дисбаланс в способности наименований моральных качеств выступать в качестве имени собственного в зависимости от направления оценки в семантике объясняется верой в то, что имя предопределяет судьбу человека.

Особенностью наименований моральных качеств в русском и белорусском языках является то, что в современной художественной литературе на указанных языках не представлено наименований моральных качеств, которые послужили именем человека или объекта. На наш взгляд, этот факт объясняется тем, что с крещением в Древней Руси многие исконно русские языческие имена были вытеснены иноязычными. Так, русское имя *Добрыня*, которое может быть сопоставлено с моральным качеством *доброта*, в произведениях рассматриваемого периода встречается главным образом при апелляции к герою былин Добрыне Никитиче. Отсутствие прозрачной мотивировки у заимствованных слов не позволяет носителю наивного знания сопоставить имя собственное и наименование морального качества. Более

того, в рамках нашего исследования анализ проводился в направлении «наименование морального качества – имя собственное». «Словарь русского языка: в 4 т.» не фиксирует нарицательное существительное *добрыня*, вследствие чего данное имя собственное не соответствует критерию отбора материала. «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.» фиксирует лексическую единицу *дабрыня* со значением «1. Тое, што і дабрата (у 1 знач.)». Однако данные корпуса белорусского языка и корпуса примеров, отобранных методом сплошной выборки из художественной прозы второй половины XX века, позволяют установить, что имя собственное *Добрыня* фиксируется только в научных монографиях, исторических романах, в том числе при упоминании героя эпоса.

Объектом номинации, в основе имени которого отмечается взаимосвязь с наименованием морального качества, в английском языке выступают:

- женские имена (*Charity, Grace, Clemency: Penry's eyes softened as he went on to describe the rest of his family; Katharine, married to a merchant banker and mother of two teenage sons, and Clemency, Charity's twin, married to a writer and broadcaster and mother of twin girls and a son* 'Взгляд Пенри смягчился, когда он продолжил описывать остальных членов своей семьи; Кэтрин, замужем за торговым банкиром и мать двух сыновей-подростков, и Клеменси, близнец Черити, замужем за писателем и телеведущим, мать девочек-близнецов и сына' (C. George. *Out of Storm*)),

- типы учреждений и организаций (*I'm Tom O'Neill, acting for British and Cosmopolitan Assurance* 'Я Том О'Нилл, представитель страховой компании «British and Cosmopolitan Assurance»' (J. Tanner. *Folly's Child*); *he was visiting General & Cumbria Assurance* 'он находился в страховой компании «General & Cumbria Assurance»' (C. Forbes. *Whirlpool*); *Appointments are in the hands of the St Stephen Sisters of Mercy Mission which operates in the South Seas* 'Назначение приемов – в руках миссии сестер милосердия Святого Стефана, которая действует в южной части Тихого океана' (N. Barber. *The Other Side of Paradise*)),

- государственные институты (*Say I'm from the Ministry of Justice* 'Скажите, что я из Министерства Юстиции' (P. Carter. *Bury the Dead*)),

- парки (*And the lawns seemed to stretch into infinity Clemency Park* 'А лужайки, казалось, уходят в бесконечность Парка Клеменси' (A. Grey. *Hearts in Hiding*)),

- общественные места (*Down past the ground floor, a mart of little things, a Vanity Fair of notions and necessities, novelties, and eye-catchers* 'Внизу вдоль первого этажа, рынок мелочей, Ярмарка Тщеславия понятий и предметов первой необходимости, новинок и привлекающих внимание вещей' (A. Wyatt. *The Virgin in the Garden*)),

- периодические издания (*Waking bright and early the next morning I reached for a copy of Delicacy as the most economical means of establishing whether I was still alive* 'На следующий день проснувшись рано утром, я потянулся за экземпляром «Деликаси» как самым экономичным способом установить, жив ли я еще' (M. Amis. *Money: a Suicide Note*)),

- абсолютные ценности (*Oh, I still believe, old man. In God and Mercy and all that* ‘О, я всё еще верю, старик. В Бога и милосердие и всё остальное’ (G. Greene. *The Third Man*)).

Таким образом, наименования некоторых положительных моральных качеств в английском языке могут функционировать как женские имена, наименования типов учреждений, организаций и государственных институтов, парков, общественных мест, периодических изданий, абсолютных ценностей. Данная способность не зафиксирована у наименований моральных качеств в русском и белорусском языках в художественных произведениях второй половины XX века.

А. А. Куц

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ ПОРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена выявлению имен существительных, репрезентирующих понятие *поражение* ‘defeat’ (здесь и далее по тексту) и исследованию особенностей семантики языковых средств выражения понятия *поражение* на материале оригинала романа М. Митчелл «Унесенные ветром». Сюжет романа-эпопеи охватывает исторические события, развивающиеся на фоне гражданской войны в Америке. Исследование понятия *defeat* как фрагмента американской языковой картины мира играет важную роль в исследовании духовной и социальной сферы жизни отдельного человека и сообщества в определенный исторический период.

Методом сплошной выборки выявлено 17 ключевых единиц, служащих для обозначения поражения, а также проанализированы 99 примеров контекстного употребления этих лексем. Весь список имен существительных выглядит следующим образом (в скобках указано количество словоупотреблений, а сами лексеммы распределены в порядке уменьшения частоты словоупотреблений): *defeat* ‘поражение’ (28), *loss* ‘потеря’ (26), *ruin* ‘гибель’ (10), *defeated* ‘побежденный’ (6), *humiliated* ‘униженный’ (6), *overwhelmed* ‘подавленный’ (5), *doom* ‘гибель, рок’ (4), *conquered* ‘завоеванный’ (3), *beaten* ‘побежденный’ (2), *debacle* ‘фиаско’ (1), *failure* ‘неудача’ (1), *rout* ‘разгром’ (1), *conquest* ‘завоевание’ (1), *overthrow* ‘свержение’ (1), *humiliation* ‘унижение’ (1), *blow* ‘несчастье’ (1), *loser* ‘проигравший’ (1), *subdued* ‘подчиненный’ (1), *overpowered* ‘переборотый’ (1). Наиболее частотными явились: *defeat* ‘поражение’ (28), *loss* ‘потеря’ (26), *ruin* ‘гибель’ (10). Анализ списка слов позволил сделать вывод, что понятие *defeat* в романе объективируется лексемами, которые могут быть распределены на основании общности компонентов значения по двум лексико-семантическим сферам – антропометрическая сфера номинаций побежденного и побежденных как группы лиц (*loser* ‘проигравший’, *the defeated* ‘побежденный/е’, *the conquered* ‘завоеванный/е’, *the subdued* ‘подчиненный/е’, *the humiliated* ‘униженный/е’, *the overpowered* ‘переборотый/е’, *the overwhelmed* ‘подавленный/е’ (5) *the beaten*

‘побежденный/е’) и различных наименований поражения (*defeat* ‘поражение’, *failure* ‘неудача’, *loss* ‘потеря’, *ruin* ‘гибель’, *rout* ‘разгром’, *conquest* ‘завоевание’, *overthrow* ‘свержение’, *humiliation* ‘унижение’, *blow* ‘несчастье’).

Исследование понятия *defeat* на материале художественного текста, описывающего события XIX века, показало, что лексемы, объективирующие это понятие, актуализируются в двух тематических сферах: война и социальный быт (поражение в любви, трудовой деятельности, во взаимоотношениях).

Военное поражение – это полное подавление сопротивления войск Южных штатов в Гражданской войне в США, повлекшее за собой полное прекращение боевых действий, потерю собственной территории, богатств, опасность для побежденных: *The army in butternut were now seasoned fighters, their generals had proven their mettle, and everyone knew that when the campaign reopened in the spring, the Yankees would be crushed for good and all* ‘Армия в Баттернате теперь состояла из опытных бойцов, их генералы доказали свою храбрость, и все знали, что, когда весной возобновится кампания, Янки будут разгромлены навсегда’ (здесь и далее перевод наш. – А. К.).

Военное поражение ознаменовалось не только большими потерями как среди мирного населения, так и среди военных, но и потерей материальных благ: *They needed men with specialized knowledge in that last campaign. You know how heavy the losses had been, so many artillerymen killed* ‘Во время последней кампании нужны были люди, знающие дело. Вам ведь известно, какие огромные мы понесли потери, сколько артиллеристов было убито’. *The burning Atlanta, the ruin of Twelve Oaks, the crushing defeat of the Confederacy, all had been part of the pattern of her life since she could remember, and now the realization was borne in upon her that the loss of Tara was part of the same pattern of doom.* ‘Горящая Атланта, разрушение Твелв Оукс, уничтожение конфедерации – все это было частью общего хода ее жизни, как она помнила, и теперь до нее дошло, что потеря Тары была также частью этого печального хода’.

Военное поражение ведет к моральным потрясениям, трагическим и сложным переживаниям героев: *The defeat of the Confederacy was a crushing blow to Scarlett’s hopes and dreams* ‘Поражение Конфедерации было тяжелым ударом по надеждам и мечтам Скарлетт’; *Ashley was a defeated man; he had lost faith in the war, lost faith in the future, lost faith in himself* ‘Эшли был поверженный человек: он потерял веру в войну, потерял веру в будущее, потерял веру в себя’.

После поражения побежденные лица теряют статус агрессора и приобретают статус жертвы, которая молит о пощаде: *One more victory and the Yankees would be on their knees yelling for peace and the men would be riding home and there would be kissing and laughter* ‘Еще одна победа, и Янки будут на коленях умолять о мире, а мужчины вернутся домой, и будут целоваться и смеяться’.

Текстовый материал показал, что социально-бытовая сфера включает в себя *поражение в любви*, например: *That he would propose some day she had never doubted, for she was too young and too spoiled ever to have known defeat.*

And now, like a thunderclap, had come this horrible news. Ashley to marry Melanie! It couldn't be true! 'Она была молода, избалованна, она еще не знала поражений и ни секунды не сомневалась в том, что рано или поздно Эшли попросит ее стать его женой. И вдруг как гром среди ясного неба – эта ужасная весть. Эшли сделал предложение Мелани! Да нет, не может быть!'

В следующем примере победа мужчины в споре с женщиной приравнивается к поражению. Хотя мужчина доказал свою правоту на словах, но при этом не достиг положительного результата при выяснении отношений. Это подтверждают лексемы, содержащие отрицательную оценку, которыми был охарактеризован мужчина: *impossible* 'невыносим', *ill-bred* 'плохо воспитан' и *no gentleman* 'не джентльмен' и отсутствие положительного результата при попытке решить конфликт. *After tilts with him from which she seldom emerged the victor she vowed he was impossible, ill-bred and no gentleman and she would have nothing more to do with him* 'После споров с ним, из которых она редко выходила победителем, она заявляла, что он невыносим, плохо воспитан, не джентльмен, и она не желает иметь с ним ничего общего'.

Победа в войне и в любви отличается тем, что военная победа становится общественным достоянием, а в любви – достоянием одного человека, например: *The news reached Atlanta almost simultaneously with the news of the victory at Chancellorsville, and the town fairly rocked with exultation and with laughter* 'Весть об этом достигла Атланты почти одновременно с известием о победе при Чанселлорсвилле, и город буквально сотряснулся от ликования и смеха'; *Of course, a girl wanted her own wedding – not shared glory.* 'Конечно, девушке хотелось собственной свадьбы – а не делить свой триумф с кем-то'.

В следующем примере лексема *defeated* 'поражение', вступая в синтагматические отношения с лексемой *bitter* 'горький', актуализирует сенсорно-гедонистическую оценку: *Defeat was bitter in his mouth, and he knew now that he had been wrong, that the Yankee invasion was not going to be the picnic he had hoped for* 'Риз Батлер осознает, что его надежда на легкую победу над вторгнувшимися северянами не оправдалась, и что поражение было горьким'.

Поражение и победа одинаково ведут к изменению уклада жизни: *For, win or lose, we lose just the same. If we win this war and have the Cotton Kingdom of our dreams, we still have lost, for we will become a different people and the old quiet ways will go. The world will be at our doors clamoring for cotton and we can command our own price. Then, I fear, we will become like the Yankees, at whose money-making activities, acquisitiveness and commercialism we now sneer* 'Ибо, победим или потерпим поражение, в любом случае мы проиграли. Если мы победим в этой войне и воплотим нашу мечту – Королевство Хлопка, мы все равно проиграли, потому что мы уже будем другими людьми и прежний мирный уклад исчезнет. Мир будет стоять у наших дверей, требуя хлопка, и мы сами будем устанавливать цены. Тогда, боюсь, мы уподобимся Янки, над чьими торгашеством, алчностью и меркантильностью мы теперь насмехаемся'.

Таким образом были систематизированы языковые средства обозначения понятия *defeat* на материале романа М. Митчелл «Унесенные ветром»

в количестве 17 ключевых единиц и их 99 словоупотреблений. Понятие *defeat* актуализируется в двух тематических сферах: война и социальный быт (поражение в любви, трудовой деятельности, потери статуса или уважения, а также моральное и эмоциональное разочарование). Поражение связывается с военными действиями и последствиями гражданской войны в США: потерей людских и материальных ресурсов, потерей территорий, что оказало непосредственное влияние на ухудшение качества жизни, моральными потрясениями, трагическими и сложными переживаниям героев, голодом и болезнями. Поражение в войне и любви отличается тем, что военное поражение становится общественной трагедией, а поражение в любви – трагедией одного человека. Поражение связывается с болью (физической и моральной) и актуализирует сенсорно-гедонистическую оценку.

О. В. Леон

КОНТЕКСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАНАРРАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАРРАТИВНЫХ ЖАНРОВ

Вопрос о жанровой классификации нарратива в современных исследованиях до сих пор остается дискуссионным. Это связано не только с многообразием повествовательных форм, но и с множественностью научных трактовок самого понятия *нарратив*. В рамках данного исследования наибольшую релевантность представляет сугубо лингвистическое рассмотрение слова *нарратив* как гиперонима для тех слов, которые представляют собой названия нарративных жанров и маркируют выход на метанарративный уровень коммуникации.

Для того, чтобы обозначить лексему как название нарративного жанра, достаточно знать, что всякий нарративный жанр, как отмечает профессор Н. И. Клушина, представляет собой авторский рассказ о каких-либо событиях, авторское повествование, которое обязательно имеет сюжет и авторскую, личную интерпретацию событий.

Повествовательные жанры и формы их воплощения многообразны, однако отправной точкой составления выборки лексем, представляющих собой названия нарративных жанров, могут послужить классические научные труды основоположников нарратологии. Так, например, во «Введении в структурный анализ повествовательных текстов» Р. Барта перечислены 17 нарративных жанров: «повествует миф, легенда, басня, сказка, новелла, эпопея, история, трагедия, драма, комедия, пантомима, живописное полотно (вспомним св. Урсулу Карпаччо), витраж, кинематограф, комикс, газетная хроника, бытовой разговор».

Компонентный анализ значения перечисленных лексем по их словарным дефинициям указывает на то, что каждой из них свойственно наличие семантического компонента 'повествование' либо его составляющих, вычленяе-

мых с опорой на гиперо-гипонимические и меронимические отношения (например, *витраж* ‘орнаментальная или **сюжетная** декоративная композиция’ (БЭС), *комикс* ‘серия рисунков с краткими текстами, образующая связанное повествование’ (БЭС)).

Все перечисленные лексемы, обслуживающие метанарративный уровень коммуникации, употребляются не только как научные термины, но и как часть языкового инструментария повседневной коммуникации. Смыслообразующий потенциал метанарративного компонента значения названий нарративных жанров во внеучной коммуникации представляет особый интерес с точки зрения прагматической семантики, поскольку контексты употребления подобных слов представляют собой случаи повторной номинации нарратива, задающей новое направление его интерпретации и одновременно с этим актуализирующей обобщенные представления о называемом жанре самом по себе.

Анализ словарных дефиниций названий нарративных жанров, упомянутых Р. Бартом, позволил объединить некоторые из них в обособленную группу, характеризующуюся семантическим потенциалом для выражения алетической модальности, связанной со знаниями об истинности высказывания, его достоверности, степени соответствия или несоответствия действительности (А. Н. Баранов и др.). В данную группу включены такие лексемы, как *басня*, *сказка*, *миф*, *легенда*, *новелла* на основании общего семантического компонента ‘вымысел’.

Возможности контекстуальной реализации метанарративного компонента значения вышеперечисленных лексем, подразумевающей экспликацию семы ‘вымысел’, проверялись на основе материалов Национального корпуса русского языка. В совокупности с результатами анализа словарных дефиниций контекстуальный анализ позволил описать потенциальные алетические смыслы данных лексем следующим образом.

1. БАСНЯ – выдумка, вымысел, вранье (разг.): *Ты мне басен не рассказывай, а говори, как дело было.*

2. СКАЗКА – *перен.* Нечто фантастическое, заманчивое: *не жизнь, а сказка.* Неправда, ложь, вымысел, то, чему никто не верит: *Что мне врать? Положим, наш брат, бродяга, сказки рассказывать мастер* (М. Горький).

3. МИФ – что-нибудь легендарное, фантастическое, баснословное; вымысел, выдумка: 1) *Это, конечно, неправда: довольно прочесть любого беспристрастного и квалифицированного историка, но миф есть миф;* 2) *Но и сам сэр Эванс уже превратился в миф, а миф бессмертен.*

4. ЛЕГЕНДА – в широком смысле – недостоверное повествование о фактах реальной действительности. Вымысел, выдумка; то, что кажется невероятным: 1) *Про него ходили целые легенды;* 2) *Из поколения в поколение передается легенда о незадачливом изобретателе, который пришел к Эдисону наниматься на работу.*

5. НОВЕЛЛА – небольшой рассказ из обыденной жизни; новелле присущ элемент «нового», «не повседневного», но «возможного», «случающегося», в отличие от фантастики, свойственной сказке: *А сейчас, дорогой Мишель, новелла уже не о родительской любви, а о чуде любви с первого взгляда.*

Потенциальные алетические смыслы, которые могут быть переданы вышеперечисленными названиями нарративных жанров, представляется возможным обобщить, опираясь на следующие критерии: соотношение вымысла и реальности, сознательность искажения реальности повествователем, степень веры адресанта метанарративного комментария в истинность воспринятого нарратива, а также устойчивость и многократная повторяемость комментируемого нарратива (ренаррация).

Анализ отобранных контекстов с такой точки зрения показывает, что *басней* именуется сознательное искажение реальности, в которое адресант метанарративного высказывания не верит и верить не желает. В данном контексте наименование нарративного жанра *басня* используется как средство выражения скептицизма с оттенком порицания. Под *сказкой* в переносном значении подразумевается искажение реальности в заманчивую для слушателя сторону, которое не принято на веру, но при этом реальность сообщаемого желательна. Скептицизм, выражаемый через употребление слова *сказка*, в отличие от примеров со словом *басня*, не агрессивен, а сопряжен с разочарованием и грустью, вызванными тем, что сообщаемое звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Слово *миф*, употребляемое применительно к степени достоверности сообщаемого, означает абсолютную фантастику, при этом имеющую для адресанта сообщения вполне реальное ценностное наполнение. Адресант метанарративного высказывания, употребляя слово *миф*, показывает, что имеет фактологические основания не верить в адресованный ему нарратив, но воспринимает данный нарратив как мировоззренческий постулат или объяснительную схему, переходящую из области фактологии в область аксиологии.

Легендой в контексте метанарративных высказываний, выражающих суждения относительно достоверности высказывания, называется частичный вымысел, основанный на реальности. При этом адресант метанарративного высказывания допускает присутствие в комментируемом нарративе некоторой доли правды, и это допущение строится на некоторых известных ему фактологических основаниях.

Названия нарративных жанров *миф* и *легенда* объединены семантическим компонентом устойчивости и воспроизводимости (ренаррации): миф «неискореним», «бессмертен»; легенда «ходит», «передается из поколения в поколение». В дефинициях и контекстуальных экспликациях значения всех остальных вышеупомянутых лексем с метанарративной семантической составляющей акцент на ренаррации не делается.

Наконец, слово *новелла*, наименее частотно употребляемое в тех случаях, когда речь идет об искажении реальности в комментируемом сообщении, предполагает выражение отношения к данному сообщению, как к вымыслу, допускающему реальность повествуемых событий, или как к реальным событиям, отличающимся такой нетривиальностью и новизной, что рассказ о них воспринимается как художественный вымысел. Комментатор, употребляющий данное наименование нарративного жанра,

сомневаются в реальности событий, излагаемых в комментируемом сообщении, и удивляется им, однако, исходя из собственного жизненного опыта и общего кругозора, вполне готов поверить, что подобные события действительно могли произойти.

Таким образом, названия нарративных жанров *басня – сказка – миф – легенда – новелла*, которые, в силу особенностей контекстной реализации метанарративного компонента их значения, относятся к средствам выражения алетической модальности, представляется возможным расположить в предлагаемой последовательности по убыванию выражаемой степени сознательности искажения действительности автором комментируемого сообщения и по возрастанию степени готовности комментатора поверить хотя бы в частичную истинность высказывания.

А. А. Макоўскі

СІНЕРГЕТЫЧНЫЯ МЕХАНІЗМЫ РАЗВІЦЦЯ ЗАПАЗЫЧАНАЙ ЛЕКСІКІ Ў БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ

З 70-х гадоў XX стагоддзя актыўна развіваецца сінергетычная парадыгма агульнасістэмных даследаванняў, асновы якой былі закладзены Г. Хакенам і І. Р. Прыгожыным. Аб'ектам даследавання сінергетыкі з'яўляюцца дынамічныя дысіпатыўныя сістэмы. Дынамічны характар такіх сістэм вызначаецца іх знаходжаннем ў стане бесперапыннага развіцця. Дысіпатыўнымі называюць адкрытыя нелінейныя сістэмы, г. зн. сістэмы з уваходам і выходам, якія могуць абменьвацца сваімі кампанентамі з іншымі сістэмамі і характарызуюцца чаргаваннем устойлівых і няўстойлівых стацыянарных станаў. Прычым нелінейны характар з'яўляецца асновай развіцця гэтых сістэм. Развіццё забяспечваецца ўзрастаннем энтрапіі (нестабільнасці кампанентаў), якая выводзіць усю сістэму з папярэдняга раўнаважнага стану, пераводзячы яе ў якасна новы стан, дзе сістэма на пэўны перыяд стабілізуецца да наступнага моманту энтрапійнага ўзмацнення. Таму, як адзначае І. Р. Прыгожын, для дысіпатыўных сістэм хаос з'яўляецца крыніцай новага парадку. Такая паслядоўная змена перыядаў стабільнасці і нестабільнасці атрымала назву «флуктуацыі», а кропка максімальнага ўзроўню энтрапіі – «кропкай біфуркацыі», ці дакладней «поліфуркацыі», таму што пасля яе дасягнення ў сістэме складваецца некалькі магчымых напрамкаў развіцця, якія называюцца «атрактарамі». Сама сітуацыя наяўнасці некалькіх атрактараў атрымала назву «тэзаўрус». Пры гэтым сістэма пераходзіць паміж кропкамі біфуркацыі дэтэрмініраваным чынам, але агульная траекторыя такіх пераходаў можа быць вельмі складанай і непрадказальнай (І. Р. Прыгожын). Так сінергетычная парадыгма апісвае рэальнасць як адкрытую нелінейную сістэму, якая пастаянна змяняецца і мае бясконцы выбар альтэрнатываў развіцця (В. Л. Малахава).

Мова прадстаўляе сабой адкрытую дынамічную сістэму, якая не можа развівацца незалежна ад знешняга ўздзеяння і падпарадкоўваецца сінергетычным законам. Гэта паспрыяла станаўленню лінгвістычнага напрамку

сінергетычных даследаванняў, які развіваецца пачынаючы з сярэдзіны 90-х гг. XX ст. у працах У. І. Аршынава, Я. І. Свірскага, У. М. Базылева, І. А. Германа, С. К. Гураль, В. Л. Малахавай, Г. Г. Маўчанавай, Н. Л. Мышкінай і інш. У фокусе лінгвістычных сінергетычных даследаванняў знаходзяцца пераважна працэсы самаарганізацыі дыскурсу (С. К. Гураль). Аднак сінергетычныя працэсы праходзяць і на больш дробных моўных узроўнях. Пры гэтым адной з самых схільных да флуктуацый моўных падсістэм сістэм з’яўляецца лексічная.

Нестабільнасць лексічнай сістэмы звязана з характарам намінацыўных працэсаў, якія забяспечваюць яе папаўненне. Згодна з У. А. Карпавым у аснове ўзнікнення намінацыі ляжыць «моўны ўніверсум» – непаўната ведаў, якая стварае неабходнасць намінацыі пэўнай рэаліі. Стан універсуму актывізуе працэсы запаўнення лакун, якія могуць задзейнічаць як унутрымоўныя дэрывацыйныя механізмы, так і механізмы запазычання іншамоўных элементаў. Да ўнутрымоўных адносяцца матрычныя механізмы (М) як спосабы ўтварэння намінацый па моўнай аналогіі, якія задзейнічаюць марфалагічныя спосабы словаўтварэння, і механізмы расшчаплення значэння (Р) як аснова семантычнага словаўтварэння. Пры гэтым мова, з’яўляючыся адкрытай сістэмай, можа кампенсавать недахоп уласнага лексічнага матэрыялу шляхам запазычання (З).

Для кожнага (РМЗ) механізма вылучаецца сітуацыя яго актывізацыі. Такая сітуацыя называецца «акцэптарам» і прадстаўляе сабой адсутнасць засваення аднаго з РМЗ механізмаў пры наяўнасці ўсіх астатніх. Пры гэтым, як падкрэсліваюць А. Э. Біржакова, Л. А. Войнава, Л. Л. Куціна, «з’яўленне іншамоўнай намінацыўнай адзінкі на любым участку семантычнай прасторы служыць, як правіла, імпульсам, які выклікае контрнамінацыю сіламі мовы роднай». Таму намінацыўная сістэма, створаная пэўнай лексічнай адзінкай, імкнецца перайсці са стану моўнага ўніверсуму да стану максімальнага запаўнення ўсіх акцэптараў, што з’яўляецца сведчаннем канчатковага засваення іншамоўнай лексемы. Парадак запаўнення таго ці іншага акцэптара непрадказальны і нелінейны, што набліжае “акцэптар” да сінергетычнага атрактора, які забяспечвае далейшае развіццё сістэмы пасля дасягнення кропкі біфуркацыі. Прычым лексічная сістэма, з’яўляючыся адкрытай, задзейнічае ў працэсе намінацыі не толькі сувязі з камунікатыўным асяроддзем але і з лексічнымі сістэмамі іншых моў.

Аднак, згодна з У. А. Карпавым, развіццё намінацыўнай сістэмы мае канчатковую рэалізацыю ў якасці запаўнення ўсіх варыянтаў акцэптараў. Гэта прыводзіць да поўнага словаўтваральнага засваення запазычанай лексемы. Прыкладамі такіх поўнаасцю засвоеных запазычанняў з’яўляюцца словы, якія развілі як семантычную, так і марфалагічную словаўтваральную парадыгму, напрыклад, словы *лібрэта* (італ. *libretto*), *ванна* (ад ням. *Wanne*), і інш. Пры гэтым факт канчатковасці засваення іншамоўнай лексемы як фінальны этап развіцця сістэмы супярэчыць сінергетычнаму прынцыпу дысіпацыі і сведчыць аб лінейнасці развіцця такіх намінацыўных сістэм.

Але развіццё запазычаных лексем не абмяжоўваецца этапам іх засваення. Прайшоўшы этап словаўтваральнага засваення ў мове рэцыпіенце, такія запазычаныя адзінкі становяцца вяршынямі дэрывацыйных гнёзд, дэрываты якіх могуць уключацца ў новыя РМЗ-адносіны. Такім чынам сістэма намінацый з узаемазалежнымі дэрыватамі знаходзіцца ў стане пастаяннага развіцця. Прычым дэрываты запазычаных адзінак могуць стварацца як у мове-рэцыпіенце, так і запазычвацца з іншых моў. Напрыклад, лацінская намінацыя *дыск* (лат. *discus*) 'кідальны снарад' падверглася расшчапленню значэння ў англійскай мове, стварыўшы значэнне 'носьбіт інфармацыі' (першапачаткова круглай формы), што дало магчымасць узнікнення шэрага дэрыватаў (*кампакт-дыск*, *ДВД-дыск*, *HDD-дыск*, *дыскета* і інш.). Усе гэтыя намінацыі былі запазычаны ў беларускую і рускую мовы, дзе ад намінацыі *дыскета* ўтварылася асобнае дэрывацыйнае гняздо, якое ўключае намінацыі *дыскетніца*, *дыскетка* і інш. Так у беларускай і рускай мовах сфарміравалася адзінае мультымоўнае лацінска-англійска-рускае дэрывацыйнае гняздо. Узнікненне такіх камбінаваных гнёзд сведчыць аб «размытасці меж» паміж мовамі і іх лексічнымі сістэмамі, што з'яўляецца яшчэ адным паказчыкам адкрытасці такіх сістэм.

Як усе сінергетычныя сістэмы, падобныя дэрывацыйныя гнёзды могуць развівацца як канструктыўным, так і дэструктыўным шляхам. Нароўні з моўным універсумам як канструктыўным атрактарам развіцця намінатыўнай сістэмы можа стварацца дэструктыўны атрактар страты камунікатыўнай актуальнасці пэўнай намінацыі. Пры гэтым нават актыўна ўжывальныя і шырока распаўсюджаныя словы з цягам часу могуць знікаць. Працягласць існавання такіх слоў можа быць рознай, і абсалютных спосабаў прагназавання «жыццёвага цыклу» гэтых адзінак, як і кампанентаў любой неўраўнаважанай сістэмы, не існуе. Так усё гняздо з вяршынай *дыскета* паступова знікае па прычыне страты актуальнасці рэфэрэнтнага паняцця.

Прычыны страты камунікатыўнай актуальнасці з'яўляюцца адваротнымі прычынам запазычання, вылучаным Л. П. Крысіным: 1) страта неабходнасці намінацыі паняцця; 2) страта неабходнасці размежавання блізкіх паняццяў; 3) страта неабходнасці спецыялізацыі паняццяў (з'яўленне ўласнамоўнай намінацыі, якая забяспечвае спецыялізацыю) 4) з'яўленне больш лаканічнай спрадвечнай намінацыі ў мове рэцыпіенце; 5) страта запазычаннем статуса прэстыжу.

Процідзеянне гэтых прычын і прычын запазычання з'яўляецца адной з асноўных умоў існавання флуктуацый намінатыўнай сістэмы. Пры гэтым запазычаным лексемам могуць проціпастаўляцца ўласныя словы мовы-рэцыпіента (*трактар* – *цягач*; *хав-тайм* – *паўперыяд*) або лексемы, якія ўзніклі ў выніку дваінога запазычання (транскрыбаваная лексема + калька), такія як *інтэрнэт-сервіс* – *інтэрнэт-паслуга*; *ватэрпола* – *воднае пола*. У такой сітуацыі запазычаная адзінка мае некалькі патэнцыяльных шляхоў далейшага развіцця (атрактараў). Новая запазычаная адзінка можа: 1) быць не прынятай

мовай-рэцыпіентам, выцесненай уласным варыянтам; 2) быць прынятай мовай-рэцыпіентам і выцесніць з ужывання ўласны варыянт; 3) абодва варыянты могуць быць прынятымі мовай-рэцыпіентам з наступнай спецыялізацыяй іх ужывання.

Адчувальнасць сістэмы намінацыі як любой сінергетычнай сістэмы дазваляе вывесці яе з хаатычнага стану з дапамогай вельмі малых, але дакладных і своєчасовых уздзеянняў (А. Н. Князева). Па гэтай прычыне пры неабходнасці стымуляцыі выбару аднаго з сінанімічных варыянтаў, такіх як *ватэрпола – воднае пола*, трэба зыходзіць з колькасных суадносінаў ужывання кожнага з варыянтаў і з агульналінгвістычных прынцыпаў, такіх як моўная эканомія. Але пры гэтым трэба ўлічваць, што ў мове, як у любой сістэме здольнай да самаарганізацыі, найбольшая ступень парадку дасягаецца шляхам максімальнай адкрытасці сістэмы. Таму мэтанакіраваны ўдзел у рэгуляванні лексічных працэсаў можа прывесці да сістэмнай дэзарганізацыі.

Л. М. Надумович, Го И

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. ШОЛОХОВА

Актуальность. Национально-культурная специфика языка особенно ярко отражается во фразеологическом фонде. Фразеологические единицы имеют большое значение не только для обогащения словарного состава, но и для создания широких возможностей в выражении различных смысловых оттенков, конкретизации, усиления многократности и последовательности действия, продуктивности, разнообразия в изложении мыслей. Ориентация на анализ языковой системы в максимальной приближенности к человеку приобретает особое значение.

Цель исследования – выявить культурно-национальные особенности фразеологизмов, семантически ориентированных на человека.

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» нами выделено 250 фразеологизмов, которые относятся к фразеосемантическому полю «Характер человека». При этом Шолохов использовал и окказионализмы, то есть фразеологизмы, которые он придумал сам. Они соотносятся по лексике и грамматике с общеупотребительными фразеологизмами. Так, чтобы показать трусливость и безответственность героя, автор использовал фразеологизм, который был образован на основе фразеологизма *поджимать хвост*. Шолохов писал: «Нахвалился, а теперь хвост на сторону!». В романе «Тихий Дон» обнаружено около 70 подобных вариантов фразеологизмов, и они включены в общее число анализируемых единиц.

Согласно проведенному анализу фразеологизмы, семантически ориентированные на человека, в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» выполняют следующие функции: 1) служат средством характеристики персонажа; 2) передают психоэмоциональное состояние персонажа; 3) передают физиологическое состояние персонажа; 4) служат средством выражения оценки персонажа.

Функция выражения общей характеристики персонажа (его поведения, внешности и т.д.) является доминирующей в корпусе фактического материала. Образы, которые лежат в основе фразеологизмов, семантически ориентированных на человека, отражают характерное для русских мировидение, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка.

Результаты количественного анализа свидетельствуют о том, что доминирующей функцией фразеологических единиц, употребляемых в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» является общая характеристика персонажа, его поведения, внешности и т.п. (48 %). Вторая по репрезентативности в корпусе фактического материала – функция передачи психоэмоционального состояния, например, гнева, удивления, радости, сомнения и т.п. (24 %). Третьей по частотности выступила функция выражения оценки персонажа (16%). Наименее репрезентативной в проанализированной выборке оказалась группа фразеологизмов, которые выражают физиологическое состояние персонажа (8 %).

Согласно результатам количественного анализа, ведущей структурной группой фразеологизмов в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» оказалась группа фразеологизмов в форме словосочетания (92 %). Фразеологизмы в форме предложения значительно менее репрезентативны в корпусе фактического материала (8 %).

В структурном отношении фразеологизмы исследуемой группы в романе «Тихий Дон» представлены двумя группами: 1) фразеологизмы, соответствующие предложению; 2) фразеологизмы, соответствующие словосочетанию. Фразеологические единицы в форме словосочетания представлены различными моделями (глагол + существительное; глагол + предлог + существительное; глагол + глагол; частица + существительное). Доминирование в корпусе фактического материала продемонстрировали фразеологизмы в форме словосочетания (92 %), образованных по продуктивным моделям русского языка.

Л. М. Надумович, И. Н. Денисова, Тан Чэньмин

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Заимствование иностранных слов – один из способов развития современного языка. Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Заимствования появляются благодаря контактам и взаимоотношениям народов и государств.

Предметом нашего исследования являются особенности функционирования англицизмов в речи русскоязычного населения. Цель данной статьи – анализ специфики функционирования заимствованных англицизмов в речи русскоязычного населения.

Материалом исследования послужили заимствования, использованные в Словаре новых слов (<https://word-sonline.ru/dicts/neologisms/>), в различных электронных журналах и интернет-изданиях, а также тексты электронных газет и журналов.

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие **выводы**.

Основными способами адаптации неологизмов английского происхождения на русский язык являются транскрипция, транслитерация, транскрипция + транслитерация, описательный перевод, калькирование. При переводе неологизмов-реалий переводчики используют такие приемы, как транскрипция, транслитерация, калькирование, метод заимствования англоязычного неологизма, описательный перевод. Мы проанализировали 20 примеров, содержащих новейшие англоязычные заимствования, в текстах дискурса СМИ и пришли к выводу, что наиболее частотный способ передачи англицизмов на русский язык – это сочетание транскрипции и транслитерации. На втором месте такой способ перевода, как транскрипция. Третье место заняла транслитерация. Сохранение слова в таком виде, в котором оно функционирует в лексическом составе языка-донора, то есть написание на латинице, находится на четвертом месте по частоте употребления. Следующую позицию разделили два способа передачи неологизмов – это транскрипция + готовое соответствие в русском языке и описательный перевод. На пятом месте по частотности употребления – готовое русское соответствие. Калькирование заняло последнюю позицию.

Нами выделены 8 групп, представляющих сферы распространения заимствованных англицизмов в русском языке.

1. Информационные технологии: *аккаунт, апгрейд, архиватор, блог, блютуз, блеклист, вэб-узел, винчестер, драйвер, логин, месседж, мультимедиа, трансмит* – 22,8 % (13 лексических единиц).

2. Искусство и культура: *айдэнттика, андеграунд, айде́нттика, андегра́унд, арт-бизнес, бокс-сет, дресс-код, контрданс, лук, лукбук, реалити-шоу, шоурум* – 21, 1 % (12 лексических единиц).

3. Род деятельности, социум: *аккаунт-менеджер, геймер, копирайтер, ньюсмейкер, патимейкер, хакер, хейтер, юзер* – 14 % (8 лексических единиц).

4. Предметы и явления: *буллет, дедлайн, изи, несессер, овертайм, уикэнд, шейкер, фэйк* – 14% (8 лексических единиц).

5. Движение и процессы: *анбóксинг, анбóксинг, даунши́фтинг, камбэк, репóст, флешмóб, шазáмить* – 12, 3 % (7 лексических единиц).

6. Спорт: *армрестлинг, бóулинг, кикбоксинг, маунтинбординг, сноублэйд, шорт-трек* – 10,5 % (6 лексических единиц).

7. Сфера услуг: *аутлét, барбершóп* – 3,5 % (2 лексические единицы).

8. Мир природы: *афтершóк* – 1, 8 % (1 лексическая единица).

Как видно, наиболее многочисленными являются термины информационных технологий. На втором месте – лексические единицы, относящиеся к сфере «искусство и культура». Третье место разделили две равнозначные группы «род деятельности, социум» и «предметы и явления», далее по численности следуют группы «движение и процессы» и «спорт». Другими приоритетными, хотя и менее многочисленными, тематическими областями функционирования англицизмов являются «сфера услуг» и «мир природы».

Большинство англоязычных заимствований приходит в русский язык благодаря межкультурным контактам носителей русского и английского языков. Одним из значимых экстралингвистических факторов, способствующих проникновению заимствований в русский язык, является значительное увеличение численности населения, владеющего английским языком.

Л. М. Надумович, Ли Цзиньцяо

ЛЕКСИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале словарей)

В каждом языке имеется значительный пласт лексики, который используется для цветообозначения. Цветообозначение и цветоименование явились предметом изучения различных наук: физиологии и психологии, философии и культурологии, истории и лингвистики и др. Без понимания эстетических ассоциаций, формирующих определенные цветовые коды, невозможно изучать традиции и культуру народов. Цветообозначающая лексика изучается в различных аспектах: состав, семантическая структура, стилистические функции, национальные особенности колоративов в языках мира. Все это обусловлено значимостью данного пласта лексики для человека.

Сопоставление систем цветообозначений в индоевропейских языках позволило говорить о том, что в них группа основных цветообозначений включает 11 слов, а в русском и некоторых других языках она состоит из 12 цветов (для обозначения синего цвета в русском языке существует два основных названия – синий и голубой). Это связано с национальной картиной мира, в которой тесно переплетаются традиции и обычаи народа (Ю. В. Зольникова).

Предметом нашего исследования являются особенности цветономинаций по хроматическим категориям, а также определение состава идиом с компонентом-цветообозначением в русском языке на материале Толкового словаря русского языка и Фразеологического словаря русского языка (Н. В. Баско). Всего проанализировано свыше 50 колоративов-адъективов и 30 фразеологических единиц, выделено 5 лексико-семантических групп относительно основных хроматических цветообозначений: *красный, желтый, оранжевый / рыжий, зеленый, синий / фиолетовый*.

Лексико-семантическая группа «красный» включает следующие цвета: алый, багровый, брусничный, кирпичный, коралловый, малиновый, пунцовый, пурпурный, рдяный, рябиновый, вишневый, бордовый, розовый, лиловый, терракотовый.

Лексико-семантическая группа «желтый» представлена в словарях следующими адъективами: желтый, золотистый, золотоватый, лимонный, бланжевый (планшевый), изабелловый, соловый, половой (половый, половецкий), плавый, буланный, палевый, глинистый, песочный.

В лексико-семантическую группу «оранжевый / рыжий» входят следующие слова: рудой, рудоватый, ржавый, рудо-желтый, рыжий, жаркой, огненный, огневатый, гнедой, каурый, редрый, медный, суриковый, амарантовый, абрикосовый, апельсиновый, померанцевый, персиковый.

К группе цветолексем с общим значением «зеленый» относились зеленый, изумрудный, смарагдовый, фисташковый, сузеленый, селадон (целадон).

В группу «синий / фиолетовый» входят колоративы синий, голубой, лазоревый, лазурный, аквамаринный, лиловый, фиолетовый, сиреневый, сливный, сапфировый, таусинный (таусинный) – «темно-синий».

В русском языке слова, обозначающие цвет, могут иметь переносное значение и выступать в составе устойчивых выражений. Лексикографические источники русского языка позволили нам также выявить, с помощью каких идиом представлены основные хроматические цветообозначения в русском языке.

Так, цветообозначение *красный* в составе фразеологических единиц русского языка обозначено четырьмя лексемами-колоративами: *красный*, *алый*, *розовый* и *червонный* (красная горка, аленький цветочек, розовые мечты и червонное золото; цветообозначение *желтый* представлено двумя лексемами: *желтый* и *золотой* (желтый дьявол, золотая осень); цветообозначение *коричневый* передается с помощью трех лексем-колоративов: *коричневый*, *бурый* и *карий* (коричневая чума, бурый медведь, карие очи); цветообозначение *зеленый* – одной лексемой (молодо-зелено); цветообозначение *синий* в составе идиом передается с помощью лексем-колоративов *синий* и *голубой* (синий чулок, ни синь пороха и голубая мечта).

В состав идиом русского языка входят полные и краткие прилагательные (красная строка, синее море, зеленый змий, красна девица, синь порошок, зелен виноград).

Таким образом, проведенное исследование позволило нам определить основные цветолексеммы и их лексико-семантические группы, а также идиомы с колоративным компонентом, содержащие упоминание о красном, желтом, коричневом, зеленом и синем цветах.

Цвет – уникальное явление в культуре. Колоративы представляют собой знаки и символы большой смысловой емкости и национальной специфичности. Их специфика наиболее ярко отражается во фразеологической картине мира. Большое количество фразеологизмов с компонентом-колоративом свидетельствуют о том, что цветообозначения входят в группу лексем с высоким потенциалом фразеологической активности.

Л. М. Надумович, Тан Сяюй

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

(на материале русского и китайского языков)

В современном русском и китайском языках устойчивые речевые обороты сохраняют актуальность и часто употребляются носителями, так как с их помощью язык приобретает особую образную и яркую выразительность. Более того, пословицы и поговорки имеют национальный колорит, свидетельствуют о быте, образе жизни народа в определенный период времени – все это делает фразеологические единицы исторически значимыми.

Цель нашей работы – провести сопоставительный анализ фразеологических единиц в русском и китайском языках, выявить сходства и различия в объеме их значений и шире – национально-культурную специфику рассматриваемого материала, раскрыть отличительные особенности русской и китайской языковых картин мира.

Материалом исследования послужили Фразеологический словарь русского языка Нины Васильевны Баско и Словарь китайских фразеологизмов. Всего проанализировано **70** фразеологизмов русского языка и **40** фразеологизмов китайского языка лексических единиц. Всего проанализировано **110** лексических единиц.

Согласно нашим наблюдениям, компонент-зооним во фразеологизмах исследуемой нами группы представляет собой названия животных, большей частью о домашних и полезных в быту. Чем больше люди знают об этом животном, тем больше пословиц и фразеологизмов о нем сочиняют. Наиболее распространенными образами в русской фразеологии являются *волк, ворона, конь, лиса, свинья, собака*. Среди исследуемой группы фразеологизмов в качестве компонента-зоонима в китайском языке наиболее часто встречаются слова *конь, лошадь, овца, баран, корова, собака, кошка, курица, петух, осел, волк*.

Таким образом, наблюдения показали, что у русских и китайских фразеологизмов с компонентом-зоонимом есть много общего. Такие зоонимы, как *собака, осел* несут одинаковую смысловую нагрузку во фразеологизмах обоих языков. Образы животных имеют некоторые расхождения, которые неизбежны, поскольку фразеологизмы с компонентами-зоонимами отражают менталитет нации, ее фантазию, самобытность, особенности мировосприятия. При этом в целом образы перечисленных нами животных в чем-то схожи, несмотря на то, что русский и китайский народы не являются родственными. Можно предполагать взаимопроникновение некоторых пластов культуры, но самым главным фактором является схожесть образов животных во фразеологии столь разных языков, а также схожесть морально-нравственных проблем народов и человечества в целом.

Значительная общность фразеологизмов-зоонимов русского и китайского языков прослеживается, в первую очередь, на семантическом уровне.

Языковая специфика выражается в образном наполнении этих единиц и связана с культурными и национальными особенностями носителей исследуемых языков.

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами, являясь специфической частью фразеологического фонда русского и китайского языков, проявляют ярко выраженный антропоцентризм во всех анализируемых языках.

Наиболее часто употребляемый анималистический компонент – *собака* (4,2 % от общего количества). Второй по частоте употребления зооним является *лошадь* (3,5 % от общего количества). На третьем – *тигр* и *рыба*, (3,3 % от общего числа). Четвертый – *бык* (3,0 %). Пятое место занимает *курица* (2,7 %).

И китайский, и русский языки имеют долгую и богатую историю фразеологии, которая полна жизненной силы и активно используется в устной и письменной речи.

Л. М. Надумович, Цзян Тао

МНОГОЗНАЧНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Многозначность, или полисемия (от греческого *poly* – много + *sema* – знак) – это «наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой» (О. С. Ахманова).

Полисемия является результатом неустойчивого равновесия между обозначающим и обозначаемым, языковой универсалией в системе европейских языков. Она отражает принцип экономии формальных средств при передаче максимального смыслового объема. Существование самого принципа экономии языковых средств возникает из-за несоответствия объема памяти человека количеству осваиваемой информации. Г. Уоррелл в своей книге «Science of Human Behavior» (Н. Warrel, 1962) приводит такие данные: 500 самых употребительных слов английского языка передают более 10 000 значений, причем, чем употребительнее слово, тем более развита система его производных значений (И. Б. Бирюк).

Полисемия слова не мешает говорящим понимать друг друга.

Существование слова во множестве значений, то есть способность передавать различную информацию об объектах и явлениях во внеязыковой реальности, не препятствует пониманию смысла речевого высказывания. Речевой контекст и речевая ситуация общения всегда указывают, какое из значений имеется в виду, так в речевом акте реализуется какое-то одно из значений (один из его семантических вариантов).

Особенности сочетания значений в значительной степени определяют своеобразие словарного запаса каждого языка.

Цель работы – охарактеризовать явление полисемии на материале многозначных имен существительных.

Материалом исследования послужили многозначные имена существительные, извлеченные методом сплошной выборки из Толкового словаря русского языка. Всего 34 лексические единицы.

Возникновение многозначности в языке является одним из важнейших аспектов изучения полисемии, в котором рассматриваются способы образования значений. Кроме того, изучение этого направления помогает понять принцип развития лексических значений, а также обнаружить общие причины этих изменений.

Как показало проведенное нами исследование, наиболее многочисленными являются абстрактные понятия, среди которых наименования терминов экономики, спорта, авиации, политики, научных терминов (лингвистики) (38 %). Другими приоритетными, хотя и менее многочисленными, наименования одежды, материала, красок, препаратов (26 %), остальные четыре группы являются равнозначными и составляют по 9 % от всех лексических единиц.

Таким образом, изначально слово является однозначным. Многозначным же оно становится позднее в основном из-за экстралингвистических факторов. Основными экстралингвистическими факторами, влияющими на то, что слово с его фиксируемым в словаре значением начинают использовать повторно для наименования других явлений и предметов, являются: изменения языка народа, культуры, развитие технологий, а также исторические, социальные, экономические и политические изменения. Многозначность может проявиться из-за перемен в мире и жизни людей, в виде использования уже имеющихся наименований для новых понятий или заимствования слов из других языков.

Т. В. Рудько

ОСОБЕННОСТИ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория количества является одной из универсальных языковых категорий и одной из наиболее важных категорий мышления. В центре лингвистики находится именно языковая категория количества, которая характеризуется тем, что выражается самыми разнообразными оттенками количественных значений. Если представить количественные значения как систему, то выделяются два основных противопоставленных друг другу значения количества: единичности и множественности. В свою очередь множественность делится на микросистемы: определенное множество и неопределенное множество: неопределенно большое, неопределенно малое множества, собирательное множество. Особый интерес представляет собирательная множественность, или собирательное/совокупное количество. Собирательное количество обозначает какое-либо множество объектов, мыслимое как совокупность составляющих их элементов. Это множество, мыслимое в совокупности и единстве. Языковое значение собирательности

обусловлено свойствами человеческого мышления, наличием собирательных понятий, присуще многим языкам независимо от типологических различий. Различия обнаруживаются в способах выражения значения собирательности.

В английском языке собирательное количество представлено собирательными существительными (collective nouns, nouns of multitude, group nouns) – существительными, обозначающими совокупность, группу предметов, лиц, живых существ. Здесь особое место занимают наименования групп животных, лиц и других существ: *a flock of camels* ‘совокупность верблюдов’, *a herd of cattle* ‘совокупность рогатого скота’, *a gang of thieves* ‘совокупность воров’, *a crew of sailors* ‘совокупность моряков’, *a flock of lies* ‘совокупность лжи’, *a wing of aircraft* ‘совокупность самолетов’.

Интерес вызывает тот факт, что многие из таких групповых собирательных существительных, которые используются для наименования совокупностей животных, людей, предметов, являются окказиональными выражениями и не отмечены в словаре: *a dazzle of zebras* ‘совокупность’, *a chattering of starlings* ‘совокупность скворцов’, *a sentence of judges* ‘совокупность судей’, *a blush of boys* ‘совокупность мальчиков’, *a nest of rumours* ‘совокупность сплетен’.

Английский лингвосоциум открыт для создания подобных окказиональных номинаций, что подтверждается большим количеством примеров, найденных нами. В данном исследовании нами рассматривались наименования совокупностей животных. Нами было найдено 979 примеров словосочетаний типа noun₁ + предлог of + noun₂, где noun₁ – название совокупности, noun₂ – животное с 442 существительными₁, в которых выражается совокупность того или иного животного.

В основе формирования таких номинаций совокупности лежат самые разнообразные ассоциации, которые могут быть связаны с, например, поведением животных: *a destruction of wild cats* ‘совокупность диких кошек’ (destruction – разрушение), *a stubbornness of rhinoceroses* ‘совокупность носорогов’ (stubbornness – упрямство), *a true-love of turtle doves* ‘совокупность горлиц’ (true-love – настоящая любовь); внешним видом животных: *a kaleidoscope of butterflies* ‘совокупность бабочек’ (kaleidoscope – калейдоскоп), *a float of crocodiles* ‘совокупность крокодилов’ (float – флот), *a fluff of rabbits* ‘совокупность кроликов’ (fluff – пушок); звуками, издаваемыми животными: *a peep of chickens* ‘совокупность куриц’ (peep – чириканье), *a chattering of choughs* ‘совокупность галок’ (chattering – щебетанье); местом обитания животных: *a den of alligators* ‘совокупность аллигаторов’ (den – логово), *a kennel of hounds* ‘совокупность собак’ (kennel – будка); эмоциями, вызываемыми животными у человека: *a shiver of sharks* ‘совокупность акул’ (shiver – дрожь), *a lamentation of swans* ‘совокупность лебедей’ (lamentation – плач), *a piteousness of doves* ‘совокупность голубей’ (piteousness – жалость); действиями, производимыми животными: *a coalition of cheetahs* ‘совокупность гепардов’ (coalition – коалиция), *a dance of cranes* ‘совокупность журавлей’ (dance – танец), *an ambush of tigers* ‘совокупность тигров’ (ambush – засада); физическими и умственными особенностями животных: *a memory of*

elephants ‘совокупность слонов’ (memory – память), *a surfeit of skunks* ‘совокупность скунсов’ (surfeit – объедание); суевериями, связанными с животными: *a murder of crows* ‘совокупность ворон’ (murder – убийство), *an unkindness of ravens* ‘совокупность воронов’ (unkindness – черствость). За основу номинации в этих случаях берутся коннотативные семы, содержащиеся в импликационале значений классов животных. Коннотативные признаки могут быть реальными – например, способность лис незаметно подкрадываться (признак *skulk*), либо же приписываемыми человеком – например, гордость и величие льва (признак *pride*).

Многие примеры таких словосочетаний, а также сами существительные, обозначающие совокупность животных, отмечены в словаре и характеризуются частотностью в корпусе. В нашем материале таких существительных было найдено 80 единиц. Тем не менее, несмотря на такую популярность, многие такие собирательные существительные не включены в словари, и используются чаще всего в разговорной речи, либо относятся к авторским употреблениям. В нашем материале таких существительных было найдено 362 единицы. Многими лексикографами такие собирательные наименования воспринимаются как лингвистические курьезы и смогут быть включены в словари лишь в случае значительного количества упоминаний их в национальном корпусе.

Проанализировав отобранные нами примеры, данная мысль была подтверждена: значительная часть таких собирательных существительных является примерами окказиональных употреблений: 467 словосочетаний отмечены в словаре и характеризуются частотностью в корпусе, 512 словосочетаний не отмечены в словаре и не встречались в корпусе. Основными критериями, по которым имена групп рассматривались как окказиональные, можно считать отсутствие их фиксации в словарях и специализированных источниках, единичность употребления, а также эксплицитное указание ‘*readers’ offering*’, ‘*invention*’. Тем не менее такие наименования являются открытым классом слов, они постоянно пополняются, носители языка постоянно создают новые наименования за счет метафоры: *a nuisance of cats* ‘совокупность котов’ (*nuisance* – хлопоты), *a ballet of swans* ‘совокупность лебедей’ (*ballet* – балет), *a tuxedo of penguins* ‘совокупность пингвинов’ (*tuxedo* – смокинг); аллитерации: *a zeal of zebras* ‘совокупность зебр’, *a leap of leopards* ‘совокупность леопардов’; ономотопеи: *a buzz of flies* ‘совокупность мух’, *a hum of bees* ‘совокупность пчел’, *a gaggle of geese* ‘совокупность гусей’, *a cooing of pigeons* ‘совокупность голубей’; метонимии: *a den of alligators* ‘совокупность аллигаторов’ (*den* – логово), *a kennel of hounds* ‘совокупность собак’ (*kennel* – будка); конвергенции стилистических средств в одной единице номинации: *a ballet of swans* (метафора и аллюзия), *an aurora of polar bears* (метонимия и метафора, отражающая сходство с полярным сиянием по цвету), *a slither of snakes* (аллитерация и метонимия); языковой игры: *a rain of cats and dogs* ‘совокупность котов и собак’.

Продуктивность словотворчества в области собирательных существительных очевидна и обусловлена как объективными факторами – появлением

новых объектов и явлений действительности, так и субъективными причинами – смещением акцентов с одних характерологических черт на другие, стремлением человека компактно отражать совокупности признаков и целые ситуации, изменением прагматического содержания и, наконец, использованием конструкций с именами групп в качестве лексико-синтаксического выразительного средства.

А. А. Шарейко

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛАВЯН О ЦВЕТОВОМ КОДЕ (ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ)

Глубокие трансформации в культуре, происходящие главным образом благодаря развитию современных средств массовой информации, обуславливают пребывание человека в мире, одним из самых важных элементов которого является цвет. Хотя люди всегда использовали цвет в разнообразных сферах жизни, и трудно найти социумы, которые не придавали бы ему особого значения и символизма, однако именно в XXI веке к нему обращено пристальное внимание. «Он становится центральной категорией как концептуальной, так и языковой картины мира, соотносимой с морально-нравственной, эстетической оценкой, семиотической и ценностной картиной мира данной национальной культуры, что позволяет говорить о цветовых предпочтениях, об этническом цветовом менталитете, цветовых лакунах и универсалиях, то есть о цветовой картине мира» (Гатауллина).

Для выявления общих и специфических черт в цветовом ассоциировании мира среди носителей русского, белорусского и польского языков был проведен свободный ассоциативный эксперимент посредством опроса через гугл-форму. В нем приняли участие белорусы (в их числе русскоязычные) и поляки в возрасте от 18 до 80 лет из разных сфер деятельности (студенты университетов, программисты, преподаватели, переводчики, врачи, маркетологи, экономисты, рабочие и др.). Материалом исследования послужили 626 ответов русскоязычных белорусов, 452 ответа белорусскоязычных и 251 ответ носителей польского языка. В данной статье будут представлены результаты эксперимента для стимула *желтый/жоўты/żółty*.

Ассоциации носителей русского, белорусского и польского языков для стимула *желтый/жоўты/żółty*

Желтый (рус.)
солнце 217

лимон 25
подсолнух 21

Жоўты (беларус.)
сонца 110
сонейка 46

дзьмухавец 16
кветка 14
кветкі 3

Żółty (пол.)
słońce 95

słonecznik 12
cierpło 9

цыпленок 17	ліст 11	kurczak 8
	лісце 2	
цветок 17	колер 9	ser 7
одуванчик 16	свет 9	radość 6
песок 14	кураня 8	lato 5
свет 12	банан 8	cytryna 5
тюльпан 12	пясок 6	kwiat 5
банан 11	восень 6	wesoły 4
цвет 7	мёд 5	jajko 3
пчела 7	лімон 5	zdrada 3
круг 6	радасць 5	banan 3
снег 6	цюльпан 4	tulipan 3
желток 5	шчасце 4	żakł 3
закат 5	сланечнік 4	szalik 2
радость 5	пчала 4	zielony 2
осень 4	цыплёнак 3	zazdrość 2
красный 4	цяпло 3	kanarek 2
лето 3	жыта 2	biały 2
оранжевый 3	золата 2	liść 2
лист 3	круг 2	kolor 2
листья 2		
цветы 3		wiosna 2
яйцо 3		nadzieja 2
зеленый 2		piasek 2
ананас 2		papierz 2
черный 2		wakacje 2
сыр 2		

В случае концептуализации желтого цвета (праслав. *zl'tъ 'желтый') одной точки зрения среди исследователей нет. Прежде всего, возникают тезисы о связи желтого цвета с солнцем (Ampel-Rudolf, Tokarski, Wierzbicka). Что касается респондентов, то более половины из них считают *солнце* (217 рус., 156 белорус., 95 пол.) прототипом желтого цвета. В символике желтого цвета заключены энергия, огонь, тепло, а также *свет* (12 рус., 9 белорус.). Этим теплом желтого цвета мотивирована отсылка к солнцу. При анализе ассоциаций стимула *желтый* появляются ответы *цяпло* (3), *ciepło* (9) и одна из пор года – *лето* (3), то есть время, когда солнце светит дольше всего и прогревает воздух до максимальной температуры. Также стоит отметить отождествление желтого цвета с *песком* у носителей русского и белорусского языков. Встречается и противоположная реакция у русскоязычных

реципиентов – *снег* (6), что, по-видимому, обусловлено его цветом зимой, когда коммунальные службы посыпают дороги песком, окрашивающим снег в желтый.

Другие коннотации желтого цвета связаны с растениями или их плодами, например, польский лингвист Банько отмечает: «Желтые объекты имеют цвет лимона или яичного желтка; один из семи цветов радуги в солнечном спектре, появляющийся между оранжевым и зеленым». Если говорить о растениях, то были зафиксированы реакции *подсолнух* (21), *цветок* (17), *одуванчик* (16), *тюльпан* (12), *листья* (2). Белорусскоязычные участники эксперимента, как и польские, дали аналогичные ответы – *кветка* (17), *дзьмухавец* (16), *ліст* (13), *сланечнік* (4), *цюльпан* (4); *ślonecznik* (12), *kwiat* (5), *tulipan* (3), *żółty* (3).

Названия фруктов представлены не так вариативно в анализируемых языках. Ожидаемо, самой частотной реакцией был *лимон* (25), *лімон* (5), *cytryna* (5), а также другие номинации – *банан* (11), *ананас* (2); *банан* (8); *banan* (3). Кроме фруктов желтый цвет у реципиентов соотносится с едой, часто появляющейся в нашем ежедневном рационе. Безусловно, такими продуктами питания выступают *желток* (5), *яйцо* (3), *сыр* (2) среди русскоязычных реципиентов, как и польскоязычных – *ser* (7), *jajko* (3). По итогам эксперимента с носителями белорусского языка зафиксирован отличный от вышеупомянутых ответ *мёд* (5).

Еще одной важной лексико-семантической группой выступает ‘фауна’. Стоит отметить, что кроме совпавшей во всех трех анализируемых языках реакции *цыпленок* (17), *курая* (8), *kurczak* (8), находим в русском языке ассоциацию *пчела* (7), а в польском – *kanarek* (2).

Чувственно-эмоциональная сфера имеет положительную коннотацию в контексте желтого цвета в русском и белорусском языках – *радость* (5); *радасць* (5), *шчасце* (4). В сознании поляков также прослеживаем эту связь – *radość* (6), *wesoły* (4), *nadzieja* (2). В то же время присутствует и пейоративная оценка, поскольку желтый цвет в представлении наших западных соседей является символом измены и ревности – *zdrada* (3), *zazdrość* (2).

В целом, в трех анализируемых языках обнаруживается ассоциативный универсализм (совпадающие реакции *лист/ліст/liść*, *лимон/лімон/cytryna*, *солнце/сонца/słońce*, *цыпленок/курая/kurczak*, *песок/нясок/piasek*), но с отклонениями на национальную специфику (*грязный снег*, *пчела* – в русском языке, *мёд* – в белорусском; *kanarek*, *zdrada*, *zazdrość* – в польском). Историческая общность восточнославянских языков, близкий менталитет и значительно пересекающееся культурное пространство выступают основой такого универсализма в лексическом ассоциировании.

Е. В. Шестакова

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В дипломатическом общении важную роль играют традиции, что наиболее ярко проявляется в текстах: дипломатические тексты различных

жанров имеют определенную структуру, а дипломатический язык богат терминами и клишированными выражениями, для него характерны однозначность и низкий уровень персонализации.

Несмотря на то что дипломатическое общение подразумевает нейтральность и безэмоциональность при описании событий, зачастую в дипломатических текстах обнаруживаются оценочные единицы, которые служат средством выражения одобрения или неодобрения по обсуждаемым вопросам. Анализ текстов выступлений официальных представителей Великобритании и Республики Беларусь в ООН, размещенных в Системе официальной документации ООН, показывает, что оценочность может выражаться фонетическими, морфологическими, синтаксическими средствами, однако самое большое число оценочных единиц обнаруживается на лексическом уровне языка.

Анализ лексических средств выражения оценки позволяет установить характер и степень оценочности дипломатического текста, однако прежде чем подробно исследовать характеристики такой лексики, представляется важным ответить на вопросы: как установить, что слово является оценочным? Есть ли формальные методы установления оценочности, или этот процесс исключительно ментальный?

Первым этапом работы с оценочной лексикой является «интуитивная выборка» оценочных слов из текста (термин В. И. Шаховского). Процесс первичного отбора единиц, которые могут быть потенциально оценочны, определяется «багажом» говорящего (Б. Ю. Норман) – теми знаниями культурных элементов и языковой компетенцией, которыми обладает исследователь. Как отмечает Б. Ю. Норман, хотя «багажи» разных носителей языка не идентичны, различия на уровне базовых понятий незначительны, и при анализе лексики необходимо учитывать те элементы «багажа», которые являются общими для большинства языковых носителей.

Первичную оценочность отобранных единиц можно установить с опорой не только на «багаж» исследователя, но и на морфологические показатели (приставки и суффиксы положительной или отрицательной оценки, показатели степеней сравнения, интенсификаторы):

*Forced **displacement** is one of **the most pressing** issues facing the international community (A/70/PV.60);*

*Some nations have proposed a draft treaty to prevent the placement of weapons in space, but it is **too narrow** (A/C.1/74/PV.17);*

*Внесенный проект резолюции приветствует вклад ОДКБ в такие направления международного сотрудничества, как борьба с **незаконным оборотом наркотиков и оружия, нелегальной миграцией** (A/71/PV.48);*

*Отмечаем **абсолютно очевидную и исключительную важность** международной инициативы (A/72/PV.25).*

Вторым этапом работы с лексикой является установление оценочности с опорой на семантику. При установлении оценочности одним из самых распространенных и надежных методов является метод дефиниционного анализа слова. Среди отобранных лексических единиц в английском

и русском языках прежде всего выделяется собственно оценочная лексика – слова общей оценки по параметрам «хорошо» / «плохо» (*good, bad, positive, evil, goodness; хороший, плохой, позитивный, отличный, отрицательный* и др.):

*While every context is different, of course, there are **positive** lessons to draw on in future* (A/72/PV.90);

*Такое положение вещей не только **негативно** влияет на развитие кубинской экономики и **вредит** гражданам этой страны* (A/72/PV.39).

Оценочность таких лексем не требует установления, они занимают отдельное место в языке, что подтверждается при обращении к англоязычным и русскоязычным идеографическим словарям.

Наличие в словарном определении рассматриваемого слова единицы с общеоценочным значением дает основание для квалификации такого слова как оценочного (*grave* ‘seriously **bad**’, *scourge* ‘something that causes great **suffering** or a lot of **trouble**’, *to improve* ‘to make something **better**’; *опасный* ‘способный вызвать, причинить какой-нибудь **вред**’, *угроза* ‘запугивание, обещание причинить кому-нибудь **вред, зло**’, *успех* ‘**хорошие** результаты в работе’, *процветание* ‘**успешное** развитие’ и др. (здесь и далее дефиниции приводятся по “Cambridge Dictionary” и «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой):

*It is clear that trafficking in persons is a **scourge** that unites the membership of the United Nations* (A/72/PV.25);

*Здоровье любой нации – это залог ее устойчивого развития и **процветания*** (A/70/PV.101).

Формальным показателем оценочности можно считать наличие интенсификатора высокой степени усиления признака в дефиниции слова (Е. М. Вольф) (*urgent* ‘**very** important and needing attention **immediately**’, *nightmare* ‘a **very** upsetting or frightening dream’; *первостепенный* ‘**значительный, важный**’, *враждебный* ‘**крайне** неприязненный, полный вражды, ненависти’, *бедствие* ‘**большое** несчастье’ и др.):

*Funding international capacity-building on cyber-issues is an **urgent** collective priority* (A/C.1/74/PV.17);

*Вопросы ядерной безопасности и транспарентности имеют **первостепенное** значение* (A/72/PV.46).

При отсутствии в словарной дефиниции формальных признаков, указывающих на оценочный характер рассматриваемого слова, оценочность можно установить следующим образом: сформулировать значение слова без оценочных элементов и добавить к такой формулировке фразу «и это хорошо» или «и это плохо» (З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. М. Вольф). Данное семантическое развертывание также осуществляется с опорой на «багаж» говорящего. Если такая формулировка возможна, оценочный компонент обнаруживается в коннотации:

*Countries in **special** situations – be they **least**-developed, landlocked, small-island, or fragile and **conflict**-affected countries – face **specific** challenges* (A/74/PV.40);

Я хотел бы сердечно поблагодарить все делегации, которые активно и конструктивно участвовали в консультациях (A/71/PV.56).

Нельзя не отметить важность контекстуального подхода при анализе лексики в дипломатическом тексте: учет факторов узкого или широкого, языкового и неязыкового контекста зачастую помогает установить оценочность единиц и выбрать именно то значение, которое активируется в данном тексте. Например, анализ лексем *to politicize* ‘to make something or someone political, or more involved in or conscious of political matters’ и *политизировать* ‘придавать политический характер кому-либо/чему-либо’ и их производных показывает, что их оценочно-нейтральные словарные значения приобретают негативный смысл при употреблении их в дипломатическом тексте:

We run the risk of seeing a repeated three-year cycle with an agenda that has become too politicized at the expense of practical outcomes (A/C.1/70/PV.19);

Тематическая по своей сути резолюция все более превращается в политизированный страновой документ (A/C.1/70/PV.26).

Учет контекста при анализе оценочной лексики в дипломатическом тексте позволяет правильно определить оценочный знак всего высказывания или целого текста:

The United States, France and the United Kingdom condemn the repeated, reckless and illegal acts by the North Korean regime (A/C.1/72/PV.6) (лексические единицы с отрицательным оценочным знаком употребляются в положительном высказывании (осуждение плохого воспринимается позитивно)):

С сожалением приходится констатировать, что наш мир не стал более стабильным, предсказуемым и комфортным для большинства жителей нашей планеты (A/70/PV.15) (лексика с положительным оценочным знаком употребляется в отрицательном высказывании).

Таким образом, ключевую роль в процессе анализа оценочной лексики играет установление оценочности рассматриваемых лексических единиц. Для обоснования отбора лексики, именуемой оценочной, установлены следующие критерии: ментальный, формальный, семантический и контекстуальный. Опора на ментальное восприятие хорошего и плохого позволяет осуществить первичную выборку оценочных единиц и провести дальнейшее семантическое развертывание значения таких единиц. Учет формальных и семантических показателей оценочности позволяет верифицировать результаты интуитивной выборки. Контекстуальный анализ позволяет выявить оценочность, не зафиксированную в словаре или находящуюся на периферии семантики слова, а также правильно определить оценочный знак всего высказывания.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Xiao Jie

THE POETICS OF EKPHRASIS IN CONTEMPORARY BRITISH FICTION

Ekphrasis is traditionally defined as a detailed verbal description of an image, primarily visual (paintings, photographs, sculptures, handicrafts, etc.). Ekphrasis is a unique literary device in constructing and developing a literary work, bringing out the crucial point of the narrative and achieving extraordinary literary effects which the author intends.

Ekphrasis has evolved into a genre-defining feature of literature. Historically, since ancient Greece, Rome or China, men of letters have got command of ekphrasis in their works, creating numerous dynamic combinations of texts and art works, which is referred to as an outstanding demonstration of intermediality in literature. Ekphrasis is a rhetorical device, or a figure of rhetoric, and it is used mainly in poems. However, in contemporary fiction, ekphrasis has found new ground to flourish in, taking up multiple diverse ekphrastic textual forms. There are numerous quality ekphrastic writings in contemporary British fiction, combining literature with different works of art in the poetics of texts.

Poetics is defined by various academic resources as the theory of structure, form, and discourse within literature, and, in particular, within poetry. Aristotle's *Poetics*, written in about 330 BC, dwells on the art of literature. In it, Aristotle focuses on the principles of poetry and drama, outlining what makes effective storytelling and structuring plays and stories to be more meaningful and engaging. Aristotle also outlined six main elements that should be present in any artistic work in order to make it successful: plot/structure, characterization, diction/style, spectacle, song, and thought provoking ideas.

As an analogy, the poetics of ekphrasis can be defined as the mode in which ekphrasis is employed to achieve the best effects of the writer's work. The poetics of ekphrasis, we may suggest following Aristotle, includes four basic elements: plot/structure, characterization, diction/style, and thought provoking ideas. To study the poetics of ekphrasis means to systematically analyze the textual representations of ekphrasis, to give a comprehensive account of an ekphrastic structure, form, and discourse, to theorize the functions, features, and effects of ekphrasis.

The poetics of ekphrasis in the research sphere of contemporary British fiction is typical in illustrating the aesthetic, artistic, literary, and practical properties of ekphrasis. Thus, ekphrasis in contemporary British fiction is worth researching against the background of contemporaneity and new rhetorical media.

According to Aristotle, plot is the most important element of a story or drama – it is what ties all of the components together and allows us to follow the narrative. In contemporary British fiction we may find examples where ekphrasis also involves a plot, with plot elements: exposition, rising action, climax, falling action, and resolution. For example, in the novel *The Girl with a Pearl Earring*

(1999) by T. Chevalier, the story is inspired by one of the paintings by Vermeer, a 17th-century Dutch painter. The whole book is dedicated to depicting the painting in a verbal form, recreating the background of the character in the painting, telling her life story, showing the fictitious process of creating this painting, which in general constitutes a huge part of ekphrasis. Ekphrasis is structured in a form of narrating a complete story of the painting in the novel, which is a unique and creative case in contemporary British literature. Another case of ekphrasis expressed with a plot, *Luncheon of the Boating Party* (2007) by Susan Vreeland, provides a vivid exploration of one of Renoir's most acclaimed paintings, narrated by Renoir himself and seven of his captivating models, delving into their lives, loves and conversations.

There are also other cases of ekphrases not containing a plot, with only a specific scene extracted from the plot, or merely a detailed or plain and simple description of some art works, which are more commonly used in most ekphrastic literary fictions. For example, in the novel *The Doll Factory* (2019) by E. Macneal, a painting named "The Imprisonment of Guigemar's Queen" plays an important role in constructing the plot of the novel. "The Queen, she, stands in the cell, her face half in profile, one hand by her side and the other reaching out to the dove which flies past the barred window." Ekphrasis in this book doesn't contain a plot, but only a static description of the scene in the painting, namely that the queen is imprisoned, longing for rescue, the details of her posture, her profile, and the surrounding background, all of which convey a strong emphasis on the characters' development and assist in creating an intricate plot of the novel.

Characterization is another poetic function of ekphrasis. In some cases, paintings, sculptures, handicraft described in a literary work feature some characters in an abstract way, therefore ekphrasis serves as a potent device of characterization. In *The Doll Factory*, the antagonist Silas creates stuffed mice baubles: "They are almost all dressed in skirts and corsets and bonnets". As a murderer with complicated psychological condition such as paranoid delusion, Silas is a fervent artist of gruesome but unique animal and insects specimens, dressing them up as those who he has strong emotional connection with, mostly hatred. "The beady face was Flick's, clay-dusted, dented by her father's fist." This ekphrasis characterizes Flick, admired by Silas, later killed by him, as a beautiful young girl, a lower class working woman in pottery, and a victim of violent abuse. Those specimens also reflect Silas's desire for love and connection, and his distorted personality.

According to Aristotle's *Poetics*, diction and style refer to the use of language in order to convey meanings. Ekphrasis with proper wording, metaphors and other poetic devices can enhance the literary value of a work. We can take an example from *The Doll Factory*: "She wears a gold coronet in her hair. A Queen...He notes the bars of the cell, her expression of longing. And the bird that flutters past...Each feather is so perfectly rendered..." In his observation and narration, Silas used words "Queen, longing, perfectly rendered," which shows his admiration for the woman in the painting. The grim bars of the cell and the longing expression of the Queen is a strong contrast, creating a dramatic conflict, which contributes

to a profound effect of ekphrasis. “He peers closer at the Queen’s face, sees a hint of a brush-stroke on her cheek, the daub of light in her eye, the inside of her mouth a lurid, unnatural green. Close up, the painting reveals itself as nothing more than a feint. It is a trick...” In this excerpt, the words “daub, lurid, feint, trick” are used to highlight the dramatic shift of perception in Silas towards the figure in the painting. His attitudes towards the painting have changed from appreciation to resentment and hostility.

Thought-provoking ideas are spurred by the unexpected insight revealed in the book by using ekphrasis, prompting readers to think more deeply about the story. For example, in the novel *The Photograph* (2003) by Penelope Lively, an important fictitious art work of painting is described, scattered in several chapters, from different angles, in different stages of the story, featuring the protagonist Kath, in order to characterize the psychological development of the main characters, unveiling the intertwined relationship between them, creating suspense in the plot, accomplishing an impeccable detective-style story. In *The Photograph*, the portrait of Kath leads her husband Glyn to looking back on his life, his marriage, and his understanding of his wife, because a secret life of Kath is revealed to him, and he discovers Kath as a strange woman whom he has never intended to know more. The sentiments of shock, regret, confusion and relief are evoked by his encounter with the portrait. Ekphrasis of the portrait is mainly represented through the description and observation of Glyn, which contributes to ironic and dramatic shifts of beliefs and provokes further thoughts in the beholders of the artwork.

In conclusion, ekphrasis ranges from ancient rhetorical exercises in description through art criticism to poetry and fiction. Ekphrasis still finds further development in contemporary British fiction, with diversities in its forms and structures. The poetics of ekphrasis includes four fundamental elements: plot/structure, characterization, diction/style, and thought provoking ideas. The elements interact within the literary work, serving as an integral whole to realize intermediality between text and art. It is the differences displayed in elements of ekphrastic poetics in ekphrastic literary works that set works apart. The poetics of ekphrasis offers distinctive approaches to research its nature, explore the functional and ideological potential of ekphrasis and its effect on the readers.

В. И. Авраменко

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ С. ДЕ БОВУАР И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПОЗДНИХ РОМАНАХ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Крупнейшими писателями французского экзистенциализма считаются Жан-Поль Сартр и Альбер Камю. Имя же Симоны де Бовуар может и вовсе не упоминаться в различных словарных и справочных статьях об этом направлении. Конечно, это – недоразумение (Бовуар – лауреат Гонкуровской премии), и все же у этого недоразумения есть вполне рациональные причины. Никто не усомнится в высочайших достижениях Бовуар на поприще

феминизма, во французском феминистском движении это и ныне фигура номер один. Как философ, однако, она сознательно оставалась в тени своего знаменитого партнера и даже подчеркивала зависимость своих идей от его философской системы. Является ли она все же самостоятельным и оригинальным философом, и есть ли у нее своя собственная, не заимствованная у Сартра, философская система?

Бовуар не написала собственно философских трактатов, таких, как «Бытие и ничто», она не создала своего метафизического учения, ее главный труд – «Второй пол» (*Le Deuxième Sexe*, 1949) – сложно в строгом смысле назвать философским произведением. В конце концов, сама Бовуар открепивалась от звания философа. В интервью М. Саймонс она говорит следующее: «Во всяком случае, Сартр был философом, а я нет; и я никогда не хотела быть философом. Я очень люблю философию, но я не создавала собственно философских произведений. Я создаю литературные произведения. Меня интересовали романы, мемуары, очерки вроде “Второго пола”. Но это не философия. В философском плане на меня повлиял Сартр. Очевидно, я не могла на него повлиять, так как не занималась философией» (А. М. Simons. *Beauvoir and the Second Sex: Feminism, Race, and the Origins of Existentialism*, 2001).

При поверхностном чтении в произведениях Бовуар действительно можно увидеть лишь отражение сартровской системы. Однако есть основания усомниться в искренности вышеприведенных слов писательницы. Уже в юности и еще до знакомства с Сартром Бовуар занимала типично экзистенциалистская проблематика: проблема Другого, «дурной веры», проблема ситуации. Как утверждает канадская исследовательница К. Дэгль, эти экзистенциалистские категории в творчестве Бовуар и Сартра приобретают различную значимость. В своих дневниках юная Бовуар писала, что хочет стать философом. И она стала им, осуществляя экзистенциалистское исследование в своих художественных произведениях и мемуарах.

Для нее проблема ситуации – совокупность биологических, исторических и других факторов, которые ограничивают свободу человека – стоит более остро, чем для Сартра. Это обусловлено, считает К. Дэгль, особым пониманием писательницей феномена сознания. На это повлиял не столько Сартр, сколько Мерло-Понти: «...Бовуар чувствует себя ближе к концепции Мерло-Понти. И что же она в ней находит? Во-первых, способ, которым Мерло-Понти закрепляет сознание в теле. С тех пор, как она начала мыслить философски, Бовуар почувствовала, как неразделимы ее душа и тело. У нее речь идет не о сознании, обитающем в теле, а о сознании, которое является телом. Это тело, которым я являюсь, о котором я думаю, которое я чувствую, буквально и есть я, который существует. Бовуар делает эту идею одной из основ своей философии» (Daigle, С. *Beauvoir: réception d'une philosophie*, 2006). Сознание – не чистая и независимая субстанция, оно неотделимо от тела человека, тело же – всегда в определенной ситуации. Телу, а значит и сознанию, постоянно приходится учитывать эту ситуацию. У тела, в конце

концов, есть пол, и если для Сартра это не было особо важным обстоятельством, то Бовуар посвятила ситуации женщины огромное эссе.

Через ситуацию Бовуар исследует экзистенцию человека, художественное же произведение прекрасно позволяет ситуацию смоделировать. Таким образом, литература у Бовуар превращается в философию. Ее некоторые романы – «Прелестные картинки» (*Les Belles Images*, 1966), «Сломленная» (*La Femme rompue*, 1968) – образуют прекрасный союз со «Вторым полом». Эссе «Второй пол» можно назвать фундаментом для всех главных тем, которые волнуют писательницу. Но оно тяжеловесно, и человеку, далекому от экзистенциализма, будет нелегко понять некоторые положения, которые защищает автор. «Второй пол» не является философским трактатом, но в этом эссе немало страниц чисто философского содержания. Поздние же романы Бовуар – как ожившая философия этих порой «суховатых» страниц.

В «Прелестных картинках» затронут целый ряд типично экзистенциалистских проблем, не только сугубо женских, но и общечеловеческих. В романе исследуются проблемы отчуждения, неистинного, несвободного существования, проблемы смысла жизни, абсурдности мира, ясности видения и т.д. Но речь рассказчицы и героини романа проста – это речь простого человека, а не ученого или философа. Это роман, который будет понятен любому читателю. Здесь нет философских тезисов и терминов, острой дискуссии, диалога мыслителей, однако проблемные ситуации, которые заставляют героиню ставить философские вопросы, а также ее рефлексия над этими вопросами, делают роман глубоко философским. Философия в романе – это рефлексия, внутренний монолог, становящийся взглядом. Этот взгляд скользит по пространству, пронизывает действия, судит слова и поступки. Философия в «Прелестных картинках» – это также и вопрошание. Роман не дублирует «Второй пол», а углубляет и «оживляет» его проблематику.

То же относится и к «Сломленной», роману о покинутой мужем женщине. Пожалуй, проблема Другого ставится в этом произведении не менее остро, чем в знаменитой «Гостье» (*L'invitée*, 1943). Моника, главная героиня романа, ищет свое Я, но это Я оказалось полностью зависимо от Другого – от покинувшего ее Мориса. Муж исчезает из ее жизни, исчезает и она для самой себя. По Бовуар, Другой необходим для существования – но он может стать и ловушкой: в том случае, если существование прячется от своей свободы. Важно отметить, что взгляд на проблему Другого у Сартра и Бовуар различный. Вот что об этом пишет К. Дэгль: «Тот факт, что Другой – это сознание, которое существует, является скандалом. Однако нельзя поступить иначе, как жить с этим Другим. Бовуар идет дальше. Недостаточно просто сказать, что мы должны “научиться справляться с этим”, важно понимать, что существование. Другого как свободы необходимо для нашего становления. Именно этим отличается ее позиция от позиции Сартра, поскольку Сартр не отрицает существования Другого и того, что мы должны научиться преодолеть».

вать конфликт, который возникает из-за отчуждающего присутствия Другого. Но он не говорит, что Другой необходим нам» (Daigle, C. Beauvoir : réception d'une philosophie, 2006).

Для экзистенциалистов задача литературы состоит в том, чтобы говорить правду о человеке, открывать о нем некое недоступное, скрытое ранее знание. Поэтому неслучайно им был так интересен маркиз де Сад. Камю уделил ему главу в «Бунтующем человеке» (*L'Homme révolté*, 1951), а Бовуар в 1972 году посвятила ему целое эссе под названием «Faut-il brûler Sade?» («Надо ли сжечь Маркиза де Сада?»). В этом эссе она пишет: «...нет иной реальности, кроме замкнутого в себе человека, враждебного всякому, кто покусится на его суверенность». Творчество и судьба де Сада прекрасно иллюстрируют это положение: «Огромная заслуга Сада в том, что он восстает против абстракций и отчуждения, уводящих от правды о человеке. Никто не был привязан к конкретному более страстно. Сад никогда не считался с “общим мнением”, которым лениво довольствуются посредственности. Он был привержен только истинам, извлеченным из очевидности собственного опыта. Вот почему он превзошел сенсуализм своего времени, превратив его в этику подлинности» (Там же). По сути, это кредо самой Бовуар и принцип ее творческого метода. Роман строится не на абстракции и условности, а на конкретном, опытном, ситуативном. Философия не предшествует роману, а рождается вместе с ним. Какая ситуация может быть банальнее и прозаичнее, чем расставание двух супругов? Но эта банальная ситуация может породить серьезную экзистенциальную проблему, и поэтому ее необходимо скрупулезно исследовать. Тщательному исследованию подвергается сама человеческая жизнь и всё, что она в себе несет, в том числе и угасание, старость, смерть. Бовуар всё вынесла на поверхность – даже болезнь и смерть собственной матери: в автобиографическом рассказе «Очень легкая смерть» (*Une mort très douce*, 1964).

Представляется, что проблема Другого, а также проблема ситуации человеческого тела являются одними из центральных в творчестве и философии Бовуар. Очевидно, что, будучи под влиянием Сартра, в своих романах она развивала всё же собственные философские идеи, а не заимствованные извне.

Т. Г. Боричевская

ПРАЯВЫ ПОСТМАДЭРНІЗМУ Ў ТВОРЧАСЦІ ХАРАЛЬДА ЦУЗАНЕКА

Сярод аўстрыйскіх драматургаў, што ў сярэдзіне ХХ ст. удзельнічалі ў стварэнні і развіцці паняцця “Гуманістычны сусветны тэатр”, значнае месца займае драматург, пісьменнік і рэлігіязнаўца Харальд Цузанек. Яго творы часта разглядаюць сучасныя праблемы ў дэкарацыях з праблем гістарычных. Аўтар лічыць, што няўмольныя законы нашага існавання і іх парадаксальная логіка распаўсюджваюцца на ўсе магчымыя вымярэнні чалавечага жыцця.

Шматграннасць творчасці Х. Цузанека выражана таксама ў аб'яднанні ім істотных рыс культур Усхода і Захада (драма “Понцій Пілат”, экранізаваная ў 1963 г.), антычнасці і сучаснасці (п'еса “Нашто ты капаеш, цэнтурыён?”, за якую пісьменнік быў у 1951 г. узнагароджаны Аўстрыйскай дзяржаўнай прэміяй), Боскага і чалавечага (камедыя “Я ілгаў праўду”, 1982 г.). На прыкладзе яго твораў бачна, як праходзіла паступовая змена агульнаеўрапейскай культурнай парадыхнасці, што ўключала ў сябе глыбінны працэс пераідэнтфікацыі асоб аўтара і чытача, а таксама імкненне стварыць новы вобраз свету і чалавека ў ім пры захаванні гістарычнага кантэксту.

Калі разумець постмадэрнізм як мастацкі стыль і спосаб светаўспрымання, для якога ўласцівыя аб'яднанне ў межах аднаго твора вобразаў, матываў і мастацкіх сродкаў розных эпох, рэгіёнаў і субкультур, а таксама алегарычнасць, своеасаблівая цытатнасць, часам гратэскнасць і незвычайнасць форм, і супаставіць гэтыя праграмныя палажэнні з асноўнымі характарыстыкамі творчасці Х. Цузанека, то можна сцвярджаць, што аўтар ужо ў 50–60 гадах ХХ ст. звяртаўся ў агульным кантэксце авангардызму да постмадэрнісцкіх сродкаў адлюстравання сусвету.

Адметная рыса драматургіі Х. Цузанека – эклектычнае аб'яднанне ў п'есе прыёмаў і алюзій, узятых з арсенала розных культурных традыцый, у намаганні стварыць адзіную сусветную прастору. У пошуках матэрыялу для сваіх твораў Цузанек шмат падарожнічаў, і менавіта падарожжы падштурхнулі драматурга да адной з асноўных думак у яго творчасці: усе людзіносяць маскі, але калі надыходзіць час, яны спадаюць, і чалавек застаецца сам на сам з сабой.

Пры гэтым чалавек можа зразумець, што маска і была яго сапраўдным “я”, як гэта адбылося з галоўным персанажам п'есы “Понцій Пілат”. Акрамя звыклай для аўтара парадаксальнасці, у гэтым падыходзе адлюстравана вядомая характарыстыка постмадэрнізму як мастацкага стылю – усё можа быць прадстаўлена ў выглядзе гульні, але менавіта такім чынам раскрываюцца тыя бакі рэчаіснасці, на якія раней ніхто не звяртаў увагі.

Постмадэрнісцкая тэатральная традыцыя звяртаецца не толькі да гістарычных фактаў, яна часта ўжывае ў сваіх мэтах паняцці і з'явы з мінулага еўрапейскага тэатру ў новым, нязвычайным афармленні. У якасці прыкладу можна прывесці такую з'яву, як “бурлеска”, якую Харальд Цузанек паймаў стэрскую выкарыстоўвае ў сваіх п'есах. Бурлеска – гэта жанр камічнай парадыхнай паэзіі, у якой узнёслая тэма падаецца ў падкрэслена гумарыстычнай форме, альбо “нізкая” тэма ўвасабляецца з дапамогай высокага стылю. Менавіта з дапамогай жанру бурлескі ў п'есах Цузанека “Я ілгаў праўду”, “Жан з бочкі” (1955) і “Понцій Пілат” раскрываюцца яго духоўныя каардынаты.

Гэтыя творы сабралі ў сабе наступныя тыповыя постмадэрнісцкія элементы: ужыванне вядомых сюжэтаў, дэманструючых звычайныя чалавечыя якасці; травесцічны матывы замены, маскарэды; прызнанне неабходнасці блюзнерства дзеля выяўлення ісціны; выкрыццё адмоўнага шляхам яго высмейвання; падкрэсленне празмернай пафаснасці нейкага светапогляду праз супрацьпаставленне ёй будзённых людскіх праблем.

Вельмі добра гэта бачна ў камедыі “Я ілгаў праўду”, дзе галоўным героем з’яўляецца, як сам Гамер: ён выступае як 35-гадовы яфрэйтар пры лагера Агамемнана і служыць апошняму сакратаром, служкай і шпіёнам. У драме “Понцій Пілат” аўтар прадставіў увесь судовы працэс над Іісусам як фіктыўны, для якога Пілат спецыяльна рэпеціруе нават умыванне рук. У трагікамедыі “Жан з бочкі”, прысвечанай падзеям Французскай рэвалюцыі, маркіз Д’арцін’і, які выратаваў і вывез па-за межы краіны малога сына караля Францыі, жыве ў самым цэнтры Парыжа, пераапануты жабраком, сябрае з памагатымі сваіх ворагаў і смяецца ім у вочы. Элементы бурлескі ў творах Харальда Цузанека маюць асаблівую постмадэрнісцкую афарбоўку, аўтар выкарыстаў гэты жанр, каб падкрэсліць шматлікія парадоксы жыцця, раскрытыя ў яго п’есах, і надаў яму такім чынам новае значэнне.

Але тэорыя Цузанека аб парадаксальнасці існавання абапіраецца не на адмаўленне аднастайнай рэальнасці, а на прыняцце яе шматаспектнасці. Натуральна, што такі адмысловы светапогляд выражаецца ў творчым плане праз парадаксальную метафару. Выдатным прыкладам такога стаўлення з’яўляецца п’еса Цузанека “Сусветны тэатр” (1963), адзін з найвядомейшых твораў драматурга. Шматлікія алюзіі і асацыяцыі з міфалогіяй розных культур, прынып прадстаўлення ўсёй дзейнасці чалавека як адной вялікай гульні набліжаюць ідэю гэтага твора да постмадэрнісцкай канцэпцыі. Галоўную, цэнтральную метафару аўтар пазычае з “аута” іспанскага драматурга Педра Кальдэрона дэ ла Барка “Вялікі сусветны тэатр” (“El gran teatro del mundo”, 1645).

На сцэне адбываецца бесперапынны працэс ператварэння, змены масак. Постмадэрнісцкі матыў маскарада паказвае, што аўтар у стане смяцца над усім, што адбываецца на сцэне, нават над уласным пафасам. Нягледзячы на ўяўнае супадзенне асноўных матываў, гэта не проста рэмэйк. Драматург у трактоўцы і развіцці сюжэта выходзіць далёка за межы аповеда аб марнасці мітуслівых намаганняў чалавека і ачышчальнай сіле пакуты. Ён аб’ядноўвае ў сваёй алегорыі хрысціянства з усімі існуючымі рэлігіямі, выражае сваё іранічнае стаўленне да рэлігійных догмаў і, адначасова, веру ў вышэйшую справядлівасць.

Гэты падыход яскрава паказвае, наколькі некаторыя моманты ў творчасці Харальда Цузанека супадаюць з прыпыпамі сённяшняга постмадэрнісцкага тэатра. Таму можна зрабіць выснову, што кожная драма Цузанека – гэта сцэнічна-вобразнае адлюстраванне парадаксальнага дынамічнага працэсу, дзе ўсё супярэчыць адно аднаму і – менавіта праз гэта прымушанае рухацца – імкнецца ў выніку да сусветнай гармоніі.

А. В. Вильчинская

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В РОМАНЕ ДЖ. КОУ «КАКОЕ НАДУВАТЕЛЬНОСТЬ!»

Писатели разных времен постоянно обращаются к теме политики в своих произведениях, так как политическая жизнь является частью развития любого общества. Интерес к политике и политическим лидерам затихает

или проявляется с новой силой в зависимости от изменений, происходящих в реальном мире. Конфликты между странами, экономические кризисы, связанные с политическими решениями, харизматичные персоны у руля государственного управления, падение долгоиграющих политических режимов – все эти события вдохновляют писателей на создание новых произведений.

В разные времена писатели преследовали разные цели, изображая политическую жизнь в своих произведениях. В литературе древности политические герои и события описывались документально с целью сохранения информации и дальнейшего изучения. Платон обсуждал черты лидеров и общественный уклад жизни со своими учениками. Его диалоги в дальнейшем способствовали появлению различных философских либо гражданских трактатов, касающихся условий существования общества. Постепенно размышления на политические темы приобретали художественную форму. Творчество Дж. Свифта и Д. Дефо включает в себя политические памфлеты, критикующие современный им политический уклад. Критиковать политический и государственный строй Дж. Свифт продолжил в романе «Путешествия Гулливера» (1726). Сатирическое изображение политических лидеров, режимов надолго закрепляется как популярный прием в романах, наиболее ярко проявляясь в антиутопиях, таких как «Мы» (1920) Е. Замятина, «О дивный новый мир» (1932) О. Хаксли, «1984» (1948) Дж. Оруэлла.

Политические события зачастую описываются в реалистических и социальных романах. В таких произведениях критика существующего режима может не быть основным замыслом автора. Политика служит фоном для развития сюжета, позволяет лучше понять образы персонажей, проследить авторское мировоззрение. Среди примеров таких романов можно назвать «Всю королевскую рать» (1946) Р. П. Уоррена, «В высших сферах» (1962) А. Хейли, «Коридоры власти» (1964) Ч. П. Сноу.

Политическая тематика также не обошла стороной произведения постмодернизма второй половины XX века. Для постмодернизма в литературе характерны такие отличительные черты, как интертекстуальность, эклектика жанров, игра с читателем, ненадежный рассказчик, метанаррация, нарушение хронологии повествования и др. Роман английского писателя Дж. Коу «Какое надувательство!» (1994) является прекрасным примером постмодернистского романа, т.к. содержит в себе все вышеперечисленные особенности. Автор создал произведение, описывающее эпоху тэтчеризма, объединив такие жанровые разновидности, как детективный, готический и сатирический романы. Дж. Коу продемонстрировал несовершенство консервативной политики М. Тэтчер, раскритиковал политиков, их цели и способы их достижения, а также обрисовал образ нации Великобритании 80-х гг.

Этот роман не является единственным в творчестве писателя на политическую тематику. Например, «Номер 11» (2015) описывает посттэтчеровскую Англию. В нем упоминается семейство Уиншоу, главные герои романа «Какое надувательство!», тем самым события двух произведений связаны между собой стилистически и тематически.

Сам Дж. Коу – ярый лейборист и человек, открыто заявляющий о своих политических взглядах. Политическая сатира является характерной чертой его творчества. В одном из интервью Дж. Коу отметил, что «...если и есть что-то, чего англичане хотят от своей политики, так это развлечений. Политика в этой стране – это театр». Комичность и театральность политической арены и передана в романе «Какое надувательство!».

Политическая составляющая в романе в первую очередь представлена образом М. Тэтчер. Она впервые появляется на страницах романа в главе, посвященной политике Генри Уиншоу. Главы романа поочередно описывают каждого члена влиятельного аристократичного семейства Уиншоу, захватившего власть над всеми сферами жизни общества: сельское хозяйство, политика, СМИ, финансы, искусство и внешние связи. Рассказчик меняется от главы к главе. Часть о Генри Уиншоу написана в форме его личного дневника. Таким образом, персонаж М. Тэтчер описан опосредованно через восприятие Генри и не является участником событий.

Генри Уиншоу представляет собой карикатурного политика с гротескной тягой к материальным благам, с ограниченным умом и бестактной манерой общения. Вот как он описывает первую встречу с М. Тэтчер: «МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ВЛЮБЛЕН. Да! Впервые в жизни! <...> По большей части я просто не мог отвести от нее глаз, но после набрался храбрости, подошел и сказал, как мне понравилось собрание. Она поблагодарила и выразила надежду, что я приду еще. Только попробуйте меня остановить! Она произнесла совершенно блистательную речь. Все, что она говорила, – правда. Все так и есть. Я никогда не слышал, чтобы так ясно излагали. Сердце мое и разум – твои, Маргарет; делай с ними, что пожелаешь» (перевод М. Немцова, 2011). Следующая встреча Генри с М. Тэтчер происходит через пятнадцать лет, когда она выступает как член парламента, а Генри все еще смотрит на нее как на привлекательную женщину, не вникая ее политическим взглядам: «Дебют оказался изумительным – все ее поздравляли весьма неумеренным образом, – хотя, к своему стыду, вынужден признаться, я понял лишь примерно половину. Пока она говорила, годы, казалось, откатываются назад, и в конце я уже, наверное, таранился на нее из своего ряда, раскрыв рот, как какой-нибудь изголодавшийся по сексу подросток».

Второй составляющей политического романа становится изображение широкой панорамы общественной жизни с выявлением политических решений, линий, действий правительства. Дж. Коу описывает следующие особенности политики тэтчеризма в романе: приватизацию государственных компаний, уменьшение влияния профсоюзов, рост безработицы, увеличение влияния частного бизнеса. Все эти изменения и реформы ведут к снижению уровня жизни общества. Особое внимание в романе уделяется деградации системы здравоохранения. Генри участвовал в телевизионных дебатах, где его оппонентом выступила молодая врач, заявившая следующее: «Каждый день я вижу, как медицинский персонал вынужден работать все дольше и напряженнее за все меньшее вознаграждение. Я также вижу, что больным приходится все дольше и дольше ждать в очередях, получать все худшее

лечение при ухудшающихся условиях обслуживания. Боюсь, что таковы факты. С ними просто так не поспоришь». Таким образом, оценку политических решений и стратегий автор вкладывает в уста второстепенных, но типичных персонажей. На страницах дневника Генри описывает этот эпизод, гордясь своим выступлением и отмечает, что ему удалось «поставить ее на место». Приведенный далее в романе отрывок из книги мемуаров ведущего тех дебатов говорит об обратном: «Уиншоу пялился на меня через стол, колотил кулаком и гавкал, будто бешеный пес, отвечая на вопросы доктора Гиллам. Или, точнее, не будучи в состоянии на них отвечать». Подтверждение фактам, о которых говорила врач на дебатах, читатель находит позже, когда в больнице умирает подруга главного героя Фиона. Ей не смогли вовремя поставить диагноз и оказать своевременную помощь, т.к. врачи работали сверхурочно в ущерб своей компетенции.

Раскрывая образ Генри Уиншоу, автор прибегает к приему жизнеописания, прослеживает карьеру политика от начала и до конца, отмечая такие типичные черты людей власти, как продажность и алчность. С подачи своего влиятельного дяди Генри начал политическую карьеру как член лейбористской партии. Однако позже легко ее предал, осознав, что сможет больше поживиться у консерваторов после успеха М. Тэтчер, которая в 1970 году стала министром образования, а позже и премьер-министром. За свое предательство персонажу Генри пришлось поплатиться, когда в конце романа его убивают ударом ножа в спину.

Дж. Коу критикует политику тэтчеризма за подкупы, взятки и предательство, кумовство в высших кругах и превращение всех сфер общества в бизнес. Семейство Уиншоу олицетворяет собой верхушку власти, жаждущую наживы, не гнушающуюся лжи и лести и готовую пойти на откровенное преступление с целью достижения личных целей и материальных благ. Политическая составляющая романа включает образ вымышленного политика, который раскрывается опосредовано через его поступки, мысли, мотивы, взаимодействия с другими персонажами. Также в романе фоном представлена общая политическая панорама жизни в Великобритании в эпоху М. Тэтчер, чья фигура введена в повествование, но без непосредственного участия в событиях, а для более детального раскрытия образа Генри Уиншоу. Роман является примером острой политической сатиры, подтверждающей идею Дж. Коу о том, что политика – это театр, где зрители только наблюдают за тем, как играют с их жизнями.

И. В. Даниленко

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ: ГДЕ ПРОХОДЯТ ГРАНИЦЫ В XXI ВЕКЕ?

Интенсивное расширение методологии исследования текста в целом во второй половине XX века не могло не затронуть проблем историописания в частности. Возрождение интереса к истории и историческому роману в 1950–60-х годах стало результатом обновления исследовательских и эсте-

тических подходов к историческому прошлому, обусловленных распадом всеобщей концепции истории и неприятием единого нарратива. Существующие исторические нарративы субъективны и ненадежны, обладают сомнительной аутентичностью и подлинностью. Именно это обстоятельство наводит на мысль о том, что наряду с официальной историей или историей победителей существует исторический опыт рядовых, неизвестных или даже поверженных участников исторических событий, который также вправе претендовать на свое место в историографии. В 1960–70-е годы работа по деконструкции тотальных нарративов была продолжена. Ее задачей стало обнаружение разного рода лагун, намеренного или естественного искажения исторических документов, артефактов, что позволило взглянуть на исторические события и их привычные интерпретации с позиций междисциплинарных связей из области культурологии, антропологии, лингвистики, исторической психологии, углубляя тем самым представления об истории. Логика «нового историзма» направлена, таким образом, на интерпретацию исторически и культурно обусловленных текстов, в которых переплетены личностные и коллективные установки с целью создания собственного текста, отвечающего требованиям настоящего момента. С этой точки зрения, цель каждой последующей интерпретации истории заключается отнюдь не в постижении окончательной истины, а в приближении к ней, в создании многоликого и несистематичного интертекста истории, закрепляющего связь времен и непрерывность традиции. В этом смысле и историк, и писатель получают равные права на участие в интерпретационном процессе, обеспечивая тем самым децентрализацию историописания. А то обстоятельство, что они обращаются, как правило, к замалчиваемым официальной историей событиям, лишь подчеркивает факт этой децентрации.

Французский литературовед А. Компаньон обращает внимание на то, что художественная литература рубежа XX–XXI веков заняла то «пространство, которое оказалось неосвоенным историографией» (A. Compagnon. *Histoire et littérature, symptômes de la crise des disciplines*), а именно – преступления европейской цивилизации XX века в связи с их нравственной оценкой. В качестве примера ученый приводит романы, которые посвящены событиям Холокоста, долгое время замалчиваемым официальной западной историей. Речь идет, прежде всего, о романах Дж. Литтелла «Благоволительница» и Я. Аннеля «Ян Карский», вызвавших очень противоречивую критику: от восторженных похвал до яростного неприятия. Однако неоднозначность оценок критики не исключает того очевидного факта, что авторам этих произведений удалось обнаружить и исследовать «неудобные» для историографии проблемные общественные запросы, осмыслив их в нравственно-эстетической плоскости. На волне интереса к затронутой в упомянутых романах проблематике возникли как новые романы о Холокосте (A. Talvaz. *Ce que nous sommes*. Paris : Editions L'Act Mem, 2008 ; J. Bialot. *186 marches vers les nuages*. – Paris : Métailié, 2009 ; M. Dugain. – Paris : Gallimard, 2012 ; A. Baldacchino. *Celui qui disait non*. – Paris : Fayard, 2018), так и исторические исследования на данную тематику (Ch. Ingrao. *Croire et détruire*. Les

intellectuels dans la machine de guerre SS. – Paris : Fayard, 2010). А. Компаньон справедливо сравнивает роль, которую довелось сыграть романам Дж. Литтелла и Я. Аннеля в истории французской литературы начала XXI века, с той, которая обычно отводится «двойным агентам», отмечая при этом, что «двойные агенты по определению предатели, но мы должны быть им благодарны, потому что они спасают нас от многочисленных бедствий» (А. Compagnon. Histoire et littérature, symptoms de la crise des disciplines).

Тот факт, что литераторы рубежа XX–XXI веков активно осваивают территорию историографии и делают это не менее успешно, чем сами историки, выполняя запросы общества по сохранению исторической памяти и культуры западной цивилизации, в очередной раз выдвигает в поле научного и историософского обсуждения вопросы границ истории и литературы, ответственности историка и писателя. Размышляя по этому поводу, и литературовед А. Компаньон, и историк П. Нора в унисон заявляют о массивном проникновении литературы в святая святых истории с использованием совершенно неправдоподобных и немыслимых инструментов и методов. Однако именно этот подход позволил автору романа «Благоволительницы», а затем и автору «Яна Карского» рассказать средствами современного романного мышления о чудовищных преступлениях нацизма, ставшего порождением цивилизованного европейского общества. П. Нора усматривает в появлении такого рода произведений попытку гуманистически настроенной артистической элиты привлечь внимание общества к необходимости сохранения памяти о трагических событиях и их жертвах в то время, когда уже практически не осталось живых свидетелей Второй мировой войны.

Решение столь непростой задачи потребовало от авторов коренного пересмотра стратегии концептуализации истории в романе об историческом прошлом. Речь идет, прежде всего, об изменении точки зрения повествователя, переориентированной с внешней на внутреннюю фокализацию, с традиционной на трансгрессивную позицию повествователя. Трансгрессивность повествователя может выражаться не только в нетипичности повествователя-героя или непосредственного свидетеля / участника событий, но и в непривычной интерпретации исторических событий, предложенной такого рода повествователем. Изменения концептуализации истории предопределили поиски релевантных выразительных форм, с помощью которых трагические события осмысляются как в конкретно-историческом ракурсе, так и в архетипическом, метафизическом, нравственно-ценностном.

Целью концептуализации истории в современной французской исторической прозе, по мнению П. Нора, является «раскрытие психологического механизма уничтожения», что квалифицируется историками как «слепой угол историографии» (J. Littell. Conversation sur l'histoire et le roman, 2007). Сочетание превосходного владения историческим материалом и трансгрессивной эстетики позволяет современному писателю выразить такую правду истории, к которой историкам, по выражению П. Нора, «невозможно даже приблизиться» (J. Littell. Conversation sur l'histoire et le roman, 2007). Тема массового уничтожения ни в чем не повинных людей долгое время остава-

лась одной из самых табуированных в сфере искусства, и чтобы начать говорить о ней с поколением, утратившим представление о реальной картине крупнейшей европейской катастрофы, автору понадобилось не только гражданское мужество, но и весьма специфическая эстетическая форма, соразмерная чудовищному масштабу этой трагедии истории, а также особой выразительности метаязык, на котором жертвы говорят устами палача.

При этом автор не дает никакой моральной оценки истории, не предпринимает никаких попыток судить прошлое с позиций сегодняшнего дня, предоставляя эту возможность самому читателю. Рассуждая о новой концептуализации истории, использованной Дж. Литтеллом в романе «Благовоительницы», Я. Анелем в «Яне Карском», Л. Бине в «ННН», П. Леметром в «До встречи там, наверху», представляется важным обратить внимание на преемственность трансгрессивной литературной традиции в современной французской литературе в связи с именами Ф.-М. Селина, М. Турнье, Ж.-П. Шаброля и др., которые, по нашему мнению, утверждали всем своим творчеством невозможность существования «глобальной» концепции истории в условиях изменившегося статуса категорий «субъекта» и «объекта» истории.

К. А. Зиновьева

ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ «БАРХАТНЫЕ КОГОТКИ» С. УОТЕРС

Вопрос самоопределения и самопознания имеет большую культурную и общечеловеческую ценность и продолжает волновать ученых гуманитарных дисциплин, в том числе литературоведения. Многие исследователи сходятся во мнении, что самым продуктивным способом изучения вопросов идентичности является анализ литературных героев – это позволяет исследовать личность во всем ее разнообразии. На данный момент в условиях современных реалий наблюдается кризис идентичности, то есть пространство идентичности претерпевает изменения, и прежние границы, определявшие его, размываются, что делает исследование проблем идентичности как никогда важным. При этом данный кризис и активные поиски идентичности выступают как взаимодополняющие друг друга тенденции, то есть у человека появляется возможность обратиться непосредственно к осуществлению своей самоидентификации (А. Ю. Хамнаева, 2007).

Под идентичностью можно понимать психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности, то есть отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое и частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (такими как социальный статус, пол, возраст, роль, норма, группа, культура и т.д.)

(В. Г. Николаев, 1998). Идентичность является результатом социализации и интеграции личности в обществе, то есть сильно зависит от общественных норм и установок, которые с течением времени могут претерпевать значительные изменения.

Британская писательница Сара Уотерс помещает в центр своего творчества личностей, которые испытывают трудности в социальной адаптации и, соответственно, в поиске самих себя. Главная героиня дебютного романа писательницы «Бархатные коготки» (*Tipping the Velvet*, 1998) – Нэнси Астли – провинциальная молодая девушка, которая работает в устричном баре своего отца. Ее единственное развлечение – это походы в местный театр. Нэнси живет обычной жизнью, не задумываясь о своей сущности и собственных стремлениях. Однако, когда она встречает на сцене Китти Батлер, выступающую в амплуа травести, ее самовосприятие резко меняется, что вызывает много перемен в ее жизни.

Основное место и время действия – Лондон конца XIX века, такой выбор хронотопа романа мотивирован стремлением писательницы через историческую перспективу переоценить современные теории, существующие в поле феминизма, и квир-теории в отношении концепции «женщины» (С. О'Callaghan, 2017). Помогает ей в этом мораль викторианского общества, которая кажется нашим современникам чрезвычайно строгой, в особенности в отношении женщин.

Важную роль в формировании любой личности играют ее социальный класс, семья и род активной деятельности. Семья Астли владеет собственным устричным баром, однако им приходится много работать, чтобы содержать себя, в работе задействованы даже их дети. Постоянный физический труд – готовка устриц – лишает Нэнси возможности задумываться о собственных желаниях в жизни. Помимо этого, у героини отсутствует личное пространство (ей приходится делить кровать со своей сестрой Элис) или возможность побыть в одиночестве, что ведет к ослаблению личной памяти, важной в формировании идентичности личности. Значительным в судьбе персонажа Нэнси становится отрыв от семьи, когда она и Китти покидают свой маленький городок и уезжают работать в Лондонском театре. Стоит отметить, что при воссоединении с семьей через полтора года, после более глубокого опыта самопознания, Нэнси чувствует отчуждение, что заметно даже по изменению восприятия запахов (ранее незаметный для нее запах устриц становится для нее ярко выраженным и отвратительным).

Героиня часто меняет условия жизни – свое социальное окружение, род деятельности и районы Лондона, в которых она проживает. Это связано с тем, что в период юношеского кризиса человек имеет возможность обрести свое подлинное «Я» либо полностью утратить его и поэтому находится в активном поиске. Китти становится для Нэнси катализатором этих поисков: прежде ничем не интересующаяся Нэнси начинает тяготеть к театральной жизни, пению, танцам – творческому самовыражению, которое она считает способом быть ближе к полюбившейся ею актрисе. Лондон дает героине

возможность встретить различные пласты общества и места их обитания. Познакомившись с таким многообразием жизни, Нэнси осознает ограниченность своего предыдущего опыта в Уитстабл.

Самым проблемным аспектом идентичности Нэнси становится ее сексуальность и гендерная принадлежность. Она влюбляется в Китти Батлер, когда видит ее, выступающую в образе джентльмена в костюме и шляпке, то есть в девушку, которая переодета в мужчину, но все еще имеет женские черты. Между девушками завязываются отношения, но Китти категорически против того, чтобы кто-либо узнал об этом, а также чтобы обсудить сущность их связи. Ее возлюбленная пытается максимально отстраниться от клейма лесбиянки, что огорчает Нэнси, которая хочет найти свое место в обществе и лучше понять себя. Но возможность переодеться в мужской костюм и выступать вместе с Китти на сцене перед аудиторией, наслаждающейся их номером, радует Нэнси и дает способ самореализоваться в обществе в рамках дозволенного. Однако в один день пьяный зритель обзывает их лесбиянками, что чрезмерно пугает Китти, которая решила прекратить их представления. Перед этим Нэнси признается своей сестре (самому близкому ей человеку (помимо Китти)), что они с Китти возлюбленные, но реакция Элис оказывается крайне негативной. Героиня романа начинает понимать, что семья не примет ее такой, какая она есть, и видит, как Китти стыдится их отношений, из-за чего и выходит замуж за своего театрального агента. Такая ситуация выбивает Нэнси из колеи, это становится для нее травмирующим опытом, после чего она постоянно перемещается из одной части Лондона в другую, меняет работу, скрывает свое настоящее имя, перевоплощаясь с каждым новым именем в иной образ.

Идентичность человека также предполагает приобщение к исторической психосоциальной идентичности, то есть существует связь идентичности отдельной личности с исторической эпохой и национальной спецификой, которые определяют способ социального мировосприятия. В викторианской Англии романтические отношения между женщинами считались девиантным поведением, отклонением и нарушением общественной морали. Утрата идентичности является возможным истечением социального опыта человека и проявляется в таких случаях как отчуждение, деперсонализация, маргинализация, ролевые конфликты, девиантное поведение и т.п. В романе «Бархатные коготки» героиня испытывает «пограничные» состояния (то есть на грани утраты своего «Я»), когда она не может идентифицировать себя с какой-либо социальной группой по признаку призвания/профессии, гендера, сексуальности и т. п. Ее поведение считается девиантным, при этом она чувствует отчуждение по отношению к другим установившимся социальным группам.

Подводя итоги, можно сказать, что Нэнси не способна остановиться на одном пристанище, одной профессии, так как в своей жизни она воспринимает себя как актрису, но в конце романа берет на себя роль режиссера, помогая Ральфу с его политическим выступлением на сцене; она понимает, что ей нет места в этом обществе и что это общество необходимо менять.

Таким образом, она идет по пути социальной реформы, активизма и борьбы за право быть другой. С помощью романа «Бархатные коготки» Сара Уотерс попыталась осуществить примирение с историей и показать неактуальность строгих бинарных оппозиций. В романе стирается четкое понимание «женщины» и отображается роль истории в самоидентификации личности.

Н. В. Копытко

«ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ» ИДЕНТИЧНОСТИ
В РОМАНЕ-ДИСТОПИИ ДЖ. К. ОУТС
«ОПАСНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЙ ВО ВРЕМЕНИ»

Суть реализма начала XXI века определяется его превращением из направления в модель художественного творчества. Среди принципов реалистического письма, получивших наибольшее развитие, исследователи называют его психологизм, историзм, философичность и документальность. В результате взаимопроникновения романа семейного и авантюрного, научно-фантастического и политического, детективного и философского изменяется и жанровая специфика романа. Поворот от типического к индивидуальному повлиял, например, на жанр эпопеи и определил ее пристальный интерес к субъекту. Так, в литературе второй половины XX века, когда речь идет о произведениях, где центром пересечения сюжетных линий становится индивидуальное сознание, широко используется термин «субъективная эпопея». По справедливому наблюдению авторов монографии, посвященной современной англоязычной литературе, Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчей, «в настоящее время в литературе наблюдается тенденция к использованию реалистического метода, что дает исследователям основание говорить о возникновении такого литературного направления, как *новый реализм*» (курсив авторов монографии) (Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая, 2023 с. 35).

Высокой степенью неоднозначности отличается вектор развития творческой манеры Джойс Кэрол Оутс (род. в 1938 году). В желании Дж. К. Оутс максимально объективизировать изображаемую ею действительности критики видят связь ее творчества с литературой «гневных» тридцатых и называют этот период «ее духовной родиной» (А. С. Мулярчик, 1990, с. 367). Такая точка зрения представляется нам вполне обоснованной, поскольку ранние романы писательницы действительно характеризуются глубоким интересом к социальным проблемам американского общества. То же можно сказать и о ее прозе второго десятилетия XXI века, хотя в ней преобладающим является стремление писательницы предельно индивидуализировать субъективный опыт персонажей, переживающих личные драмы и трагедии, посредством акцентирования эмоционального компонента ценностной картины мира своих героев.

Жизнеутверждающий пафос романов писательницы первых десятилетий XXI века, созданных в реалистическом ключе, среди которых «Водопад» (2004), «Дочь могильщика» (2007), «Человек без тени» (2016), «Опасности

путешествия во времени» (2018), «Ночь. Сон. Смерть. Звезды» (2020), свидетельствует о стремлении Дж. К. Оутс показать не только динамику жизненных перипетий героев, которые оказываются в эпицентре социально-политических и экономических катаклизмов современности, но и их поиски выхода из сложившейся ситуации.

Роман Дж. К. Оутс «Опасности путешествий во времени» (*The Hazards of Time Travel*, 2018), на первый взгляд, обнаруживает родство с произведениями такой разновидности научной фантастики, как хронофантастика, среди которых «Машина времени» Г. Дж. Уэллса или «Конец вечности» А. Азимова. От этих мастеров жанра писательница унаследовала приемы совмещения в рамках одного произведения разных временных континуумов и способности (или неспособности) главного героя перемещаться из одной эпохи в другую.

Проблемно-тематическую основу романа-дистопии Дж. К. Оутс составляют перипетии судьбы семнадцатилетней девушки по имени Адриана Штроль, которую накануне выпуска из средней школы Пеннсборо, штат Нью-Джерси, обвинили «в семи эпизодах призыва к государственной измене и подрыве авторитета властей» и отправили в изгнание из 2039 года, где она живет со своей семьей, в 1959 год (Оутс, с. 25). После телетранспортировки в прошлое – «переноса объекта в Зону 9» – она становится студенткой первого курса государственного университета Вайнскотии, расположенного в Вайнскотия-Фолз, штат Висконсин, Мэри-Эллен Энрайт. Так, роман-дистопия в авторской интерпретации Дж. К. Оутс приобретает отчетливые жанровые признаки университетского романа, а затем и семейно-бытового/любовного, что отражает характерную черту современной англоязычной литературы, которой присуща тенденция к жанровому смешению.

В контексте традиции романа-дистопии, где одним из жанровых признаков является стремление властей контролировать личность и нивелировать индивидуальность человека, что имеет место и в данном романе. В первой главе, когда Адриана попадает в число неблагонадежных подростков, она становится свидетельницей жестокой расправы над своим товарищем по несчастью, который оказался беспомощной жертвой произвола тоталитарного режима. Данный эпизод можно рассматривать как начало своеобразного реформирования ее личности. Находясь в заточении, она постепенно осознает, что ее жизнь никогда уже не станет прежней.

Следующим шагом на этом пути становится ее телетранспортировка в прошлое, изменение имени и фамилии, «создание» новой личной истории Адрианы. Писательница изображает ее превращение в Мэри-Эллен Энрайт в драматическом ключе, мастерски используя прием отстранения и проецирования внутренней драмы персонажа на окружающую ее действительность прошлого, наполненного странными незнакомцами и не менее странными предметами. Не удивительно, что девушка всеми силами стремится вернуться в свое время.

Но мечте Адрианы Штроль вернуться домой к родителям, в общество Восточно-Атлантических Штатов, где границы на замке, царит тотальная слежка, а любые попытки инакомыслия и критичности мышления караются

жестко и немедленно, так и не суждено сбыться: ее попытка вернуться в свое время с ее университетским преподавателем Айрой Вулфманом, таким же изгнанником, как и она, заканчивается трагически: Айра погибает, а Адриана надолго попадает в больницу с неврологическим расстройством. Она не в силах окончить учебу из-за полученных травм, но постепенно восстанавливается и выходит замуж за университетского преподавателя скульптуры Джейми Стайлза, который нашел ее в дендрарии после неудавшейся попытки к бегству и спас от верной гибели.

Дж. К. Оутс мастерски удалось передать атмосферу, царившую в Соединенных Штатах накануне «великих перемен» 1960-х годов, которые, по словам дяди Адрианы, принесут «подлинную ‘новизну’ – даже революцию. Но большинство воспримет ее как трагедию, а не как веселую забаву. Какое там!» (Дж. К. Оутс, 2020, с. 25). Парадоксальным образом, в этой эпохе писательница видит истоки того, к чему США, согласно ее творческому замыслу, приходят в 2039 году с ограничением свободы личности, тотальным контролем, предсказуемостью результатов президентских и партийных выборов.

Героиня романа так и остается в прошлом с переформатированной личностью Мэри-Эллен Энрайт и эпизодическими головными болями, с которыми трудно справиться и которые окружающие объясняют последствиями несчастного случая во время ее неудавшегося побега из прошлого. Дж. К. Оутс намеренно создает у читателя ощущение зыбкости и относительности того, что испытывает Адриана и как воспринимает и объясняет происходящее с ней. В одном из разговоров Айра вскользь упоминает, что он является одним из разработчиков высокотехничной компьютерной программы симуляции, благодаря которой наказуемые никуда не телетранспортируются, а все, что с ними происходит, – это результат работы нейросетей.

Таким образом, в данном романе Дж. К. Оутс экспериментирует с жанровыми традициями хронофантастики, антиутопии, университетского и семейно-бытового романов, играет с достоверностью изображаемой действительности, стабильностью и заданностью идентичности личности, намекая на их виртуальный и относительный характер, отчетливо подвергает сомнению идею абсолютной истины, кроме истины человеческих отношений.

М. Д. Кравцова

FLORISTIC VOCABULARY AND ITS FUNCTIONING IN THE NOVEL BY H. G. WELLS “THE TIME MACHINE”

The article is devoted to the study of floral vocabulary in the fantastic novel by H. G. Wells “The Time Machine”. The work is aimed at determining the role of floronyms functioning in the literary work, which they carry out by modeling the possible world. The functional approach in linguistic research is based on the

understanding of function as the target and purpose of linguistic units. The research was conducted within the framework of the modern concept of possible worlds, developed in relation to the artistic world of a literary work.

Literary studies examine the artistic world of a work as a certain reality, viewed through the prism of the worldview of the author of this work. Linguistic research is based on the study of the text of the work, relying on the semantics of the possible worlds, considering the possibility of its opposition with actual reality. One of the approaches to the study of the artistic world as a possible world can be its representation as a constructed world modeled through language.

In this paper, the possible worlds presented in the novel by H. G. Wells are analyzed using modeling, which is a method of cognition, which consists in exploring an object by constructing its model. The modeling process consists of three main stages: the transition from a real area to a virtual one, the decomposition of the studied object into its constituent elements and the subsequent construction of an analog based on these components.

Four possible future fantasy worlds are clearly distinguished in the work, in the three of them the main character will appear due to the time machine he had created, on which he will leave his world of England, the first of those modeled in the novel by G. Wells. Each of the worlds presented in the novel finds its expression in the linguistic structure of the text. Lexical units belonging to different lexical and semantic groups are involved in the creation of language models of possible worlds into which the hero falls.

A lexico-semantic group is an association of lexical units with the same subject orientation and homogeneous semantics, which have a common semantic invariant, and relate to one part of speech. Lexical units belonging to the lexico-semantic group of floronyms play an important role in the construction of a language model of possible worlds in the analyzed novel. Floronyms are the names of plants and their constituent parts.

In this paper, the lexico-semantic group of floronyms included names in the dictionary interpretations of which the semantic component (seme) 'plant' was isolated. As an example, we will give some floronyms and their definitions: *nettle* – wild plants which have leaves covered with fine hairs that sting you when you touch them. The noun 'nettle' is used in the text in combination with the adjective 'derelict', emphasizing the abandonment of the Eloi garden; *reeds* – tall plants that grow in large groups in shallow waters or on ground that is always wet and soft; *grass* – a low, green plant that grows naturally over a lot of the earth's surface; *turf* – a piece of earth with the short grass (a low, green plant); *greenery* – attractive green leaves and plants; *fern* – a plant with large attractive leaves and no flowers that grows in wet areas or is grown in a pot; *bush* – a large plant which is smaller than a tree and has a lot of branches; *scrub* – short trees and bushes (plants with many small branches), growing on dry ground of low quality; *tree* – a tall plant that has a hard trunk, branches, and leaves; *shrub* – a large plant with a rounded shape formed from many small branches; *hawthorn* – a small tree (a tall plant) which has sharp thorns; *flower* – the coloured part of a plant from which the plant's fruit develops; *fruit* – the soft part containing seeds that is produced by a plant.

Traveling by time machine, the protagonist of the novel by H. G. Wells makes his first stop and finds himself in the world of the distant future on the very hill on which his house in England stands, but after 800 thousand years. Here he sees garden trees (apple-tree, fruit-tree), wild shrubs (bush, nettle, hawthorn), grass (fern, turf), flowers. Note that in the name of flowers there are both the hyperonym 'flowers' and its hyponyms, naming varieties of flowers, such as acacias, hollyhocks, rhododendrons: here too were acacias; white mallows; rhododendron bushes.

The inhabitants of the terrestrial world eat exclusively fruits and berries (apple, orange, raspberry). In this future world, the climate is so warm that the Eloi, its inhabitants, do not see the need to engage in agriculture and agriculture in order to get and make their food diverse. They are content with juicy, huge fruits. The fruits mentioned in the text have a similar visually rounded shape and a bright warm color – red or orange, as evidenced by dictionary interpretations of language units: apple – a hard round fruit a smooth yellow or red skin; raspberry – a small round or oval soft red fruit; orange a round sweet fruit that has a thick orange skin.

The fruits of the future are described using adjectives (delightful, floury, convenient, hypertrophied), bearing connotations of beauty, juiciness, ease and convenience of use, as well as the enormity of the size of the fruits. It should be emphasized that the names of garden trees and fruits are repeatedly mentioned in the text, and they are given in a positive context, describing the process of eating by eloi and the positive emotions they experience at the same time: "But the fruits were very delightful; one, in particular, that seemed to be in season all the time I was there – a floury thing in a three-sided husk – was especially good, and I made it my staple."

A separate group of paronymic vocabulary consists of the names of parts of plants, such as root, trunk, branch, stem, leaf, outer shell of the plant (peel, husk). The presence of the seme 'plant' in their semantics or in the meaning of the nouns tree, fruit, with which they are interpreted, makes it possible to conclude that such lexical units as root, branch, husk, peel, etc. are floronyms: tree – a tall plant that has a hard trunk, branches, and leaves; fruit – a type of food that grows on trees or plants. It tastes sweet and contains seeds or a stone; three-sided husk – a usually dry outer covering of various seeds and fruits; peel – the skin of fruit and vegetables, after it has been removed; root – the part of a plant that grows down into the earth; stalk – the main stem of a plant; tree-bole – a tree trunk; stick – a woody piece or part of a tree or shrub; branch – a part of a tree that grows out of its trunk; foliage – the leaves of a plant or tree, or leaves on the stems or branches on which they are growing; leaf – the part of a tree or a plant that are flat, thin, and usually green.

The second subgroup of phloronyms, namely, the names of the constituent parts of plants, is represented by a small number of word uses: stick, branch, foliage and husk, peel, root, stalk, bole, leaf. The stick and branch lexemes are used in the context where we are talking about the wood and forest plant arrays. The mentioned tokens are used mainly in a negative context when a traveler is in danger.

Here is an example of the use of floronyms denoting the constituent parts of plants, namely, the roots and trunks of trees that hindered the movement of the protagonist in a dense forest thicket: “There would still be all the roots to stumble over and the tree-boles to strike against”. It is noteworthy that the text of the novel does not mention anything about vegetation in the underground dwellings of the Morlocks, since the lack of light and fresh air makes it impossible for plants to grow and develop.

Once in the third possible world, the main character notes the scarcity of vegetation, the whole world is covered with rocks and hills, on which mosses and lichens grow thickly. The same ‘plant’ is also present in the definitions of the floronyms of the third and fourth worlds: lichen – a grey, green or yellow plant-like organization that grows on rocks, walls and trees; moss – a very small green or yellow plant that grows especially in wet earth, on rocks, walls and trees; vegetation – plants that are found in a particular area. Vegetation in this world grows in constant semi-darkness, as indicated by the adjective perpetual, meaning “eternal”, “unceasing”, “eternal movement”. Here is an example of the use of an adjective characterizing the conditions of vegetation growth in this distant future world: “It was the same rich green that one sees on forest moss or on the lichen in caves: plants which like these grow in a perpetual twilight.”

And finally, the fourth and last possible world demonstrates complete withering and fading, all vegetation is just algae on red rocks. ‘Weed’ – any wild plant that grows in water and forms a green floating mass (algae).

So, the study of the lexico-semantic group of floronyms gives grounds to assert their importance in building a language model of possible worlds in H.G. Wells’ novel “The Time Machine”. The floronymic vocabulary used in the text of the work constructs a linguistic model of possible worlds in the distant future, characterizing the worlds as being in a constant process of gradual disappearance of vegetation. The impoverishment of the plant world is primarily due to the degradation of humanity, which abandoned agriculture and agriculture, eating only the fruits of garden plants that grow without any human involvement. Even more distant worlds are practically devoid of any vegetation. They also complete the history of mankind, which once cultivated plants and enjoyed the fruits of its labor.

И. К. Кудрявцева

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРОЕВ
РОМАНА «ХОРОШАЯ РАБОТА» Д. ЛОДЖА**

Профессиональная идентичность личности, рассматриваемая психологами и социологами как разновидность социальной идентичности, подразумевает осознание индивидом своей принадлежности к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным компетенциям и профессиональной культуре, а также по его включенности в профессиональную группу, которая отождествляет данного индивида как «своего»

(Н. А. Перинская, 2018). Произведения художественной литературы дают богатый материал для изучения роли профессиональной идентичности в общей структуре личности. Не случайно в литературоведении закрепился термин *производственный роман* (*occupational novel, workplace fiction*) для обозначения произведений, где сюжет строится вокруг героя-профессионала, решающего стоящие перед ним производственные задачи и изображенного в контексте профессиональной микросреды. Как отмечает О. Ю. Анцыферова (2010), в произведениях этого жанра «обращенность к профессиональному статусу героя становится главным источником сюжетной динамики и моделирует проблемно-тематический ландшафт».

В указанном аспекте интерес представляет роман «Хорошая работа» (“Nice Work”, 1988) современного британского писателя Дэвида Лоджа. В нем рассказывается о преподавательнице университета Робин Пенроуз и исполнительном директоре производственного предприятия Викторе (Вике) Уиллоксе, которые вынуждены (по настоянию руководства) принять участие в проекте, приуроченном к Году промышленности. Согласно концепции проекта один из сотрудников на каждом факультете университета Раммиджа должен на время зимнего семестра стать «тенью» кого-либо из членов руководящего звена на одном из местных промышленных предприятий. Такой сюжетный ход позволил Лоджу не только создать в повествовании интригу, но и разработать образы героев-антиподов, каждый из которых, будучи профессионалом в своем деле, поначалу с предубеждением относится к сфере деятельности и системе ценностей другого. Однако по мере развертывания сюжета, узнавания героями личностей друг друга и знакомства с особенностями его/ее профессии (в какой-то момент они меняются местами, и уже Вик становится «тенью» Робин и посещает ее занятия по литературе и другие мероприятия в университете), происходит эволюция их взглядов.

Создавая контрастно противопоставленные образы героев, принадлежащих к разным социальным группам, Лодж, тем не менее, сразу обозначает то, что их объединяет – оба увлечены своей работой, считают свою профессиональную деятельность социально значимой, стремятся к совершенству в профессии и готовы тратить свое личное время на решение профессиональных задач. Так, утреннее пробуждение Вика сопровождается мыслями о проблемах на работе: *поставки для «Авко», поставки для «Ролинсон», цены на чугун, курс фунта стерлингов, конкуренция с «Фаундро», некомпетентность коммерческого директора, частые перебои в работе вентиляционной системы, хулиганство в туалетах, давление со стороны управляющей компании, доходы за последний месяц, квартальный прогноз, годовой отчет...* (Д. Лодж, 2004). Робин, в свою очередь, приводит себя в порядок перед началом рабочего дня, *думая в основном про рабочий роман XIX века, о котором ей предстоит читать лекцию* (Д. Лодж, 2004).

Показывая героев за чтением прессы, Лодж демонстрирует то, как профессиональный аспект идентичности связан со структурой личности и ее ценностными установками. Вик с интересом изучает раздел о бизнесе из

«Таймс», концентрируется на статьях о политике и экономике в «Дейли Мейл», эмоционально реагирует на новость о том, что *Британская компания «Лиланд» начала испытания революционно легкого алюминиевого двигателя для семейного автомобиля мирового класса*, так как компания, в которой он работает, производит детали для британского автопрома. Робин, которая защитила диссертацию по жанру промышленного романа в литературе Англии XIX века, сейчас занимается изучением викторианской женской прозы и считает себя феминисткой. Она *пролистывает «Гардиан» до женской странички. Там напечатаны комиксы, остроумно высмеивающие либералов среднего класса и среднего возраста; статья о противозаконности Билля в защиту нерожденных детей; материал о борьбе за свободу женщин Португалии.* <...> Колонка под названием «Бюллетень» сообщает ей, что на этой неделе в Лондоне пройдет встреча, на которой Мэрилин Френч будет *обсуждать с аудиторией свою новую книгу «За пределами власти: Женщины, мужчины и мораль»* (Д. Лодж, 2004). Так с первых страниц романа обозначается связь профессиональной идентичности героев и их когнитивных, мотивационных и ценностных личностных характеристик.

С помощью приема ретроспекции Лодж показывает тот нелегкий путь, который каждый из героев прошел, чтобы добиться успеха и авторитета в профессии. И если для Робин получение высшего образования, научные исследования, защита диссертации, педагогическая работа были во многом предопределены примером отца, преподавателя университета, то Вик получил среднее специальное образование и начинал свой профессиональный путь «с низов»: сначала в качестве стажера, а затем младшего инженера производственного отдела в компании «Вангард Инжиниринг». Вик гордится своим карьерным ростом и тем, что работает в реальном секторе экономики. Более того, именно в этот период жизни работа выходит на первый план в системе его приоритетов, так как он переживает личностный кризис: отношения с женой не ладятся, с детьми у него мало общих интересов и точек соприкосновения. Глядя на свое отражение в зеркале в начале романа, Вик задается вопросом: «Кто я такой?». В то же время в рабочей обстановке он деловит, проницателен, энергичен, ориентирован на результат и четко следует поставленной цели – оптимизировать производство и сократить операционные расходы компании. Робин в своей профессиональной деятельности педагога ориентирована, в отличие от Вика, скорее на процесс, который предполагает не только формирование у студентов определенных знаний, навыков и умений, но и развитие их личностного потенциала, духовной и эмоциональной сфер в процессе изучения произведений художественной литературы. Знакомство с Виком она также воспринимает как возможность его чему-то научить, при этом свою миссию в результате она считает успешной. Робин четко осознает все недостатки профессии преподавателя, в том числе связанные с невысокой оплатой труда, нехваткой рабочих мест, высокой конкуренцией, однако не видит себя в других профессиональных областях, о чем свидетельствуют ее мысли и высказывания в разговоре с братом, который устроился в коммерческий банк и быстро

разбогател: *Когда она представляла себе, что работает в каком-нибудь офисе или банке, у нее в голове тут же возникала пустота. Как будто сломался проектор, и перед тобой пустой белый экран* (Д. Лодж, 2004); *Но я не хочу ни торговать обувью, ни жить в Алгарве, – возразила Робин. – Я хочу преподавать женскую прозу, постструктурализм и роман девятнадцатого века. Еще хочу писать об этом книги. <...> Я занимаюсь этим не ради денег* (Д. Лодж, 2004).

В романе Лоджа присутствует еще один из ключевых элементов поэтики производственного романа – изображение профессиональной деятельности героев, их общения с коллегами, в том числе на профессиональные темы и с применением профессионального жаргона, описание их рабочего места («производственный» хронотоп). Однако Лодж использует прием «остранения», когда на привычные для героя-профессионала действия и обстановку смотрит человек со стороны и высказывает свои (порой нелицеприятные) суждения. Именно под влиянием Робин Вик меняет стиль общения с коллективом и становится ближе к работникам, что позволяет ему успешнее решать возникающие проблемы. Он впервые задумывается о работающих на производстве женщинах и иммигрантах, их нуждах и потребностях, которых раньше не замечал; Робин же начинает осознавать оторванность университетских интеллектуалов от действительности. Зачастую такой «взгляд со стороны» становится в романе источником комического.

По мере личностного роста и развития под воздействием Робин и художественной литературы Вик находит другие мотивационные смыслы, помимо работы в компании, поэтому известие о его увольнении из-за слияния двух фирм в финале романа не становится для него трагедией. С помощью Робин и при поддержке семьи он надеется реализовать собственный бизнес-проект по производству спектрометров. Робин в финале романа получает сразу две возможности профессиональной самореализации: она может уехать работать в США или остаться в Университете Раммиджа после истечения срока ее теперешнего трехлетнего контракта. Таким образом, в финале романа автор снова делает акцент на процессах формирования и трансформации профессиональной идентичности героев, тем самым подчеркивая, что в профессиональной деятельности человеку свойственно реализовывать свои знания и умения, раскрываться как личность, удовлетворять свои потребности и интересы.

М. А. Курыпка

У ПОШУКАХ ІДЭНТЫЧНАСЦІ ГЕРОЯ (раман Н. Шюта «Пацукалоў»)

Нацыянальны характар як адзін з элементаў ідэнтывнасці чалавека фарміруецца стагоддзямі пад уплывам шматлікіх фактараў, адным з якіх з'яўляецца і вайна. Як ні парадасальна, вайна можа выступаць той лакмусавай паперай, з дапамогай якой можна раскрыць усю сутнасць чалавеча-

га, а значыць і нацыянальнага характару. Менавіта вайна дапамагае паглыбляць тыя ці іншыя чалавечыя якасці, умацоўваць адны рысы нацыянальнага характару і негатыўна ставіцца да іншых. А літаратура, асэнсоўваючы экстрэмальныя абставіны і ўздзеянне вайны на чалавека, дае магчымасць узмацніць ці зрабіць больш дакладным вобраз нацыянальнага характару, дапамагчы герою на шляху пошукаў сваёй ідэнтычнасці.

Другая сусветная вайна прынесла ў літаратуру максімальна новае разуменне вайны і ролі чалавека ў ёй. Жорсткія ўмовы вайны ўзнялі планку маральных і духоўных крытэрыяў ацэнкі чалавека і глыбіні гераічнасці яго ўчынкаў. Вайна прапанавала пагранічныя сітуацыі, у якіх праявіліся экзістэнцыяльныя асновы ідэнтычнасці не толькі аднаго асобнага чалавека, але і нацыі ў цэлым.

Англійскі пісьменнік Н. Шют (1899–1960) вельмі хутка стаў прызнаным майстрам ваеннай тэмы. У яго рамане «Пацукалоў» («Pied Piper», 1942) рэалістычна і дакладна апісаны няпростыя падзеі, якія адбываюцца з немалым мужным англічанінам па імені Джон Сідні Хоўард, які воляю выпадку едзе ў Францыю ў трагічным чэрвені 1940 года. Фабула рамана будзецца вакол групы маленькіх дзяцей, якіх яму давяраюць вывезці з акружэння. Спачатку іх двое, потым – яшчэ адзін, і яшчэ. Пажылы мужчына робіць усё, каб вывезці дзяцей у Англію з акупаванай тэрыторыі. Фактычна, гэта кніга пра сур'ёзны гераічны абавязак неваеннага чалавека.

За аснову гэтага рамана Н. Шют узяў старую легенду аб гамельнскім пацукалове, які адпомсціў жыхарам горада за падман і выманіў гукамі сваёй флейты ўсіх дзяцей. Існуе два фіналы гэтай легенды, першы – дзеці гінуць далёка ў балоце, другі – дзеці знаходзяць прывабнае месца і будуць новы светлы горад. Але аўтар па-свойму інтэрпрэтаваў і пераасэнсаваў старую легенду з пункту гледжання сваіх маральных катэгорый.

Складанасць лёсу чалавека на вайне ў тым, што вайна не разбірае, хто ёсць хто, а закранае ўсіх: сталых, маладых, хворых, індыферэнтных, незалежна ад нацыянальнай прыналежнасці. Англічанін Сідні Хоўард не збіраўся весці вайну, яму не дазваляў яго сталы ўзрост і агульнае стаўленне да сітуацыі ў свеце. Пры гэтым важны ўплыў на характар галоўнага героя аказала традыцыйнай англійская замкнёнасць, бо ў выніку спецыфічнага геаграфічнага становішча «тое, што адбываецца па другі бок Ла-Манша, успрымаецца англічанамі як нешта, што адбываецца па другі бок культуры і цывілізацыі» (В. Шестаков, 2010).

Але разам з тым заставацца ўбаку галоўнаму герою не дазваляе сумленне. Сідні Хоўард – стары чалавек, таму ён разумее, што дзеці на шляху да Англіі – гэта вялікія клопаты. Шокам для старога становіцца прапанова супрацоўніцы гатэля забраць у Англію і яе малую дачку Розу, бо наступаючыя нямецкія войскі не даюць ёй магчымасць разабрацца са сваёй гаспадаркай. Пісьменнік засяроджвае ўвагу на душэўным стане героя, наплыве яго супярэчлівых думак пад прэсам цяжкіх абставін, у якіх герой мусіць хутка прымаць рашэнне і рабіць выбар: *Усёй істотай стары разумеў, што трэба неадкладна абарваць гэтую гутарку. Ён ведаў, хоць і не жадаў*

сабе ў гэтым прызнацца: каб дабрацца да Англіі з двума дзецьмі на руках, яму спатрэбяцца ўсе яго сілы. У глыбіні яго душы затаіўся страх – страх перад немінучым, непераўным няшчасцем. Апынуўшыся на вуліцы ён зусім забыў, куды ішоў. Машынальна ён шагаў да цэнтру горада, гадаючы, як пазбегнуць новай адказнасці... (Н. Шют, 2010).

Даследчык Д. Голубеў адзначае, што ўяўленне гераічнага англічанамі значна адрозніваецца ад разумення гэтай канцэпцыі іншымі народамі. «Адступленне перад ворагам ці трусасць, якая не можа ні ў якім разе ўспрымацца за гераічнае, для англійскай народнай свядомасці ўяўляецца як праява здаровага сэнсу. <...> Іншымі словамі ў сітуацыях, якія пагражаюць гібеллю, англічане аддаюць перавагу не рызыкаваць дарэмна, а праяўляюць асцярожнасць, якая з'яўляецца складанай часткай мужнасці» (Д. Голубев, 2008). Сапраўды, практычна немагчыма знайсці англічаніна, які гатовы кінуцца ў бой з шашкай нагала. На першы план для англічаніна выходзіць не эмацыянальны надрыў, не сардэчны боль ці імгненны душэўны парыв, а вядомая канцэпцыя «stiff upper lip»¹. У складанай сітуацыі герой не абавязкова мусіць адразу праявіць сябе і свае здольнасці. Галоўнае – захаваць халодную разважлівасць, цвярозую ацэнку сітуацыі і не адступаць перад цяжкасцямі.

Акрамя разважлівасці і асцярожнасці ў галоўным героі Н. Шюта праявіліся традыцыйныя для англійскай нацыі ўпартасць, глыбокі энтузіязм і самаадданасць сваёй справе. На гэтых рысах засяроджвае сваю ўвагу пісьменнік, падкрэсліваючы, што гераізм крыецца не толькі ў жаданні ваяваць за сваю краіну, але і ў глыбокім асэнсаванні свайго грамадзянскага абавязку і жаданні быць карысным людзям. Для гэтага не абавязкова быць на перадавой у акопах, дастаткова, як Сідні Хоўард, пачаць вязаць цёплыя рэчы для арміі. На пачатку рамана Н. Шют напіша: *Вайна – цяжкі час для старых людзей, асабліва для мужчын. Ім цяжка пагадзіцца з тым, што яны прыносяць вельмі мала карысці; яны раздзіраюцца разуменнем свайго бяссілля* (Н. Шют, 2010).

Між тым герою давядзецца прайсці кіламетры разбомбленых дарог па акупіраванай і дэзарганізаванай Францыі. Падаецца, што аўтар памыліўся і замест маладога, знаходлівага і дужага салдата звярнуўся да старога і непрыкметнага героя. Для такога пісьменніка-гуманіста, як Н. Шют, вельмі важна было паказаць сваё разуменне вайны на самым простым і бліzkім большасці людзей узроўні, на ўзроўні звычайнага цывільнага англічаніна, які зусім нечакана аказваецца ў цэнтры глабальных падзей.

Відавочна, што выбар старога галоўным героем дазваляе Н. Шюту ў большай меры раскрыць сапраўдны характар ціхага і непрыкметнага чалавека, яго здольнасць да гераічнага ўчынку. Чалавечы гераізм пісьменнік вымярае не толькі здольнасцю перамагчы ворага ў баі, але і маленькімі подзвігамі кожнага чалавека, здольнасцю падняцца над сваімі слабасцямі, узяць на сябе адказнасць, трымаць сваё слова.

¹ Характарыстыка англічаніна як чалавека занадта ўпартага і настойлівага.

З некаторай надуманасцю і схематызмам апісвае Н. Шют правал усёй аперацыі па эвакуацыі дзяцей, калі сярод мясцовых знаходзіцца здраднік, які здае ўсю групу гестапа, якое паўстае ў не зусім звычайным свеце. Не, гэта не Тоўхарт К. Чорнага і не спадар Зелікоўскі ў К. Фадзеева. Гэта ўсмешлівыя і ветлівыя немцы, кава ў камеры, у меру спакойны афіцэр, які праводзіць дапрос і, у рэшце рэшт, адпускае ўсю групу на волю, болей таго, прапануе Сідні Хоўарду забраць з сабою ў Англію і пераправіць у Амерыку дачку свайго забітага брата. Зразумела, што гестапавец адпускае Хоўарда толькі з адной мэтай, каб ён мог перавезці дачку яго брата ў Амерыку. Малая дзяўчынка ўжо добра разумее месца «Вялікай Германіі» ў гэтым свеце і спрытна ўскідае сваю руку, каб вітаць імя фюрара. Але Сідні Хоўард не збіраецца вагацца і адразу пагаджаецца дапамагчы дзяўчыны, чым моцна збянтэжвае немца.

Аўтар надае гэтай сітуацыі хутчэй адценне трагедыі, ці, нават, фарса, бо ў хуткім часе Францыя зведае ўсю «прыгажосць» нямецкага парадку, калі запалаюць свае французскія Хатыні. Але пры ўсёй нейтральнасці ў адлюстраванні вобраза нямецкага захопніка Н. Шют не можа пазбегнуць відавочнага: у душы ворага не можа быць літасці, адно слова і Сідні Хоўарда разам з астатнімі, безумоўна, расстралялі бы ва ўнутраным двары гестапа, там, дзе перад вачыма старога быў пакараны англійскі салдат. Таму і галоўны герой не праяўляе дарэмнага ахвярнага гераізму, а з халоднай англійскай стрыманасцю заяўляе *Калі вы іх адпусціце, я прызнаюся вам ва ўсім, што вы хочаце!* (Н. Шют, 2010).

Раман Н. Шюта «Пацукалоў» быў напісаны падчас вайны, калі жорсткая рэчаіснасць патрабавала маментальнай мастацкай аддачы. Вынікам стала тое, што, выкарыстоўваючы шырокія мастацкія сродкі, англійская літаратура не паспела прапанаваць глыбокую распрацоўку псіхалогіі чалавека ў экстрэмальных абставінах. Але можна з упэўненасцю казаць, што спрадвечныя рысы англійскай ідэнтычнасці заставаліся адным з фактараў, які аказваў глыбокі ўплыў на агульны стыль жыцця і паводзін чалавека нават ва ўмовах ваеннага часу.

Э. В. Ломако

КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В РОМАНЕ Т. УАЙЛДЭРА «ТЕОФИЛ НОРТ»

Торнтон Уайлдер (Thornton Wilder, 1887–1975) начал свою творческую деятельность приблизительно в то же время, что и Френсис Скотт Фицджеральд, Уильям Фолкнер, Эрнест Хемингуэй, Джон Дос Пасос, Томас Вулф. Ему удалось стать писателем, который создал собственный неповторимый стиль письма. Во всех его романах, начиная с «Каббалы» (*The Cabala*, 1926), события приобретают философское измерение, а автор через героев пытается обнаружить скрытый смысл явлений и вещей. Все творчество Т. Уайлдера можно рассматривать как стремление убедить читателя поверить в красоту мира и величие человека.

«Теофил Норт» (*Theophilus North*, 1973) – последний роман писателя, сочетающий в себе элементы автобиографического, авантюрного и философского романа, отличается от других его произведений и представляет собой нравственное завещание, заключающееся в готовности творить добро и помогать тем, кто нуждается в помощи. В этом романе Т. Уайлдер воплощает свою концепцию героя. И это герой, который пытается изменить мир.

Следует заметить, что тема изменения мира является довольно распространенной в американской литературе. Она связана с темами «американской мечты» и «американского героя». «Американская мечта» ассоциируется чаще всего со стремлением к богатству, к раю на земле, а «американский герой» – с ловким и удачливым дельцом, который достигает своей цели, преодолевая любые препятствия. Создание идеального общества изначально являлось целью «отцов-пилигримов» первой колонии – Нового Плимута. Они стремились создать совершенное государство и изменить весь мир. Появление образа «американского героя» связано с периодом романтизма в американской литературе. Эволюция образа началась с героя Дж. Ф. Купера Натти Бампо, характерными чертами которого являются честность, простодушие, любовь к природе. Он противостоит обществу, его цель – бегство, а зона бегства – фронт. В отличие от эпохи Просвещения, для которой характерна вера в природную разумность человека, основанную на доброте и любви к ближнему, человек более не представляется непогрешимым, его внутренний мир нужно совершенствовать. Это единственный путь к построению нового общества.

Концепция героя Т. Уайлдера отличается тем, что его персонажи не бегут от общества и не замыкаются в себе. Они пытаются изменить общество, а вместе с ним и весь мир. И в этом они напоминают нам об идеале эпохи Возрождения – всесторонне развитой личности, преобразующей мир на разумных и добрых началах. Т. Уайлдер верит в созидательные возможности человека, его герои являются носителями не только американских, но и общечеловеческих ценностей. Теофил Норт из одноименного романа и есть один из таких героев.

Он главный герой романа, и он – двадцатидевятилетний преподаватель частной мужской школы в Нью-Джерси – летом 1926 года прекращает свою учебную деятельность, переезжает в Ньюпорт, где он служил во время войны, и начинает зарабатывать на жизнь обучением детей теннису, а также частными уроками и чтением вслух. Герой примеряет к себе девять масок, скрывающих его истинное лицо: он выступает в разных ролях – он попеременно то святой, то антрополог, то археолог, то сыщик, то актер, то любовник, то чародей, то пройдоха, то свободный человек. По ходу повествования Теофил Норт ощущает, как его захватывает дух игры, которая есть плод его воображения, выдумка. Игра позволяет ему освободиться от негативных качеств – цинизма и безразличия. Он начинает интересоваться жизнью других людей и становится проводником добра в окружающем его мире. Альтруизм помогает ему обрести свое жизненное призвание и стать по-настоящему счастливым человеком. Так Теофил Норт спасает от необдуман-

ного шага – сумасбродного замужества – дочь нью-йоркского дельца Диану Белл, возвращает доброе имя владельцу дома с «привидениями», излечивает от болезней и возвращает волю к жизни Джеймсу Мак-Генри Босворту – бывшему атташе и послу, помогает «обрести свое лицо» своему армейскому другу по имени Рип, изгоняет из города преступников, штампующих фальшивые бумаги, прививает литературный вкус скучающей женщине, попутно спасая ее брак. Добрые дела Теофил Норт совершает по своей воле и делает это легко и непринужденно, как будто разыгрывает шахматную партию. Сравнение жизни с шахматной игрой имеет прямое отношение к авторской концепции бытия. Лето одного года, вместившее судьбы многих людей и несколько «жизней» самого героя, подобно тому, как Ньюпорт вмещает в себе девять городов. Теофил Норт абсолютно свободен. Свобода, которую он впервые ощущает после четырех с половиной лет преподавательской деятельности, ошеломляет его. Вопреки собственной установке оставаться в роли свидетеля событий, герою не удается до конца быть в позиции стороннего наблюдателя. С его приездом меняется установленный порядок жизни в Ньюпорте. «План» жизни Теофила Норты проясняется по мере развития событий, сопутствующих его пребыванию в городе. Совершая добрые дела, он сам обретает ощущение гармонии и гармонизирует окружающую действительность. Острый ум, наблюдательность, дар убеждения, природная интуиция, находчивость помогают герою быть снисходительным к человеческим слабостям, делают его восприимчивым к несправедливости и способным к переустройству жизни на началах добра и любви. Теофил Норт в представлении Т. Уайлдера обладает редким даром эмпатии; он становится носителем идеи деятельного добра и воплощением гуманных принципов и любви, направленной вовне, – всего того, что так увлекает писателя и является предметом его размышлений.

Концепция героя, которая сложилась у Т. Уайлдера в романе, стала попыткой сформулировать нравственные основы человеческого существования в трагической реальности двадцатого века. Вопросы, ответ на которые ищет автор во всех своих произведениях, сводятся к поиску смысла жизни. Т. Уайлдер приходит к мысли, что смысл жизни отдельного человека – внести максимальный вклад в преобразование мира, потому что природой в человека встроен психологический механизм, позволяющий ему делать как можно больше из того, на что он способен. Т. Уайлдер актуализирует ряд ценностей, выступающих как основа духовной и практической деятельности героя, включающей активное вмешательство в ход жизни, необходимость ее переустройства на началах добра и справедливости, гармонизацию окружающей действительности.

Лянь Хайбо

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ТРАВМЕ

Современная нарратология рассматривает повествование как непосредственно акт или процесс рассказывания какой-либо истории. Повествование о травме – особая область нарративного пласта произведения, когда писатели

воссоздают травматические сцены и переживания травмы в художественных текстах. С помощью художественных повествовательных стратегий травматический опыт передается читателям, формируя эмоциональный отклик и общественный эффект, достигая целей предупреждения состояния травмы и даже ее излечения.

Травмированный рассказчик в художественном тексте в процессе повествования о своем травматическом опыте является непоследовательным: так автор стремится приблизиться к способам сообщения о травме, характерным для реальной жизни и реальным людям. Травмированные люди часто не могут понять и отреагировать на травмирующие события. Однако позже травма возвращается в виде воспоминаний, кошмаров, различных видений, галлюцинаций и т.д. (в психологии – это термин «ревенант» (revenant), который обозначает человека, с трудом отпускающего прошлое и часто возвращающегося к нему в своих мыслях и переживаниях), когда травматические события в момент их возникновения не были в полной мере осознаны или пережиты, и поэтому их невозможно вспомнить, но они постоянно возвращаются, как «привидения».

Независимо от того, какие защитные механизмы психики есть у человека, он все равно впадает в состояние смятения после травматического опыта. Травмированный также находится под влиянием бессознательного самонаратива, погружаясь в травматические воспоминания, и является неспособным полностью пересказать и выразить это событие. Автор воспроизводит информацию не в линейном временном порядке и сохраняет дистанцированную перспективу с помощью самосознания своего персонажа.

При повествовании о травматическом опыте самыми частыми нарративными приемами являются повторение слов или фраз, множественные повествовательные голоса и воссоздание определенных сцен. С одной стороны, такая стратегия (основанная на повторе) оказывает воздействие на самого травмированного (что отражается в его сознании), а с другой стороны, производит глубокое впечатление на читателя при передаче ему эмоциональной информации. Опираясь на классическую теорию памяти Цицерона, можно сделать вывод, что, как только какое-либо событие попадает в сознание человека, его невозможно стереть навсегда, даже если этот человек больше всего хочет забыть то, что ему не хотелось бы запоминать.

Китайский писатель Лу Синь в рассказе «Моление о счастье» создал образ страдающей женщины по имени Сян-линь, которую феодальное общество считало несчастливой. Добрая Сян-линь неоднократно перепродавалась (она была как товар, проданный ее свекровью ее второму мужу), и ее несчастье люди объясняли смертью ее мужа и сына. Услышав, что после повторного замужества она будет распилена пополам в аду и отдана двум мужьям, она купила порог двери в храме, чтобы люди могли топтать его и искупать свои грехи.

Персонажи и рассказчица произведения вспоминают события из другого времени и пространства, главным образом потому, что эти события произвели на них глубокое впечатление. Если это впечатление несет в себе

негативную эмоциональную информацию, которая превышает нормальные психологические пределы, которые могут вынести люди, они впадают в травму. В сюжете рассказа часто встречается фраза «Глупая я стала, совсем глупая, правда...», а также повторяющиеся воспоминания Сян-линь о травмирующих событиях. В сознании главной героини между тяжелой жизнью и несчастьем возникла сильная субъективная ассоциация.

Другие повествовательные голоса в истории усиливают представления Сян-линь. В начале рассказа она ведет беседу как бы с рассказчиком. Они разговаривали о душе и аде. Сян-линь сильно беспокоилась о существовании души. Она обращается в призрака, в безумную старуху, бродящую вдоль дорог. Кроме того, насмешки и издевки со стороны слуг, с которыми она работала, не позволили ей освободиться от мучительных воспоминаний о том, как она вышла замуж вторично, как ее ребенка съело дикое животное и как ее второй муж умер в холодных горах. Презрение окружающих и предупреждение не прикасаться к предметам для жертвоприношений также доказывают, что она не могла стать «чистой». Повествовательные голоса создали замкнутое пространство, в котором несчастье стало «татуировкой», внутренней болью Сян-линь, от которой она не могла избавиться даже после смерти. Шум вокруг мероприятия под названием «Моление о счастье» становился все громче, в то время как Сянь-линь, которую считали дурным предзнаменованием, умерла накануне этого события.

Человеческий опыт и память формируются в процессе слияния личного и социального. Память, лишённая социальности, не существует. Личная память является точкой пересечения различных видов социальной памяти. Личная память принадлежит коллективной памяти и существует в отношениях с другими людьми. Эти отношения могут быть как отфильтрованы и реконструированы, так и сохранены в рамках личной памяти. Можно сказать, что коллективная память концентрируется на настоящем и переосмысливает прошлое. В литературе о травме повествование о травматических сценах (например, резня, войны, семейные проблемы, политические преследования) часто вводит коллективную перспективу.

Независимо от того, используется ли повествование от первого, второго или третьего лица, оно представляет опыт группы людей, что позволяет травматическому опыту выходить за рамки личного и приобретать новый смысл в историческом контексте. Роман А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» даёт комплексное выражение коллективной травматической памяти. А. И. Солженицын выдумал несуществующий на Земле архипелаг ГУЛАГ (ГУЛАГ – аббревиатура от «Главное управление лагерей») и описал жизнь в концлагере. Имея личный опыт пребывания в концлагере, Солженицын выбрал реконструкцию истории и воссоздание коллективной памяти, превосходящей индивидуальный опыт. Как бывшие узники концлагерей, так и читатели могут почувствовать на себе давление тоталитаризма. «Человек попадает в Архипелаг – и ломается. ...Узник лагерей теряет индивидуальность, лишается имени и лица, он – песчинка в многомиллионной массе,

безликая единица, живой номер... Не остается у него ничего личного, не только вещей, но и воспоминаний, мыслей, надежд. Он – часть коллектива...». Создание коллективной перспективы достигается с помощью вставного авторского комментария, озвучивающего опыт, характерный для миллионов людей.

Так, А. И. Солженицын описывает, как заключенные вынуждены были отречься от своей индивидуальности и личной памяти, чтобы стать частью безликого коллектива. Их прошлое, идентичность, надежды – все было отнято в пользу массы. Чтобы выжить в этих бесчеловечных условиях, узники подавляли личные воспоминания о прошлой жизни и сливались с обезличенной массой других заключенных. Они становились «винтиками» в системе, теряя свое «я».

Это было единственным способом приспособиться к жизни в лагере – жизни без надежды, смысла и будущего. Заключенные учились жить только сегодняшним днем, отказавшись от личного прошлого. Такое «обезличивание» помогало выжить, но разрушало человеческую душу. В этом смысле коллективная память становилась единственно возможной формой памяти. Индивидуальное прошлое больше не имело значения и постепенно стиралось.

Метафоры и символы являются средствами повествования, порожденными коллективной культурой. С одной стороны, метафоры усиливают эмоциональный опыт читателя и отражают психологическое состояние травмированного рассказчика. С другой стороны, метафоры создают ассоциативную связь между текстом и читателем, косвенно передают смысл литературного произведения и достигают эффекта отчуждения, разрушающего привычные схемы мышления. Главный герой рассказа Франца Кафки «Превращение», Грегор Замза – простой коммивояжёр, который, проснувшись утром, обнаруживает, что превратился в огромное отвратительное насекомое. Конечно, это экстраординарный символ, созданный воображением писателя, но нельзя отрицать, что это воображение точно передает давление на главного героя со стороны семьи. Аналогичная ситуация встречается и в других литературных произведениях о травме.

В романе Тони Моррисон «Возлюбленная» шрамы на спине героини Сети представляют собой физическую символизацию тела. Эти шрамы представляли собой вишневое дерево, рост которого подобен печальной истории рабов. Шрамы стали доказательством травмы, наглядно представленной читателям.

Таким образом, мы обнаруживаем следующие повествовательные стратегии в художественных произведениях о травме: фрагментарное повествование, повторение травматических эпизодов (слов, предложений) и «ревенанты», множественные повествовательные голоса, а также включение метафор и символов, которые являются уникальными для определенного вида травматического опыта.

В. Г. Минина

ОБРАЗ ЛОНДОНА В РОМАНЕ С. ФОЛКСА «НЕДЕЛЯ В ДЕКАБРЕ»

В урбанистическом романе образ города выступает в качестве хронотопа (категория города-пространства) и действующего лица (город как живой организм). В современной британской литературе город – это место пребывания, самореализации и самоидентификации личности, это символ социальных перемен, изменения ритма жизни. Город в британской литературе отражает нынешнее состояние страны, равно как и является проекций всего мира.

Концепт города многогранен и включает в себя различные урбанистические объекты: метро, парки, места развлечений, университеты, торговые центры и прочее. На их фоне происходит развитие сюжетной линии и разворачиваются судьбы героев произведений. Одним из примеров урбанистического романа выступает роман современного британского прозаика С. Фолкса (р. 1953) «Неделя в декабре» («A Week in December», 2009).

Лондон в нем представлен в разных ракурсах: упоминание топонимов, торговых центров, гостиниц, транспортной инфраструктуры, город глазами его обитателей. В силу того, что все действие романа происходит сугубо в Лондоне, произведение пестрит названием районов, улиц города, магазинов: Пикадилли, Северный Лондон, Хэмпстед, Александра-палас, Виктория-стрит, Сент-Джеймский парк, Тоттенхэм, Эдмонтон, Харингей и т.п. Автором то более подробно, то вскользь описываются такие разные урбанистические пейзажи, как шумная Холланд-парк-авеню, регулярные фейерверки в парках Ноттинг-Хилла, тихие улочки в респектабельных районах для богатых.

Начинается повествование с описания строящегося торгового центра, который должен стать новым символом столицы. Но авторский нарратив преисполнен иронии и скепсиса, так как в выигрыше в любом случае окажутся финансовые акулы, вложившие в строительство свой капитал, а для простых лондонцев это будет место, где у них будут ловко и ненавязчиво выкачивать их деньги – *With a bare ten months to the scheduled opening of Europe's largest urban shopping centre, the sand-covered site was showing only skeletal girders and joists under red cranes, though a peppermint facade had already been tacked on to the eastward side. This was not a retail park with trees and benches, but a compression of trade in a city centre, in which migrant labour was paid by foreign capital to squeeze out layers of profit from any Londoner with credit.*

На страницах романа можно встретить и описание одной из гостиниц, тоже одной из более современных, самой яркой достопримечательностью которых являются дежурящие там красавицы: *The Park Lane Metropolitan was one of the newer hotels, and of an impressive size. It had already attracted a number of well-dressed but clearly available women on the plump semicircular sofas in its atrium.*

Один из героев романа пытается представить, каким был раньше район, в котором он сейчас живет: другой Лондон, с домами попроще, более однообразный, окутанный смогом, но не переполненный машинами – *modest houses built for another London, a place long gone. He sometimes tried to picture those first tenants: manual workers who commuted to the smog-producing factories of Bermondsey or Poplar, then returned at night to their modest white enclave; but it was hard to imagine them now in these car-lined streets: that homogeneity was not in nature any more.*

Лондон у многих ассоциируется с метро, и автор в полной мере эксплуатирует этот миф, сделав одну из героинь, Дженни, машинистом поезда метрополитена. Она искренне любит особую атмосферу подземного мира, который ежедневно предстает перед ней как сложный сказочный лабиринт со множеством технических коммуникаций. Это слаженный механизм, живущий по своим законам, он доверяет свои тайны только посвященным: *London engineering that no passenger would ever glimpse: the corbelled brickwork through which the tunnels had been cut or the giant steel joist that held up a five-floor building above the entry to the platform at Liverpool Street.* Также в романе встречаются описания станций метро: где-то более чистых и досмотренных, где-то более многолюдных: *St James's Park was a clean station and the travellers were kept well informed about the service as they waited on the hosed and swept platforms. It was the headquarters of Transport for London and no broken light bulb remained unchanged for more than six minutes.* У Дженни весьма скудные представления о наземном Лондоне. Обо всем городе она судит сквозь призму станций метро, через которые она регулярно ведет свой поезд: услышав в обычной жизни фразу «Сент-Джеймс парк», она тотчас же думает о сверкающих полах, потому что рядом с этой станцией расположена штаб-квартира Лондонского транспортного управления; при слове «Глостер-роуд» у нее в памяти возникает огромная голова панды между платформами; «Слоун-сквер» для нее – это маленькие магазинчики снаружи (*merely little shops under green arches and the rumour that once, not long ago, there had been a bar on the platform where commuters stopped for beer and cigarettes on their way home. Of its streets and houses she knew nothing.*)

Есть в романе и упоминание как типично английских баров, так и более современных. Глазами героев мы видим описание как их интерьеров, так и завсегдатаев. К примеру, бар на Графтон-Уэй – современное место, где не торгуют спиртным и нет очередей – *with lightweight metal chairs and circular tables... modern, teetotal and one of a dwindling number not owned by Cafe Bravo, Folger's or some other US monster with sour, expensive coffee, glutinous muffins and a long queue.* А в баре Оазис, не таком ультрамодном, даже не было машины «эспрессо», и кофе там предлагали в запотевших стеклянных кувшинах. Вот описание паба, в который раньше ходили докеры и моряки, но с завершением той эпохи он превратился в рыбный ресторан, который со временем прогорел, но сохранил прежний типаж клиентов: *nightbirds who fetched up on the cold stone flags of the public bar when they'd finished their nocturnal business. Some were criminals and some just worked unsocial hours;*

porters from Borough Market went there from four in the morning. The room smelled of damp straw and hot animal, like a stable; customers endured the vindictive landlady and her husband because in defiance of the new law they allowed their regulars to smoke.

А вот как глазами одной из героинь читатель видит официантов и гостей фешенебельных ресторанов: и те и другие находятся в ожидании очередного разгульного вечера, правда, одни будут стараться всеми силами угодить, другие прожить этот вечер, словно он последний – *swarthy waiters in red shirts... They were poised now for the evening's work: attentive, flirtatious, looking after racy couples no longer in the first exuberance of youth – men who'd clawed back just enough from a divorce to raise a glass to lined blonde consorts: women with what Amanda's French friend Helene called 'des heures de vol' – hours of flight time, like just-serviceable airliners decommissioned by their European owner and bound for Air Congo.*

Завораживают метафоры, которые использует автор для описания вечернего Лондона, когда город может на какое-то мгновение остановиться и отдышаться: *when the traffic subsided and the restaurants and pubs had not yet filled. You could almost sense the capital breathe in and brace itself.* Вот еще один пример, как одна из героинь, закрыв глаза, представляет себе жизнь вечернего Лондона: *From Havering to Holland Park, from Forest Hill to Ferrers End, from Upminster to Parsons Green, the individuals would shortly leave their flats and houses, fragrant and hopeful, bang the doors, and go like invisible cells into the bloodstream of the city, whose heartbeat tonight was beyond all doubt in one place only: in the North Park home of the country's newest Member of Parliament.*

Лондон ранним утром совершенно иной – свежий, отдохнувший, пустынный, находящийся в ожидании дневной суеты. Как утром герой едет в свой офис, чтобы успеть к открытию торгов на бирже, глядя по сторонам, он любуется открывающимися перед его взором знакомыми урбанистическими пейзажами: *He... drove along the Bayswater Road, down Park Lane, through the deserted streets of Victoria and into the backwater of Old Pye Street... gazing out in the darkness towards Westminster Cathedral.*

Что до самих лондонцев, то один из героев рисует их точный портрет – людей спокойных, уважаемых, выдержанных, в меру дружелюбных, но отстраненных, держащихся друг от друга на расстоянии, усталых, но сохраняющих явное достоинство (*In order to attract no suspicious glances, he stared straight ahead, though not too fiercely. He tried to look tired without being zonked; unwilling to engage with others but only because that was the way of the city. Above all, he tried to look unconcerned. He was sure his clothes must help: everyday, anonymous, but clean and of decent quality, chosen for their ability to make a curious glance bounce off them. He was Mr Londoner personified, a transient in a private daze whose every pore said, Leave me to my own small world, my virtual life: respect, and don't come near).*

Таким образом, Лондон изображен как город контрастов, где происходит смешение стилей и эпох, где сквозь обновленные фасады зданий

проглядывает старина, а на месте предыдущих районов вырастает ультрасовременный новострой. Все это служит фоном для разворачивающихся в городе событий романа, при этом восприятие Лондона зависит от внутреннего настроения героев, описывающих его.

И. Л. Поражинская

МОТИВ ОВЕЩЕСТВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛЬФРИДЫ ЕЛИНЕК

Эльфрида Елинек (Elfriede Jelinek, 1946) – одно из самых известных имен современной немецкоязычной литературы.

Следует сказать, что творчество Э. Елинек приобрело широкую известность за пределами немецкоязычного пространства именно после того, как австрийская писательница в 2004 году была удостоена Нобелевской премии по литературе. Награда ей была присуждена за музыкальные переливы голосов и отголосков в романах и пьесах, которые с экстраординарным лингвистическим усердием раскрывают абсурдность социальных клише и их порабошающей силы.

Актуальными проблемами человечества, по мнению Нобелевской лауреатки, являются угроза духовности человека, утрата смысла жизни, овеществление человеческой жизни и тела. С момента формирования общества потребления целью человеческого бытия становится обладание различными материальными ценностями, что часто превращает восприятие и обладание человеком как обладание вещью. Именно такую трансформацию восприятия мы замечаем и в некоторых романах австрийской писательницы Эльфриды Елинек как предостережение.

Если первые произведения Елинек не нашли широкого отклика у читателей, то выход в свет ее романа «Любовницы» в 1975 году принес с собой настоящий скандальный успех. «Любовницы» претендовали на воплощение чаяний «нового» женского движения, достигшего к тому времени своего апогея в Австрии. В середине десятилетия это произведение считалось одним из немногих серьезных творений, созданных австрийскими писательницами, наравне с романами Кристы Райнинг, Верены Штефан и Карин Штрук.

Если обратиться к роману «Любовницы», то бросается в глаза, что женские портреты создаются лишь с помощью перечисления частей тела и напоминают технические характеристики механических устройств, а не облик живого человека. Красота и женское тело составляют своеобразный капитал, который необходимо выгодно вложить, выйдя замуж, и получить хорошие проценты в виде собственной квартиры и новой мебели. Такое восприятие женщины обществом, как описывает Э. Елинек, диктуется обществом, при этом упор делается на обладание: деньгами, собственностью, властью, славой, женщиной. Сюжет «Любовниц» можно свести к истории обладания и приобретения собственности, что застает читателя врасплох, потому что название романа ориентирует нас на жанр любовного романа. Бригитта и Паула стремятся заполучить мужа и связанное с ним благосостоя-

ние. Одновременно это и поиск своего владельца, поскольку и себя они рассматривают как вещь, а свое тело как товар, выставленный на продажу. Овеществляясь внешне, героини теряют и душу, и суть своей личности, а также способность самопознания и постижения реальности. В романе отсутствуют единые, целостные образы героев. Внешний план персонажа представлен фрагментированным изображением тела, когда отдельные его части отождествляются с человеком в целом. Овеществление мужа, восприятие его как собственности отражается и в наименовании его коротко: «МОЙ». В действительности главные героини не принадлежат даже самим себе, их тела, мысли, эмоции отчуждаются от них. Паула рассматривает свое тело и все, что с ним связано, как нечто чужое, ей не принадлежащее. Этому телу достаются побои, изнурительная работа и болезни. Очень часто тело сравнивается с безжизненной оболочкой. Внутреннее подменяется рекламными слоганами и штампами, избитыми фразами из популярных песен, фильмов, рекламных журналов и телевизионных шоу. Поэтому их речь состоит из односложных синтаксических конструкций, которые вращаются вокруг одной темы.

Главная героиня «Пианистки» (другого романа Эльфриды Елинек) – учительница музыки, образ более индивидуализированный, нежели Бригитта и Паула. Однако претензии Эрики Кохут на духовность, внутреннюю наполненность не реализуются, поскольку статичный образ овеществляется, уподобляясь музыкальному инструменту. В данном случае создается метаболический образ человека-инструмента, лишённого живого, духовного начала. Занятия музыкой не вносят в личность Эрики духовное начало. Культура в романе также овеществляется, а героиня становится носителем и единичной собственницей искусства в буквальном смысле, ее тело уподобляется вместительному холодильнику, в котором искусство хорошо сохраняется. Даже в одежде героини появляются прямые линии – плиссированная клетчатая юбка. Вновь начинает звучать мотив овеществления, создается ощущение чего-то неживого, искусственно сконструированного, некоего механического устройства. Как и героини «Любовниц», Эрика воспринимает свое тело как собственность, не случайно оно сравнивается то со звонкой разменной монетой, то с копилкой. Она решает, что никогда не будет принадлежать кому бы то ни было до самой крайней степени, но и себе она не хозяйка. Тело становится чужим для нее. Она ничего не чувствует во время близости с мужчинами. Попытками самопознания для Эрики становится увечье собственного тела, она режет себя бритвой. Плоть героини представляет собой некую оболочку, которую героиня расчленяет, разделяет, чтобы пробудить чувствительность. Техника резьбы, вырезания становится центральной не только в изображении физического облика героини, ее духовного мира, но и в целом действительности. Слова *резать*, *вырезать* употребляются то в прямом, то в переносном значении. В романе отсутствуют целостные образы. Их физический облик подобен вещи или бездушному механизму. Доминантой внутреннего содержания образа становится идентичность собственника, ориентация на обладание, стирающая границы

между духовным и материальным, между человеком и вещью. Функционируя в обществе потребления, герои теряют индивидуальность, превращаются в собственность для себя и окружающих.

В «Любовницах» схематизм системы образов доведен до предела, в «Пианистке» действует более индивидуализированный образ. Системы образов служат также реализации мотива овеществления.

М. С. Рогачевская

РАССКАЗ ДЖ. БАРНСА «ВСПЫШКА» КАК ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ ОБ И. ТУРГЕНЕВЕ

Традиционно фильмы и романы-биографии – это нарративы о жизни великих: с фактами и домыслами, с драматизацией и героизацией. Этому есть рациональное объяснение: мир должен знать своих творцов, гениев, спасителей. Жанр художественной биографии в современной литературе становится модной тенденцией, и все чаще встречается такое жанровое определение, как *fictional biography* (фикциональная/художественная биография; ср. давно бытующее в русском литературоведении обозначение «романизованная биография»).

К жанру фикциональной биографии можно отнести и ряд пародий на биографии, каковыми, например, являются «Орландо» (*Orlando*, 1928) и «Флаш» (*Flush*, 1933) В. Вулф. В англоязычной прозе известно множество примеров романизованных биографий, главными героями которых стали великие мира сего: «Я, Клавдий» (*I, Claudius*, 1934) Р. Грейвза; «Влюбленный Шекспир» (*Nothing Like the Sun: A Story of Shakespeare's Love Life*, 1964) Э. Бёрджесса; целый ряд романов П. Акройда, включая «Последнее завещание Оскара Уайльда» (*The Last Testament of Oscar Wilde*, 1983) и «Мильтон в Америке» (*Milton in America*, 1996); а также «Попугай Флобера» (*Flaubert's Parrot*, 1984) Дж. Барнса; «Осень в Петербурге» (*The Master of St Petersburg*, 1994) и «Лето» (*Summertime*, 2009) Дж. М. Кутзее (последнее, скорее, является художественной автобиографией); «Нэт Тейт: Американский художник 1928–1960» (*Nat Tate: An American Artist 1928–1960*, 1998) У. Бойда; три романа из трилогии о Томасе Кромвелле – «Вулф Холл» (*Wolf Hall*, 2009), «Внесите тела» (*Bring Up the Bodies*, 2012) и «Зеркало и свет» (*The Mirror and the Light*, 2020) Х. Мантел. (По иронии, все вышеприведенные примеры художественных биографий – это истории жизни мужчин.)

По мнению исследовательницы творчества Дж. Барнса О. Велого, «Вспышка» («*The Revival*») – это гипотетическая полемика Ивана Тургенева (1818–1883), русского писателя XIX века, и современного английского прозаика Джулиана Барнса, полемика Востока и Запада, классики и современности. Интерес Барнса к русской культуре неслучаен. Он владеет русским языком, хорошо знаком с русской литературой.

Рассказ «Вспышка» основан на одной из историй в жизни русского писателя – его знакомства с актрисой Марией Савиной (1854–1915). Биогра-

фы следующим образом представляют их знакомство: 17 января 1879 года Мария Савина блестяще сыграла роль Верочки в спектакле «Месяц в деревне», поставленном по пьесе И. С. Тургенева, который был настолько потрясен ее мастерством, что не смог ее забыть. Тогда ему было 60 лет, ей – 25. Широко цитируется известная фраза Тургенева: «Неужели эту Верочку я написал?!». Доподлинно известно, что Тургенев вел переписку с Савиной. Возможно, Дж. Барнс превратил письма Тургенева к Савиной в художественное изображение чувств пожилого человека. Их теплая дружба походила на платоническую любовь.

Однако в отличие от трактовки биографии Тургенева в российском литературоведении, где чувства уже немолодого писателя, канонической фигуры в русской культуре, трактуются бережно и возвышенно, английский прозаик, очевидно, решил вернуться к психологическому реализму, развенчать миф о высоких отношениях, о благородстве и красоте души, о некой ауре «духовности». Так, исследователь И. Волгин противопоставил «сентиментальный биографизм» российских литературоведов «физиологической» интерпретации этого эпизода Дж. Барнсом.

С первых строк повествования становится ясно, что тот идеал любви, который присутствовал практически во всех произведениях Тургенева, мифологизирован и возведен в некий абстрактный идеал, в то время как *«as in his life, so in his writing: love did not work. Love might or might not provoke kindness, gratify vanity, and clear the skin, but it did not lead to happiness... It stirred him from well-mannered timidity to relative boldness, though a rather theoretical boldness, one tragically incapable of action»*. Контраст высокого и сниженного в описании любви создает то противоречие, которое определяет и ход всего повествования, основанного на двух разных письмах Тургенева, посвященных короткой совместной поездке поездом 28 мая 1880 г. юной девушки и «дедушки», каковым восприняла его Мария Савина.

Художественный прием Дж. Барнса в этом рассказе, помимо контраста как основополагающего «ядра», состоит в цитировании отрывков писем Тургенева и дневников Савиной с последующими комментариями и использованием свободной косвенной речи. Так, например, если в тексте приводимых писем Тургенев «целует ее ручки и ножки», то автор рассказа называет эти фразы «общепринятыми» для такой переписки, но при этом создает комментарий, составленный в режиме свободной косвенной речи: *«The phrasing is conventional. Were they lovers? It seems not. For him, it was a love predicated upon renunciation, whose excitements were called if-only and what-might-have-been»*.

Прием «что, если» (назовем его «альтернативным событием») применен и в отношении тех лакун, которые возникли из-за сожженных дневников Тургенева и несохранившихся писем Савиной. Автор в ироническом тоне перебирает разные варианты совместной поездки в ночи, нахождения рядом пожилого влюбленного и смущенной юной девы, используя «нарезку» из

риторических вопросов: «We know that she had a travelling companion, Raisa Alexeyevna. What did she do? Feign sleep, pretend to have sudden night vision for the darkened landscape, retreat behind a volume of Tolstoy?». Первое письмо с воспоминанием о майской поездке Тургенев написал в июне, где с восторгом сравнивал себя с двадцатилетним юношей. Комментируя эту эпистолярную выдержку, Барнс пишет: «Did he mean he almost got an erection?.. Love isn't a bonfire, for God's sake, it's a hard cock and a wet cunt...». Такой ошеломительный дискурсивный контраст между любовной метафорикой русского дискурса XIX в. и «сниженным и прямолинейным физиологизмом нашего времени призван заострить внимание на различии времен. При этом Барнс эмоционален в своем обращении к Тургеневу, как если бы он вел с ним диалог в повествовании.

Далее автор «Вспышки» создает некое «уравнение», с помощью которого сравнивает отношение к любви в России XIX в. и, предположительно, в Англии (Европе?) XX–XXI вв. С этой стороны – знание о потреблении, с той – о желании, с этой – о цифрах, с той – об отчаянии, с этой – о бахвальстве, с той – о памяти, с той – о том, как целуют ноги, с этой – как сосать палец ноги, с этой – о сексе, с той – о любви. Таким образом ироническое снижение любви как идеала в письмах Тургенева оборачивается снижением этого самого снижения. А далее – новый виток сомнения и неопределенности в рассказе, поскольку Барнс закидывает новую наживку для читателя, намекая на то, что тургеневский любовный дискурс мог вполне быть неким «эзоповым языком» именно для выражения табуированного.

Два письма Тургенева, написанные им Савиной с разницей в год, меняют расстановку субъектных позиций в его воспоминании: в первом он «целует ее руки», во втором – получает поцелуй от нее (в ее словах из письма к нему), в первом его воспоминания окрашены маем, во втором – июнем.

Так, Дж. Барнс создает рассказ в модусе диалога двух веков, двух ценностных ориентирах в отношении любви. В то же время, верный своей традиционной концепции памяти как ненадежного агента нашего сознания, автор с иронией подвергает сомнению единичность и конечность чьих-либо воспоминаний даже о самом себе.

Фикциональный биографический нарратив об И. Тургеневе в рассказе Дж. Барнса «Вспышка» выделяется рядом оригинальных стратегий: внеличностный диалог между эпистолярным документом и писательским голосом, воплощенным в голосе времени, контраст времен и культур, ценностных ориентиров в отношении любви как идеала или любви как физиологической реалии, дискурс сомнения и неопределенности, свободная косвенная речь, имитирующая саморефлексию Тургенева, применении «альтернативного события» (по аналогии с альтернативной историей), снижение дискурса возвышенного. Таким образом, фикциональный биографический нарратив в рассказе Дж. Барнса «Вспышка» является оригинальным образцом прозы этого жанра.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОМАНОВ ДЖ. ФРАНЗЕНА

Джонатан Франзен сегодня является одним из ведущих американских писателей, чьи книги неизменно популярны у читателей, особенно, в первые недели продаж, и чье имя не сходит с уст критиков и рецензентов, которые дают неоднозначные оценки, но единогласно признают за ним статус своего рода культурной эмблемы Америки. При этом среди современных романистов он скорее напоминает того, кого именуют литературными динозаврами: он никогда не отдавал предпочтение «востребованным» жанрам, сюжетам и формам, привлекающим аудиторию. Все его романы превышают 500 страниц, написаны почти в классическом неторопливом стиле, воплощают обычную жизнь простых американцев, живущих на фоне современных исторических реалий и проблем. Тем не менее, даже при чтении критических эссе (*How to be Alone*, 2002 и *The Kraus Project*, 2013) Дж. Франзена, в которых писатель так же, как и в романах, поднимает важные для себя темы, не остается равнодушным. Вероятно потому, что он очень серьезно относится как к своему призванию романиста, так и к своим собственным критическим мнениям, в которых на первый план выходят и искренняя озабоченность судьбой современного романа в технологическую эпоху, и сохранность культуры в медиапространстве интернета, и экологические, политические катастрофы, где бы они не происходили. Этот субъективный способ мышления, привычка принимать лично боль за глобальные проблемы современного мира, определяет социально-политический дискурс и является источником многих интеллектуальных и драматических конфликтов в художественных и критических работах Дж. Франзена.

Атмосфера жизни героев его романов (*The Twenty-Seventh City*, 1988; *Strong Motion*, 1992; *The Corrections*, 2001; *Freedom*, 2010; *Purity*, 2015; *Crossroad*, 2021) оказывается напрямую связанной с политической и экономической ситуацией, наукой и религией, международными, расовыми, гендерными вопросами. Большой, и по физически многостраничному объему книг, и масштабу затронутых тем, роман Дж. Франзена, конечно, далек от классической социальности романов XIX века (хотя переклички с Диккенсом улавливаются порой открыто) с прямым обличением общественных пороков, сочувствием униженным и оскорбленным, бедным и угнетенным. Писателя прежде всего в современной реальности интересует то, что важно именно для него: не медицина, а экология, не кризис мигрантов, общественных институтов, а кризис технологий и кризис семьи, не коррупция как таковая, но махинации мегакорпораций и транснациональных компаний. При этом все, что осуждает автор, к чему побуждает читателя, не превращается в дидактику и моральное поучение, однако призыв «открыть глаза» и критически задуматься об окружающем звучит с разной степенью отчетливости

практически в каждом романе писателя. Интерес автора также сосредоточен на психологическом измерении человека и на том, как социальные, исторические, политические и культурные изменения повлияли на его природу.

Свои первые два романа *The Twenty-Seventh City*, *Strong Motion* после которых в нем стали видеть, как минимум, молодого и подающего большие надежды автора, Дж. Франзен назвал «системными романами», имея в виду идею социального романа, направленного на изображение таких систем, как политика, экономика, наука и религия. В романе *Strong Motion* катастрофы в «неблагополучной» семье Холландов и катастрофы на восточном побережье США, вызванные землетрясениями, оказываются метафорически связанными.

The Corrections, роман получивший национальную премию *National Book Award* в 2001 и награду *James Tait Black Memorial Prize* в 2002, – типичный роман социально-критического плана, в котором жизнь двух поколений средней американской семьи в провинции осмысливается через события современной истории. Это многогранное повествование отражает современную жизнь Америки, хронику скандалов, методично разрушающих американскую социальную структуру. Дж. Франзен написал роман до того, как расцвел терроризм, как неравенство вышло из-под контроля и как экономический спад потряс американскую мечту; в романе это прозвучало как предчувствие грядущего в запутанной сети семейных конфликтов. Перед читателями предстал «больной» мир, пораженный социальным кризисом, жизнь без прикрас и глубокое осмысление конфликта отцов и детей в современную эпоху.

В общем плане четвертый роман *Freedom, 2010* Дж. Франзен вновь посвятил жизни американского среднего класса и сосредоточился на освещении социально-экономического и политического положения Америки с 1970-х до середины нулевых. В истории героев романа показан опыт поколения американцев, переживших 11 сентября, вторжение в Ирак, выборы президента Обамы. По признанию автора, роман писался в основном в 2009 году после избрания Обамы. К тому времени, по его словам, *we could see the decade in some pretty clear perspective*. В этом смысле роман можно считать не столько аналитическим обзором состояния американского общества за последние тридцать лет, сколько размышлением о перспективах, о будущем этого сообщества, мира в целом, свободы как ключевой опоры американской демократической системы.

Сквозь призму судеб героев романа автор осветил проблемы свободы выбора и независимого принятия решений женщиной (Патти), проблемы окружающей среды, перенаселение и защиту птиц (Уолтер и Лалит); политические вопросы – столкновение республиканских и демократических доктрин (Джоуи и семья его друга Джонатана). Политическая ситуация не является главной темой, рассматриваемой в романе, но с ней связано несколько ключевых проблем, затронутых автором: противостояние между различием либеральных и демократических ценностей в споре отца и сына, Уолтера и Джоуи, родителей Джонатана; ситуация после 11 сентября, когда США

развязывают войну в Ираке под прикрытием антитеррористической операции. Протагонист, Уолтер, придерживается либерально-демократических взглядов, но постепенно разочаровывается в свободе как главной либеральной идее. Быть полностью свободным – не значит быть счастливым. Свобода действий несет в себе добро и зло одновременно, часто свободы различных людей вызывают депрессии, конфликты и кризисы.

Кроме политических, демографических и экологических вопросов, особое место в романе занимает проблема современной нуклеарной семьи. Традиционный конфликт поколений смещается в русло поиска свободы каждым представителем малого семейного круга. В романе представлены истории нескольких поколений семьи Берглундов, члены которой пытаются весь роман обрести свободу друг от друга: кто-то от родителей, кто-то от сестер и братьев, кто-то от супругов. Для героев независимость является наивысшей ценностью, но эта независимость от близких людей всего лишь иллюзия. В итоге каждый переосмысливает понятие «свобода» и понимает, что освободиться надо не от близких и родных, а от эгоизма и потребительского отношения друг к другу. За два десятилетия нуклеарная семья Берглундов из четырех человек проживает множество привязанностей, расставаний и отчуждений. Родители играют в любимчиков со своими детьми, дети выявляют и эксплуатируют слабости своих родителей. Другой вариант рассмотрения проблемы современной семьи – герой-одиночка Ричард Кац, ведущий свободный образ жизни со множеством партнеров. В конечном итоге Кац остается без семьи и каких-либо привязанностей. И корни этой свободы не являются соблюдением кодекса кумира молодежи, звезды инди-поп-рока, а кроются в патологических взаимоотношениях с матерью, бросившей его в раннем детстве; так что вольная воля харизматичного Ричарда Каца на самом деле оказывается следствием детских психологических комплексов, которые мешают способности сформировать здоровые интимные отношения во взрослом возрасте.

Свою критику «технопотребительства» Дж. Франзен продолжил в романе 2015 года *Purity* (в русском переводе «Безгрешность»). В художественной ткани повествования искусно вплетены мысли автора об ответственности писателя и сопротивлении тому, что он в эссе назвал «связью технологий, средств массовой информации и капитала». Данный роман предстает в новой композиционной структуре, в нем сочетаются различные жанровые элементы: роман воспитания, криптодетектив, love story, семейный роман, роман взросления, роман-расследование. В традиционное романное повествование автор включает формы современных средств коммуникации (анкетирование, SMS, заголовки СМИ, e-mail-переписку, телеграммы и т.д.), все это используется как удачный художественный прием, позволивший на «своем» языке говорить о важных и актуальных проблемах современного социального, экономического и политического состояния мира. В романе широко представлены проблемы глобализма, тоталитарной сущности интернета, оружия массового поражения, наследия социализма в Восточной Европе, террористические угрозы, проблемы перенаселения.

Социальный дискурс романа, принципы типизации героев, отображение событий, несмотря на внешние экспериментальные элементы, представлены в традиционной модели реалистического повествования. Исторический детерминизм явен в изображении проблем современного американского и мирового сообщества на фоне истории героев: падение Берлинской стены, проблемы глобализации, демократии, экологии; социальный детерминизм – в изображении проблем современной семьи, молодежных группировок, закрытых сообществ, проблем взаимоотношений мужчин и женщин в современном мире, зависимости от интернета, социальных сетей; в романе представлена целая галерея психологических типов персонажей, в которых отражены типичные черты представителей различных поколений современного американского и европейского обществ: мать-одиночка, бывшая бунтарка; дочь, ищущая отца, себя и свое место в мире (Пип, главная героиня); Андреас, жертва психологических экспериментов в семье (как метафора психологической патологии целого поколения – жертв социалистического тоталитаризма в Германии под надзором Штази) и другие.

В этом романе Дж. Франзена авторское мышление определяется также историей недавнего прошлого и ее влиянием на нынешнее состояние персонажей. Пережитые травмы (насилие, потеря отца, семьи, бегство из страны и т.д.) осознанно или нет определяют поступки и состояние героев. Сюжетные линии заглавных персонажей оказываются связанными не случайно, и в композиционном построении, и в символических аллюзиях проступает сложно организованная конструкция повествования. Ретроспекции, аллюзивная символика (отсылки к Шекспиру, Диккенсу и Достоевскому), одновременно, традиционно спокойный реалистический стиль повествования, прерывающийся элементами детектива, бульварного романа, свидетельствует о широте художественного взгляда автора, пытающегося очертить и помочь понять себе и читателям причины и следствия проблем бытия человека в современном мире.

Таким образом, романы Дж. Франзена, с отчетливо выраженным социально-политическим дискурсом и авторской критической оценкой проблем, бесспорно являются ярчайшими образцами современной интеллектуальной прозы США, а их автор – мастером нового типа социального романа.

М. В. Смирнова, А. А. Жук

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КИТАЙСКИМИ ИММИГРАНТАМИ В АМЕРИКЕ КОНЦА XX ВЕКА

(на примере романа Джин Квок «Девушка в переводе»)

Художественная литература писателей-иммигрантов из Восточной Азии получила свое развитие во второй половине XX века. Данную литературу принято именовать мультикультурная, или гибридная, литература, а продукт – поликультурный художественный текст. Поликультурный художественный текст – произведение, написанное автором – представителем одной куль-

туры, пишушем на языке культуры той страны, в которой он проживает. В связи с этим гибридная литература тесно связана с вопросами обретения идентичности китайских эмигрантов в США в 1950–2000-х гг.

К такому типу литературы относится роман Джин Квок «Девушка в переводе». Данное художественное произведение является представителем азиатско-американской литературы, повествующей о трудностях, с которыми сталкиваются китайские эмигранты и их дети. В романе «Девушка в переводе» Джин Квок раскрывает особенности сосуществования и взаимодействия свободной от условностей, раскрепощенной американской культуры и «консервативной» китайской культурой, а также обретение самости в пересечении и наложении идей в данном культурном контексте.

Роман о взрослении «Девушка в переводе» описывает переезд мамы и дочери из Гонконга в Нью-Йорк, США. Главной героине пришлось днем учиться в школе и подрабатывать в библиотеке, а вечером помогать маме на маленькой фабрике с потогонной системой, чтобы оплатить квартиру и прокормить себя и мать. Ее целью было получить престижное образование, стать врачом и выбраться из нищеты. Так как ее мама не владела английским языком, Ким, главной героине, пришлось самостоятельно выстраивать мост между китайской и американской культурами, обретать свое место в обществе и окружающем мире. Несмотря на трудности, она не теряет веру в себя и свои способности и не собирается отступать.

«Девушка в переводе» наглядно демонстрирует специфику культурного и социального опыта китайских иммигрантов в Соединенных Штатах Америки. Поскольку повествование фокусируется на истории матери и дочери, двух разных поколений, особое внимание уделяется тому, как они обе, но особенно юная Ким, воспринимают свой статус китайских иммигрантов и справляются с неотъемлемыми трудностями ситуации. Для Ким это влечет за собой отказ от многих условностей, касающихся того, как правильно быть женщиной и китаянкой, как добиться успеха в школе. Подобное отношение можно заметить уже в прологе, где взрослая Ким рассуждает о китайском поверии о судьбе и удаче. Ее тон аналитичен и выражает некоторую отстраненность от традиционного китайского мировоззрения. Напротив, для ее матери трудности и чужеродность жизни в США служат оправданием для того, чтобы цепляться за китайские обычаи и язык. Для обеих женщин опыт иммиграции оборачивается изоляцией, а в случае Ким создает разрыв между ее идентичностью китаянки и попытками адаптироваться к новой американской реальности.

Контраст между прежней жизнью Ким и Ма и нынешней разителен: например, когда в первой главе Ким описывает свои впечатления от нового крошечного и грязного жилья, доминирующими эмоциями являются ужас и непонимание происходящего. На данном этапе ни она, ни ее мать не знают языка и местных реалий, а значит, вынуждены полагаться на свою дальнюю родню и их благосклонность, что делает их уязвимыми для эксплуатации. Тетя Пола и ее муж кажутся доброжелательными, однако, вероятно, с самого начала планировали пригласить Ким и Ма в США в качестве бесплатной

рабочей силы на своей фабрике. Осознание ситуации означает возникновение конфликтующих эмоций: с одной стороны, в китайском обществе принято почитать старших, да и Ма безгранично благодарна семье за помощь. С другой, Кимберли отчетливо видит, что ей и ее мать пользуются, что их нарочно держат в условиях бедности с целью создания ложных представлений о своей жизни и о натуре благодетелей. Будучи ребенком, она не имеет возможности взбунтоваться или изменить ситуацию, но и примириться не способна.

И для Ким, и для Ма пребывание в Соединенных Штатах означает необходимость выучить новый язык. То, как Ким воспринимает язык, в частности, включает в себе некоторые трудности жизни иммигранта. С самого начала Ким изо всех сил пытается смириться с тем фактом, что, хотя она была лучшей ученицей в Гонконге и лучшей в своем классе в США, ее неспособность понимать английский означает, что она получает очень плохие оценки (за исключением математики и физики) в течение первых нескольких лет в школе. Она также получает плохие оценки из-за своей неспособности выполнить определенные задания из-за своей бедности, например, когда она не может выполнить какое-либо из заданий мистера Скоггинса о текущих событиях – он говорит ученикам читать газеты своих родителей или разговаривать с их родителями, две вещи, которые, как знает Ким, были бы для нее невозможны. Однако Ма так и не выучила английский по-настоящему; она по-прежнему не может сказать ничего, кроме «пожалуйста», «спасибо» и «извините». В частности, это связано с тем, что она проводит большую часть своего времени на фабрике с другими китайскими иммигрантами, говорящими на кантонском диалекте. Изучение английского языка для нее не столь актуально, как для Ким, которая стремится войти в престижный (и англоязычный) мир школы и медицины.

Еще одним социальным последствием незнания английского языка, которое едва ли не более пагубно для Ким, является цена, которую она платит за незнание сленга, социальных обычаев и правил этикета. Это усугубляется тем фактом, что Гонконг был британской колонией, а это значит, что даже ее малые познания в английском ее подводят. Это приводит к тому, что она просит у учителя резинку всего через неделю в школе, не понимая, что на американском английском она просила презерватив, а не ластик. Она также полностью теряется, когда ее новая подруга и одноклассница Аннет объясняет различные американские сленговые термины, в первую очередь то, что называться всезнайкой – это оскорбление, что-то, что идет вразрез со всем, чему Ким когда-либо учили о важности образования и знаний.

Точно так же Ким обнаруживает, что ее жизнь совсем не соответствует представлению ее одноклассников о жизни иммигрантов. В начале своей дружбы с Аннет Ким упоминает, что после обеда она помогает Ма на фабрике. Когда Аннет возвращается в школу на следующий день и сообщает Ким, что, по словам ее отца, детям запрещено работать на фабриках, и поэтому Ким, должно быть, выдумала историю, Ким осознает, что некоторые факты о своей жизни дома ей стоит хранить в секрете. Она убеждена, что

белокожая девочка Аннет из среднего класса просто не в состоянии понять ее; более того, бедность Ким уже делала ее жертвой травли, поэтому излишняя откровенность может стоить ей с таким трудом достигнутого баланса.

Необходимость хранить в тайне свою бедность в школе и свою социальную жизнь дома заставляет Ким чувствовать себя абсолютно одинокой и изолированной. Примечательно, что Ким не может чувствовать себя по-настоящему принятой и на своем месте, пока не получает возможность быть честной и открытой с семьей и друзьями касательно своих чувств и опыта жизни в американском обществе. Она наконец-то позволяет своей семье и ближайшей подруге увидеть, что ей нужна помощь в примирении своей китайской идентичности с американской. Роман наглядно демонстрирует внутренний конфликт личности в условиях общественной изоляции, а также то, как подобный опыт может стать причиной личностной фрагментации.

Тарек Альших Хедер

POETIC TOOLS OF CREATING SPATIAL IMAGES IN S. HEANEY'S WORKS

Seamus Heaney, an accomplished Irish poet and writer, is credited for his powerful ability to capture the essence of rural life in Ireland with vivid imagery. Through his works, readers experience the awe-inspiring depth of emotion that only a masterful writer can stir. Heaney's poetic voice delves into themes of identity and history while beautifully integrating elements from the natural world into his writing (Sharif et al., 2023). Seamus Heaney's poetry contains many sources of excellence, but perhaps the most striking is his skill in creating vivid spatial images to represent different emotional states. In this article, we will examine the poetic tools Heaney employs to create spatial images in his works, focusing on the techniques and devices that contribute to their evocative power.

Imagery is central to Heaney's poetry, and he is particularly adept at using metaphors to create vivid spatial images. In "Death of a Naturalist," for instance, Heaney describes a scene from his childhood in rural Ireland: *All year the flax-dam festered in the heart / Of the townland; green and heavy headed / Flax had rotted there, weighted down by huge sods. / Daily it sweltered in the punishing sun.*" (Heaney, 2009). The language Heaney employs in this stanza is concrete and sensory, allowing the reader to visualize the setting and experience the sun's oppressive heat. Metaphors like *the flax-dam festered* and *sweltered in the punishing sun* evoke a sense of decay and discomfort, which contribute to the poem's overall atmosphere (De Leo, 2019). Similarly, in "North," Heaney uses the metaphor of a shipwreck to describe the Irish landscape: *I returned to a long strand, / the hammered curve of a bay, / and found only the secular / powers of the Atlantic thundering* (Heaney, 2010). In this excerpt, *the hammered curve of a bay*

serves as a spatial image that conveys the raw power of the natural world, while the metaphor of the shipwreck imbues the landscape with a sense of history and loss.

Heaney also employs *symbolism and allusion* to create spatial images in his works. In “Digging,” Heaney utilizes symbols to explore the concept of balance and harmony in the natural world. *Between my finger and my thumb / The squat pen rests; snug as a gun. / Under my window, a clean rasping sound / When the spade sinks into gravelly ground: / My father, digging* (Heaney, 1966). Though the passage does not mention the spirit level explicitly, the imagery and symbolism in the poem convey a sense of equilibrium and harmony, reflecting the poem’s broader thematic focus on balance in the natural world. In “The Tollund Man,” Heaney alludes to the myth of the bog people, ancient corpses preserved in the peat bogs of Northern Europe, to create a powerful spatial image: *Something of his sad freedom / As he rode the tumbril / Should come to me, driving, / Saying the names / Tollund, Grauballe, Nebelgard, / Watching the pointing hands / Of country people, / Not knowing their tongue* (Heaney, 1972). In this excerpt, Heaney lists the names of several famous bog bodies, such as Tollund Man and Grauballe Man, discovered in the peat bogs of Northern Europe. By mentioning these specific individuals, Heaney alludes to the historical and cultural significance of the bog people, adding depth to the poem’s spatial imagery and inviting the reader to explore the hidden layers of meaning beneath the surface (Jie, 2021).

Sound and rhythm are essential elements of Heaney’s poetic toolbox, as they contribute to creating spatial images by evoking a sense of movement and place. In “Death of a Naturalist,” Heaney employs alliteration and assonance to create a sense of rhythm and musicality in the poem: *Bubbles gargled delicately, bluebottles / Wove a strong gauze of sound around the smell* (Heaney, 1966). The repetition of the “b” and “g” sounds in *bubbles* and *gargled*, as well as the “s” and “w” sounds in *strong* and *wove*, create a sense of onomatopoeia, allowing the reader to hear and feel the movement of the natural elements described in the poem. This use of sound contributes to the poem’s spatial imagery by situating the reader within the landscape and immersing them in the natural world’s sights, sounds, and textures. In “Digging,” Heaney uses sound and rhythm to emphasize the connection between his craft of writing and his father’s labor as a farmer (Jabarouti, 2021). *The cold smell of potato mold, the squelch and slap / Of soggy peat, the curt cuts of an edge / Through living roots awaken in my head* (Heaney, 1966). The use of consonant sounds such as “s” and “l” in words like *squelch* and *slap*, coupled with the sounds of “c” and “t” heard in words such as *cuts* and *curt*, establish a sense of onomatopoeia, allowing readers to physically experience the movement of cuts through the soil using their auditory senses. Serving as contributing factors towards spatial imagery employed within the poem, this use of sound facilitates reader immersion into the surroundings, prompting them to visualize tactile characteristics that make up rural landscapes. The use of sound and rhythm in “Digging” not only evokes a sense of place and movement but also

creates a parallel between the physical labor of his father and the mental labor of his writing, emphasizing the importance of ancestry and tradition in shaping his poetic identity (Quement et al., 2016).

To conclude, the rich spatial imagery of Seamus Heaney's poetry helps readers to get fully immersed in the locations of his poems and feel the emotions he is trying to express. Heaney's poetic landscapes are rich in detail and resonant with the reader on several levels due to his masterful use of imagery, metaphor, symbolism, allusion, sound, and rhythm. The reader may better understand Heaney's poetic mastery and the lasting impact of his contributions to the world of literature by analyzing the many tools and strategies he utilizes in his poems.

С. М. Тычына

МАСТАЦКІЯ АСАБЛІВАСЦІ АНГЛІЙСКОЙ ФІЛАСОФСКАЙ КАЗКІ (на прыкладзе казак О. Уайльда)

Нягледзячы на тое, што з'яўленне літаратурных казак непасрэдна звязана з фальклорам, мастацкія асаблівасці казак, якія маюць канкрэтнага аўтара, могуць дастаткова моцна адрознівацца ад асаблівасцей народных казак. Гэтыя адрозненні адзначаў і У. Пропп у кнізе “Марфалогія чароўнай казкі”, калі пісаў пра функцыі дзеючых асоб у народных казках. Даследчыкі М. Ліпавецкі, Т. Леонава, Б. Бегак у сваіх работах падкрэслівалі, што літаратурная казка не проста арыентуецца на народную казку, але і можа ўключаць элементы філасофскага рамана, аповесці, байкі, прытчы і іншых літаратурных жанраў.

Літаратурныя казкі на першы погляд падобныя да народных казак (асабліва тады, калі аўтар выкарыстоўвае пэўную стылізацыю пад фальклорныя тэксты або бярэ фальклорны сюжэт і, перапрацаваўшы яго, піша свой твор). Аднак часцей за ўсё на літаратурныя казкі накладвае адбітак асоба аўтара і яго творчая індывідуальнасць (у той час як у народных казках з-за таго, што яны пераказваліся і апрацоўваліся многімі людзьмі, гэтая індывідуальнасць паступова знікае). Мае істотнае значэнне і час, калі ўзнікае тая або іншая літаратурная казка, а таксама той факт, што ў адрозненне ад казкі народнай, літаратурная казка, як правіла, не існуе ў вуснай форме, а таму не падвяргаецца тым зменам, якія становяцца магчымымі пры пераказе чарадзейнай гісторыі рознымі людзьмі. Так што такія казкі не зблытаеш з іншымі (напрыклад, казкі О. Уайльда настолькі вылучаюцца сваім стылем, асаблівасцямі выкладання падзей, сваімі вобразамі, што іх аўтара вельмі лёгка пазнаць).

Асаблівае месца сярод літаратурных казак займае філасофская казка, якая закранае анталагічныя праблемы, заклікае задумацца над пытаннямі, звязанымі з вызначэннем і выяўленнем самога сябе, і мае выразны прытчавы пачатак. Да такіх казак варта аднесці творы Л. Кэрала (“Прыгоды Алісы ў краіне цудаў”, “Праз люстэрка і што Аліса знайшла там”), О. Уайльда (“Салавей і ружа”, “Кентэrvільскі прывід”, “Рыбак і яго Душа”, “Малады

кароль”, “Алданы сябар” і інш.), А. дэ Сэнт-Экзюперы (“Маленькі прынец”), Якуба Коласа (“Казкі жыцця”) і інш. Філасофскія казкі разлічаны на розную ўзроставаю аўдыторыю, але іх глыбокі сэнс (асабліва калі аўтар не імкнецца выявіць яго выразна) можа зразумець у першую чаргу менавіта дарослы чалавек. Дзіцёнка філасофская казка можа засмуціць, паколькі вельмі часта ў такіх казках фінал можа быць нешчаслівым, неадназначным, або ў іх зло можа атрымаць перамогу над добром (напрыклад, як у казках “Дзень нараджэння Інфанта”, “Алданы сябар” О. Уайльда ці “Балотны агонь” Якуба Коласа).

Акрамя названых прыкмет філасофскай казкі, можна адзначыць яшчэ і паглыбленне ва ўнутраны свет чалавека, яго перажыванні. Філасофская казка вельмі часта эмацыйна насычаная. Героі здзіўляюцца (у творы Л. Кэрала здзіўленне і цікавасць прымусілі Алісу пайсці за Белым Трусам, што выклікала шэраг падзей), засмучаюцца (у казцы Я. Коласа “Балотны агонь” бярозка моцна засумавала, калі вяз адкрыў ёй праўду пра агонь, які яна прымала за нейкі цуд і лічыла адзінай уцехай у жыцці), паміраюць ад душэўнага болю (у казцы “Дзень нараджэння Інфанта” О. Уайльда Карлік меркаваў, што прынецса дорыць яму кветку таму, што кахае яго, але калі ён разумее, што яна проста смялася з яго, то яго сэрца не вытрымлівае) і г.д. Дакладных правіл напісання філасофская казка не мае. Яна можа ўключаць фальклорныя традыцыі, спасылкі на гістарычныя падзеі (“Жывая вада” Якуба Коласа), сусветныя рэлігіі (“Велікан-эгаіст” О. Уайльда), мець элементы лінгвістычнай гульні (“Прыгоды Алісы ў краіне цудаў” Л. Кэрала).

Цікава, што жыццё і творчасць самых выбітных і вядомых англамоўных пісьменнікаў (Л. Кэрала і О. Уайльда), якія распрацоўвалі жанр філасофскай казкі, прыйшліся на другую палову ХІХ ст. Даследчыца англійскай літаратурнай казкі Н. Віктарава ў дысертацыі “Англійская літаратурная казка эпохі пасмадэрнізму” указвае гэты час (а дакладней 1850–1880-я гг.), як першы перыяд развіцця англійскай літаратурнай казкі, адзначаючы з’яўленне вялікай колькасці разнастайных у жанравых адносінах аўтарскіх казак. Навуковец звяртае ўвагу і на перыяд з 1880 па 1915 гг. у развіцці літаратурнай казкі, асабліва сць якога вызначаецца спецыфікай літаратурнай сітуацыі ў Вялікабрытаніі. У гэты час усведамляюцца жанравыя магчымасці літаратурнай казкі і яе запатрабаванасць сярод розных катэгорый чытачоў. Філасофская казка прадстаўляе адзін з пяці жанравых відаў аўтарскай казкі таго часу. Як слушна заўважае даследчыца, казкі О. Уайльда моцна адрозніваюцца ад традыцыйнай англійскай казкі, што абумоўлена не ў апошнюю чаргу ўплывам эстэтызму.

Сярод мастацкіх асаблівасцей філасофскіх казак О. Уайльда можна адзначыць наступныя.

1. Умоўнасць паняццяў “добра” і “зла”. У казцы “Рыбак і яго Душа” Рыбак адмаўляецца ад уласнай душы дзеля кахання марской Дзяўчыны. Вельмі цяжка ацаніць яго ўчынак з пункту погляду традыцыйнага ўяўлення пра “станоўчае” і “адмоўнае”. Ахвяраванне самым каштоўным (напрыклад, жыццём) для кахання – гэта падзвіг у імя любові. Але ахвяраванне

бессмяротнай душой – гэта грэх. Каханне робіць Рыбака шчаслівым, яго не цікавяць матэрыяльныя даброты, якімі спрабуе завабіць яго Душа, але ён здраджвае маленькай марскоў Дзяўчыне, спакусіўшыся аповедамі пра танцы і прыгожыя ножкі зямной дзяўчыны. Адзначым, што ў канцы твора нават Святар, які палічыў жыхароў мора, Рыбака і яго каханую нячыстымі, усвядоміўшы прыгажосць і моц каханья герояў, урэшце благаславіў усіх істот, якіх праклінаў.

2. Зварот да вечных каштоўнасцей. Нягледзячы на адноснасць паняццяў “добра” і “зла” ў казках О. Уайльда падкрэсліваецца важнасць дабрыні (“Велікан-эгаіст”), спагады (“Кентэрвільскі прывід”, “Шчаслівы прынц”), каханья (“Салавей і ружа”, “Рыбак і яго Душа”), сяброўства (“Адданы сябар”) і г.д. Духоўныя каштоўнасці павінны стаяць вышэй за матэрыяльныя – такія высновы можна зрабіць, чытаючы казкі “Малады кароль”, “Шчаслівы прынц” і г.д. Але пры гэтым часам самі героі наадварот прыходзяць да думкі, што ў матэрыяльным больш сэнсу і лепш трымацца менавіта матэрыяльнага. Прынцэса ў казцы “Дзень нараджэння Інфантаў” выказвае пажаданне, каб у тых людзей, якія будуць з ёю гуляць у будучыні, не было сэрца. Студэнт, для рэалізацыі пачуццяў якога салавей ахвяраваў жыццём, робіць заключэнне, што каханне – гэта глупства.

3. Ідэя пра тое, што прыгажосць вышэй за ўсё. Цікава, што дадзены прынцып эстэтызму ў казках О. Уайльда ўдакладняецца разуменнем таго, што знешняя прыгажосць павінна знаходзіцца ў гармоніі з унутранай прыгажосцю. Інакш гэтая прыгажосць пакідае адчуванне штучнасці (“Дзень нараджэння Інфантаў”, “Шчаслівы прынц”).

4. Наяўнасць псіхалагізму. Як ужо адзначалася, у філасофскіх казках важнай часткай з’яўляецца адлюстраванне ўнутраных перажыванняў герояў. У О. Уайльда героі часта перажываюць здраду, церпяць насмешкі, боль ад каханья, адзіноты, нейкай страты. Пісьменнік выяўляе песімістычны настрой: высакародныя ўчынкі герояў не цэняцца (“Адданы сябар”), жыццё можа аказацца згубленым марна (“Рыбак і яго Душа”, “Дзень нараджэння Інфантаў”).

5. Неадназначная падача вобразаў герояў. Адмоўны персанаж можа гаварыць правільныя, узвышаныя словы, мець добрыя намеры і здавацца неблагім чалавекам (у тым ліку згодна з ацэнкай іншых персанажаў і яго самога). Асабліва яскрава гэта праяўляецца ў казцы “Адданы сябар” у вобразе Г’ю-Млынара, які спачатку выкарыстоўваў, а потым загубіў Маленькага Ганса.

6. Адсутнасць пакарання зла. Падступныя ўчынкі героя часта не маюць для яго наступстваў. Жыццё станоўчага персанажа страчана, адмоўны персанаж працягвае існаваць далей (“Дзень нараджэння Інфантаў”, “Адданы сябар”).

7. Нешчаслівы ці неадназначны фінал. У вялікай колькасці казак О. Уайльда выяўлена меркаванне пра тое, што зло ўсё роўна возьме сваё. У казцы “Хлопчык-зорка” ў канцы аўтар паказвае раскайванне галоўнага героя, прымірэнне яго з бацькамі, яго спагадлівае, літасцівае і справядлівае

кіраванне краінай, выгнанне злога Чараўніка. Здаецца, на гэтым можна было б завяршыць твор, але фінальная фраза пра тое, што наступнік Хлопчыка-зоркі быў тыранам, выклікае адчуванне, што дабро не перамагло. Наогул тое, як заканчвае творы О. Уайльд, пакідае адчуванне незавершанасці і змушае паразважаць над творам.

8. Наяўнасць праблемы выбару. Героі мусяць выбіраць паміж тым, што патрэбна ім, і тым, што патрэбна іншым, часта ахвяруючы сабой (“Салавей і ружа”, “Шчаслівы прынц”, “Малады кароль”, “Адданы сябар”). Выбар герояў можа тычыцца духоўнага і матэрыяльнага, добра і зла.

Такім чынам, можна адзначыць, што філасофскія казкі О. Уайльда маюць сваю спецыфіку, якая шмат у чым абумоўлена ўплывам эстэтызму. Казкі дазваляюць паразважаць над праблемамі жыцця, смерці, прызначэння чалавека ў свеце, над пытаннямі чалавечага шчасця, добра і зла. О. Уайльд паказвае, што ў свеце няма дакладнага падзелу на цемру і святло, што не заўсёды магчыма перавыхаваць асобу і прымусіць яе ўсвядоміць каштоўнасць кахання, справядлівасці і міласэрнасці, важнасць выбару на карысць добра, што чалавечы эгаізм і закасцяnelасць у поглядах, якая не дае магчымасць адрозніць праведнае ад няправеднага, існавалі і будуць існаваць далей.

ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

В. Р. Абреу-Фамлюк

ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ВО ФРАНКО-РУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ ПЕРЕВОДА

При переводе текстов разговорного дискурса (например, текстов современных франкоязычных новелл) на русский язык отмечается проблема выбора адекватного и коммуникативно равноценного типа предложения. В подавляющем большинстве случаев неопытные переводчики, стремясь обеспечить эту самую коммуникативную равноценность своего речевого произведения и текста оригинала, идут по ложному пути и без должного анализа коммуникативной цели высказывания переносят в текст перевода тот же знак препинания, что содержался в исходном фрагменте. Использование данной стратегии может привести к смысловой деформации текста перевода и его неверному интонационному восприятию, поэтому проблема выбора коммуникативных типов предложений и анализ их несоответствий во франко-русском направлении заслуживает самого пристального внимания.

Изучение разнообразных высказываний обыденно-разговорной речи утвердительного, вопросительного и восклицательного характера, взятых из текстов новелл, показывает, что несоответствия коммуникативного типа исходного и переводного предложения наблюдаются в основном во фрагментах с высокой степенью эмоционально-экспрессивной насыщенности, и регулярно эти предложения представляют собой текст от первого лица. В результате анализа выявлены следующие типы ситуаций в переводе:

- 1) коммуникативный тип исходного предложения сохраняется;
- 2) утверждение преобразуется в восклицание или в вопрос;
- 3) вопрос переводится восклицательной структурой;
- 4) восклицательное предложение принимает форму вопроса;
- 5) существуют несколько вариантов перевода предложения (например, через вопрос или восклицание).

Безусловно, при выборе коммуникативного типа переводного предложения следует руководствоваться понятием «коммуникативной цели» или «интенции». Важно проанализировать, входит ли в спектр задач автора исходного высказывания простое сообщение некой информации, запрос некоторой информации или передача эмоционального состояния какого-либо персонажа.

1. Довольно типична ситуация полного соответствия коммуникативных типов предложений при франко-русском переводе:

- а) – *C'est bien la ponctualité !* 'Вот это пунктуальность!' (восклицание);
- б) – *Devait-il se rendre au rendez-vous et lui lancer la vérité une fois sur place?* 'Стоит ли, придя на свидание, рассказать ей всю правду?' (вопрос).

2. Иногда переводчик сталкивается с такими контекстами, где во французском языке знаки препинания передают утвердительную структуру, но ее сохранение в русском варианте перевода будет некорректно отражать коммуникативную цель, которая, как правило, связана с передачей существенных эмоционально-экспрессивных нюансов высказывания. В таком случае переводчик может вполне осознанно преобразовать коммуникативный тип предложения: *Plutôt mourir.* – ‘Ни за что в жизни! (Только через мой труп!)’. Любая из предложенных русскоязычных версий данного высказывания будет точнее передавать авторский замысел, состоящий в эмоциональной передаче отказа от чего-либо, если будет выражена в восклицательной форме. Тем не менее обратная трансформация (из восклицания в утверждение) маловероятна, так как при этом теряется коммуникативный эффект, который при переводе желательно сохранить.

Утверждение может быть переведено и вопросительной структурой. Такая ситуация возникает, например, если переводчик стремится подчеркнуть интеррогативную природу исходного высказывания, особенно если в составе предложения-оригинала есть вопросительное слово, ср.: *Comment, moi qui suis d'une timidité maladive, toute petite et chétive, dotée d'une poitrine trop plate, moi qui suis toujours cachée derrière une tonne de cheveux, comment pourrais-je développer une relation amoureuse.* – ‘Как мне, до боли застенчивой, маленького роста, с плоской грудью, вечно прячущейся за копной волос, устроить свою личную жизнь?’. Помимо прочего, преобразование коммуникативного типа данного высказывания позволяет подчеркнуть риторическую природу вопроса, которым задается персонаж новеллы.

3. Выбор коммуникативного типа предложения в русскоязычном тексте обусловлен наличием/отсутствием вопросительной интенции. В ряде случаев отсутствует запрос информации, в высказывании доминирует экспрессивно-эмоциональная составляющая, что обуславливает переводческий выбор в пользу восклицательной структуры:

а) – *Qu'est ce qu'elle ne va pas imaginer celle-là?* ‘Чего она только не придумает! (И придет же такое в голову!)’;

б) – *Ça ne va pas s'arrêter comme ça?* ‘Это же не может вот так закончиться!’;

в) – *Comment pouvez-vous le savoir, vous ne m'avez même pas examinée?* ‘С чего вы это взяли? Вы ведь даже не осмотрели меня!’ (в данном случае изменение коммуникативного типа предложения сопровождается преобразованием синтаксического членения, одна из частей предложения оформляется как вопрос, вторая же, несущая экспрессивную функцию, имеет форму восклицания).

4. Преобразование восклицания в вопрос может осуществляться по нескольким причинам. Во-первых, как и в предыдущем примере, переводчик может счесть необходимым подчеркнуть экспрессивные элементы высказывания и, например, разбить одно восклицательное предложение на два (вопросительное и восклицательное), что придает ему более диалогиче-

скую окраску: *Sauter à l'élastique, c'est fait! Gravier les volcans d'Auvergne, c'était trop facile! Apprendre le tango, les doights dans le nez!* – ‘Научиться танцевать танго? Раз плюнуть! Играть на контрабасе? Миссия выполнена! Исполнить роль Селимены из пьесы «Мизантроп» в школьной постановке? Проще простого!». Кроме более яркого диалогического характера получившегося русскоязычного варианта, примечательно еще и то, что данный способ позволяет избежать использования выделительной структуры, которая для русскоязычного текста в целом является менее характерным явлением, нежели для франкоязычных контекстов.

Во-вторых, присутствие вопросительного слова в структуре в ряде случаев влечет за собой преобразование коммуникативного типа русскоязычного предложения в вопрос (разумеется, при наличии у него информационной лакуны, т.е. намерения запросить информацию, получить ответ на вопрос):

а) – *Comment est-ce que je vais payer mon loyer maintenant !* ‘Как теперь мне платить за съемную квартиру?’;

б) – *Comment ma vie peut-elle avoir pris un tournant aussi catastrophique !* ‘Как моя жизнь могла принять такой ужасный поворот?’;

в) – *Qu'ai-je fait pour mériter tout ça !* ‘За что мне всё это?’.

5. Наконец, весьма любопытны ситуации, в которых переводчик располагает всей широтой выбора коммуникативного типа переводимого предложения. Теоретически, в таких ситуациях гармонично сочетаются обе коммуникативные интенции (интеррогативная и эмоционально-экспрессивная). Избрав путь передать лишь одну из данных интенций, переводчик несущественно сужает возможность интерпретации высказывания либо в сторону вопроса, на который теоретически может быть дан ответ, либо и в сторону восклицания, не требующего обязательной реакции:

а) – *Comment t'as pu me faire ça !* ‘Как ты мог так со мной поступить? (Как ты мог так со мной поступить!)’;

б) – *Mais qu'est-ce qu'il fout ici !* ‘Но какого черта он тут делает? (Но какого черта он тут делает!’.

Предпочитая вопросительной форме восклицательную в приведенных примерах, переводчик будет делать упор на возмущении и выказывании своего резко негативного отношения к происходящему. Любопытно, что существует и третий вариант знака препинания – «?!», довольно удачно сочетающий и, по сути, приравнивающий по роли обе интенции, возможные в интерпретации высказываний данного типа.

Таким образом, выявленные модели несоответствий коммуникативных типов высказываний во франко-русском направлении перевода обыденно-разговорных текстов позволяют наметить вариативные подходы к интонационно-смысловому оформлению письменных предложений и по возможности избежать существенных деформаций, вызванных межъязыковой интерференцией при переводе.

ПЕРЕДАЧА МЕТАФОР В АНГЛО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Предметом проведенного исследования были избраны способы перевода метафор, встречающихся в англоязычных текстах экономической тематики, на русский язык. Обращение к данной проблеме продиктовано колоссальной ролью метафоры не только как стилистического тропа, создающего образность, но и как когнитивной операции.

Известно, что метафора позволяет описать явления действительности в определенном ракурсе, а также оказать своеобразное воздействие на реципиента текста. Аналитический обзор литературы показывает множественность трактовок данного ключевого понятия: метафора определяется как троп, основанный на взаимодействии разных классов предметов (словарь лингвистических терминов под ред. В. Н. Ярцевой), а также как сознательное нарушение смыслового соединения слов (Н. Д. Арутюнова). Наконец, имеется точка зрения, согласно которой метафора есть результат взаимодействия словарного и контекстуального предметно-логического значения по принципу сходства (И. Р. Гальперин). Указанные концепции акцентируют образно-стилистический потенциал метафоры.

Помимо этого, метафора имеет и когнитивную ценность, позволяя охарактеризовать менее знакомые нам предметы сквозь призму более знакомых, избирательно фиксируя определенные существенные признаки обоих понятий (Хосе Ортега-и-Гассет, М. Блэк).

Выбор способа перевода конкретной метафоры во многом зависит от ее типа. Можно выделить следующие основные типы метафор (по Н. Д. Арутюновой):

1) номинативная (перенос названия с одного предмета на другой), например: *The EC has approved the **acquisition**, saying that Microsoft's offer of 10- year free licensing deals means there would be fair competition in the market.* 'Еврокомиссия одобрила сделку по **поглощению**, заявив, что предложения компании *Microsoft* о заключении безвозмездных лицензионных соглашений сроком на 10 лет способны обеспечить честную конкуренцию на рынке';

2) образная (переход идентифицирующего значения в предикатное), например: *The government says it is doing what it can to bring down prices and blames the **strain** on external factors linked to the war in Ukraine.* 'Правительство заявляет, что оно делает все возможное для снижения цен, и видит **«корень зла»** во внешних обстоятельствах, связанных с войной в Украине';

3) когнитивная (изменение сочетаемости предикатных лексем, главным образом при переосмыслении различных ситуаций действительности в терминах пространства и времени): *The new note – which will be worth \$11 (£9) officially – comes after consumer prices **jumped** by nearly 95 % in the 12 months*

to the end of December. ‘Новый денежный знак номиналом 11 долларов США (9 фунтов стерлингов) введен после того, как потребительские цены «взлетели» на целых 95 % за год.’;

4) генерализирующая (стирает границы между лексическими категориями, порождая выражения с делексикализованными предикатами), например: *Beijing's lending to Sri Lanka stands at around \$7bn (£5,71bn) while India is owed around \$1bn (£820m).* ‘Объем финансовой помощи, оказанной Пекином Шри-Ланке, **составляет** примерно 7 млрд долларов США (5,71 млрд фунтов стерлингов), тогда как задолженность Шри-Ланки перед Индией составляет около 1 млрд долларов США (820 млн фунтов стерлингов)’.

Переводы вышеприведенных примеров предложены нами. Безусловно, каждое метафорическое выражение в некоторой степени специфично и может допускать различные способы интерпретации и перевода. Тем не менее прослеживаются некоторые устойчивые тенденции.

Так, перевод номинативных метафор (первый пример) «тяготеет» к прямому переводу или калькированию, поскольку данный тип метафор порождает омонимию – тот же план выражения получает дополнительный план содержания (Н. Д. Арутюнова). Иногда переводные эквиваленты могут сопровождаться оценочно-ограничительными оборотами *так называемый, своего рода* и т.п.

В свою очередь передача образной метафоры зачастую связана со сменой образной основы в языке перевода, а также с необходимостью учета контекста речевого произведения. Следовательно, возникает необходимость подбирать окказиональное соответствие, производя контекстуальную замену.

Когнитивные метафоры (третий пример) имеют тенденцию к универсализму, поскольку пространственно-временной континуум, выступающий «системой координат» при таком описании действительности, одинаков для всего человечества. Следовательно, здесь нередко допускается прямой перевод или использование частичного эквивалента (приближенного соответствия), иногда заключаемого в кавычки.

Наконец, перевод генерализирующих метафор сопряжен с необходимостью конкретизации широкозначных предикатов либо перестройки структуры всего предложения с субъектно-объектной трансформацией. Выбор глагола-предиката в таком случае определяется узואльными моделями глагольно-именной сочетаемости в русском языке.

Таким образом, перевод английских экономических метафор на русский язык определяется типом, к которому она относится, а также нормами лексической сочетаемости в русском языке.

А. В. Вдовичев

ДИАГНОСТИКА ЗНАНИЙ, НАВЫКОВ И УМЕНИЙ В ОБЛАСТИ ПЕРЕВОДА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ТРЕБОВАНИЯ

Оценка индивидуальных особенностей студентов позволяет выявлять познавательные затруднения, предупреждать студентов и преподавателей о возможных источниках затруднений в овладении иностранным языком

и стратегиями перевода, включающими применение различных трансформаций, своевременно предпринимая необходимые действия по их устранению. Все вышесказанное предполагает, что преподавателю необходимо владеть так называемой диагностической компетенцией.

Диагностическая компетенция включает готовность проверять понимание материала студентами, использовать специально разработанные схемы наблюдений за групповой и индивидуальной работой, применять стандартизованные тесты и интерпретировать результаты, стимулировать речемыслительную деятельность, проверять самостоятельную работу, отслеживать систематически допускаемые ошибки, совершать другие диагностические действия для внесения корректив в обучающую деятельность и создания новых познавательных возможностей для языкового развития, интеллектуального и личностного роста, для раскрытия резервных возможностей личности обучающегося.

Развитие современных контрольно-диагностических процедур в оценке эффективности усвоения знаний в области перевода на разных этапах внедрения интерактивного обучения является одним из важнейших направлений научно-методического обеспечения образовательного процесса.

В диагностике знаний, навыков и умений, которые формируют профессиональную компетенцию будущего переводчика, выделяют следующие факторы:

- объективные факторы – специфика профессии, определяющая личностные особенности и профессионально значимые качества и, соответственно, технологии формирования профессиональной компетенции переводчика, адекватное и экономичное использование материальных и технических средств ее формирования; характеристики образования, обеспечивающие соответствие профессиональной компетенции социальным, социально-психологическим и социально-перцептивным характеристикам будущего специалиста;

- субъективные факторы – уровень коммуникативных и познавательных способностей личности, актуализация потребности будущего специалиста в становлении профессиональных компетенций (например, потребность в них на младших курсах будет значительно ниже, чем на старших курсах);

- объективно-субъективно-временные факторы, определяющие гетерохронность становления профессиональной компетенции специалиста в зависимости от типа интеллекта, профессионально значимых качеств, жизненной и профессиональной ситуации.

В настоящее время основной формой контроля, заявленной во многих учебных программах по переводческим дисциплинам, является фронтальный опрос, который позволяет оценить уровень владения обучающимися конкретным теоретическим материалом и практическими навыками и умениями. Для целей проведения фронтального опроса рекомендуется использовать изучение кейсов, в которых студентам могут предлагаться задания, ориентированные на диагностику теоретической подготовки, практического владения способами и приемами перевода, социокультурной подготовки

специалиста к работе в определенной ситуации межкультурной коммуникации, психологической готовности к выполнению определенных переводческих задач.

Для диагностики знаний, навыков и умений в области перевода также предлагаются такие формы контроля, как подготовка презентаций и их групповое обсуждение, составление одно- и двуязычных тематических глоссариев для выполнения письменного перевода и подготовки к устному переводу в определенной сфере, индивидуальная работа по подготовке портфолио в рамках учебной дисциплины, контрольные работы и тесты.

Многие специалисты критически относятся к тестированию в области перевода, но необходимо признать, что информационные технологии в настоящее время позволяют создавать такие тестовые задания, которые помогают студентам раскрыть свой творческий потенциал, и контрольные тесты (открытого или закрытого типа, с выбором одного правильного варианта ответа или с множественным выбором и т.д.) становятся основной формой диагностики знаний не только по теоретическим, но и практическим дисциплинам. Целенаправленная проверка уровня владения теми или иными приемами перевода, например, конкретизацией, генерализацией, смысловым развитием (модуляцией) и т.п., может быть представлена в виде теста, как и, например, проверка полных или частичных переводческих соответствий.

Т. И. Голикова

АКТИВИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСА СТУДЕНТОВ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

В соответствии с учебным планом студенты 5 курса факультета межкультурных коммуникаций Минского государственного лингвистического университета защищают дипломные работы в качестве квалификационных работ по специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурной коммуникации (по направлениям специальности)». На 4 курсе, выбирая тему курсовой работы, студенты сами определяют, с каким направлением специальности они хотят связать свои исследования. Право студента выбрать направление по внешнеэкономическим связям, международному туризму, связям с общественностью, информационному обслуживанию, лингвистике, коммуникации, переводу и переводоведению.

Анализ тематики дипломных работ за 2022/2023 учебный год показывает, что подавляющее большинство студентов выполняют работы по междисциплинарным связям лингвистики и коммуникации (30%); лингвистике (25 %); международному туризму (18 %); внешнеэкономическим связям (14 %).

Ряд студентов (3 %) связывают свои исследования с информационным обслуживанием. Всегда есть студенты, которые проявляют интерес к вопросам перевода и переводоведения. В 2022/2023 учебном году число таких

студентов составило 10 %. Среди этих студентов лишь небольшое количество заинтересованы в темах, связанных с художественным переводом, что объясняется рядом причин. Во-первых, на факультете межкультурных коммуникаций отсутствует такое направление специальности, как «Художественный перевод», во-вторых, не изучаются соответствующие дисциплины по стилистике родного и иностранного языков.

Но важно подчеркнуть, что всегда есть студенты, желающие расширить свой профессиональный кругозор в области перевода и переводоведения, в том числе в области стилистики художественного текста, авторского стиля мастеров художественного слова прошлого и настоящего, чему способствуют существующие научные кружки на кафедрах современных технологий перевода, теории и практики перевода и других, а также имеющаяся возможность пройти производственную (переводческую) и производственную (преддипломную) практику в издательстве «Мастацкая літаратура», где студенты могут раскрыть свой литературный талант в полной мере с возможностью публикации своего перевода с иностранного языка на белорусский язык в журнале «Маладосць».

Развитие интереса студентов к художественной литературе играет исключительно важную роль в современном мире, когда молодежь практически перестала интересоваться произведениями классиков зарубежной и отечественной литературы, способствующих осмыслению вечных проблем совершенства и несовершенства человека и его поступков, понятий добра и зла, анализу различий в миропонимании других народов, поиске общих точек соприкосновения в диалоге различных культур через призму художественного перевода. Художественный перевод по сути является источником определенной культуры, кодом, раскрывающим национальный характер, особенности менталитета того или иного народа, позволяющий студенту осознать свой творческий потенциал и создать собственный вариант перевода в ряду существующих известных или малоизвестных, но опубликованных вариантов литературных произведений.

Студенты рассматривают свою попытку иного представления перевода на родном языке как возможность реализовать национально-культурные особенности исходного текста в иную языковую среду на родном языке, осваивая широкий пласт выразительных средств речи в одном и другом языке; активно используют эпитеты, метафоры, сравнения, игру слов и многое другое, что составляет для них новизну, поскольку студент впервые осваивает и постигает богатство стилистических возможностей одного и другого языка, а значит сам развивает свой лингвокультурный потенциал в межкультурном пространстве.

Художественный перевод – это творческий процесс, включающий моменты удач и неудач, позволяющий студентам найти тонкости воплощения авторского замысла на другом языке, поискать возможности собственного подхода к тексту перевода, анализируя вместе с тем и сравнивая между собой переводы других мастеров, их преимущества и недостатки в воплощении художественного замысла. Нельзя создать свой собственный вариант, не

изучая достигнутое другими. Литературное произведение создается в определенную историческую эпоху, что накладывает отпечаток на все творчество писателя, а потому студент погружается в предпереводческий анализ художественного текста (И. С. Алексеева), собирая и осмысливая факты, которые влияли или влияют на творчество писателя и определяют его место в мире культуры. В то же время понимая предпосылки создания того или иного произведения, особенности биографии писателя, его жизненные коллизии, студент приобщается к миру культурных и нравственных ценностей в многоликом сообществе людей, учится выражать собственную позицию по конкретному вопросу художественной ценности произведения.

Погружаясь в предпереводческий анализ текста оригинала и текстов существующих переводов, студент проходит через различные стадии собственного эмоционального отношения к описываемым событиям от полного их отрицания до глубинного понимания причинно-следственных связей, находя точку отсчета в картине мира на языке оригинала и перевода.

В 2022/2023 учебном году внимание студентов факультета межкультурных коммуникаций привлекло творчество таких писателей, как Дж. Лондон («Мартин Иден», «Вечный зов»); Т. Драйзер («Американская трагедия»); Ф. С. Фицджеральд («Прекрасные и проклятые»); Дж. Остин («Гордость и предубеждение»); Э. М. Ремарк («Триумфальная арка»); А. Кристи («Скрюченный домишко») и др.

Полагаем, что несмотря на актуальность современных исследований преимущественно в коммуникационно-информационной среде, например, таких тем, как «Технологии продвижения туризма в социальных сетях»; «Аттрактивные стратегии в сетевой коммуникации»; «YouTube коммуникация в условиях пандемии»; «Современная интернет-коммуникация с помощью программы чат-бот: лингвопрагматический аспект» и т.п., не следует отказываться или не предлагать студентам исследования по художественному переводу.

Полагаем, что художественный перевод в современном мире продолжает выполнять просветительскую функцию передачи нравственных ориентиров от поколения к поколению, миссию адекватной передачи смысла, выраженного представителями иной культуры, иного образа жизни.

Текст перевода, пришедший в другую лингвокультуру, также обогащает ее новыми смыслами, живет в ней и становится источником новых работ в искусстве и культуре, вдохновляет художников, кинематографистов на создание иного литературного или художественного продукта. Именно текст художественного перевода открывает путь историческим, культурным, литературным, другими словами, духовным ценностям и достижениям разных народов и является средством культурной передачи понимания мира представителями иной культуры. Достижения великих художников, композиторов, музыкантов, писателей являются предметом гордости и славы просвещенного мира, и наши студенты непременно будут продолжать приобщаться к миру культурных мировых достижений через призму своих

исследовательских работ по художественному переводу и переводоведению. Для этого необходимо продолжить практику привлечения внимания студентов к вопросам художественного перевода на лекциях по теории перевода на младших курсах; обсуждать на заседаниях научных кружков творчество интересующих студентов писателей, затрагиваемые проблемы в произведениях классиков и писателей-современников; выдвигать лучшие работы на Республиканский конкурс научных работ студентов учреждений высшего образования Республики Беларусь, как это имело место с работой 2021 года по теме «Языковая актуализация концепта “герой” в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе в переводческом аспекте» или с работой 2022 года «Английская версия короткого рассказа А. П. Чехова “Шуточка” в литературе и кино: особенности перевода», получивших 1 категорию на Республиканском конкурсе студенческих работ.

Кураторская работа в студенческих группах также дает возможность для студентов в разнообразных мероприятиях (просмотр фильмов, посещение выставок, организация диспутов, написание сочинений и т.д.) увидеть преемственность поколений, сохранить память о том, что было в прошлом и не должно быть забыто. К примеру, посмотрев художественный фильм 2020 года «Зов предков», студент самостоятельно решил писать исследовательскую работу на тему «Переводческая стратегия адаптации в оригинальном художественном произведении и его адаптированной версии (на материале повести Дж. Лондона “Зов предков”», где четко смог осознать, как реализуется воспитательная функция бережного отношения к природе, окружающей среде, ценности жизни, что важно для молодого поколения.

Таким образом, художественный перевод продолжает оставаться ключом к раскрытию миропонимания иной культуры в межкультурном пространстве.

Н. В. Егоров

РОЛЬ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ , В УСВОЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ СТАТЕЙ О ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ

В межъязыковой научно-технической коммуникации переводчик становится в один ряд с создателем статьи, примеряя на себя роль соавтора, хранителя авторского замысла оригинала. Именно от последнего во многом зависит, будет ли статья востребована у иноязычного адресата. Отсюда вытекает проблема качества перевода, поскольку он всегда должен быть осмысленной интерпретацией оригинала. Значительной трудностью в работе переводчика является достижение адекватности текста перевода, что обусловлено увеличением и одновременным усложнением человеческих знаний об окружающей действительности. Именно поэтому он должен постоянно обогащать свой багаж фоновых знаний, усваивать передовой научный опыт. Важное место в научно-техническом переводе занимает перевод специальной

лексики, под которой понимаются термины и терминологические сочетания, составляющие отдельные терминосистемы в различных отраслях, к которым также относится область высоких технологий.

В современном обществе, как отмечает в своей работе В. Е. Муравьев, высокими технологиями принято называть уникальные производственные процессы, в результате которых создаются сложотехнические изделия либо продукция, реализующая свою потребительскую функцию с использованием новейших высокоэффективных физико-технических эффектов. Уникальность также прослеживается в определении высоких технологий исследователя этого феномена Е. А. Жуковой. По ее мнению, высокие технологии служат условным обозначением наукоемких, многофункциональных, многоцелевых технологий, способных вызвать цепную реакцию нововведений и инициирующих процессы самоорганизации социокультурных систем. В первую очередь это информационные технологии (ИТ), нанотехнологии и биотехнологии.

Терминология играет важную роль в переводе статей о такого рода технологиях. Научно-технические термины используются для обозначения конкретного объекта и явления, что позволяет дать недвусмысленную отсылку на его оригинал в окружающей действительности. Такого рода лексемы носят систематичный характер и образуют терминосистему, что помогает уяснению связи понятий, повышает семантическую точность, облегчает усвоение и прочное запоминание материала. Однако лексикографы не всегда успевают за научно-техническим прогрессом, поэтому в словарях нередко отсутствуют необходимые переводчику термины. Перед специалистом встает задача нахождения точного перевода безэквивалентной единицы. В рамках теории перевода разработаны основные способы перевода такого рода лексики, которые успешно применяются профессионалами: транскрипция, транслитерация, описательный перевод, калькирование, а также прямое включение зачастую с примечанием переводчика. Последний способ получает все большее распространение среди авторов интернет-публикаций, что делает статьи о высоких технологиях переполненными терминами в их оригинальной (как правило, английской) графической форме и затрудняет понимание содержания статьи рядовым читателем.

Исследователь В. Н. Комиссаров определяет термин как слово и словосочетание, обозначающее специфический объект и понятие, которым оперируют специалисты определенной области науки или техники. В качестве термина может использоваться как слово, употребляемое исключительно в рамках определенного стиля, так и специальное значение общеупотребительной лексики. Каждая отрасль научного знания генерирует свой терминологический пласт в соответствии с предметом и методом своего функционирования.

В работах М. А. Терпак научно-технический термин рассматривается как единица конкретного естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и букв-символов, сочетание слова и цифр-символов), обладающая в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договоренности

специальным значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне научно-технического развития признаки соответствующего понятия.

Основоположник советской терминологической школы Д. С. Лотте предъявлял к термину такие требования, как системность, абсолютная или относительная независимость от контекста (с допускаемыми отклонениями), однозначность (в рамках одной терминосистемы), точность, краткость. К числу характерных особенностей термина Е. В. Павлова добавила адекватность (соответствие терминируемого понятия современному научному знанию о соотнесенном объекте), логизированность семантики, наличие дефиниции, отсутствие экспрессии и стилистическую нейтральность. В перечень свойств специальной лексики Т. В. Некрасова также отнесла номинативность, целенаправленный характер, устойчивость и воспроизводимость в речи. К особенностям любой терминосистемы причисляют ее иерархическое строение в «естественной среде» любой отрасли научного знания. Понимание качественных характеристик термина и образуемой им терминосистемы помогает лучшему восприятию сути специальной лексики, а следовательно, способствует достижению адекватности перевода статей о сфере высоких технологий.

Научно-технический перевод характеризуется высоким уровнем информативности исходного материала и наличием терминов как доминирующих языковых единиц, вербализирующих ключевую информацию. Именно такого рода информация и предопределяет переводческий функционал. Верный перевод научно-технического термина возможен только при глубоком знании терминосистемы как в исходном языке, так и языке перевода, а также умении выделить обозначаемый им денотат из окружающей текстовой материи. Адекватность перевода термина во многом зависит от отрасли научного знания, частью которой он является. В этой связи немаловажно наличие фоновых знаний о данной области в целом и понимание содержания текста, т. е. знание предмета переводимой статьи в частности.

Значимой логической операцией, благодаря которой можно прояснить значение термина, является уточнение его определения (дефиниции) посредством консультации со словарем или анализа взаимодействия специальной лексемы с контекстом. По мнению О. Г. Ветровой, под дефиницией следует понимать вербальное или невербальное объяснение или описание, устраняющее все другие значения, кроме искомого. Определение значения термина в контексте исходного языка способствует выделению денотативного значения лексемы в языке перевода.

При переводе статей о высоких технологиях немаловажно умение вычленять уже знакомую терминологию, служащую опорой в процессе создания вторичного текста на языке перевода. Также специалисту необходимо соблюдать принцип унификации терминологии, не допускать вольностей и как можно реже прибегать к описательному переводу или прямому включению термина из текста оригинальной статьи. Поскольку различие

терминосистем является причиной возникновения трудностей в переводе научно-технического характера, употребление стандартной, общепринятой терминологии, выбор официально зафиксированных словарных соответствий представляет собой наиболее надежную переводческую стратегию. Вместе с тем большая подготовительная работа, связанная с уточнением терминологии той области научного знания, в которой будет производиться перевод, предполагает семантический анализ и творческий поиск.

М. А. Жданович

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ

Для формирования профессиональной компетенции переводчику необходимо обладать знаниями, умениями и навыками работы с лексикографическими ресурсами различного рода. Лексикографическая компетенция – это способность правильно и эффективно понимать и использовать различные языковые единицы, особенно лексические, с помощью таких справочных материалов, как словари, тезаурусы, базы данных и т.д. Хотя в Минском государственном лингвистическом университете отсутствует отдельная дисциплина «Лексикография», необходимость формирования навыков использования справочных источников при освоении других дисциплин неоспорима для изучающих иностранные языки, особенно если студенты являются будущими лингвистами, в частности переводчиками. Важность работы с лексикографическими ресурсами на занятиях по переводу обосновывается двумя причинами. Они, во-первых, являются профессиональными инструментами для переводчика, а во-вторых, способствуют усвоению и упорядочению устройства изучаемого языка на различных уровнях (фонемном, морфемном, лексическом и синтаксическом).

В эпоху цифровизации общества особую актуальность приобретают навыки использования компьютерных технологий, поэтому бумажные словари пользуются меньшей популярностью и на первый план выходят компьютерные лексикографические ресурсы, например, компьютерные и онлайн-словари различного вида, включая автоматические и автоматизированные словари, лексикографические базы данных, САТ-инструменты, память переводов, программы лингвистического анализа и обработки текстов, программы составления конкордансов, корпуса текстов, текстовые редакторы со встроенными функциями проверки правописания и грамматики и т.п. Кроме того, к основным преимуществам любого компьютерного лексикографического ресурса можно отнести доступность, т.к. каждый студент имеет возможность установить необходимое приложение или незамедлительно обратиться в онлайн-ресурсу и осуществить быстрый поиск нужной информации.

Для формирования лексикографической компетенции студенты должны овладеть умениями и навыками ориентироваться во всем разнообразии существующих лексикографических ресурсов, понимать метаязык, исполь-

зубый при построении словарных статей, ориентироваться в структуре словарной статьи и извлекать искомую информацию. Формирование указанной компетенции следует начинать с ознакомления студентов с различными видами словарей и возможностями их применения в лингвистической и переводческой деятельности. Далее можно переходить к изучению их макро- и микроструктуры. Следует отметить, что к макроструктуре словаря относятся такие компоненты, как презентация словаря, предоставляющая информацию о виде словаря, тематическом охвате, входных языках, а также составе и количестве входных единиц, список использованных сокращений, правила пользования, корпус словаря, который демонстрирует способы представления отражаемых в нем единиц языка и речи. Под микроструктурой понимают структуру фрагментов словаря, или структуру словарных статей, которая может содержать фонетическую и грамматическую информацию, толкование, дефиницию, переводной эквивалент, парадигматические отношения с другими единицами, примеры употребления, нормативность и т.п. В качестве примеров практических заданий, которые способствуют развитию лексикографической компетенции в рамках переводческой деятельности можно привести следующие упражнения:

- поиск в словаре дефиниции, в которой зафиксировано значение выделенного в предложении слова;
- поиск и исправление речевых ошибок;
- поиск примером контекстной реализации искомой единицы языка;
- установление парадигматических отношений между рядом лексических единиц;
- категоризация отобранных единиц языка;
- установление различий между близкими по значению словами;
- поиск в тексте архаизмов, диалектных и просторечных слов, сленга и их замена общеупотребительными словами;
- поиск или выбор наиболее подходящих переводческих соответствий и т.п.

По мнению автора данной работы, наиболее эффективными способами проверки сформированности навыков использования лексикографических ресурсов на занятиях по переводу являются составление собственного глоссария по заранее заданному алгоритму, а также редактирование перевода, выполненного машинным переводчиком. Данные виды деятельности также могут быть направлены на дальнейшее совершенствование навыков и развитие умений, необходимых для формирования лексикографической компетенции.

В заключение следует отметить, что формированию лексикографической компетенции необходимо уделять внимание на каждом занятии, поскольку будущие переводчики и лингвисты должны уметь ориентироваться в большом многообразии лексикографических ресурсов, число которых постоянно растет. Кроме того, опора на данные ресурсы способствует расширению знаний студентов о структуре и специфике изучаемого языка, без которых невозможно осуществление переводческой деятельности.

РЕФЛЕКСИЯ И КОНТРОЛЬ В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ

Как известно, в процессе осуществления устного перевода (УП) переводчик постоянно оценивает адекватность выполненного им перевода с точки зрения правильности выбранной переводческой стратегии и вносит, в случае необходимости, изменения в текст перевода. Известно, что целенаправленное управление процессом обучения возможно лишь на основе оперативной обратной связи. Сравнительно большой опыт применения видеозаписи как формы обратной связи накоплен в профессиональной подготовке учителей, в том числе учителей иностранного языка. На наш взгляд, видеозапись в этой функции может с успехом применяться также в обучении устной переводческой деятельности. С одной стороны, видео способствует осуществлению эффективного самоконтроля и самокоррекции, а с другой – накоплению студентами банка переводческих решений.

Поскольку конечной целью обучения УП является овладение студентами умениями эффективно осуществлять устный перевод в различных ситуациях межкультурного общения, значительное место на занятиях целесообразно отводить деловым играм, когда занятие снимается на видеокамеру, а затем просматривается в аудитории с анализом и комментариями преподавателя.

В ходе деловой игры возникают ситуации, когда переводчикам приходится преодолевать различные межъязыковые и межкультурные барьеры, обусловленные непредсказуемостью возможного развития ситуации. При этом студентам необходимо быстро сориентироваться в ситуации и оперативно найти решение переводческой задачи.

Методический анализ видеозаписи деловой игры позволяет акцентировать внимание на индивидуальных особенностях ролевого поведения будущих переводчиков. При этом студенты лучше осознают различные критерии оценки адекватности выполненного перевода, а также межкультурные различия, например, в отношении речевого этикета на родном и иностранном языках. В ходе анализа реализуются и развивающие цели обучения, связанные с профессиональными ценностями, этическими нормами, личностными качествами переводчика и т.п.

Использование видеозаписи также создает условия для наблюдения различных этапов в формировании переводческих навыков и умений путем сравнения нескольких записей одного и того же студента. По словам И.А. Зимней, видео позволяет оценивать индивидуальный темп продвижения студента в обучении, т.е. обеспечивает этапность и контроль за процессом овладения обучаемыми умениями устной переводческой деятельности.

Таким образом, видео позволяет осуществлять рефлекссию в отношении овладения деятельностью УП с учетом особенностей ее структуры и содержания, систематизировать возможные стратегии решения переводческих задач в различных ситуациях устной переводческой деятельности.

С целью эффективного формирования у студентов умений рефлексии и самоконтроля на занятиях используются рефлексивные упражнения. Они направлены на формирование навыков самоанализа и самооценки и развитие умений рефлексии в процессе овладения устной переводческой деятельностью. Основными видами упражнений являются *оценочные* и *корректировочные*.

Оценочные упражнения предназначены для формирования у студентов навыков самостоятельной оценки адекватности выполненного ими перевода. Оценка в данном случае осуществляется на основе анализа видеозаписей переводов. Прежде всего, студенты знакомятся со специально разработанными критериями оценки устного последовательного перевода и обсуждают их в группах. В случае необходимости преподаватель приводит примеры, иллюстрирующие тот или иной критерий. Студенты анализируют как свои переводы, так и переводы, выполненные профессиональными переводчиками и товарищами по группе.

Приведем примеры оценочных упражнений.

1. *Watch the video recording of your interpreting. Is your verbal and non-verbal behaviour adequate to the presentation norms?*

Просмотрите видеозапись своего перевода. Соответствовал ли выполненный перевод требованиям презентабельности?

2. *Watch the video recording of your groupmate's interpreting. Point out the cases when some linguistic means used by the interpreter cannot be considered appropriate, taking into account the context of the interpreting situation.*

Просмотрите видеозапись перевода своего товарища по группе. Отметьте случаи неадекватного использования переводчиком языковых и речевых средств. Предложите более удачные варианты перевода.

3. *Watch the video recording of your fellow student's interpreting. In your opinion, what rules of interpreter's behaviour were violated?*

Просмотрите видеозапись перевода, выполненного Вашим товарищем по группе. Определите, какие нормы переводческого поведения нарушил переводчик.

Корректировочные упражнения направлены на развитие умений рефлексии и внесение необходимых корректив в свое речевое и неречевое поведение. Данные упражнения выполняются параллельно с оценочными упражнениями как в аудиторной, так и во внеаудиторной учебной деятельности.

Приведем примеры корректировочных упражнений.

1. *Watch the video recording of your fellow student's interpreting. In the*

Просмотрите видеозапись выполненного перевода. В стрессовой ситуации переводчик растерялся и не смог вовремя

situation of stress the interpreter felt lost and could not start his interpreting. Using your notation suggest several appropriate variants of starting and continuing the statement neutrally.

2. Watch the video recording of your group mate's interpreting. The interpreter failed to render the nominative precision information. Think of the ways of rendering the text when names and family names/ posts/ titles/ ranks of the participants of the interpreting situation can be omitted.

3. Watch the video recording of your interpreting. Can you find any violations of the proximal norms of the interpreter's behaviour. Think of a better position for the interpreter in the room taking into account the specific features of this interpreting situation.

Таким образом, при использовании указанных видов упражнений у будущих переводчиков вырабатывается способность к критической рефлексии (Н. Ф. Коряковцева), т.е. к переносу имеющегося опыта переводческой деятельности в новые ситуации. В психологических исследованиях указывается, что способность обучаемых осознавать себя в качестве субъекта деятельности непосредственно связана с развитием способности рефлексировать свой опыт учебной деятельности, пропуская его через призму индивидуального сознания и образуя на этой основе индивидуальный опыт. Применительно к обучению устной переводческой деятельности это означает способность переводчика адаптироваться к изменениям условий переводческой ситуации, владение различными приемами перевода и их варьирование в процессе перевода.

Е. А. Завадская

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ ТЕМАТИКИ «GUERRE COMMERCIALE»
В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА**

Язык, представляя собой динамическое, постоянно развивающееся явление, отражает в своем составе теми или иными способами происходящее

начать перевод. Опираясь на запись, предложите возможные варианты нейтрального начала и продолжения высказывания, подходящие в данном контексте.

Просмотрите видеозапись перевода, выполненного Вашим товарищем по группе. Переводчик неверно передал в языке перевода позиционно-номинативную информацию. Предложите варианты перевода, при которых можно опустить имя/должность/титул/звание участника переводческой ситуации.

Просмотрите видеозапись выполненного Вами перевода. Найдите нарушения в отношении норм проксемики и предложите более удачную позицию с учетом особенностей переводческой ситуации.

в социуме. Поэтому изучать языковые средства выразительности экономических и газетно-публицистических текстов данной тематики необходимо с выяснения значения термина «*Guerre commerciale*» («торговая война»).

Под термином «торговая война» обычно понимают некую форму экономического конфликта между двумя или более странами, которые имеют целью захватить чужие рынки или противостоять захвату собственного рынка противником. Само словосочетание «торговая война» является относительно новым понятием и чаще всего употребляется в такого рода текстах.

Торговые противостояния возникли с момента появления международных торговых отношений. В качестве примера можно привести Ганзейский союз, образованный в середине XII века и объединяющий к началу XV века 160 свободных городов Северо-Западной Европы. Тем не менее расширение торговых отношений привело к экономико-политическому и военному конфликту под названием «Датско-ганзейская война 1426–1435 годов». На протяжении существования международных торговых отношений не прекращаются попытки оказать торговое давление на конкурентов от предприятий до государств.

Французский ресурс fermun.org приводит следующее определение торговой войны: «*Guerre commerciale: une situation conflictuelle non-armée entre deux ou plusieurs états qui a pour objectif de mettre en place des mesures commerciales qui affaiblissent l'adversaire sur un niveau économique et commercial*» 'Торговая война – невооруженная, конфликтная ситуация между двумя или несколькими государствами, которая преследует цель принятия торговых мер для ослабления противника на экономическом и торговом уровнях'.

Термин *mesure* используется в данном определении в значении «*mojen mis en œuvre en vue d'un résultat déterminé*» (используемый способ для достижения определенного результата) (larousse.fr).

В настоящее время экономические и газетно-публицистические тексты изобилуют термином «*sanction*», который согласно Larousse.fr представляет собой «*Mesure repressive infligée par une autorité pour l'inexécution d'un ordre, l'inobservation d'un règlement d'une loi*» 'Репрессивная мера, введенная властью за неисполнение приказа, несоблюдение положения закона'. В текстах тематики «*Guerre commerciale*» появляется термин «*sanction économique*» (экономическая санкция), который, имея экономический характер, призван достичь политическую цель: «*mesure coercitive, imposée par un pays ou un groupe de pays à un autre pays, son gouvernement ou des entités individuelles dans le but de pousser à un changement de comportement ou de politique*».

Таким образом, с расширением инструментария ведения торговых войн газетно-публицистические и экономические тексты изобилуют средствами выразительности, отражающими отношение участников к экономическим санкциям.

Использование языковых средств выразительности придает тексту тематики «*Guerre commerciale*» экспрессивность и эмоциональность для привлечения внимания читателей. Например, недавнее банкротство американских

банков сравнивалось с «Grande Depression» (Великой депрессией): *Nous aurons une Grande Depression: beaucoup plus forte et étendue que celle qui a commencé en 1929 (Effets sanctions) cite Donald Trump.*

Глава Французской политической партии Les Patriotes Флориан Филиппо сравнивает эту же ситуацию с хаосом, могущим привести к третьей мировой войне, называет ее константой истории: «Crédit Suisse dévisse. La bourse de Paris aussi. Western Alliance, banque américaine, en chute libre. Des cours de banque suspendus. L'oligarchie accélérera son agenda de 3-e guerre mondiale si le chaos financier s'installe. Constante de l'histoire» (Twitter de Florian Philippot).

Данные метафорические сравнения обеспечивают высокую степень экспрессивности. Нельзя не обратить внимание на синтаксический параллелизм вышеприведенного твита, который является почти рифмованным, чтобы подчеркнуть катастрофичность ситуации, сложившейся в результате торговых войн. Глагол *dévisser* (свинтить) используется в данном примере в переносном значении 'испортиться'. Чтобы поддержать рифму, можно предложить следующий вариант перевода: 'Кредит Суиски. Парижская биржа за ним же' (вариант автора статьи).

Чтобы выразить «накал страстей» в ситуации современной торговой войны, используются новые словообразовательные элементы. Например, ресурс *capital.fr* использует термин *antivols* ('противокражные датчики') в заглавии «Des antovols sur la viande et le poisson» ('Противокражные устройства на мясе и рыбе'). Тогда как президент французской сети Les Mousquetaires, Thierry Cotillard, для передачи такого же факта в своем твите образует новый глагол *antivoler*, который можно перевести только пояснительным переводом «оснастить противокражным датчиком»:

«On *antivole* la viande, on *antivole* le poisson frais emballé. C'est nouveau, on ne le faisait pas, il y a deux ou trois ans» 'Мы датчикуем (вариант автора статьи) мясо, мы датчикуем свежую упакованную рыбу, мы не делали этого ни два, ни три года назад'.

Данный пост заканчивается предложением, в котором словосочетание «*pièges à loups*» используется в качестве каламбура: «En attendant les piège à loups dans les rayons fruits et legumes».

Дословный перевод: 'В ожидании ловушек для волков в отделах «Фрукты-овощи»' не имеет смысла. Если принять во внимание, что воруют, потому что голодны, а «*une faim de loup* (волчий голод) – *une faim vorace*» – это 'зверский голод', то становится понятным данное предложение:

'В ожидании ловушек для голодных в отделах «Фрукты-овощи»'.

Исходя из анализа корпуса текстов тематики «Guerre commerciale» на различных франкоязычных интернет-ресурсах можно сделать вывод о том, тексты такого рода имеют черты как научного экономического текста, так и газетно-публицистического включающего в себя разнообразные средства выразительности. Тексты данной тематики служат не только для передачи информации, но и для пробуждения интереса потенциальной аудитории с целью оказания соответствующего влияния.

Для решения коммуникативной задачи текста перевода переводчику необходимо использовать не только профессиональный инструментарий (hard skills), но и свой творческий потенциал (soft skills).

С. Г. Зверева

**ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕВОДА»
В УСЛОВИЯХ АКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

В связи со стремительным инновационно-технологическим развитием мира современные технологии становятся неотъемлемой частью работы переводчика и должны внедряться в процесс обучения в лингвистическом учреждении высшего образования. На факультете межкультурных университетов коммуникаций Минского государственного лингвистического университета содержание дисциплины «Современные технологии перевода» актуализируется и дополняется каждый год вследствие постоянных технологических изменений.

Дисциплина «Современные технологии перевода» носит практико-ориентированный характер. Задачей изучения дисциплины является развитие у студентов навыков работы с платформами переводческой памяти или CAT-инструментами. В настоящее время крайне востребованным является перевод технической, юридической, медицинской документации, которая характеризуется большим процентом содержания штампов, клишированных выражений, повторяющихся фраз, их перевод не представляется возможным без помощи программ автоматизации.

В ходе многолетней практики было выявлено, что начинать преподавание данной дисциплины целесообразно не с автоматизации перевода, а с азов – правил оформления письменного текста оригинала и перевода. В начале процесса обучения студенты осваивают правила компьютерной верстки. Умение правильно форматировать и верстать тексты является важным требованием, предъявляемым к письменному переводчику. Современные студенты, являясь представителями «цифрового поколения» (термин американского писателя Марка Пренски), привыкли получать информацию через цифровые каналы, в основном через экраны своих смартфонов. Выпускники лингвистического учреждения высшего образования должны владеть навыками верстки текста в одном из своих основных рабочих инструментов Microsoft Word. Начиная работу над письменными переводами, многие учащиеся сталкиваются с трудностями работы в программе Word, не умеют пользоваться многочисленными функциями программы.

На первых занятиях в рамках дисциплины студенты получают задания на верстку и форматирование текстов согласно определенным техническим требованиям. В процессе верстки студентам необходимо осознать важность правильного оформления текста оригинала и перевода. Учащиеся должны соблюдать требования по шрифту, полям, междустрочному и межабзацному

интервалам, следить за отсутствием висячих строк, всегда выравнивать текст по ширине, уметь правильно оформлять списки. В тексте печатных материалов студенты должны научиться дифференцировать знаки «дефис» (-), «короткое и длинное тире» (–, —), русские («...») и английские (“...”) кавычки. Многие студенты не умеют оформлять абзацный отступ первой строки слева (через «абзац» – «отступы и интервалы» – «первая строка»), а оформляют его через клавишу Tab или пробелы. Осуществляя письменные переводы, важно внимание к деталям – к написанию числительных в русском и английском языках. Например, 180,000 (англ.), 180 000 (рус.); 1.5 (англ.), 1,5 (рус.). Студенты изучают сочетания клавиш для осуществления основных действий в программе Word. В частности, неразрывный пробел ставится при помощи сочетания <Ctrl+Shift+пробел>, когда важно, чтобы на одной строке слова, символы или буквы не отделялись друг от друга (допустим, инициалы и фамилия человека). Крайне важно при работе в Word научить студентов отображать непечатаемые символы – знаки абзаца, пробелов и других скрытых знаков форматирования, чтобы удалить все двойные пробелы и пробелы перед знаками препинания, легче понять расстановку интервалов и компоновку документа. Почти никто из учащихся не пользуется этой функцией Word и не понимает ее важности. Необходимо донести до студентов информацию о том, что неправильное оформление текста оригинала и перевода может повлечь за собой проблемы с заказчиком перевода в дальнейшем. Непонимание сути проблем, вызываемых версткой в переводе, затрудняет и последующую работу в САТ-программах и снижает эффективность и производительность труда. Правильная сегментация и оформление текста оригинала позволит начинающим переводчикам избежать проблем, когда после экспорта перевода в программе переводческой памяти вместо красивого документа открывается непонятное сочетание текста, символов и картинок.

Более того, студенты должны понимать, что не все переводческие заказы будут поступать в формате Word. Важно овладеть навыком конвертации любого документа в необходимый формат и распознавания сложных документов в программе ABBYY FineReader. Студенты получают различные задания на конвертацию презентаций PowerPoint в PDF-документы или PDF-документов в Word, применяя современные онлайн-программы, такие как pdf2go, ilovepdf и другие.

Важным этапом подготовки студентов перед освоением САТ-инструментов является рассмотрение систем машинного перевода. Прежде всего студентам нужно уяснить разницу между машинным и автоматизированным переводом. Машинный перевод – это процесс перевода текстов с одного языка на другой посредством специальной компьютерной программы. Автоматизированный перевод – это перевод текстов с одного языка на другой человеком с использованием специализированных программ, приложений. На современном этапе развития переводческой индустрии нельзя преуменьшать роль машинного перевода и его интеграции в автоматизированный перевод. Несколько лет назад нейронный машинный перевод су-

щественно повысил качество перевода, поэтому студентам невозможно запретить использовать машинный перевод в своей работе, акцент должен ставиться на качество постредактирования. Постредактирование (post-edited machine translation, PEMT) существует как новый вид работы и услуги. На занятиях по дисциплине «Современные технологии перевода» студентам предлагается осуществить сравнительную характеристику программ машинного перевода. Проводится анализ следующих систем машинного перевода: Google, Yandex, Prompt, Systran, Reverso, Deepl, Papago, Bing. Студенты рассматривают, как с разными языковыми конструкциями и типами текстов (юридическими, техническими, медицинскими) справляются различные системы машинного перевода с лексической, грамматической и стилистической точки зрения. Нельзя недооценивать машинный перевод, так как скорость «человеческого» перевода оказывается в несколько раз меньше скорости обработки текста посредством PEMT, и зачастую машинный перевод редактируется переводчиком для доведения текста до требуемого уровня качества.

После рассмотрения правил форматирования текстов и систем машинного перевода на занятиях по «Современным технологиям перевода» студенты переходят непосредственно к изучению программ переводческой памяти. Постоянное развитие отрасли автоматизации перевода ставит новые вызовы каждый год. В течение нескольких лет основным направлением работы в рамках дисциплины было освоение переводческой платформы Memsource. Однако с 2022 года она стала платной, и преподавателям пришлось искать новые решения. Студентам была предложена работа с САТ-инструментом Smartcat, однако в конце 2022 года разработчики Smartcat существенно ограничили ее функциональность, убрали возможность создания глоссариев и другие функции. Поэтому преподавателям нужно продемонстрировать студентам процесс автоматизации перевода в других программах автоматизации – memoQ, Wordfast, Across и т.д. Задача дисциплины – показать возможности САТ-инструментов, дать понимание сути таких платформ, научить работать в веб-редакторе, создавать переводческие проекты, базы памяти и глоссарии, проводить контроль качества перевода. Важно освоить основные функции программ, без привязки к конкретной системе, так как неизвестно какой платформой будет пользоваться выпускник университета на своем будущем рабочем месте переводчика. В рамках курса студенты создают всеобъемлющую базу памяти переводов и базу терминов специализированных текстов, которые они всегда смогут выгрузить в международном формате TMX (Translation Memory eXchange) из одной программы и загрузить в другую.

Таким образом, необходимый подготовительный процесс перед знакомством и работой с САТ-инструментами включает несколько этапов:

- 1) развитие навыков компьютерной верстки и форматирования, правильного оформления текстов оригинала и перевода;
- 2) умение конвертировать документы в необходимый формат;

3) уяснение разницы между машинным переводом и автоматизированным, понимание обязательного постредактирования машинного перевода, встраивание машинного перевода в автоматизированный.

Благодаря тщательной подготовке и разнообразным заданиям на начальном этапе освоения дисциплины «Современные технологии перевода» студенты успешно развивают навыки работы с САТ-инструментами и становятся конкурентоспособными специалистами на современном рынке переводческих услуг.

Т. Ф. Иванова

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК ЭТАП ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

К показателям профессиональной компетентности будущих переводчиков относится умение анализировать текст, как на иностранном, так и на родном языке и адекватно декодировать его смысловое содержание с целью последующего перевода. Это определяется как текстовая компетенция, которая включает осознанное понимание текста в целом и умение пользоваться правилами текстопорождения в соответствии с замыслом автора текста, условиями коммуникации и характеристиками адресата. Такое понимание профессиональной компетентности переводчиков наиболее полно и убедительно, на наш взгляд, представлено в работах В. Н. Комиссарова, где подчеркивается комплексный характер процесса перевода как «сложного и многогранного вида умственной деятельности, которая может преследовать разные цели, осуществляться в разных условиях, различными способами и под воздействием многих факторов» (Комиссаров, 2001). В. Н. Комиссаров подчеркивает при этом, что овладение переводческой компетенцией означает владение умением выбирать и применять принципы, методы и приемы перевода по-разному, в зависимости от конкретных условий, к разным текстам и для разных целей.

На стадии предпереводческого анализа текста любой функционально-стилистической принадлежности переводчик актуализирует в своей памяти весь запас знаний о системе, норме и узусе языка, о правилах использования единиц языка, о преимущественном использовании определенных наборов языковых единиц в различных сферах общения и т.п. Его задача усложняется тем, что сфера и цели коммуникации, дальнейший выбор и способ употребления языковых средств задаются оригиналом и не зависят от его собственного желания. Поэтому студент-переводчик должен получить в процессе обучения в рамках формирования языковой компетенции, как в рецептивном, так и в продуктивном плане знания и навыки использования определенного алгоритма действий на этапе ознакомления с текстом перевода и его декодирования. Такое целеполагание лежит в основе проведения практических учебных занятий по дисциплине «Лингвостилистический анализ письменного текста».

В общей системе профессиональной подготовки специалистов по переводу содержание учебной дисциплины «Лингвостилистический анализ письменного текста» базируется на знании учебных дисциплин «Стилистика», «Зарубежная литература», «Межкультурные аспекты профессиональной деятельности», «Письменный перевод». В этом смысле дисциплина может быть определена как комплексная, общегуманитарная и в определенном смысле творческая, помогающая обозначить некоторые параметры текста, значимые для этапа предпереводческого анализа. Наиболее проработанной и общепризнанной моделью предпереводческого анализа является модель, разработанная немецким переводоведом Кристианой Норд (1989), которая включает как ряд вопросов для анализа экстралингвистической ситуации и других экстралингвистических факторов текста, так и ряд вопросов, относящихся к структурно-семантической и содержательной характеристике исходного текста.

Представляется, что заложенные в содержание учебной программы по дисциплине «Лингвостилистический анализ письменного текста» цель, задачи и тематическое содержание соответствуют вышеуказанному пути по созданию при обучении предпереводческому анализу алгоритма анализа исходного текста. В качестве примера обозначенных в программе задач можно назвать следующие: совершенствование практических знаний о стилистических нормах разноуровневых средств выразительности; формирование и развитие умения последовательно и адекватно интерпретировать текстовую информацию различных уровней: содержательно-фактуальную, содержательно-подтекстовую и содержательно-концептуальную; совершенствование умения анализировать языковые средства с точки зрения их выразительного потенциала и функций в тексте; совершенствование навыка сравнительно-сопоставительного анализа.

Указанные задачи подтверждают общую направленность обучения означенной дисциплине на развитие умения комплексного подхода к анализу лингвистических, стилистических явлений и переводческих аспектов текста с учетом междисциплинарного характера изучаемой дисциплины. При этом основной акцент делается на практических занятиях на жанрово-стилистические и стилистические особенности анализируемого текста, которые составляют его композицию и языковое исполнение содержания.

Другими словами, студент-переводчик должен научиться раскрывать, в первую очередь, закрепленные в определенном языковом континууме формы представления информации, особенности ее расположения, структурирования и языкового оформления в рамках различных функциональных и социальных контекстов. Безусловно, на понимание переводчиком текста оригинала во многом влияют формальные признаки, присущие текстам того или иного функционального стиля. Так, например, обучаемые должны обладать и совершенствовать знания того, что формальными признаками текстов официально-делового стиля является обязательное наличие модальных глаголов, глаголов приказания и побуждения, глаголов в форме повелительного наклонения и в сослагательном наклонении, канцеляризма и начальные

и завершающие текст формулы выражения уважения. Определение текста научно-технического функционального стиля должно сопровождаться определением наличия терминологической лексики – простых, сложных, сокращенных, многокомпонентных терминов и т.п. Студентам предлагается декодировать тексты функционального стиля обиходного общения по таким формальным признакам, как употребление просторечных лексических единиц, неполноструктурная оформленность предложений-высказываний, обилие языковых средств субъективной оценки, наличие окказионализмов и т.п.

Наиболее продуктивна, с нашей точки зрения, не только работа с различными по жанру и функциональной принадлежности текстами, но также сопоставительный анализ параллельных художественных и нехудожественных текстов для выявления черт сходства и различия оригинального языкового материала и текста на переводящем языке. Опыт проведения практических занятий однозначно свидетельствует о значимости такого вида работы с целью обучения студентов умению определять, в какой степени воплощен авторский замысел в переведенном тексте, насколько соотнесены и адекватны специфика использования образных средств и уровень эквивалентности передачи национального колорита исходного текста в языке перевода и т.п.

Из вышесказанного следует, что знание жанровых и функционально-стилистических особенностей текста играет первостепенную роль при создании в последующем качественного перевода. Тем более это касается анализа художественного текста, в процессе обработки которого информация по результатам лингвостилистического анализа может быть совершенно различной у разных студентов, поскольку литературный текст является не только единством языка, образов и идейного содержания, но и целостным объектом активного восприятия отдельным субъектом-читателем.

Следует сделать общий вывод в том смысле, что лингвостилистический анализ текста помогает определить, насколько студентом-переводчиком понят и осмыслен исходный текст, как им использован личный социальный опыт для раскрытия смысла исходного текста и каковы его дальнейшие действия при осуществлении предпереводческого анализа и передачи текста на язык перевода. Результаты позволяют преподавателю дать предварительную оценку деятельности студента как переводчика, выявить уровень его переводческой компетенции и переводческой способности и дать соответствующие рекомендации.

С. С. Ключенович

КАК ПЕРЕВЕСТИ НАЗВАНИЕ СТРАНЫ, КОТОРОЙ НЕТ НА КАРТЕ

В одном из авторитетных немецких СМИ в декабре 2022 года появился материал под названием *Deutschland 2022 – die bunte Republik Wohltatistan*.

Рассмотрим ситуативный контекст этой публикации. Первоначально у правительства ФРГ была стратегия развития страны (цифровизация, увеличение доли возобновляемых источников энергии, отказ от эксплуатации атомных и угольных электростанций, уменьшение роли двигателей внутреннего сгорания в пользу электромобилей), но в 2022 году неожиданно возник целый ряд проблем (инфляция в еврозоне, резкий рост цен на энергоносители, продукты питания, увеличение издержек предприятий). В связи с этим правительство Германии стало оперативно разрабатывать различные программы поддержки (увеличение пенсий, детских пособий, предоставление налоговых льгот, призванных компенсировать рост цен на энергоносители и т. д.).

С лингвистической точки зрения обращает на себя внимание, что цели, намеченные правительством Германии, нашли свое отражение в соответствующих неологизмах, возникших в современном немецком дискурсе (*Energiewende, Erneuerbare-Energien-Gesetz, EE-Anteil an der Energiebilanz, Solarenergie, Offshore-Windkraft, Atomausstieg, Kohleausstieg, Verkehrswende, Elektromobilität*). Список подобных лексических новаций, отмеченных определенной лингво- и социокультурной спецификой, не является конечным и продолжает пополняться новыми лексическими единицами.

Очевидной новизной обладает и рассматриваемая нами номинативная единица *bunte Republik Wohltatistan*. В данном случае важно, правда, отметить, что речь идет об индивидуально-авторском образовании, т. е. окказионализме, не претендующим на вхождение в словарь немецкого языка. За этим трансформом узнается исходная конструкция *Bundesrepublik Deutschland*. Появление окказионализма продиктовано не существованием номинативной лакуны в немецком языке, а, как нам представляется, двумя ключевыми факторами – желанием автора привнести дополнительные смыслы (семантическая конденсация) и наделить окказионализм определенными коннотациями (экспрессивно-стилистическая функция).

В структуре трансформа *bunte Republik Wohltatistan* можно обнаружить две точки приложения авторских усилий. Первая – это трансформация компонента *Bundes-* в созвучное прилагательное *bunt[e]*, вторая – замена привычного существительного *Deutschland* на окказионализм *Wohltatistan*.

Очевидно, что для автора публикации было важно сохранить узнаваемость исходного официального названия Германии. Если в первой части конструкции (*Bundes-* vs *bunt[e]*) это «работает», то в конечной части с этим возникают проблемы (*Deutschland* vs *Wohltatistan*). Поэтому публицисту приходится идти на избыточность и вводить краткое название страны в заголовок (*Deutschland 2022*) с целью обеспечения верной интерпретации окказионального трансформа читателем. Тем самым автор фиксирует тему своего послания, а новообразование *Wohltatistan* в сочетании с *bunt* становится ремой.

Используя положения трансформационной модели перевода, позволим себе предложить свой вариант перевода анализируемого заголовка:

Deutschland 2022 – die bunte Republik Wohltatistan

‘Германия 2022 года – Пестрая Республика Благодестан’.

Как видно из предложенного перевода, в данном варианте мы постарались учесть такие параметры, как фиксация темы послания (Германия), индикация ремы высказывания (*пестрый + Благодестан*), передача дополнительных смыслов и коннотаций (*страна пестрых ‘хаотичных, многочисленных, неоправданных, стратегически не выверенных’ благодеений*).

Трансформационная модель послужила нам прежде всего в той части, где перед нами возникла необходимость создать окказионализм в русском языке. В немецком авторском образовании четко усматривается словарное слово *Wohltat* ‘благодеение’, от которого публицист образовал вымышленное название страны, используя компонент *-стан*. Аналогичным путем позволяет пойти и трансформационная модель, когда переводчик восходит от *Wohltatistan* к *Wohltat* + название условной страны на *-стан*, переходит затем от этой вычлененной исходной конструкции к ядерной структуре в русском языке *благодеение* + страна на *-стан* и образует русский окказионализм *Благодестан*, функционально сопоставимый с немецким авторским словом.

С. И. Ковальчук

СТРУКТУРА РЕФЕРАТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Умению реферировать, т.е. сокращенно передавать содержание текста, надо специально обучать. Поэтому оно расценивается как составная часть учебной деятельности студентов в курсе обучения переводу в рамках двуязычной коммуникации и предусмотрено программными требованиями для языковых учреждений высшего образования.

Обучение реферированию, представляющему собой смысловое свертывание или смысловую компрессию текста, предполагает следующие этапы: 1) знакомство с основными понятиями лингвистики текста – грамматики текста, супрасинтаксиса (*suprasyntax*); 2) обучение основам смыслового свертывания текста при помощи операций по работе с целым текстом; 3) выполнение комплекса специальных упражнений, направленных на формирование навыков по работе с отрезками текста.

В основе компрессии материала при реферировании лежит возможность выражать одну и ту же мысль разными способами. В ее формулировке всегда имеется главное и второстепенное, есть причина и следствие, есть логические посылки и логические выводы. Эти компоненты составляют содержание всего сообщения. В реферате же надо передать только основную информацию, а второстепенные сведения должны опускаться.

В ходе реферирования всегда выполняются две задачи: 1) выделение основного и главного, т.е. ключевых слов, фраз и предложений; 2) краткое формулирование главного. Сокращение исходного материала идет двумя путями: по линии отсеивания второстепенного и несущественного и по линии перефразирования главной мысли в краткую форму речевого произведения.

Всякий реферат независимо от его типа имеет единую структуру. Последовательность изложения материала должна быть следующей.

1. *Предметная рубрика.* В этом пункте называется область или раздел знания, к которому относится реферируемый источник. Например: *альтернативные источники энергии.*

2. *Тема реферата,* т.е. более узкая предметная соотнесенность источника или ряда источников, либо тема обзора, проделанного референтом. Обычно тема определяется наименованием источника, но не всегда наименование называет тему. В этом случае тема формулируется самим референтом. Например: *Использование солнечных батарей для энергоснабжения жилых помещений.*

3. *Выходные данные* источника или ряда источников (автор, заглавие, издательство, журнал, его номер и год издания, место издания). Все эти данные приводятся на языке источника, а ниже дается их перевод на русский язык.

4. *Главная мысль* реферируемого материала. Обычно в самом первоисточнике главная мысль становится ясной лишь после прочтения всего материала. В реферате же с нее начинается изложение содержания, она предшествует всем выводам и доказательствам. Такая последовательность изложения необходима для того, чтобы с самого начала сориентировать читателя относительно основного содержания источника и его перспективной ценности. Выявление главной мысли источника, которая иногда автором даже не формулируется, а лишь подразумевается, – весьма ответственное дело и требует от референта вдумчивого отношения к реферируемому источнику. Референту необходимо суметь ее сжато выразить, не внося в нее своих комментариев.

5. *Изложение содержания.* Содержание реферируемого материала может излагаться в последовательности первоисточника по главам, разделам и параграфам.

6. *Комментарий референта.* Этот пункт реферата имеет место лишь в тех случаях, когда референт является достаточно компетентным по данному вопросу и может вынести квалифицированное суждение о реферируемом материале. В комментарий входит критическая характеристика первоисточника, актуальность освещенных в нем вопросов, суждения об эффективности предложенных решений, указания, на кого рассчитан реферируемый материал и кого он может заинтересовать.

Написать хороший реферат значительно сложнее, чем сделать полный перевод первоисточника. Реферирование – это сложный мыслительный процесс, требующий от переводчика не только отличных знаний иностранного языка, но и специальных умений производить компрессию материала, выделять главное, отсеивать второстепенное, кратко формулировать свои мысли, абстрагируясь от манеры автора. Кроме того, референт должен хорошо разбираться в реферируемом материале, иначе он не сможет определить ключевую и опустить малозначащую информацию. Именно поэтому, прежде чем приступить к реферированию того или иного специального

материала, переводчику необходимо предварительно усвоить терминологический аппарат, ознакомиться с соответствующей литературой на родном языке, понять основное содержание темы и пути решения ее проблем.

В. В. Колесников

О ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ В СВЕТЕ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДА

Моделирующая концепция перевода представляет переводческую деятельность как моделирование, а перевод – как модель исходного текста. При этом перевод – это всегда модель второго (по меньшей мере) уровня, поскольку исходный текст сам является моделью, стоящей за ним реальной или воображаемой, физической или ментальной действительности.

В модели находят свое отображение все компоненты и участники процесса моделирования – исходный текст, отображаемая им реальность, его автор, его целевая аудитория, языковые средства ИЯ, используемые автором при его создании, но также переводчик, целевая аудитория перевода, языковые средства языка перевода.

В поэтическом тексте в игровую стихию вовлекаются все смысловые и формальные пласты произведения. И переводчик, осуществляя моделирование поэтического текста средствами языка перевода, осознанно или нет, включается в эту игру и стремится максимально точно воспроизвести и языковую ткань произведения.

Рассмотрим механизмы переводческого моделирования на примере некоторых французских переводов поэзии Б. Пастернака.

В стихотворном тексте поэтическая функция языка является, как правило, ведущей. Она реализуется в самоценной ткани поэтического текста, независимой от потребностей нарративного или дескриптивного развертывания текста, и в ее формальных составляющих – размере, рифмах, аллитерациях, но также и в передаче с помощью звукописи или смысловых гармоник, семантических обертонов эмоций, ощущений, состояний души поэта, не находящихся прямого выражения в поэтическом произведении.

Доля интуитивного, неосознанного в поэтическом творчестве и его восприятии представляется достаточно значительной, а сама грань между рациональным и интуитивным достаточно размытой. И в этом, пожалуй, кроется наибольшая трудность «объективного» анализа – но также и перевода – поэтического произведения.

В терминах теории моделей, на которой основывается наша концепция перевода, если поэтическое произведение есть модель чего-то, какой-то реальности, то это «что-то», являющееся исходным объектом моделирования не сводится к объективному положению вещей в реальном мире.

Оно представляет собой интенциональную сущность (которая, впрочем, никогда не бывает полностью интенциональной), даже если какие-то элементы реального мира и служат отправной точкой для поэтического творчества.

Поэзия Б. Пастернака весьма показательна в этом отношении. Она дышит мощью и творческой свободой, она суггестивна и синергетична.

Французские переводчики стихотворений и поэм Б. Пастернака отмечали контраст между правильной, классической метрикой его стиха и той свободой, которая отличает, на первый взгляд, хаотичное сплетение образов, смыслов, как бы случайно выхваченных деталей в ткани его стиха – и ведь верно: «чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд». Один из французских переводчиков Б. Пастернака заметил, что рядом со звукописью поэта аллитерации символистов кажутся детской забавой.

Приводимая ниже строфа из поэмы «Высокая болезнь» дает об этом достаточно точное представление. Приведем ее вместе с французским переводом:

Обивкой театральных лож
Весной овладевала дрожь.
Февраль нищал и стал неряшлив.
Бывало, крякнет, кровь откашляв,
И сплунет, и пойдет тишком
Шептать теплушкам на ушко
Про то да се, про путь, про шпалы,
Про оттепель, про что попало;
Про то, как с фронта шли пешком.
Уж ты и спишь, и смерти ждешь,
Рассказчику ж и горя мало:
В ковшах оттаявших калош
Припутанную к правде ложь
Глотает платяная вошь
И прясть ушами не устала.

Un frisson gagnait au printemps
L'étoffe des loges au théâtre.
Février, sale et misérable,
Râlait, toussait, crachait son sang.
Il crache et en douce il s'en va
Chuchoter aux wagons à l'oreille,
Parler de ci, de ça, des voies
Et des traverses, du dégel,
De tout et de n'importe quoi,
Et du retour du front à pied.
Déjà tu dors, attends la mort,
Le conteur ne veut s'en soucier.
Un pou de corps dont les oreilles
Frémissent sans cesser
Gobe le mensonge emmêlé
A la vérité.

Обилие шипящих в этом отрывке (25 в 15 строках) завораживает читателя, однако этот убаюкивающий шепот почти не находит эха во французском переводе (7 шипящих). Автор перевода сдает позицию за позицией, отказываясь сначала от рифмы, которая появляется лишь время от времени и, возможно, помимо воли переводчика, затем от наиболее захватывающих образов (в ковшах оттаявших калош), и наконец, от ритмического рисунка, закончив строфу осколком стиха.

Еще один пример поэтической магии, порождаемой искусной игрой звуками и смыслами – начало короткого стихотворения «Прежде всего этого была зима»:

В занавесках кружевных
Воронье.
Ужас стужи уж и в них
Заронен.
Это кружится октябрь,

Dans l'orffroi gelé du givre,
Les busards.
Le froid noir qui vêt la vitre
De blizzard.
C'est octobre qui tournoie,

Это жуть
Подобралась на когтях
К этажу.

C'est l'étai
De l'horreur, oiseau de proie,
Aux vantaux.

Как не ощутить вызывающее дрожь дыхание стужи в этом животном стоне «у-у-у» (и как не вспомнить жалобный вой Шарика в начале повести М. Булгакова «Собачье сердце»), виртуозно переданным сочетанием гласной «у» с шипящей «ж»?

Понятно, что эти две маленькие строфы бросают серьезный вызов переводчику. Однако Элен Анри принимает этот вызов (ср. перевод выше).

Следует отметить точное воспроизведение ритмического рисунка строфы, а также повторение, хотя и не столь настойчивое, как в оригинале, сочетаний звуков [fr], [vr], призванных создать ощущение холода. Холода, но не ужаса, как в оригинале. Слово *horreur* появляется только во второй строфе, но оно прямо называет это понятие, тогда как в оригинале ужас нагнетается с помощью звукописи на уровне рефлекторного восприятия, без использования прямого наименования.

В первой же строфе *воронье* уступает место луне, птице едва ли хорошо знакомой городскому жителю. Но эта замена создает ирреальную атмосферу, которая в известной степени компенсирует меньшую по сравнению с оригиналом суггестивную силу звукового рисунка строфы.

Рифма у Б. Пастернака необычайно богата в плане вызываемых в сознании читателя обертонов смысла, а в техническом плане – настолько виртуозна, что просто захватывает дух. Если она не всегда соответствует требованиям Малерба, ее в любом случае можно назвать какой угодно, но только не банальной.

Переводчица не решилась побаловать читателя рифмами подобными «кружевных» – «уж и в них», ограничившись классическими, но значительно менее «лакомыми» рифмами: «busards» – «blizzard», «étai» – «vantaux».

В следующих строфах переводчица проявляет недюжинную креативность, опуская, однако, некоторые живописные детали: «заступаются шестом за октябрь» превращается в нейтральное «on accourt à la rescousse», а «сколько раз он рыт и бит» в «poudre ou plâtre qui s'entasse». Однако на всем протяжении стихотворения в переводе сохраняется ритмическая структура оригинала и достаточно верно передается его дух.

В терминах теории моделей в рассматриваемом случае переводческая модель исходного текста достигает, причем не только на формальном, но и на других уровнях моделирования, достаточно высокой степени разрешения. Это позволяет дать французскому читателю довольно верное представление о творческой манере раннего Пастернака.

Конечно, «довольно верное представление» может быть уточнено и стать еще более верным.

Бесконечное асимптотическое приближение к исходному объекту является свойством любой модели.

Потому можно утверждать, что, как и в случае любого вида моделирования, миссия поэтического перевода состоит в том, чтобы возможно ближе подступиться к оригиналу, который по сути недостижим, но который является путеводной звездой переводчика в его блужданиях.

М. Д. Кравцова

GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATION OF FICTION (based on Stephen King's novels)

This article deals with some theoretical problems connected with the general translation theory, classifications of the translation transformations by different linguists. The use of some grammatical transformations in the process of translating Stephen King's novels is analyzed.

This work is devoted to the analysis of some grammatical transformations used in the translation of Stephen King's works into Russian.

The relevance of our research is determined by the need for a comprehensive study of lexical and lexico-grammatical transformations used in translation to achieve adequacy and equivalence of translation.

The theoretical basis of the study was the classification of lexical and lexico-grammatical transformations proposed by famous linguists: L. S. Barkhudarov, V. N. Komissarov, Ya. I. Retsker and T. A. Kazakova.

The theoretical significance of the work lies in the comprehensive consideration of lexical and lexico-grammatical transformations in the works of Stephen King.

The material for the analysis was a number of works written by the famous American writer Stephen King.

Translation from one language into another necessarily involves the use of grammatical transformations. Following the leading researchers of the translation process, we understand grammatical transformations as the restructuring of a sentence (a complete change in its structure) and various substitutions — both at the level of syntax and at the level of morphology. Grammatical transformations are primarily caused by differences in the structure of languages, although there are other reasons, both purely grammatical and lexical.

When comparing grammatical categories and forms of English and Russian, the following phenomena are usually found:

- 1) the absence of a particular category in one of the languages;
- 2) partial coincidence;
- 3) complete coincidence.

The need for the usage of grammatical transformations naturally arises only in the first and second cases. In Russian, in comparison to English, there are no grammatical categories such as the article or gerund, as well as infinitive and participial complexes and the absolute nominative construction. Partial coincidence or discrepancy in the meaning and use of the corresponding forms and

constructions also requires grammatical transformations. This may include such phenomena as a partial mismatch of the number category, a partial mismatch in the forms of the passive construction, an incomplete coincidence of the forms of the infinitive and participle, some differences in the expression of modality, etc.

Let's consider some of the features of lexical and lexico-grammatical transformations used in the translation of Stephen King's works.

As noted earlier, translation transformations in practice in their "pure form" are rare – usually, as will be seen from the examples below, they are combined with each other. Thus, translators use various transformations both separately and in a "complex".

Let's consider some examples.

1. She's as Baptist as you can get. 'Она баптистка до мозга костей'.

In this example, we come across a separate method of functional replacement: an English figurative expression is translated by an adequate figurative expression of the Russian language.

2. I thought I would just wait and see, you know. Wait and see if the preconditions for such a horrible future began to come into place. 'Понимаешь, я думал: поживем – увидим. Поживем и увидим, появятся ли реальные приметы этой чудовищной перспективы'.

First, in this example we can observe the permutation of sentence members in order to comply with the norm of the Russian language. Secondly, there are a number of transformations here. The first transformation is tracing (i.e., exact (literal) translation) of 'wait' and 'see' by the Russian equivalent of «поживем-увидим». Then comes the simplification of the English construction 'to come into place' in one word «появиться». The concept of future as «будущее» is concretized to the word «перспектива». And the word 'preconditions', which has the meaning of 'предпосылки', was translated by the translator as real signs, which is explained purely contextually.

3. I guess your mind can screw you over pretty well, and I kept thinking – right up to the incident with the road-lining machine – that it was just a phase I was going through and that it would get better. 'Мозг может сыграть злую шутку с каждым, и я полагал, пока не произошел случай с дорожной разметкой, что эти симптомы – явление временное и все наладится'.

In this example, we are faced with the following transformations.

Firstly, there is a functional replacement of the rude form of the word 'screw' ('переспать с женщиной') with a rather neutral expression (neutralization) 'сыграть злую шутку'.

Secondly, when translating the passage 'right up to the incident', the technique of antonymic translation was used: 'пока не произошел случай'.

Thirdly, the pronoun 'it' is concretized according to the context in «эти симптомы», and the word 'phase' undergoes semantic development and takes the form of «временное явление» in translation.

In conclusion, we can say that the research work we have done indicates the importance of further detailed study of this topic.

В. А. Мельник

**ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РАБОТЕ
С СОВРЕМЕННЫМИ ЭЛЕКТРОННЫМИ РЕСУРСАМИ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО ДИСЦИПЛИНЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕВОДА»**

Сегодня современное общество находится на том этапе развития, когда практически ни одна сфера человеческой деятельности не обходится без взаимодействия с современными технологиями. Благодаря общедоступности Интернета наблюдается стремительное увеличение объемов информации, а процесс глобализации неизбежно способствует расширению международных контактов. Эти и другие факторы ставят перед переводчиками новые задачи, и все чаще возникает необходимость осуществлять переводы в больших объемах в кратчайшие сроки. Становится очевидным, что для облегчения и ускорения работы переводчика необходимо прибегать к использованию современных электронных ресурсов, и все чаще речь идет о компьютеризации процесса перевода.

В Интернете доступны различные электронные словари и глоссарии, электронные энциклопедии и справочники, онлайн-переводчики, программы переводческой памяти (ТМ), корпуса текстов, а также специализированные переводческие сайты. И хотя большая часть этих ресурсов находится в открытом доступе, не все студенты обладают достаточными знаниями о том, как такие ресурсы применять в своей переводческой деятельности, а некоторые студенты и вовсе прибегают к использованию лишь онлайн-переводчиков. Это, в частности, касается иностранных студентов. Ввиду сложностей при восприятии и понимании как устной, так и письменной речи, студентам проще обратиться к онлайн-переводчику (Google, Yandex), который выводит на экран перевод целого предложения или всего текста. Конечно, онлайн-переводчики оказывают большую помощь в том случае, когда необходимо быстро понять общий смысл какого-либо текста, но важно дать студентам понять, что ни один профессиональный переводчик не может всецело полагаться на подобные ресурсы.

Для того чтобы мотивировать студентов обращаться и к другим категориям современных электронных ресурсов, стоит начать с демонстрации примеров ошибок, которые могут возникать в переводах, выполненных при помощи самых популярных онлайн-переводчиков – Google, Yandex, DeepL. На наших занятиях, например, рассматривались неверные переводы предложений с многозначными лексическими единицами. Например: *Intense concentration is needed, which is why simultaneous interpreters always work in teams and switch off every 20 to 30 minutes* ‘Нужна напряженная концентрация, поэтому переводчики-синхронисты всегда работают в командах и отключаются каждые 20–30 минут’. Во-первых, прилагательное *intense* в данном случае следовало бы, скорее, перевести как ‘полная’, а фразовый глагол *switch off* в данном контексте означает ‘сменяться’.

Еще одной проблемой для систем машинного перевода зачастую является перевод английских существительных, образованных от глаголов при помощи суффикса *-er* и обозначающих агент действия. Например, онлайн-переводчиком Google неверно было переведено следующее предложение: *They were reckless marriers* ‘Они были безрассудными женатыми’. Дело в том, что системы машинного перевода еще не научились производить достаточно сложные грамматико-синтаксические преобразования, поэтому допускают подобные ошибки, которые иностранные студенты, как правило, не замечают и повторяют в своих переводах. Конечно, в рассматриваемом случае существительное *marriers* в переводе следовало бы заменить глаголом, а прилагательное *reckless* – наречием: *Они женились безрассудно*.

Конечно, важно также показать студентам разницу между различными онлайн-переводчиками на конкретных примерах. В частности, нами были выбраны некоторые тексты на различную тематику, которые затем были переведены при помощи трех систем машинного перевода – Google, Yandex, DeepL. Далее оригинальный текст и три варианта его перевода были помещены в таблицу и выровнены на уровне предложений для того, чтобы на занятии наглядно разобрать, какие именно существуют различия между данными онлайн-переводчиками при переводе одних и тех же предложений на русский и на английский язык. Кроме того, студенты заметили, что, например, для перевода текстов на русский язык больше подходит Яндекс-переводчик, а с переводом на английский язык лучше справляется DeepL. Стоит отметить, что, действительно, онлайн-переводчик DeepL не очень хорошо переводит на русский язык, однако хорошо показывает себя при переводе с русского языка на английский, что особенно проявляется в построении структуры предложения.

Затем важным этапом является обучение студентов работе с электронными словарями. Когда у студентов возникло понимание, что системы машинного перевода очень часто выбирают неверные варианты перевода, необходимо научить их исправлять допущенные ошибки с помощью словарей. Так, например, важно дать студентам понять, что ошибки в переводе многозначных слов возникают именно потому, что системы машинного перевода выбирают самый частотный вариант, игнорируя многие другие. Именно поэтому так важно обратиться к словарю и ознакомиться со всеми возможными значениями слова, вариантами его перевода, а также примерами употребления. Здесь также важно напомнить студентам и о контекстуальных словарях, таких как Linguee и Reverso Context.

Кроме того, не всегда онлайн-переводчики хорошо справляются с переводом пословиц и поговорок. Типичной ошибкой иностранных студентов является буквальный и дословный перевод пословиц на русский язык. Однако у этой категории лексики по большей части уже есть готовые эквиваленты и аналоги, которые можно найти либо при помощи лингвистического поиска в Интернете, либо в словарях. На наших занятиях, например, студенты переводили английские пословицы и поговорки на русский язык сначала при помощи онлайн-переводчиков, которые, естественно, допускали

ошибки, а затем искали правильные варианты перевода в словаре Multitran. Так, в частности, пословица *When in Rome do as the Romans do* в Google переводится так: 'Когда в Риме, поступай, как римляне'. Однако русскоязычным аналогом этой пословицы является *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*. Этот вариант перевода и можно найти в словаре Multitran.

Еще одним важным инструментом, облегчающим труд переводчика, являются программы накопления переводческой памяти. На наших занятиях обсуждались особенности таких популярных ТМ-программ, как TRADOS и SmartCat. При помощи обучающих видео на YouTube студенты узнали о том, что означает понятие *computer assisted translation (CAT)* и познакомились с основными инструментами программ переводческой памяти. Так, в частности, студенты узнали, что данные программы не выполняют автоматический перевод текстов, а лишь облегчают работу переводчика благодаря тому, что позволяют создать собственную переводческую базу, которую возможно использовать неоднократно при переводе однотипных текстов. Студенты получили информацию о том, как можно составить собственный глоссарий в программе Microsoft Excel и затем подключить его к ТМ-программе. Кроме того, студенты узнали такие понятия, как *translation unit*, *exact match*, *fuzzy match*, *minimum match value* и т.п.

Более кратко нами обсуждался и такой ресурс, как электронный корпус текстов. Студентам был продемонстрирован функционал Национального корпуса русского языка (НКРЯ) при помощи поиска различных лексических единиц с выбором параметров поиска. Главной целью было познакомить студентов с еще одним ресурсом, позволяющим проследить особенности употребления лексических единиц в контексте. Особенно важным для студентов-переводчиков является параллельный подкорпус, в котором каждому предложению на языке оригинала соответствует предложение на языке перевода, что позволяет познакомиться и с различными вариантами перевода интересующих единиц в контексте.

Во время обсуждения на занятиях темы, посвященной конференц-переводу, отдельно нами был рассмотрен удаленный перевод в Интернете. В частности, мы рассматривали онлайн-платформу для видеоконференций Zoom, которая может применяться и для удаленного перевода. Так, на примере обучающего видео мы рассмотрели, как подключить функцию удаленного перевода в Zoom, как организатор конференции присоединяет к ней переводчика и как затем проходит конференция с данной функцией.

Таким образом, на практике было установлено, что у иностранных студентов отсутствует достаточная компетенция в использовании необходимого количества электронных ресурсов в переводческой деятельности, в связи с чем на занятиях по дисциплине «Современные технологии перевода» главной задачей преподавателя является познакомить студентов с наиболее распространенными электронными инструментами, облегчающими и ускоряющими процесс перевода.

БЕЛАРУСКІЯ ІНФІНІТЫЎНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ З ПРЭДЫКАТЫВАМ
І ІХ ПЕРАКЛАД НА АНГЛІЙСКУЮ МОВУ

Прэдыкатывы (прэдыкатыўныя прыслоўі, словы катэгорыі стану) – гэта неспрагалныя лексічныя адзінкі, якія ўжываюцца ў ролі прэдыкатаў у безасабовых сказах. У такіх сказах, аднак, асоба, носьбіт “суб’ектнага значэння” (В. У. Вінаградаў, Н. Ю. Шведава), удзельнік сітуацыі, можа выражацца “некананічным дзейнікам” (А. В. Цыммерлінг), які маркіруецца давальным склонам. Розніца ў скланавым афармленні не ўплывае на семантычныя характарыстыкі такога дзейніка: ён выражае носьбіта фізіялагічных, эмацыянальных, перцэптыўных і пад. станаў (С. С. Сай). Акрамя “некананічнага дзейніка” прэдыкатывы могуць мець яшчэ адну валентнасную пазіцыю – прапазіцыйную, якая можа запаўняцца інфінітывам. У такім выпадку выказванні эканомна апісваюць інфармацыйна складаную сітуацыю, суб’ект якой адначасова выступае і носьбітам стану, і выканаўцай дзеяння. Так, напрыклад, у сказе *Мне сорамна казаць, што я няўклюда* канструкцыя з прэдыкатывам выражае адначасова і стан моўцы (*Я адчуваю сорам*), і яго дзеянні (*Я кажу, што я няўклюда*). Канструкцыі з прэдыкатывам і суб’ектным інфінітывам могуць выражаць а) эмацыянальныя рэакцыі суб’екта (*Мне цяжка глядзець на гэта*) або б) знешнюю ацэнку ці інтэрпрэтацыю яго дзеянняў (*Не варта яму так рабіць*).

З пункту гледжання перакладу і дасягнення яго эквівалентнасці на ўзроўні семантыка-сіntaxічных характарыстык выказвання ў англійскай мове карэлятамі такіх канструкцый можна лічыць інфінітыўныя канструкцыі з прыназоўнікам, або *for-to-infinitive constructions*. Яны таксама могуць запаўняць прапазіцыйную валентнасную пазіцыю прэдыкатыва. Адметнай асаблівасцю англійскай мовы ў супастаўленні з беларускай з’яўляецца абавязковае ўжыванне ў сказе дзейніка, напрыклад, *It was hard for me to stay there* ‘Мне было цяжка там заставацца’. Варта, аднак, адзначыць, што ў разглядаемых тыпах выказванняў такі дзейнік *it* мае фармальны характар. Семантычны суб’ект сітуацыі, як і ў беларускай мове, выражаецца “некананічна”, не праз назоўны склон, але ўводзіцца пры дапамозе прыназоўніка *for* ‘для’. Выражэнне суб’екта праз канструкцыю з прыназоўнікам *для* з родным склонам у беларускай мове таксама магчымае: *It was hard for me to do it* – *Для мяне было цяжка гэта зрабіць*, што дазваляе лічыць гэтыя канструкцыі перакладчыцкімі эквівалентамі.

Пры перакладзе беларускіх выказванняў з інфінітыўнымі канструкцыямі з прэдыкатывамі, што выражаюць эмацыянальныя рэакцыі, у англійскай мове можа ўжывацца канструкцыя *for-to-infinitive*: *Мне лёгка гэта ўявіць* – *It is easy for me to imagine it*, або: *Вельмі страшна для мяне было ісці ў новую школу* – *It was very scary for me to go to a new school*. Выказванні і ў арыгінале, і ў перакладзе апісваюць шматаспектныя станы спраў, але важнай іх характарыстыкай ёсць монасуб’ектнасць: адзін і той жа суб’ект знаходзіцца

ў нейкім эмацыянальным стане, выконваючы нейкае дзеянне. Такім чынам дасягаецца эквівалентнасць як на семантычным, так і на сінтаксічным узроўні.

Інфінітыўныя канструкцыі прапазіцыйнай семантыкі таксама могуць ужывацца ў англійскай мове і для перакладу беларускіх выказванняў, што выражаюць знешнюю ацэнку ці інтэрпрэтацыю дзеянняў суб'екта. У гэтым выпадку можа ўжывацца зварот *прэдыкатыў – прыназоўнік of – назоўнік (займеннік) ва ўскосным склоне – інфінітыў*. Так, беларускае выказванне *Недарэчна ім было б так зрабіць* можа перадавацца на англійскую мову як *It would be inappropriate of them to do something like that*. Суб'ект ацэнкі ў абодвух выказваннях не называецца, а аб'ект і яго дзеянні выражаюцца канструкцыяй прапазіцыйнай семантыкі, што дазваляе казаць пра эквівалентнасць перакладу. Знешняя ацэнка таксама можа выражацца зваротамі тыпу *з чыйгоўсці боку – прэдыкатыў – інфінітыў*. Для іх перадачы на англійскую мову таксама могуць быць выкарыстаны канструкцыі з прэдыкатывам і інфінітывам, напрыклад: *З яго боку было непрыгожа гэта сказаць – It was rude of him to say that*. Абодва выказванні выражаюць адначасова некалькі станаў спраў (аб'ект ацэнкі нешта сказаў, а моўца дае ацэнку гэтым дзеяннем) і могуць лічыцца эквівалентнымі.

Канструкцыі з прэдыкатывам і інфінітывам, такім чынам, у беларускай мове эканомна выражаюць эмацыянальныя рэакцыі суб'екта або знешнюю ацэнку яго дзеянняў. У перакладзе на англійскую мову іх карэлятамі з'яўляюцца канструкцыі з прэдыкатывам і інфінітывам з прыназоўнікам. Для перадачы выказванняў з апісаннем эмацыянальных рэакцый могуць ужывацца абароты з прыназоўнікам *for*, а для апісання знешняй ацэнкі – з прыназоўнікам *of*. Выкарыстанне такіх інфінітыўных канструкцый дазваляе дасягнуць эквівалентнасці перакладу на ўзроўні структуры выказвання з усімі іерархіі прэдыкатыўных груп.

Н. П. Наumenko

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АКТОВ НЕПОВИНОВЕНИЯ АФРОАМЕРИКАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ США В 2020 ГОДУ

В связи с рассредоточением терминов актов гражданского неповиновения по разным типам словарей данная терминология требует объединения в единую терминосистему на основе определенных принципов, одним из которых является лексико-семантическое поле.

Для работы с англоязычной терминологией актов гражданского неповиновения важны временные рамки, поэтому в данном исследовании используются данные за 2020 год, который характеризуется массовыми выступлениями афроамериканского населения под лозунгом «Black Lives Matter». В сфере гражданского неповиновения важно своевременно реаги-

вать и предотвращать новые трагедии, что возможно только при сотрудничестве стран, требующем своевременного обмена информацией, ядром которой является терминология.

Материалом исследования послужили 100 микроконтекстов, содержащих 105 англоязычных терминов актов неповиновения афроамериканского населения США в 2020 году, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных изданий электронной прессы (сайты nytimes.com, islandecho.co.uk, vox.com, aljazeera.com, bbc.com, washingtonpost.com).

Лексико-семантическое поле отражает смысловую парадигму слов, которые объединены одним родовым значением и входят в определенную семантическую сферу, покрывающую определенную область действительности, и чаще всего применяется для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных общим лексико-семантическим признаком, т.е. имеющих некоторый общий компонент значения.

Семантическая структура отдельного поля включает в себя следующие составляющие: ядро поля, представленное родовой семой или гиперсемой, и периферию. Гиперсема организует вокруг себя все другие элементы поля, в то время как периферия объединяет единицы, удаленные в разной степени в своем значении от ядра. Можно предположить, что все слова, входящие в поле, уточняют одно общее понятие, придавая ему частные значения или оттенки значений.

Более широкое родовое понятие, которое находится ближе к ядру семантического поля является гиперонимом, тогда как более узкое видовое понятие – гипонимом.

Понятие «поле» находится в родовидовых отношениях с понятием «лексико-семантическая группа», т.е. они соотносятся как общее и частное.

Ядром исследуемого поля является терминологическое словосочетание *Black Lives Matter movement* ‘движение под лозунгом «Жизни черных также важны»’, контекстуально представленное следующим образом: *...hundreds turned out for pro-police также rallies that were interrupted by protesters from the Black Lives Matter movemen*

На основе анализа родовых и видовых отношений, тематических групп исследуемой терминологии выделены следующие лексико-семантические группы: 1) расизм и связанные с ним понятия; 2) правосудие и правоохранительные органы; 3) военная терминология. Терминологические единицы исследуемых лексико-семантической группы иллюстрируются их контекстуальной актуализацией.

В первую лексико-семантическую группу входят термины, которые связаны с понятием расизма, принципами решения проблемы расизма и усилиями международного сообщества по предотвращению и искоренению расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимостью. Данные термины составляют 20 % от общего числа отобранных. Гиперонимом этой тематической группы является *racism*, гипонимами – *systemic racism* ‘системный расизм’, контекстуально представленный следующим образом: *An extreme indifference to the value of human life in late May*

by *Louisville officials* demonstrated the implementation of the **systemic racism** principles; *institutional racism* 'институциональный расизм (расизм на уровне органов государственного управления)': *Quelling public anger over police brutality points out the **institutional racism***; *racial segregation* 'расовая сегрегация': *In 2000, there were 11 schools in Minneapolis considered deeply racially **segregated**, with a student body that was more than 90 percent nonwhite*; *racial slur* 'оскорбление на почве расизма': *When I was standing on High Street in front of Ohio State's campus and someone from a car full of white boys yelled a **racial slur** at me in broad daylight, with lots of people watching*; *along racial lines* 'по расовому признаку': *Tensions quickly escalated in confrontations largely split **along racial lines**.*

Вторая группа представлена терминами, которые относятся к сфере охраны правопорядка и правосудия. Данная терминология составляет 35 % от общего количества отобранных терминов. Гиперонимами этой тематической группы являются термины *police* 'полиция' и *justice* 'правосудие', а гипонимами *the Police Officers Federation* 'Федерация офицеров полиции': ***The Police Officers Federation** of Minneapolis did not immediately respond to a request for comment on Tuesday*; *Justice Department* 'Министерства юстиции': ***The Justice Department** announced that a federal investigation into Mr. Floyd's death was a top priority*; *grand jury* 'большое жюри присяжных', *prosecutors* 'прокуратура': *Some legal experts said the fact that **prosecutors** dropped charges after a **grand jury** indictment suggested that they may have doubts about the version of events told by the police*; *federal prison* 'федеральная тюрьма': *Unrest has even reached places of deprivation of liberty – a lockdown has been declared in **federal prisons**, designed to prevent riots of prisoners*; *investigation* 'расследование': *For now, **prosecutors** have said that they would let **investigations** into the killing run their course before making any final decisions*; *counsel* 'адвокат', *compensatory charges* 'компенсация ущерба': *In a court document filed on Oct. 29, **counsel** for Sergeant Mattingly said he should be entitled to **compensatory damages** for the medical treatment, the rule of law and order 'верховенства закона'*: *In any case, the tough measures that Trump prefers can help him gain popularity as a supporter of the idea of **the rule of law and order***., *high-profile case* 'громкое дело': ***High-profile cases** have generated large protests and given rise to a national debate over police conduct toward black people*; *charges* 'обвинение': *No **charges** were announced against the other two officers who fired shots, and no one was **charged** for causing Ms. Taylor's death*; *search warrant*; 'ордер на обыск': *Detective Myles Cosgrove, one of the officers who shot Ms. Taylor, and Detective Joshua Jaynes, who prepared the **search warrant** for the raid, received letters of termination in late December, according to lawyers representing the officers*; *no-knock warrant* 'ордер на проникновение полиции в жилище без предупреждения'; *police brutality* 'полицейский произвол': *Since the national demonstrations over **police brutality** Louisville officials have banned the use of **no-knock warrants**, which allow the police to*

forcibly enter people's homes; human rights violation 'нарушение прав человека': *It is a corrupt, undemocratic, racist state, guilty of **human rights violations** and on the verge of disintegration; fatal police conflict* 'конфликт с полицией со смертельным исходом': *In the District of Columbia, where blacks make up almost half of the population, African Americans are killed in 88 % of **fatal police conflicts**; wanton endangerment* 'бессмысленные угрозы': *A grand jury in September indicted a former Louisville detective involved in the raid, Brett Hankison, for **wanton endangerment** of neighbor; to hold accountable* 'привлечь к ответственности': *The officers involved – not just the perpetrator, but also those who stood by and did nothing – must be **held accountable**; to condemn* 'осудить': *police officials from around the country **condemned** the police actions that led to Mr. Floyd's death.*

В третью группу входит военная терминология. Данная терминология составляет 35 % от общего количества отобранных терминов. Гиперонимом этой тематической группы является термин *street weapons* 'оружие, используемое для подавления общественных беспорядков': *No police officers were charged for using street weapons causing Ms. Taylor's death*, а гипонимами – *foam projectiles* 'резиновые пули', *marking rounds* 'резиновая картечь', *tear gas* 'слезоточивый газ': *The police fired **foam projectiles** known as **marking rounds** and used **tear gas** to try to repel some of the protesters; **battering ram*** 'таран': *Shortly after midnight on March 13, Louisville police officers used a **battering ram** to enter the apartment of Ms. Taylor, a 26-year-old emergency room technician; **return fire*** 'ответный огонь': *They had to **return fire**, as a result, one person died at the scene; gunshot wounds* огнестрельные ранения: *Five people received **gunshot wounds**, three of them died.*

Данное исследование подтвердило, что наличие семантических связей слов, объединяющих лексику языка в лексико-семантические группы, упрощает поиск нужных слов, так как говорящий подыскивает необходимое ему слово не во всем словарном составе языка, а в пределах небольшой его части, на которую его ориентирует логика мышления. Организованность лексики также способствует усвоению новых слов, поскольку новые слова не просто механически добавляются к уже существующим, а помещаются в сложившуюся в нашем сознании систему.

Ю. Н. Русина

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ТЕРМИНЫ С КОЛОРОНИМАМИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Изучение терминологических единиц, принадлежащих к различным сферам человеческой деятельности, продолжает оставаться актуальным. Такие исследования проводятся как на материале одного языка, так и в сопоставительном плане на материале нескольких языков. Лингвистов интересуют

вопросы, связанные со структурно-семантическими особенностями терминов той или иной области науки, вопросы возникновения новых терминологических единиц и способы их заимствования другими языками, вопросы адекватной передачи терминов с одного языка на другой и многие другие аспекты функционирования терминологических единиц в языках.

В данной работе в качестве объекта исследования выбраны англоязычные терминологические единицы с компонентами-колоронимами 'black' и 'white', относящиеся к сфере экономики, политики и медицины. Целью работы является определение структурно-семантических особенностей таких терминов и приемов их перевода на русский язык.

Не вызывает сомнений тот факт, что цвет – одна из самых важных перцептивных характеристик объектов окружающего мира. Начиная с работ Б. Берлина и П. Кея, анализирувавших процесс возникновения и развития цветообозначений в различных языках, исследователи не теряют интереса к изучению цветообозначений с разных сторон, в том числе и с точки зрения их функционирования в составе терминов. Цветообозначения 'black' и 'white' были нами выбраны по той причине, что они являются базовыми цветоименованиями, найти которые можно в любом языке.

Методом сплошной выборки из электронной версии словаря АБВУ Lingvo было отобрано 59 терминологических сочетаний с колоронимом *black* и 34 единицы с колоронимом *white*, относящихся к сфере политики и экономики. Для отбора медицинских терминов была использована электронная версия словаря Gufо.me, который включает в себя тематический словарь медицинского профиля. В результате сплошной выборки был получен 21 термин с компонентом *black* и 24 терминологических единицы с колоронимом *white*.

Представляется интересным проследить, какие значения цветовых прилагательных актуализируются в семантике терминологических единиц, относящихся к таким сферам нашей жизни, как экономика и политика, с одной стороны, и медицина – с другой. Так, проведенный анализ терминов, принадлежащих к сферам экономики и политики, показал, что в большинстве единиц колоронимы 'black' и 'white' употребляются в своих переносных значениях – *безнадежный; предвещающий недоброе; мерзкий; нелегальный* (для *black*) и *честный, благородный; чистый; безупречный; благоприятный, удачный* (для *white*). Например: ***black market*** – *illegal trading of goods that are not allowed to be bought and sold* // ***Black Monday*** – *Monday 19 October 1987, when massive falls in the value of stocks on Wall Street triggered similar falls in markets around the world* // ***white knight*** – *a person or an organization that rescues a company from difficulties such as financial problems or an unwelcome takeover bid* // ***white hope*** – *a person expected to bring much success to a team or organization*.

Лишь в немногих терминах, функционирующих в сферах экономики и политики можно наблюдать актуализацию прямого значения цветовых прилагательных, т.е. обозначение цвета какого-то предмета: ***white goods*** – *1. large electrical goods such as refrigerators and washing machines, typically*

white in colour; 2. household goods, such as bed sheets, tablecloths, and towels, formerly bleached and finished in white // black goods – electronic goods which are housed in black or dark casings, such as televisions, CD players, etc.

В сфере медицины мы наблюдаем полностью противоположную ситуацию: практически во всех терминологических единицах компоненты 'black' и 'white' употребляются в своих прямых значениях, что вполне объяснимо: часто в названии заболевания отражают один из его симптомов, который может быть связан с изменениями цвета человеческих органов, продуктов выделения человеческого тела и т.п.: *black stain – black or grey discoloration of teeth near the gingival margins // white fingers – a condition of a finger that results in a white appearance caused by a spasm of the blood vessels. It occurs with Raynaud's disease.*

Как известно, с точки зрения семантики, терминам чаще всего свойственна однозначность, однако не исключены такие случаи, когда у одной терминологической единицы может быть несколько значений. Среди терминов сферы экономики и политики мы обнаружили 3 многозначные единицы (*white goods, Black Friday, Black Monday*), в то время как все отобранные нами медицинские термины с колоронимами оказались однозначными.

Между некоторыми терминами наблюдается явление синонимии: *black market dealing = black market operations, white paper = white book, white box = white label, white blood cell = white blood corpuscle.*

Некоторые термины были зафиксированы в словарях в краткой форме и в более развернутой, что позволило нам рассматривать их тоже как синонимичные: *blackcoat = black-coated worker, black market rate = black market exchange rate, white corpuscle = white blood corpuscle.*

Среди терминов сферы экономики и политики было выявлено интересное явление: наблюдаются случаи синонимии отобранных терминологических сочетаний с терминами, имеющими в своем составе другие колоронимы: *black money = grey money, white hot economy = red hot economy, black goods = brown goods.*

Помимо семантики, мы изучили структурные типы отобранных терминов. Несколько терминов являются сложными единицами с двумя корнями, причем некоторые из них образованы в результате конверсии: *blackleg – a person who works while others that they work with are on strike // to blackleg – to replace (a worker) who is on strike; to refuse to support (a union, union workers, or a strike); whitewash – a deliberate attempt to conceal unpleasant or incriminating facts about a person or organization in order to protect their reputation // to whitewash – to deliberately attempt to conceal unpleasant or incriminating facts about a person or organization; whitehead – small whitish elevation of the skin (as on the face) due to retention of sebum and dead skin cells in a skin pore blocked by a thin layer of epithelium; blackhead – a small plug of darkened sebum and dead skin cells that fills a pore of the skin especially on the face.*

Подавляющее большинство отобранных нами терминологических единиц, принадлежащих как сфере политики и экономики, так и сфере медици-

ны, являются двухкомпонентными единицами, состоящими из прилагательного-цветообозначения и существительного: *black candle*, *white information*, *black blood*, *black cancer*, *white matter* и т.п.

Кроме того, было выявлено несколько трехкомпонентных терминологических единиц, состоящих, как правило, из прилагательного и двух существительных: *black market activities*, *white blood cell*, *black power movement*, *white collar crime* и др.

Несколько терминов представляют собой производные единицы, образованные суффиксальным способом: *black marketer*, *black marketeering*, *blackening*.

Рассмотрев способы перевода терминологических единиц с компонентами-колоронимами 'black' и 'white', мы выявили, что используются традиционные переводческие приемы: калькирование, подбор эквивалента и экспликация.

Калькирование чаще применяется для терминологических сочетаний, имеющих структуру прилагательное + существительное, причем при переводе на русский язык сохраняется структура словосочетания и компонент цветообозначения: *black market* 'черный рынок'; *Black Friday* 'черная пятница'; *white substance* 'белое вещество'; *black tongue* 'черный язык'.

При переводе трехкомпонентных терминов определяющее слово может передаваться на русский язык при помощи существительного в родительном падеже, также меняется порядок слов: *black market activities* 'деятельность черного рынка', *black-market practices* 'приемы черного рынка'.

Однословный эквивалент также используется при переводе терминов со структурой прилагательное+существительное: *black cancer* 'меланома'; *black lung* 'антракоз'; *white lung* 'асбетоз'; *black ink* 'прибыль, доход; излишек'; *black bag* 'нелегальный', *white label* 'немарочный'.

Для некоторых терминов в русском языке существует эквивалентное выражение, имеющее подобную структуру (прилагательное + существительное), но не содержащее в своем составе компонент цветообозначения: *black measles* 'геморрагическая корь'; *black blood* 'венозная кровь'; *black economy* 'теневая экономика'; *white list* 'рекомендательный список'.

Некоторые единицы были переведены при помощи экспликации, т.е. описательным способом: *white fingers* 'синдром белых пальцев'; *white sheets* 'список региональных акций и облигаций и их ежедневные котировки на внебиржевом рынке в США'.

Итак, проведенное исследование показало, что терминологические единицы с компонентами 'black' и 'white', функционирующие в экономическом, политическом и медицинском дискурсах, характеризуются определенными семантическими и структурными особенностями, а способы перевода их на русский язык достаточно традиционны.

И. А. Рябцевич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ «SCAFFOLDING» В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В настоящее время в основе учебного процесса лежат результативность, экономичность, эргономичность и мотивированность. Достижение данных показателей в учебном процессе языкового учреждения высшего образования обусловлено потребностями современного рынка труда. Результативность предполагает высокий уровень достижения поставленной учебной цели каждым учащимся, что не всегда представляется возможным в рамках лекционных занятий.

В условиях постоянного технического прогресса более гибкий и мобильный характер современного образования возможно реализовать с помощью внедрения эффективных технологий обучения. Проведение нетрадиционных лекций с использованием интерактивных технологий обучения способствует созданию обучающей среды, включающей всех студентов, стимулирующей их к самовыражению, саморазвитию и творческому поиску. Наиболее перспективной для успешной организации интерактивных лекционных занятий представляется, на наш взгляд, технология «scaffolding», построенная на основе идеи Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития.

Согласно его теории, уровни актуального и потенциального развития обучающихся различаются. В зоне ближайшего развития студент самостоятельно решает учебную задачу, уровень сложности которой соответствует его подготовке. Тем не менее в большинстве случаев при помощи преподавателя или в сотрудничестве с другими обучающимися один и тот же студент потенциально способен решить и более сложные задачи. В рамках технологии «scaffolding» основным способом обеспечения зоны ближайшего развития для студентов является постепенное снятие опор (fading help) со стороны педагога в ходе самостоятельной работы обучающихся. За счет структурированной поддержки преподавателя студенты становятся активными участниками лекции.

Основные принципы технологии «scaffolding» включают:

1) постепенное увеличение сложности решаемых задач: студенты начинают с выполнения простых и понятных задач, а затем последовательно переходят к более сложным. Такой подход обучающимся сначала овладеть базовыми навыками и умениями, а затем применять их в более сложных ситуациях;

2) предоставление опор: преподаватель предлагает модели и примеры коммуникативного поведения, что позволяет обучающимся осознать конечную цель учебной деятельности;

3) сопровождение деятельности студентов в ходе решения задач с целью преодоления студентами коммуникативных барьеров;

4) обратная связь: анализ реакций студентов преподавателем способствует более эффективному управлению усвоением материала будущими переводчиками.

По мнению американских ученых М. Вогта и Д. Шорта существуют 3 вида данной технологии: вербальный (Verbal Scaffolding), процедурный (Procedural Scaffolding) и инструктивный (Instructional Scaffolding). В соответствии с данным подходом предлагается алгоритм проведения лекции с постепенным снятием опор и уменьшением степени управления самостоятельной деятельностью обучающихся со стороны преподавателя.

Шаг 1. Учебный материал предоставляется для предварительного изучения, может включать подкасты (аудиолекции, видеофайлы), которые преподаватель рассылает обучающимся предварительно. Самостоятельная работа, таким образом, включает просмотр видеолекции или прослушивание звукового файла, чтение учебных текстов, изучение поясняющих рисунков, схем, таблиц. Обсуждению сложных теоретических вопросов посвящено примерно 30 % лекционного времени. Отметим, что в рамках данной технологии академическая лекция как основная традиционная организационная форма обучения в учреждении высшего образования преобразуется в интерактивное занятие (например, лекция-брифинг), что позволяет обучающимся самим сформулировать план лекции, задать интересующие их дополнительные вопросы, высказать свои мнения по обсуждаемому вопросу.

Шаг 2. Работа по заранее созданной презентации с заранее запланированными ошибками, что позволяет, с одной стороны, акцентировать наиболее значимые термины и понятия, а с другой – способствует концентрации внимания обучающихся и формированию умения осуществлять самоконтроль при изучении теоретического материала.

Шаг 3. Вовлечение студентов в активную деятельность во время занятия предполагает решение ими практико-ориентированных заданий, обладающих творческим и исследовательским потенциалом. Учебная деятельность осуществляется на основе подробной инструкции и под наблюдением преподавателя. Для обратной связи используются различные онлайн-инструменты, платформа Moodle, интерактивная доска и т.п.

Шаг 4. Выполнение заданий на закрепление пройденной темы предполагает решение практико-ориентированных (ситуационных) задач и (мозговой штурм, диспут, ролевую игру, творческую мастерскую, творческую гостиную, интервью и т.д.). На данном этапе предлагаются ролевые игры или импровизационные упражнения, в которых студенты применяют полученные знания на практике, интерпретируя коммуникативное поведение коммуникантов в ситуациях, максимально приближенных к реальности.

Таким образом, лекционное занятие с использованием технологии «scaffolding» позволяет студенту-переводчику синтезировать разрозненные знания из разных отраслей научной мысли, выделить главную и наиболее важную информацию, а также развивает умения вести дискуссию, выражать свою точку зрения, решать проблемы и принимать решения.

Е. В. Стефанова

ИИ-ИНСТРУМЕНТ ChatGPT В ОБУЧЕНИИ СИНХРОННОМУ ПЕРЕВОДУ

NLP (Natural Language Processing) – это обработка естественного языка. Сегодня искусственный интеллект (ИИ) устанавливает связь слов и сочетаний в различных контекстах и генерирует новый текст, обучаясь на большом объеме данных. Примеры сервисов для генерирования текстов включают: *RuGPT-3, Jasper, AI Outranking, Writesonic, Rytr, Gerwin AI, AIWriter, ReText.AI, Copy Monkey* и т.п.

ChatGPT калифорнийской компании OpenAI – это чат-бот с искусственным интеллектом (генеративный ИИ). Функционал ИИ широко задействуют в своей деятельности маркетологи, PR-специалисты, журналисты и т.д., т.е. все те специалисты, чья деятельность связана с работой с текстом. Формулировка четкого запроса (указание контекста, регистра официальный/неофициальный, жанра, целевой аудитории и т.п.) служит средством достижения желаемого результата.

Тем не менее задействование функционала ИИ вызывает беспокойство, профессиональных писателей, поскольку зачастую указанный выше чат-бот выступает не только в роли соавтора, но и в роли полноценного автора. С помощью инструмента можно написать не только короткий рассказ, но и книгу, разбитую по главам, снабдив ее иллюстрациями (речь идет про *ChatGPT-4*). Затем готовая e-book (книга в электронном варианте) может быть отправлена в *Kindle Direct Publishing* (раздел «Самостоятельная публикация») компании Amazon. Очевидно, что созданные таким способом e-books могут наводнить рынок, лишив многих профессиональных писателей работы.

ChatGPT был вовлечен в эксперимент швейцарской франкоязычной радиостанции Couleur 3 (эфир от 27.04.2023): в прямом эфире звучали не только голоса роботов, похожие на голоса ведущих-людей, но и музыка, сгенерированная ИИ. Эфир наполнили сгенерированные ИИ ложные короткие новости. Вместе с тем ИИ может быть не только использован для генерирования развлекательного контента. Так, на Кипре робот *AIInstein* использует *ChatGPT* для улучшения учебного процесса.

Функционал ИИ-инструмента *ChatGPT* может быть задействован, в частности, при обучении синхронному переводу. Рассмотрим варианты запросов и полученные результаты (отрывочно) на примере занятия по синхронному переводу, посвященному вопросам глобального потепления.

Запрос. Напишите диалог (на английском языке) между представителями официальных делегаций Канады, Индии и Италии по вопросам увеличения уровня вод на планете (100 предложений). Затем переведите речи выступающих на русский и итальянский языки.

Результат: представим варианты перевода заключительной части выступления:

Оригинал (En)	Перевод (Ru)	Перевод (It)
<u>Representative of Canada:</u> I think we can all agree that this is a complex issue that requires a multifaceted approach. But I'm confident that by working together, we can make a difference.	<u>Representative of Canada:</u> I think we can all agree that this is a complex issue that requires a multifaceted approach. But I'm confident that by working together, we can make a difference.	<u>Rappresentante del Canada:</u> Penso che possiamo tutti concordare che si tratta di una questione complessa che richiede un approccio multifattoriale. Ma sono sicuro che lavorando insieme possiamo fare la differenza.
<u>Representative of India:</u> Yes, I agree. We must remain committed to finding solutions and taking action to protect our planet.	<u>Representative of India:</u> Yes, I agree. We must remain committed to finding solutions and taking action to protect our planet.	<u>Rappresentante dell'India:</u> Sì, sono d'accordo. Dobbiamo rimanere impegnati nel trovare soluzioni e nell'agire per proteggere il nostro pianeta.
<u>Representative of Italy:</u> Well said. Let's continue to collaborate and share ideas as we work towards a more sustainable future.	<u>Representative of Italy:</u> Well said. Let's continue to collaborate and share ideas as we work towards a more sustainable future.	<u>Rappresentante dell'Italia:</u> Ben detto. Continuiamo a collaborare e a condividere idee mentre lavoriamo verso un futuro più sostenibile.

Вывод: ИИ сгенерировал логичную, связную коммуникацию между представителями делегаций, задействовав стандартные клише и терминологию, адекватный перевод на русский и итальянский языки. Плюсом служит разбивка фраз выступающих с указанием того, кто произносит речь. Перевод выполнен корректно, в переводе на русский язык поменяем предлог и используем добавление: 'обмениваться идеями в работе над более устойчивым будущим – обмениваться идеями в работе по достижению более устойчивого будущего' (в переводе на итальянский данная фраза не нуждается в корректировке). На занятии одни студенты могут выступить в роли представителей делегаций, другие – осуществлять синхронный перевод (в зависимости от уровня подготовки – с опорой/без опоры на готовый текст перевода).

Ниже приведем примеры запросов, которые также могут быть полезны на занятиях по синхронному переводу.

Запрос 1. Опишите изображения, которые могут демонстрировать представители официальных делегаций Канады, Индии и Италии по вопросам увеличения уровня вод на планете (у ChatGPT 4 есть опция генерирования изображений). *Запрос 2.* Перечислите основную терминологию на

английском языке, которая может быть использована на международных конференциях по вопросам глобального потепления (указание количества единиц), снабдив ее переводом на русский, итальянский и французский языки. ИИ составил глоссарий не в алфавитном порядке (в запросе это не было указано, следовательно, для получения списка в алфавитном порядке необходимо это обозначить в тексте запроса). ИИ пронумеровал термины. Сгенерированный глоссарий необходимо скопировать из чат-бота и вставить в требуемый документ, в то время как программы Readwise Reader и Notion AI создают глоссарии в документе.

Запрос 3. Во время интервью, посвященного вопросам экологии, Г-н А. из Индии упоминает местные реалии (указание количества предложений). *Запрос 4.* Представьте реферативный перевод текста (указание тематики, вставка текста, например, на французском языке) на английский язык.

Интерактив – это то, что отличает ChatGPT от других инструментов машинного перевода. Запрос, целью которого является перевод текста для людей, не являющихся специалистами в той или иной сфере, может быть сформулирован следующим образом: «Выполните перевод текста технической направленности с сохранением всей терминологии и с пояснением каждого термина». Также необходимо учитывать, что чем грамотнее написан текст оригинала, тем корректнее будет полученный перевод. Слишком громоздкие лингвистические конструкции и обороты могут усложнить работу ИИ.

Ответы, полученные по запросам, могут быть использованы в ходе подготовки проекта на занятии, когда студентам необходимо решить поставленную задачу за короткий временной промежуток. ИИ-инструмент ChatGPT не осуществляет устный перевод. Генерируемые им тексты, примеры контекстов служат лишь вспомогательным инструментом, возможности которого

Ответы, полученные по запросам, могут быть использованы в ходе подготовки проекта на занятии, когда студентам необходимо решить поставленную задачу за короткий временной промежуток. ИИ-инструмент ChatGPT не осуществляет устный перевод. Генерируемые им тексты, примеры контекстов служат лишь вспомогательным инструментом, возможности которого можно использовать в разных сферах деятельности, в том числе в ходе подготовки к осуществлению синхронного перевода.

П. С. Шиш

ОСОБЕННОСТИ СОКРАЩЕНИЙ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (на материале немецкоязычных текстов экономической направленности)

Перевод текстов экономической направленности требует не только знаний о текущей ситуации и актуальных тенденциях в экономике, но и владения специальной терминологией, в том числе и сокращениями.

Сокращения в экономических текстах подразделяются на три главных структурных типа: графические, лексические и смешанные.

При переводе текстов необходимо учитывать, что **графические** сокращения используются только в письменной речи и расшифровываются при чтении. Для текстов экономической направленности характерны графические аббревиатуры начальных компонентов сложных слов и словосочетаний (*i.H.v.* – *in Höhe von* – *в размере*, *o.g.* – *obengenannt* – *вышеуказанный*); графические усечения (*veröff.* – *veröffentlicht* – *опубликованный*, *Abschn.* – *Abschnitt* – *раздел*); каркасные структуры, состоящие в основном из согласных начала и конца лексемы и в отдельных случаях содержащие в начале гласные буквы (*vgl.* – *vergleiche* – *сравни*, *Mrd.* – *Milliarde* – *миллиард*); рамочные конструкции, которые представляют собой первую и последнюю буквы полной формы (*Nr.* – *Nummer* – *номер*, *rd.* – *rund* – *около*). Некоторые графические сокращения удваиваются для выражения множественного числа: *f.* – *folgende (-r/-s)* – *следующий*, *ff.* – *folgende* – *следующие*.

Работая с текстом следует обращать внимание на **лексические** сокращения, которые произносятся в той форме, в которой они написаны: как последовательность букв или как целое слово. В экономических текстах встречаются инициальные аббревиатуры, которые образуются из начальных букв каждого слова понятия, буквенного типа, т.е. с произношением по алфавитному принципу (*BSP* – *Bruttosozialprodukt* – *валовый национальный продукт (ВНП)*, *EZB* – *Europäische Zentralbank* – *Европейский центральный банк (ЕЦБ)*), и звукового типа, т.е. произносимые как единое слово (*BIP* – *Bruttoinlandsprodukt* – *внутренний валовый продукт (ВВП)*, *ARAP* – *Aktive Rechnungsabgrenzungsposten* – *статьи, разграничивающие учёт затрат между смежными отчётными периодами*); слоговые сокращения, образованные по начальным слогам слов (*ELSTER* – *Elektronische Steuererklärung* – *электронная налоговая декларация*, *Doppik* – *Doppelte Buchführung in Konten* – *двойная запись*); частично сокращенные слова, где первый элемент термина сокращен при сохранении полного второго элемента (*V-Konto* – *Vorschusskonto* – *авансовый счет*, *AKV-Prinzip* – *Aufgabe-Kompetenz-Verantwortungs-Prinzip* – *принцип задача – компетентность – ответственность*).

В текстах экономической направленности чаще всего встречаются **смешанные** сокращения. Они включают в себя одновременно и лексические (*FehlBEZ* – *Fehlbetragsbundesergänzungszuweisungen* – *дополнительные федеральные трансферты при финансовом дефиците*, *SoBEZ* – *Sonderbedarfs-Bundesergänzungszuweisungen* – *дополнительные федеральные трансферты при особых финансовых потребностях*) и графические сокращения (*BT-Drs.* – *Bundestagsdrucksache* – *формуляр, изданный Бундестагом*, *GebG* – *Gebührengesetz* – *закон о пошлинах*).

Сокращения в текстах экономической направленности характеризуются рядом особенностей. У одного слова может быть несколько вариантов сокращений. Так, для обозначения слова *bezüglich* – *касательно* встречаются разные типы графических сокращений: графическое усечение *bez.* и кар-

касая структура *bzgl.*, а для обозначения *Scheckgesetz* – закон о чековом обороте могут использоваться сокращения-синонимы *SchG* и *ScheckG*. При переводе текста важно следить за единообразием использованных сокращений.

Также одно и то же сокращение может заменять совершенно разные слова, что представляет трудности для их перевода. Так, сокращение *StB* в текстах экономической направленности может обозначать следующие понятия: 1) *Steuerberater* – налоговый консультант; 2) *Steuerbilanz* – баланс предприятия, составленный для определения суммы налогового обложения; 3) *Steuerbetrag* – сумма налога. Одно сокращение может использоваться не только для однокоренных слов. Например, аббревиатура *AG* может расшифровываться следующим образом: 1) *Aktiengesellschaft* – акционерное общество; 2) *Amtsgericht* – участковый суд; 3) *Ausführungsgesetz* – положение о применении закона.

Таким образом, стремление к компрессии и гибкий механизм образования сокращений приводят к появлению большого количества сокращенных единиц и их широкому использованию в текстах экономической направленности. Во время перевода необходимо уделять внимание сокращениям, учитывать быстрое образование новых единиц, многозначность аббревиатур, которая может привести к неверному толкованию текста, а также соблюдать единообразие в случае сокращений-синонимов. Для глубокого понимания оригинала текста, поиска средств перевода и критического анализа его результатов переводчик должен обладать не только лингвистическими знаниями, но и экономическими.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. И. Бобрович

ОБУЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Демократия – нечто большее, чем какая-то определенная форма правления. В первую очередь это форма совместной жизни, обобщественного и передаваемого опыта. При демократии в обществе постоянно растет число людей, готовых согласовывать свои действия с действиями других и учитывать чужие интересы, определяя цель и направления собственных... Установление такой формы социальной жизни, в которой интересы переплетаются и взаимопроникают, где прогресс и перестройка являются важным фактором, делает демократическое общество более, чем какое бы то ни было другое заинтересованным в целенаправленном и систематическом образовании.

Д. Дьюи

Обучение демократии представляет собой комплексное направление учебно-воспитательной работы, нацеленное на усвоение человеком норм и правил общественной жизни в условиях демократической формы правления. Оно предполагает обретение навыков политического участия, критического мышления и гражданской ответственности. В постсоветских обществах оно помогает зарождению элементов гражданской правовой и политической культуры, формированию у граждан ответственности за использование полученной свободы.

Одним из слагаемых обучения демократии является гражданское образование («civic education»). Оно выступает важным компонентом более общего процесса социализации, обеспечивающего постепенное «вовлечение» индивида в общество и предполагает целенаправленное формирование качеств и навыков (гражданских компетенций), позволяющих человеку адаптироваться в правовой и политической системе. Гражданское образование обеспечивает преемственность господствующей в обществе системы ценностей, полноценное усвоение гражданами норм и правил общественной жизни.

Система гражданского образования в значительной степени обусловлена культурно-историческими особенностями того или иного государства. Подобно большой семье, каждая нация по-своему отвечает на вопрос о том, чему и как учить подрастающее поколение. В правовом государстве гражданское образование ориентировано на воспитание самостоятельной,

критически мыслящей личности, суверенного и ответственного за свои поступки гражданина. Выражаясь словами Канта, демократия требует от человека умения быть «господином самому себе» – готовности к самостоятельным и ответственным решениям, способности к взвешенному, просвещенному выбору. Гражданское образование учит распоряжаться личной свободой, не ущемляя свободу других, «вооружает» знаниями об обществе и государственном устройстве, вырабатывает навыки компетентного участия в общественных делах.

Особенностью обучения демократии является одновременная нацеленность на выполнение двух разнонаправленных задач. С одной стороны – обучение правам человека, способствующее осознанию своих прав и свобод и укреплению здорового **индивидуализма**. С другой стороны – воспитание гражданственности, формирующей способность действовать на общее благо и укрепляющее чувство **коллективизма**. Противоборство этих установок нашло свое отражение в истории политической мысли. Традиция либерального индивидуализма (уходящая своими корнями в работы Дж. Локка и А. Смита) делает упор на естественных правах человека и подчинении государства гражданину. Традиция классического республиканизма (представленная во взглядах Аристотеля и учении Ж.-Ж. Руссо), напротив, акцентирует внимание на воспитании гражданских добродетелей и способности граждан действовать на благо общества (государства).

Обе традиции в равной степени важны и абсолютизация какой-либо из них ведет к «перекосам» в политическом сознании и поведении. Чрезмерный коллективизм приводит к подавлению индивидуальности (когда личное сдерживается общественным). Крайний индивидуализм, напротив, чреват социальной и политической пассивностью (когда граждане думают лишь о собственной выгоде). Воспитание гражданина в процессе обучения демократии ставит задачу найти необходимую «золотую середину», сочетающую оба начала и способствующую формированию гармонично развитой личности.

Воспитание гражданина является важнейшей, но не единственной задачей в обучении демократии. Помимо воспитания суверенного (демократического) **гражданина**, оно ставит своей целью воспитание демократического **человека**. В процессе длительной исторической эволюции демократия вышла за рамки политики и обозначает уже нечто гораздо большее, нежели способ организации политической власти. Она представляет собой особый тип организации общества, продуцирующий свой особый **образ жизни**. Его основу составляет сложившаяся на протяжении последних столетий особая **культура демократии**. С ее помощью задаются образцы демократического сознания и поведения, определяющие жизнь и деятельность членов демократического сообщества.

Проникая во все уголки публичной и приватной жизни, культура демократии формирует новые, гораздо более высокие стандарты качества общения, производства, управления, повышая уровень доверия людей друг к другу и социуму в целом. Благодаря ей в обществе возникает атмосфера взаимопонимания и сотрудничества, дающая возможность решать любые

спорные вопросы путем совместного обсуждения и взаимных компромиссов. Приходя на смену авторитарной культуре прошлого, культура демократии коренным образом меняет характер человеческих отношений в семье, в трудовом коллективе, в общественных местах, в кругу друзей и знакомых.

Демократическая культура повседневности охватывает всё многообразие форм человеческой деятельности, осуществляемой в сфере личных дел и интересов. Она находит свое выражение в особой культуре труда и досуга, общения и питания, в специфической культуре дискуссий и споров, в воспитании детей и даже культуре вождения автомобиля. Демократия повседневности говорит о приверженности людей ценностям демократии в своей обыденной жизни и является практическим выражением общественного согласия в отношении базовых демократических норм и ценностей.

Особенностью повседневности, как известно, является ее «неосознаваемость» теми, кто в нее погружен. Постоянно находясь в сфере повседневности, люди ее не замечают, воспринимая как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее именно здесь ярче всего проявляются ценностные ориентации и установки личности. Повседневность является своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей самым надежным способом проверить человека на способность быть демократом. Она обнажает глубоко укоренившиеся привычки и предпочтения, обычно скрывающиеся от глаз посторонних. Повседневность стирает границу между учеными и дилетантами, лидерами и рядовыми гражданами, ставя их «на одну доску». Все они в своем поведении и общении с ближайшим окружением (друзьями и близкими, коллегами и знакомыми) могут оказаться терпимыми или нетерпимыми, способными к солидарности или безразличными, нацеленными на диалог или на конфронтацию.

Повседневность является хорошим тестом, позволяющим определить успешность проводимых в обществе демократических преобразований. Она дает возможность увидеть, насколько далеко продвинулось общество по пути формирования демократического человека и присущего ему образа жизни, а также соответствующей ему повседневной культуры. Сфера повседневности является благодатной площадкой для внедрения прогрессивных форм общения и деятельности непосредственно в практику человеческих отношений. Она дает возможность формировать важнейшие качества личности в привязке к тому, чем он занимается ежедневно – общению с друзьями, выстраиванию взаимоотношений на работе, налаживанию эффективной коммуникации в группах по интересам.

О. Л. Гутько

МЕТАМОДЕРН БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Метамодерн развивается в виртуальной среде, в социальных сетях. Каждый из участников социальных сетей становится соучастником метамодерна. Метамодерн используется в научном обиходе с начала XXI века и определяется исследователями как эпоха, следующая за постмодерном.

Если модерн – это эпоха, стиль начала XX века, то метамодерн – эпоха начала XXI века. Связана она с разработками в области информационной культуры исследователями XX века, такими как Пьер Бурдьё, Жан Бодрийяр, Абрахам Моль, Маршалл Маклюэн, Юрген Хабермас и др.

Характеристика метамодерна представлена многими современниками, одними из первых о метамодерне написали Тимотеус Вермюлен и Робин ван ден Аккер, основываясь на нескольких принципах:

- метамодерн основан на глубоком проникновении, эмоциональности, в большей степени обращенной к наслаждению повседневной жизнью, мелодраматическим сюжетом;
- для метамодерна свойственно мерцание, поиск нового смысла (ирония, сарказм) и возвращение к прежнему смыслу, колебание между существующим и воображаемым пространством;
- в метамодерне происходит сжатие смысла до обозначения символа (иероглифа), характерно поверхностное чтение, визуальность.

Изобразительное творчество художников обзримо открывает основные категории метамодерна.

Эпоха метамодерна связана с эпохой информационной среды, с обновленным пониманием мира и искусства, колеблющимся между реальностью и ирреальностью.

В модерне, как и в метамодерне, присутствуют характеристики потустороннего, сакрального, раскрывающего отношение к восточной культуре, мифологической стороне жизни, единения конструкции и декора.

Метамодерн в современной культуре позволяет раскрыть особенности информационной среды, связанной с метавселенной (массмедиа, виртуальные игры, социальные сети и т.д.). Формирование новой информационной среды открывает новые возможности для взаимодействия людей, игнорирующих расстояние, осмысливающих необозримую метареальность.

Культура метамодерна, отстраненная от рационализма и традиционного общения и коммуникации, выдвигает на первый план символическую значимость и визуальность. Новая вселенная Маклюэна – метавселенная – порождает новые возможности, не связанные с прежними взаимоотношениями людей в общении, работе, творчестве.

Возможно, поэтому художники обращают внимание на новое осмысление художественных техник, позволяющее в традиционной живописи увидеть новые возможности, смыслы. Работы художников, выполненные в технике левкаса, ассоциируются с иконописной манерой, раскрывают обращение к прошлому, сакральной стороне жизни – незабываемых ценностей, которые в реальном мире связаны с категорией времени – воспоминание, детство, молодость, прежний уклад жизни. Использование информационных технологий позволяет увидеть новый смысл искусства, определяемый новыми формами бытования, заключенными в сопоставлении несопоставимого – прошлого и настоящего, настоящего и будущего.

Так, к примеру, в художественных произведениях Елизаветы Янковой «Диалог», Елизаветы Кобер «Притча о сеятеле: каменистая земля» «Диалектика», «Шипы», «Сирин», Тамары Шелест «Чай с пчелами», «Праздник», «Золото пчеловода», «Побежали к озеру», «Игра с каштанами», «Рождество», «Ссора», выполненных в технике левкаса, чувствуется отсылка не только к древней иконописной традиции, но и к современному осмыслению сакрального, ценностного пласта культуры. Каждая из художниц неповторимо открывает мир зрителю, у каждой сформирован свой взгляд на отраженные события в картинах, но их объединяет одно – стремление увидеть мир как повседневную реальность и символическое пространство маленького человека. Это тонкая грань между осмыслением сакрального и профанного предполагает новый смысл нашего существования, где все находится в неразрывной связи. Очень часто художницы экспериментируют с сочетанием техник и материалов, обращая внимание на игру не только в сюжете картин, но и в пространстве объемов, представляя поиск новых сюжетов, новых интерпретаций и новых значений. В работах Тамары Шелест всегда есть образ линзы, которая направлена на оконный проем, открывающий мир художника.

Кристина Мельник-Субцельная в художественных произведениях демонстрирует и мимолетность жизни, и обращается к важной теме иконописной традиции – диптих в технике левкаса «Воспоминание», работа в технике левкаса «Дед», копия белорусского образа XVII в. «Матерь Божия Одигитрия». Во всех работах прослеживается обращение и к вечному, сакральному, глубинному пониманию современной жизни.

Осмысление мира и искусства в белорусской культуре метамодерна раскрывает его стремление к естественности, новой эстетике прекрасного, уравнивания культуру человека и животного, хотя бы в метапространстве социальных сетей. В жизни много отсылок, где уравнивается важность животного и человека. Такое явление можно назвать кото-песо-культурой. Жизнь животного уравнивается с человеческой жизнью, и невозможно провести границу между значимостью и ценностью одной над другой. Прослеживается связь с новой реальностью, которую воссоздают в социальных сетях для воссоздания новой жизни, сложно связанной с традиционным представлением о мире.

Краткая характеристика метамодерна белорусской культуры выделяет признаки, основываясь на современной визуальности образов в художественном изобразительном искусстве и метавселенной:

- использование коллажа, сочетание несовместимых техник, позволяющих объемно представить мир художественного произведения;
- тема игры приобретает смыслообразующее значение в новой реальности. Это касается виртуальных игр, социальных сетей, художественных произведений;
- важной характеристикой метамодерна является мелодраматичность, сверхчувственность, которая стирает грань между человеком и животным, уравнивая их в ценностях.

ЗАМАК У ЗАСЛАЎІ

Заслаўскі замак быў пабудаваны прыкладна ў сяр. XVI ст. на месцы старажытнага дзядзінца ў стылі стараітальянскай фартыфікацыйнай школы як умацаваная рэзідэнцыя І. Глебавіча разам з кальвінскім зборам, калі гаспадары прытрымліваліся кальвінізму. Ён спланаваны ў форме няправільнага чатырохвугольніка перыметрам больш за 600 м са стрэльчатымі бастыёнамі. Замак быў практычна непрыступным. Чатыры бастыёны ўзмацнялі абарончую лінію пасярэдзіне курцін. Ад горада замак аддзяляўся ровам.

У замкавых валах, абмураваных раней каменнем і цэглай, знаходзіліся дзве брамы – Вялікая і Малая. Вялікая брама, якая размяшчалася з паўднёвага боку пад прыкрыццём двух бастыёнаў, уяўляла сабой квадратнае ў аснове двухпавярховае збудаванне са стромым чатырохсхільным дахам. Ніжні паверх праразаўся арачным праездам з варотамі, перад якім, магчыма, быў драўляны пад’ёмны мост. Па тым, што ў збудаванні было шмат акон, можна меркаваць, што тут знаходзілася вартоўня, казарма, гаспадарскія памяшканні. Малая брама – мураваная арка, урэзаная ў насып вала, выкарыстоўвалася для выхаду на прамежкавы бастыён з паўночнага боку крэпасці.

Амаль у цэнтры замчышча ўзнімаецца храм абарончага тыпу, у архітэктуры якога спалучаюцца рысы готыкі і рэнесансу. Пабудаваны як кальвінскі збор (другая палова XVI – пачатак XVII ст.) цяпер вядомы як касцёл Св. Архангела Міхаіла, а з 1840 г. стаў Спаса-Праабражэнскай царквой. У плане гэта аднанефны мураваны прамавугольны будынак з двухсхільным дахам. З заходняга боку да яе прымыкае прамавугольная ў аснове вежа, якая з трэцяга яруса пераходзіць у васьмярык, на вышыні 35 м увенчаны шатровым дахам. Ядро абарончай сістэмы храма складаюць байніцы чацвёртага і пятага ярусаў. У вежу вядуць два ўваходы – паўночны, які выкарыстоўваўся для ўрачыстых выпадкаў, і паўнёвы. Падлога ў храме – з керамічных плітак. Унутры тоўстых муроў паўнёва-заходняга кута збудавана вінтавая лесвіца. Пад алтарнай часткай зроблены два склепы.

З 1678 г. Казімір Сапега заснаваў у замку дамініканскі кляштар. У 1778–1782 гг. Дамінік Пшаздзецкі згодна з праектам архітэктара Карла Спампані ўзвёў палац і шэраг іншых збудаванняў за межамі замка. У XIX ст. паселішча ператварылася ў мястэчка, гаспадароў якога крэпасць не цікавіла. Таму абарончыя ўмацаванні з цягам часу прыходзілі ў зняпад.

Археалагічнае вывучэнне Заслаўскага замка вядзецца з сяр. XIX стагоддзя. Знаходкі на тэрыторыі замка датуюцца X–XIII стагоддзямі. Зроблена кансервацыя рэшткаў замка, якую цяпер можна пабачыць на падыходзе да Спаса-Праабражэнскай царквы. У Спаса-Праабражэнскай царкве ў 1977 г. быў адкрыты філіял Дзяржаўнага музея БССР – Музей рамёстваў і народных промыслаў Беларусі. З 1967 г. Заслаўскі замак уваходзіць у Заслаўскі гістарычна-археалагічны запаведнік. Да нашых дзён захаваліся толькі руіны замкавай брамы, валы і равы замка.

А. М. Кушнярэвіч, В. В. Навумава

ГЕРМАНСКІЯ ЎПЛЫВЫ Ў ДЭКАРАТЫЎНА-ЎЖЫТКОВЫМ МАСТАЦТВЕ БЕЛАРУСІ ХVІІІ ст.

У магнацкіх і багатых шляхецкіх рэзідэнцыях, якія сталі цэнтрамі еўрапейскай культуры ў ХVІІІ ст., праяўляецца вялікая цікавасць да паслуг замежных архітэктараў, мастакоў і майстроў, каб з іх дапамогай весці актыўнае палацава-сядзібнае будаўніцтва. Новае архітэктурнае асяроддзе патрабавала свайго напаўнення ў выглядзе твораў выяўленчага і дэкаратыўна-ўжыткавага мастацтва. Таму ў першай палове ХVІІІ ст. Радзівілы заснавалі на землях уласных вотчынных маёнткаў шэраг мануфактур па вытворчасці мастацкіх вырабаў, арыентуючыся на тэхнічна-тэхналагічныя ўзоры еўрапейскіх прафесіяналаў. Так, як мецэнат Ганна Кацярына Радзівіл (Сангушка) фінансавала славетныя мануфактуры шкла і люстэркаў у Налібоках (Стаўбцоўскі раён) і Урэччы (Любанскі раён). Для арганізацыі вытворчасці яна запрасіла майстроў з розных замежных краін. Сярод іх было даволі шмат выхадцаў з германскіх земляў. Ва Урэччы шкляной мануфактурай кіраваў нямецкі майстар Ян Фрэдэрык Бахстрэм. Арганізатарам вытворчасці на Налібоцкай шкляной мануфактуры быў адмысловец з Саксоніі Канстанцін Фрэмель.

Замежныя адмыслоўцы таксама вызначылі характар, тэматыку і мастацкія асаблівасці форм і дэкару беларускага шкла. Так, з 1728 г. нямецкі майстар Дрэгер пачаў аздабляць па ўзорах берлінска-патсдамскай шкляной мануфактуры ўрэцка-налібоцкі посуд працаёмкай і ў мастацкіх адносінах вельмі каштоўнай тэхнікай рэльефнай разьбы па шкле, якой вучыў беларускіх майстроў. У спісах адмыслоўцаў па шкле (гутнікаў) фігуруюць Вольф Ландграф, Каспар Вагнер, Іаган Грайнер, якія мяркуючы па прозвішчах, былі немцамі. З нямецкага шкларобства была запазычана і форма асобных вырабаў: усечанага конуса і інш.

З цягам часу беларускія майстры ўдасканалілі гэту тэхніку, паглыбіўшы разьбу. Адначасова налібоцкія гравіроўшчыкі асвоілі такі від аздобы берлінска-патсдамскай мануфактуры, як упрыгожванне посуду шклянымі барэльефнымі медальёнамі – камяямі ў тэхніцы разьбы па шкле. Акрамя таго, карысталіся яшчэ дзвюма тэхнікамі аздобы – наклеиваннем у адпаведнае паглыбленне плоскіх, папярэдне адлітых медальёнаў з бясколернага і чырвонага (рубінавага) шкла.

Выраб рубінавага шкла, напэўна, наладзілі саксонскія адмыслоўцы – браты Ян і Генрых Генсы і Дрэгер. Распісваў золатам рубінавыя і бясколерныя медальёны, адлітыя ў формах, мастак Ян Фрыдрых Дзіц. Гэты мастак укараніў на мануфактуры ва Урэччы шырока распаўсюджаную ў Заходняй Еўропе тэхніку міжценнага залачэння і распіс золатам шкляных вырабаў. Каля сярэдзіны ХVІІІ ст. немцам Вольфам Ландграфам на гэтай мануфактуры быў наладжаны выпуск асабліва тонкага мастацкага крышталю – так званага багемскага.

Тэматыку гравіравальных кампазіцый беларускага шкла першай паловы XVIII ст. вызначалі саксонскія адмыслоўцы, якія працавалі да 40-х гг. на Налібоцкай мануфактуры разам з Мікалаем і Янам Дубіцкімі, Рыгорам Аўчуком. Для гэтага Ганна Радзівіл ў 1724 г. запрасіла сюды яшчэ аднаго прафесіянала – немца К.Ф. Фрэмеля, які кіраваў гравёрнай і шкласкульптурнай майстэрнямі. У тэматыцы вырабаў гэтага часу пераважаюць урачыста-парадныя партрэты, міфалагічныя, алегарычныя і паляўнічыя сцэны, краявіды і гербы. Засвоіўшы тэхнічныя прыёмы нямецкіх шкларобаў і мясцовых майстроў залатой і срэбнай справы, гравіроўшчыкі, шліфоўшчыкі ў Налібоках і Урэччы затым перадавалі іх ад аднаго пакалення мастакоў да другога – Дубіцкіх, Рымашэўскіх, Залескіх, Станцэвічаў, Адамовічаў, Александровічаў, Дашкевічаў і інш.

Асабліваю славу ўрэцка-налібоцкім мануфактурам прынеслі люстэркі і розныя віды асвятляльных прыбораў. На Урэцкай мануфактуры заходнееўрапейскія ўзоры люстэркаў (багемскія, французскія і англійскія) укараніў у вытворчасць запрошаны з Германіі майстар Х. Т. Шэрбер, які кіраваў люстэркавай вытворчасцю ў 1739–1765 гг. Увогуле гэта была першая ва ўсёй Рэчы Паспалітай люстэркавая мануфактура, якая ўзнікла, калі ў Еўропе распаўсюдзілася мода на аздабленне пакояў магнацкіх палацаў і шляхецкіх сядзіб у стылі ракако люстэркавымі галерэямі і люстэркавымі кабінетамі. Тым самым Ганна Радзівіл задаволіла попыт з дапамогай нямецкіх майстроў на гэтыя творы мастацкага шкла ва ўсёй Рэчы Паспалітай. Па тэхнічнаму і мастацкаму ўзроўню выканання вырабы шклянных мануфактур ва Урэччы і Налібоках, якімі ўпрыгожваліся шматлікія палацы Радзівілаў, а таксама замкі і сядзібы іншых магнатаў, былі аналагічна французскім, англійскім, багемскім.

Намаганьнямі Радзівілаў, якія запрасілі для арганізацыі вытворчасці кваліфікаваных адмыслоўцаў з Германіі, шклянныя мануфактуры ва Урэччы і Налібоках сталі ў адзін шэраг з аналагічнымі прадпрыемствамі ў Еўропе. Тэматыку гравіраваных кампазіцый беларускага шкла першай паловы XVIII ст. вызначалі саксонскія адмыслоўцы, якія працавалі ў той час у Налібоцкай мануфактуры разам з беларускімі майстрамі. Тэматыка вырабаў звязана з выявай парадных партрэтаў, міфалагічных, алегарычных і паляўнічых сцэн, а таксама радавых гербаў. У шкларобстве Беларусі таго часу знайшлі адлюстраванне такія агульнаеўрапейскія мастацкія стылі, як барока, ракако, класіцызм.

Урэцка-налібоцкае шкло займае ў еўрапейскім шкларобстве самастойнае месца, бо, нягледзечы на вялікую нівеліроўку форм і дэкору, якая ўтварылася ў выніку распаўсюджвання вышэй адзначаных мастацкіх стыляў на прадукцыю шкла ўсіх краін, а таксама непасрэднымі ўдзел у вытворчым працэсе іншаземных адмыслоўцаў, беларускія майстры змаглі надаць урэцка-налібоцкаму шклу самабытныя мясцовыя рысы, якія вылучаюць яго з калекцыі заходнееўрапейскага і рускага шкла.

Нямецкія майстры былі задзейнічаны і на фаянсавай мануфактуры Радзівілаў у мястэчку Свержань (зараз Новы Свержань, Стаўбцоўскі раён), якая была заснавана ў 1742 г. ваяводам Віленскім, гетманам ВКЛ Міхаілам Казімі-

рам Радзівілам (Рыбанька). Праіснавала не менш за 20 гадоў і спыніла працу ў хуткім часе пасля смерці заснавальніка ў 1762 г. У арганізацыі новай вытворчасці ў Сверхані актыўны ўдзел прымалі мясцовыя майстры. Аднак кіраўніцтва ёй Радзівілы даручылі Ксаверыю Дамініку Гескаму – прыдворнаму мастаку Ганны Радзівіл і Міхаіла Казіміра Радзівіла Рыбанькі. Вядома, што, пачынаючы з 1733 г. і да самой смерці, ён працаваў у розных гарадах: Белае Падлясцы, Нясвіжы, Сверхані, Гародні, Бярэці, Алыцы, Слуцку. Дыяпазон яго творчасці надзвычай шырокі: ад станковых і манументальных жывапісных прац да тэатральных дэкарацый, графічных і дэкаратыўна-ўжытковых твораў. У многім такая ўніверсальнасць творчасці звязана з яго статусам прыдворнага мастака, які павінен быў рэалізоўваць розныя прыдворныя мастацкія праекты.

Пад яго кіраўніцтвам (красавік 1742 – восень 1744 г.) і пры непасрэдным удзеле, а таксама, напэўна, па яго эскізах быў наладжаны ў Сверхані выпуск фаянсавых вырабаў для нясвіжскага эрэміторыя. Асартымент прадукцыі Сверханскай фаянсавай мануфактуры, якая спыніла працу каля 1764 г., падзяляўся на 4 асноўныя групы: сталовы і дэкаратыўны посуд, пластыка, санітарна-гігіенічная кераміка, пячная кафля. У галіне формаўтварэння майстры сверханскай мануфактуры арыентаваліся галоўным чынам на еўрапейскія ўзоры. Вазы, талеркі, салатніцы фармаваліся па ўзорах нямецкага фаянсу першай паловы XVIII ст. у стылі позняга барока.

У 1729 г. Радзівілы закупілі саксонскія габелены, а затым на іх аснове пачалі вытворчасць габеленаў у межах сваіх уладанняў з дапамогай Ксаверыя Дамініка Гескага. Мануфактура ў Карэлічах належыла М. К. Радзівілу. У 1752 г. ён пажадаў, каб яе майстрамі была выткана серыя габеленаў, якія б праслаўлялі подзвігі Радзівілаў у войнах з крыжакамі, татарамі, казакамі-паўстанцамі. Эскізы для іх былі выкананы Гескім. На іх аснове былі вытканы славуцья шпалеры ў габеленавай тэхніцы, якая з'яўляецца цудоўнымі помнікамі дэкаратыўна-ўжыткавага мастацтва Беларусі. Сюжэты і кампазіцыі для карэліцкіх карцін-шпалераў рабілі і дзеці Гескага, прыдворныя мастакі Юзаф і Рудольф, якім дапамагалі мясцовыя мастакі: Скажыцкі, а таксама Андрэй і Канстанцін, прозвішчы якіх да нас не дайшлі (І. У. Ганецкая, В. І. Жук, М. М. Яніцкая). Як бачна, дзейнасць нямецкіх майстроў на мануфактурах Радзівілаў садзейнічала таксама станаўленню вытворчасці фаянсавых вырабаў і габеленаў на Беларусі.

Л. В. Левшун

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ *ТВОРЧЕСКОЕ* И *ХУДОЖЕСТВЕННОЕ* В КУЛЬТУРЕ SLAVIA ORTHODOXA

В современном научном дискурсе, так или иначе связанном с проблемами творчества и художественности, эти два понятия если не отождествляются полностью, то взаимопредполагаются как атрибуты друг друга. При этом художественность, как правило, тесно связывается со сферой эстетического

и понимается как специфическое качество искусства, форма прекрасного, высшая категория эстетического наслаждения в единстве этической, логической и эстетической составляющих или, как полагал, например, В. С. Соловьев, единство блага, истины и красоты. При этом не многие из исследователей осознают, что данное понятие является «объективно переменной величиной» (В. В. Бычков) и меняется по мере изменения этических, эстетических, социальных и др. идеалов в культуре. И даже отмечая, что в некоторых культурах (или в некоторые периоды развития той или иной культуры) художественность может быть метафизическим основанием эстетического опыта, исследователи рассматривают это понятие с точки зрения эстетики. Между тем обращение к художественному канону *slavia orthodoxa* показывает, что таковое представление не абсолютно истинно и позволяет вывести понятие художественности в сферу онтологии.

Так, в культуре древней Руси (органической части культурного ареала *slavia orthodoxa*) обнаруживается изначальное противопоставление двух понятий, которые обозначают два различных понимания творчества и отражают два разных способа создания художественных образов: *художество* и *хытрость*. Доказательством тому может служить омонимичность их значений в современных словарях, где и *хитрый*, и *художный* толкуются совершенно одинаково – как ‘ловкий, сведущий, опытный’. Однако очевидно, что ни один язык не допустит сосуществование в своей лексике абсолютных семантических дубликатов: и именно омонимичность значений заставляет предположить, что эти термины некогда имели принципиально разные семантические оттенки.

Этимологическая праславянская *хуѣть* возводится историками языка к **хутити* и **хватати*, ‘неправедно захватывать’. Вместе с тем словами *хытръ* и *хытрыць* в древних рукописях передаются греческие термины *τεχνικός*, *τεχνίτης* и даже *ρήτωρ*, чем подчеркивается технологический акцент употребления этого термина. Причем *хытрость* обозначала, скажем так: онтологический обман, т. е. обман, затрагивающий основы Божия мироздания. Тот обман, чьи последствия не столь катастрофичны, назывался *клюка*, как, например, в известном рассказе «Повести временных лет» о том, как княгиня Ольга *переклюкала* византийского императора.

Действительно, контексты известных древнерусских произведений дают основание утверждать, что *хытрость* в представлениях писателей иницировалась и создавалась самим книжником – человеческим разумом и послушными ему руками «на сущих сдравых органах телеси, удех всех телесных», как отмечается, например, в «Диоптре» Филиппа Пустынника, то есть без чьего-либо постороннего участия и помощи. Именно так, как в секулярной культуре создаются «художественные произведения». Следовательно, *хытрости* можно было обучить и/или обучиться. Показательно также, что средневековые писатели называют Господа «Хытрецом», «Хытростыником», «Хытрокозьником» всего мира, поскольку Он действи-

тельно самовластный и самочинный Творец и Создатель мироздания. Отсюда возникает немаловажный для понимания критериев художественности в культуре *slavia orthodoxa* смысловой оттенок в понятии *хытрецъ*: это либо Бог, либо тот, кто подменяет собою Творца, узурпирует Его права, уподобляясь «обезьяне Бога» – дьяволу. Таким образом, семантическое поле понятия *хытрость* наполняется дополнительными значениями ‘обмана, лукавства, лжи, кощунства, прелести’, что подтверждается соответствующими контекстами, а также сохранившейся в современном языке семантикой этой лексемы.

Понятию *хытрость* в культуре *slavia orthodoxa* противопоставлялось понятие *художество*, этимологически возводимое к индоевропейскому **hond*, ‘рука’. Его значение, опираясь на контексты древнехристианских произведений, можно определить примерно так: *художество* – то, что создано человеком, который ощущает себя руками (инструментом) Бога. Иначе говоря, это – воплощенная в меру сил человеческим несовершенством совершеннейшая идея Бога-Творца.

Таким образом, *хытрость* – как произведение человеческое – не могла не погрешать против Истины; *художество* же – как инспирированное Творцом – возвещало именно Истину, пусть и худо выраженную человеком. В переведенной в XIV в. «Диалектике» свт. Иоанна Дамаскина читаем: **«Хытрость есть иже в нечесомь погрешающи <...> художество же – иже ни в чесом же погрешающи».**

Очевидно, что *художество* в культуре *slavia orthodoxa* соотносимо с философским «божественным безумием», охарактеризованным Платоном; промежуточные между *художеством* и *хытростию* формы творчества – с «мусическим» типом творчества; *хытрость* же – с неинспирированным свыше творчеством софиста и другими видами самотворчества в системе Платона. Описанные Платоном типы творческой инспирации порождены, разумеется, вовсе не христианским учением и позволяют предположить, что обнаруженное явление относится к парадигме культурного генезиса в целом и, следовательно, проявляется в любой культуре.

В художественном каноне *slavia orthodoxa* именно *художество* мыслилось как творчество в высшем смысле, как истинное, или собственно творчество. И наоборот: всякое истинное творчество, независимо от его области, материала и конечного «творческого продукта» (будь то написание жития святого, устройство монастыря, подвиг затворничества и т.д.), именовалось *художеством*.

В этом смысле на позициях культуры *slavia orthodoxa* (схожих, как мы увидели, с позицией Платона) в соотношении «художественного» и «творческого», «откровенного» и «изобретенного» стоял В. Г. Белинский, различая в «Идее искусства» и «Разделении поэзии на роды и виды» поэзию (под которой разумелись «творческие», «откровенные» произведения, отождествляемые критиком с собственно художественными или иначе – произведе-

ниями искусства) и **беллетристику**, или собственно литературу, отождествляемую с произведениями ремесла, – нетворческими, «изобретенными», «механическими».

В одной из статей «Изборника 1073» обнаруживается такая сентенция: «творитвѣная и ветийская и хытростное изобретение <...> имже туск лъжа есть; ни творитвѣная бо състояться можетъ кроме коштюны, ни ветийство кроме хытростнааго глаголанія, ни софистики кроме премышлаи», – иначе говоря, всякого рода самосмышленное (= *хытростное*) прекраснословие есть ни что иное, как ложь, кощунство и неблагочестивая фантазия.

Вместе с тем внутри словесного *художства* в культуре *slavia orthodoxa* художественны все без исключения жанры, в том числе и те, которые в секулярной культуре считаются нехудожественными: завещание, поучение, летопись, житие, переписка апологетического, полемического, катехитического и пр. характера и т. п., что единодушно признается всеми медиэвистами. Причем настолько единодушно, что, как правило, не оговаривается. Иначе говоря, в секулярном научном дискурсе такие понятия, как *художественность* и *искусность* фактически отождествляются, в культуре же *slavia orthodoxa* они часто противопоставляются, как результаты разных типов творчества. И если в секулярной культуре художественность вещи и ее утилитарная ценность, по мысли А. Ф. Лосева, могут как совпадать, так и совсем не совпадать, то в *художстве slavia orthodoxa* художественность созданной вещи – в том специфическом для христианского мировосприятия понимании *художства*, о котором у нас шла речь выше – выступала необходимым и достаточным условием, но также и критерием ее утилитарной ценности. Вместе с тем утилитарная ценность «творческого продукта», в свою очередь, была одним из свидетельств, а если точнее – одним из проявлений художественности. Сотворенное по заданию и мысли Творца, по подобию Божия творения и при обязательном в этом случае содействии Святого Духа не могло не быть ценным, полезным, удобным и т.п. А если вдруг оно не оказывалось таковым, то причиной тому полагалась недостаточно развитая способность реципиента адекватно воспринять и использовать данный «продукт творчества». Проявления этой неадекватности восприятия очевидно в спорах иконоборцев и иконопочитателей; паламитов и варлаамитов; осифлян и заволжских старцев и т.п.

Попытка объяснить этот феномен приводит все к тому же специфическому представлению о творчестве и критериях художественности в христианской культуре. Ведь с точки зрения художественного канона *slavia orthodoxa* художественно все то, что, по слову свт. Иоанн Дамаскина «путьводителъствуетъ къ знанію и откровенію сокрытаго» (De imag. III. 16). Однако, согласно христианской теории образа, всякий материальный (в том числе и словесный) образ *художства* всегда восходит (а это значит, что и возводит!) к своему Первообразу, то есть к идее Творца о данном предмете/явлении, и возможен постольку, поскольку существует этот последний. Поэтому

степень художественности в культуре *slavia orthodoxa* зависит, в первую очередь, не от формы и способа изображения и даже не от силы и качества эстетического воздействия на реципиента, но от полноты и чистоты проявления Первообраза в сотворенном художником образе.

Это свойство и обязательное условие образа в художественном каноне *slavia orthodoxa* – быть «документальным подтверждением» бытия Первообраза – как раз и позволяет христианской книжности столь органично сочетать в себе поэзию идеального преображения с прозой достоверного факта, переводя само понятие художественности из области эстетической в сферу онтологического.

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А. М. Захаров

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ СИЛОВЫХ СЦЕНАРИЕВ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В настоящее время происходит резкое обострение борьбы при осуществлении национальных и групповых интересов на основе использования таких технологий, которые направлены на торможение и даже прекращение успешного развития национальных государств. Ключевая роль при достижении политических и экономических целей начинает принадлежать сочетанию, синтезу проявлений «мягкой» и «жесткой» силы, различных форм давления: военного, технологического, экономического, информационного, давления при использовании географического положения. Чисто военное противоборство переключается в военно-экономическую область, затрагивая фундаментальные интересы национальных государств. Усиливается взаимообусловленность способов осуществления военной политики и развития национальных экономических систем.

В результате исчерпания возможностей роста в рамках либерально-демократической модели развития происходят фундаментальные изменения международных отношений и мирохозяйственных связей. Резко возрастает значимость внутригосударственных и межнациональных конфликтов, имеющих экономический, экологический, финансовый, гуманитарный смыслы. Последние во многом определяют повестку дня политики больших и малых государств.

Осуществление макроэкономических моделей как постиндустриальных, так и ряда развивающихся государств происходит с опорой на военную силу или угрозу ее применения по заранее подготовленным сценариям, имеющим стратегическое значение.

Формирование экономической политики государств «коллективного Запада» все более предполагает полную доступность к сырьевым ресурсам стран различных регионов мира. Складывается ситуация, когда военная составляющая становится неотъемлемым ингредиентом экономической политики. Адептами такой модели развития как раз и являются западные страны. В качестве примера осуществления этой политики можно привести Алжир, Египет, Ирак, Иран, Йемен, Ливию, Сирию, Югославию, контекст российско-украинского конфликта.

Имеющиеся стратегии нейтрализации или подрыва сил конкурентов не ограничиваются названными выше. По этому поводу можно высказать следующие соображения.

Во-первых, осуществляется политика изоляции, выпадения из процессов мирового развития многих национальных экономик путем устранения последних из формирования и распределения мирового дохода. Следствием

этого является подрыв национальных ресурсов, что приводит к развитию структурного кризиса, истощению и возможному разрушению национальных экономик.

Во-вторых, происходящий процесс стимулирования наращивания внешних займов втягивает страны в долговую зависимость с прямым участием их же институтов власти.

В-третьих, фактором, способствующим растрате ресурсного потенциала стран, является стимулирование развития преимущественно сырьевой специализации попавших в зависимость национальных экономик.

В-четвертых, происходит также отказ от национального экономического суверенитета при вступлении в международные торговые и финансовые организации. При этом понижается конкурентоспособность национальной экономики, попавшей в зависимость от транснациональных структур, резко усиливается экономическая зависимость государства.

В-пятых, происходит чрезмерное ослабление роли государства в функционировании экономики при одновременном усилении вероятности возможной ликвидации национальных институтов власти.

Набирающие силу процессы нестабильности приводят к формированию источников экономических, политических, социальных, информационных и экологических угроз. Формируется мир без полюсов, который разобщен на ряд национальных вариантов, что приводит к созданию конфликтной среды. Обостряется конкуренция за обладание приоритетом в сферах людских, информационных, природных, энергетических ресурсов. Возрастает глубина конфликтов с применением военной силы, которые дестабилизируют внутреннюю жизнь государств, ослабляется эффективность социальной политики государств. Значительные слои населения утрачивают положительные перспективы для своей жизни. Усиливается турбулентность в политической, экономической, социальной жизни стран и континентов. Мировые экономические и финансовые институты все более перестают соответствовать потребностям современного мира. В результате концентрации могущества в транснациональных корпорациях произошел глобальный выход за рамки здоровой конкуренции и рыночной стабильности.

Происходит крупномасштабное возрастание рисков, связанных с увеличением антропогенной и техногенной нагрузки на окружающую среду. В огромной степени усиливается опасность полномасштабных экологической и популяционной катастроф. Беспрецедентный рост геополитической напряженности в мире в значительной степени активизирует деятельность транснациональных криминальных структур, которые вращаются на питательной почве снижения уровня управляемости мировыми политическими процессами, дестабилизации мировой экономики. Именно расширение пространства силовых сценариев в геостратегическом противостоянии субъектов мирохозяйственных связей является решающим фактором в создании глобальной сети международного терроризма, криминализации всех сфер общественной жизни как в глобальном, так и в национальном масштабах, принципиальной

коррозии всех проявлений информационной безопасности глобальных игроков в системе мирохозяйственных связей, борющихся за экономическое и политическое влияние.

Именно в силу господства различных сценариев силового противостояния глобальная турбулентность стала доминирующим фактором, питающим принципиальное многообразие в развитии самого характера, содержания транснациональных угроз. Принципиальным противовесом данному контенту может стать лишь актуализация в качестве вопроса первостепенной значимости, связанного с поиском оптимизации решения задач по упрочению международной субъектности именно национальных государств. В полной мере это обстоятельство касается и Республики Беларусь. Критерием эффективности здесь могут быть только достижения при осуществлении политики, основанной на принципе многовекторности внешнеполитических и внешнеэкономических усилий, который нуждается в подробном рассмотрении в рамках отдельного материала.

И. В. Ковалёва

ЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ: ОПЫТ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Пенсионное обеспечение граждан выступает важным элементом социально-экономической политики европейских государств. Высокие стандарты качества жизни требуют существенных финансовых ресурсов для социального обеспечения и защиты пенсионеров. Влияние таких неблагоприятных факторов, как устойчивое снижение соотношения между работающим и неработающим населением как по причине роста продолжительности жизни, так и по причине снижения рождаемости, вынуждают государства Европы совершенствовать пенсионные системы.

Под пенсионной системой в современной научной литературе понимается совокупность правовых, экономических и иных институтов, а также законодательных актов и норм, позволяющих предоставлять гражданам материальную поддержку в пожилом возрасте, при полной или частичной потере трудоспособности, при потере кормильца и в иных случаях. Пенсионная система включает пенсионное обеспечение в узком смысле слова, предоставляемое за счет средств государственного бюджета или государственных внебюджетных фондов, и пенсионное страхование, осуществляемое в различных комбинированных сочетаниях гражданами, предприятиями-нанимателями и государством.

Пенсионная система каждой отдельной страны ЕС имеет свои специфические национальные особенности. В то же время можно выделить и общие черты, свойственные пенсионным системам европейских стран: страховой порядок формирования финансовой основы пенсионных фондов; учет индивидуальных страховых характеристик работников при формировании пенсионных прав; участие работодателя и государства в формировании

пенсионных прав работника; многоуровневый характер пенсионных систем, т.е. использование институтов пенсионной защиты населения различного характера; наличие системы гарантирования минимального уровня пенсионного обеспечения.

Выделяют критерии, по которым можно классифицировать пенсионные системы. По степени участия государства в финансировании выделяют государственную, частную и смешанную, хотя первые две в чистом виде стали уделом прошлого. Большинство современных систем относятся к третьему, смешанному типу, к которому также можно отнести и белорусскую систему, хотя существующие частные пенсионные схемы занимают ничтожно малую долю.

Примером реализации комбинированной системы является Швейцарская конфедерация. Комплекс законов о пенсионном обеспечении базируется на следующих принципах: всеобщности участия в системе, обеспечения прожиточного минимума, многообразия и дифференциации. Пенсия состоит из трех уровней. Первый основан на обязательных взносах граждан, работодателей и государства и обеспечивает 40–50 % замещения пенсией заработной платы. Второй уровень, являющийся обязательным для граждан с годовым доходом выше 21 060 франков, позволяет достичь более высокой степени – до 80 % замещения заработной платы. Оплату взносов производят наниматели. Начисление пенсии на этом уровне построено на двух показателях – доходе и трудовом стаже. Базовый пенсионный возраст установлен на уровне 64 и 65 лет для женщин и мужчин соответственно, при выходе на пенсию на 1–2 года раньше размер пенсии сокращается на 6,8 %, за более поздний выход (до 5 лет) – увеличивается на 9 % за первый год и 7 % за последующие. Наконец, добровольные сбережения являются основой третьего уровня.

Еще одним примером страны с таким типом пенсионной системы является Германия. Страхование по возрасту включает в себя: обязательное государственное пенсионное страхование, пенсионное страхование от предприятий и частное пенсионное страхование. Обязательное государственное охватывает 80 % лиц старше 60 лет – наемных работников, в том числе государственных служащих, ремесленников и надомников, учеников профессиональных училищ, индивидуальных предпринимателей с доходом ниже определенного уровня. Благодаря принципу солидарного перераспределения страхование распространяется на инвалидов, на тех, кто временно не работает.

Принципы современной пенсионной системы Германии были заложены в 1957 г. и сохраняются до настоящего времени. Так, размер пенсии корректируется в соответствии с повышением средней зарплаты в стране и инфляцией. Взносы уплачиваются пропорционально – самим работником и работодателем. Такой показатель как возраст изменялся неоднократно. Первоначально пенсионный возраст был установлен в 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. В 1992 г. возраст выхода на пенсию составил 65 лет независимо от гендера. В 2012 г. было принято законодательное решение о повышении пенсионного возраста до 67 лет, этот переход должен прохо-

дять поэтапно и завершиться окончательно к 2031 г. Однако следует отметить, что закон предусматривает множество исключений для различных категорий граждан. Так граждане, которые уплачивали взносы в фонд социального страхования на протяжении 45 лет, могут выйти на пенсию в возрасте 63–65 лет.

На сегодня средняя расчетная пенсия в Германии составляет 48 % от среднего заработка. Размер пенсии зависит от размера страховых взносов, возраста выхода на пенсию, общей экономической ситуации в стране и типа пенсии. На 2020 г. стандартная расчетная начисленная пенсия по стране составила 1538,55 евро.

Еще один критерий – принцип финансирования – позволяет выделить *распределительную, накопительную и комбинированную модели* пенсионных систем. *Распределительная модель* предполагает, что текущие пенсионные выплаты финансируются за счет текущих налогов/взносов в обязательные фонды работающих сограждан, потому такая модель называется еще солидарной. Механизм *накопительной модели* предусматривает формирование в инвестиционном пенсионном фонде (частном или государственном) пенсионного капитала из отчислений работников и заработанных с их помощью инвестиционных доходов. Наконец, *комбинированная модель* сочетает оба подхода. Данная модель реализуется во многих странах, одним из примеров ее успешности является Швеция.

До 1990-х годов пенсионная система Швеции основывалась на принципе «солидарности поколений». Однако в силу вышеуказанных факторов в 1998 г. была проведена реформа пенсионной системы, главным новшеством которой стало то, что размер пенсии стал определяться в зависимости от доходов индивида в течение всей трудовой жизни, а также стал больше зависеть от социально-экономического развития общества.

В настоящее время пенсионная система включает три уровня: *условно-накопительный, служебный и добровольный*. *Условно-накопительный уровень* формируется за счет обязательных пенсионных платежей, которые работодатели перечисляют государству через налоговые органы определенный законом процент от заработной платы (16 %) и других налогооблагаемых выплат. Этот же уровень включает накопительную пенсию (премиальную), формирующуюся из отчислений с заработной платы в размере 2,5 % на индивидуальный пенсионный счет. Эта часть представляет собой реальные деньги, которые передаются в управление пенсионным фондам. Этот вид пенсии вместе с премиальной пенсией выплачивается пенсионеру независимо от того, продолжает ли он работать, а также независимо от того, в какой стране мира он будет жить, выйдя на пенсию.

Второй уровень – *служебная пенсия*, право на такую пенсию человек получает благодаря своему работодателю. Многие работодатели заключают договоры со страховыми компаниями и делают ежегодные отчисления, составляющие 4–5 % от зарплаты, которые идут на служебную пенсию по возрасту, страхование для выплаты пенсии пережившему супругу и страхование в случаях заболеваний.

Третий – собственные пенсионные сбережения работника. Каждый человек может ежемесячно делать отчисления в пенсионные фонды для того, чтобы в будущем получать прибавку к пенсии. Если гражданин передумал и решил остановить отчисления, то он может начать получать ранее перечисленные деньги обратно уже начиная с 55 лет.

Возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин в Швеции установлен в 65 лет. Однако можно уйти на пенсию гораздо раньше установленного возраста, начиная уже с 61 года. В этом случае заработанная пенсия уменьшается в соответствии с расчетными коэффициентами. Средняя пенсия в Швеции в 2022 г. составила 1741 евро до вычета налогов.

Таким образом, современные модели пенсионных систем базируются на комбинировании распределительной солидарной межпоколенческой модели с накопительной. В настоящее время европейские страны продолжают изменять свои пенсионные системы в целях сочетания обеспечения достаточно высокого уровня социальной защиты пенсионеров и достижения долгосрочной бюджетной устойчивости.

В. В. Наумова

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В современном мире одним из основных критериев отнесения государства к группе экономически развитых стран считается создание, использование и коммерциализация объектов интеллектуальной собственности. Данная сфера отношений регулируется национальным законодательством и международными договорами. Республика Беларусь является участницей 19 из 26 таких договоров, в т. ч. Парижской конвенции по охране интеллектуальной собственности (с 1991 г.), Мадридского соглашения о регистрации товарных знаков (с 1991 г.), Международной конвенции об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (с 2003 г.) и т.п.

Исключительное право – это имущественные права субъекта на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: свободно использовать в любой форме и любым способом, передавать другим лицам по договору и т.п.

Любое соглашение между государствами предусматривает взаимные права и обязанности. На практике, однако, возникают ситуации, вследствие незаконного одностороннего введения санкций одним или несколькими странами против других, которые не позволяют добросовестному участнику договорных отношений фактически приобретать и реализовать определенную группу товаров, услуг и объектов интеллектуальной собственности.

Республика Беларусь, находясь в последние годы в эпицентре указанных санкций, в качестве ответных мер и защиты национальных интересов, внесла поправки в отдельные нормативные правовые акты.

9 января 2023 г. принят Закон Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам правовой охраны объектов интеллектуальной собственности» № 243-З, которым предусмотрены изменения в шести базовых законах («Об авторском праве и смежных правах», «О товарных знаках и знаках обслуживания» и т.д.). В частности, статья 29 данного документа относительно имущественных прав организации эфирного или кабельного вещания на передачу изложена в новой редакции, где предусмотрено, что, при наличии технической возможности, лицо, преобразующее произведение в специальный формат, может снять эти ограничения самостоятельно.

В статью 38 указанного нормативного правового акта внесены также нормы, наделяющие Совет Министров Беларуси, в целях обеспечения национальной безопасности, обороны государства, охраны и защиты жизни и здоровья людей принимать решение о выдаче отдельным субъектам *принудительной простой (неисключительной) лицензии*, которая позволяет применять изобретения, полезные модели и промышленные образцы без получения согласия патентообладателя, но с выплатой ему вознаграждения. Такая лицензия считается именной, не предполагает передачу ее третьим лицам, содержит указание на срок действия, а также государственный орган, который в течение 30 дней со дня ее выдачи обязан сообщить патентообладателю о таком решении.

Следует отметить, что институт принудительного лицензирования заложен и в международное патентное право, например, в Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности 1883 года, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года и т.п. Одним из оснований для предоставления рассматриваемой лицензии является отказ патентообладателя от заключения с заинтересованным лицом лицензионного договора при условии, что положения лицензионного договора являются стандартными.

Модернизация законодательства нашей страны в сфере интеллектуальной собственности получило развитие путем принятия 3 января 2023 г. Закона Республики Беларусь «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» № 241-З. Данный нормативный правовой акт призван обеспечить функционирование информационно-коммуникационной инфраструктуры общества и обеспечить доступ к достижениям мировой культуры, создать условия для цифрового развития, повысить уровень информационной безопасности, способствовать интеллектуальному развитию и т. п. Это представляется возможным путем использования объектов интеллектуальной собственности без согласия (разрешения) правообладателя или организации по коллективному управлению имущественными правами из иностранных государств, но с выплатой вознаграждения, которые:

1) совершают недружественные действия против Беларуси;

2) запретили или не дали согласие (разрешение) использовать на территории нашей страны правомерно обнародованные объекты (компьютерную программу, аудиовизуальное произведение, музыкальное произведение, передачу организации вещания, правообладателями которых являются лица, включенные в перечень правообладателей и т.д.).

При этом вознаграждения, предназначенные патентообладателям, переводятся на специальные банковские счета патентного органа, хранятся до трех лет. По истечении этого срока, если сумма окажется не востребована, она перечисляется в доход Республики Беларусь.

Статья 3 рассматриваемого закона предусматривает создание условий (с целью повышения внутренней устойчивости экономики, предотвращения или уменьшения критического недостатка на внутреннем рынке продовольственных и иных товаров) для ввоза на территорию Республики Беларусь и введения в гражданский оборот товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, без согласия правообладателей из иностранных государств. Таковую процедуру называют *«параллельным импортом»*. Перечень указанных товаров, являющихся важными для страны, регламентируется *Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 июня 2023 г. «О порядке формирования, определения и ведения перечней товаров» № 365* и содержит:

наименование товара;

- код товара в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза;
- товарный знак, географическое указание, использованные в товаре;
- номера регистрации (свидетельств) товарного знака, географического указания, примененных в товаре;
- сведения о правообладателе объектов интеллектуальной собственности, включая личные данные физического лица, наименование организации, страну места нахождения.

Рассматриваемый перечень товаров размещается на официальном сайте Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ), кроме информации, содержащей коммерческую, служебную, банковскую и др. охраняемую законом тайну.

Таким образом, Республика Беларусь на законодательном уровне закрепила возможность легального ограничения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности путем выдачи принудительной лицензии и параллельного импорта, исходя из национальных интересов, защиты своего внутреннего рынка и как ответ на недружественные действия. При этом не нарушается коммерческий интерес правообладателей.

ФИЛОСОФИЯ И ЛОГИКА

Н. П. Баранов

ОТ РАЗУМА НОМО SAPIENS К ПЛАНЕТАРНОМУ РАЗУМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Тела ваши суть храм,
живущего в вас Святаго Духа,
которого имеете вы от Бога.

Апостол Павел

Разум, однажды расширивший свои
границы, никогда не вернется
в прежние.

Альберт Эйнштейн

В современную эпоху феномен разума становится одной из приоритетных проблем активного научного исследования и философского осмысления.

Современной философией, в единстве с когнитивистикой, психологией и наукой об искусственном интеллекте разрабатываются новейшие научные теории, интегрируемые в единую философию разума. В ее формировании усилия ученых объединены исследуемым объектом – величиим человеческого разума, все еще сохраняющего многие тайны своих глубинных составляющих: мышления, рассудка, знания, понимания, ума, мудрости, характеризующих обобщенно понятиями *сознание, интеллект, рациональность*.

Философское обобщение данных указанных современных наук позволяет формировать новейшую концепцию разума как множественного интеллекта, аналитики, синергетической рациональности, системного разума; дифференцировать важнейшие составляющие (элементы) и формы разума; определять реальные основы для создания человеком искусственного интеллекта – «информационно-интеллектуальных нейротехнических систем» как нового могучего технического помощника человека в его творческо-преобразовательной деятельности.

Современные взгляды человечества на дальнейшее развитие могущества человеческого разума далеко не фантазийны. Уже в XX веке они были конструктивно определены и воплощены в жизнь научным творчеством выдающихся мыслителей – Норбертом Винером («Кибернетика и общество»), «отцом информационного века» Клодом Шенноном («Математическая теория связи»), Уолтером Питтсом и Уорреном МакКаллоком («Логическое исчисление идей, присущих нервной деятельности») и их последователями.

В происходящей когнитивной революции отмечается необходимость и возможность преодоления объективно существующей (вследствие биологических и социокультурных предпосылок) явной ограниченности и порочных привычек человеческого мышления: инертности, довольствования рутиной (созерцаемым, сбором данных, простым описанием событий), использования готовых знаний. Актуализируется развитие активно, самостоятельно, творчески применяемой рациональности, представляющей действенный разум. Исторически предшествующая Эпоха Homo sapiens характеризуется (Р. Негерестани) всего лишь как предыстория разума. Обосновывается зако-

номерная, неизбежная качественная трансформация разума Homo sapiens, его переход от своей предыстории к разуму будущего, направляющего дальнейший ход его космической истории.

В космическую эпоху XXI века новый импульс в развитии акцентированной проблемы получает также современная космическая философия ноосферы (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский), осмысливающая роль и место разума человечества во Вселенной.

Разум в своем объективном воплощении в разумной человеческой деятельности становится определяющим фактором нового, планетарного и космического, уровня развития человечества. Не об этом ли провидчески отмечал В. Вернадский, говоря о том, что в биосфере вызревает великая... быть может космическая сила, планетарное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного?..

Философская идея о космопланетарной роли человеческого разума как активно творящей силе является практически общепризнанной в наше время. Понятие «ноосфера», введенное Э. Леруа в начале XX века в значении «мыслящей оболочки Земли, формируемой человеческим сознанием», ныне является одним из регулятивных философских понятий в осмыслении современного цивилизационного процесса человечества. Отнюдь не утопически-прогностической, а вполне реалистической представляется уже гипотеза о планетарном разуме человечества, выдвинутая американским писателем П. Расселом в его книге «Глобальный мозг: размышления об эволюционном скачке к планетарному сознанию».

По мнению ученых, активно формирующийся (и таковой закономерно будет сформирован человечеством) планетарный Разум должен представлять собой содружество мыслящих разумных индивидуумов единого мирового сообщества гуманоидной и других возможных организованных и привлеченных человечеством рациональных (разумных) форм, способных координировать общие энерговолевые усилия для решения насущных и перспективных задач человечества.

Получает все большее признание и понятие «разум космический», до сих пор находившее идейное свое пристанище преимущественно в эзотеризме и теософии, где оно выступает аналогом понятий Дух, Бог, Абсолют, Разум Вселенной, то есть «сверхразумом» (Шри Ауробиндо). В системах современного философского знания понятие «разум космический» обретает новое содержание, включая ноосферу человечества и разумы внеземных цивилизаций. И потому пытливым своим разумом, этой высшей своей духовной способностью, настойчиво ищет человек подобных себе во Вселенной.

Формированию современных научно-философских представлений о будущем человеческого разума творчески содействуют новейшие исследования в данной области. Один из ведущих европейских когнитивистов, философ и методолог нейронаук Томас Метцингер в обретающем все более широкую известность труде «Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго» обоснованно

выводит необходимость радикального переосмысления природы человеческого сознания и перспектив его дальнейшего развития в новейшей эпохе научных открытий в области человеческого разума.

Как общество может измениться под воздействием последних открытий в нейрологии и вхождения в жизнедеятельность человека искусственных эго-машин как искусственных сознающих субъектов? Каким будет новый образ Homo sapiens?

Без качественных социально-гуманитарных знаний сложно сегодня разбираться в противоречиях разворачивающегося глобализационного процесса, в происходящих изменениях мирового порядка, системных кризисах, сетевых структурных процессах и их использовании, в том числе ноосферных и непосредственно в самих антропологических процессах – дальнейшего развития самого человека как Разумного творца своего бытия.

Д. В. Майборода

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА

Политическая и культурная жизнь XX века сильно определялась марксистскими идеями. В одних обществах они безусловно принимались, в других с ними боролись, развивая конкурентные марксистские программы, в третьих – создавались гибридные идеологии, синтезирующие марксизм с другими концепциями. И сегодня марксизм все еще оказывает влияние на понимание общения, культуры и языка в разных культурах.

Марксизм – диалектический материализм, и как таковой он видит мир как взаимосвязанную развивающуюся систему, в которой все определяется материальным бытием. Потому и культура, а также вообще все общение в обществе определяется экономической жизнью. Специфика связи производительных сил и производственных отношений отражается в искусстве, религии, философии и науке, в политической и повседневной (семейной, гражданской, профессиональной) жизни.

В истории человечества марксизм выделяет несколько стадий развития экономической жизни («общественно-экономических формаций»). Начальная точка – первобытно-общинный строй, где силы и отношения производства крайне неразвиты, а устойчивых разделений общества не было. Его сменил рабовладельческий строй, где выделились классы рабов («говорящих инструментов») и эксплуатирующих их рабовладельцев. Вслед за ним сформировался феодализм, в котором класс феодалов (владельцев земельных наделов) эксплуатировал класс зависимых крестьян. Из него возник капитализм, при котором класс наемных рабочих эксплуатируется капиталистами (владельцами средств производства). На смену капитализму должен прийти коммунизм – бесклассовое общество с общественной собственностью на средства производства. Коммунизм должен стать по-настоящему гуманистическим общечеловеческим единством, настоящей целью истории всего человечества.

У каждой стадии – свои особенности взаимоотношений людей, своя культура, причем в формациях, где есть классы, можно даже говорить о разных классовых культурах, например, при капитализме – о культуре капиталистов и культуре рабочих (пролетарской культуре). Искусство производит образы, изображающие идеализированные отношения вышестоящих и нижестоящих, религия производит идеализированные нормы этих отношений, наука представляет собой систему знаний, обеспечивающую воспроизводство этих отношений и т. п. По типу преобладающих производственных отношений строятся и семья, и коллективы друзей, и группы по интересам.

Построение коммунизма в марксизме предполагает общественно-экономическую революцию (устранение разделения на общественные классы на основе обобществления средств производства) и связанную с ней культурную революцию (построение новых форм отношений на основе культуры рабочих как наиболее прогрессивного класса). Марксисты считают, что в коммунистической культуре не будет места религии, поскольку она – институт одурманивания масс («религия – опиум народа»). Коммунистическое искусство – жизнеутверждающий реализм, пропагандирующий коллективизм, сознательность и научно-техническое развитие. Коммунистическая наука – общечеловеческая система знаний, позволяющая преобразовывать природу в интересах трудящихся. Коммунистическая философия – идейный фундамент всего революционного преобразования общества.

Коммунистическая политика – самоорганизация народа посредством совместного обсуждения проблем (в организациях типа «советов»), причем победа всемирной революции и «перековка» всех индивидуалистов приведут к отмиранию института государства (в марксизме государство – аппарат насилия, прежде всего полиция и армия, и он окажется не нужен, когда все враги будут побеждены, а все человечество будет эффективно регулировать свое развитие). Тем самым и право сменится моралью (в этом смысл деклараций, что решения судов должны выражать сознательность судей, то есть их осознанное следование интересам трудящихся, а не абстрактные установления законов).

Поскольку марксизм придает общению главенствующее место, то в нем приветствуется и диалог, понимаемый как атом общения. На основе диалогов складывается общественность, открытое коммуникативное общество, предзнаменующее наступление коммунизма. Однако существуют и диалоги, в которых утверждаются частные интересы, а участники этих диалогов замыкаются от общества или даже прямо противостоят общественным интересам. Марксисты считают, что такие диалоги социально опасны и они вместе с их участниками должны искореняться или «перековываться».

Отношение к языку в марксизме крайне интересно. Фактически сложились две большие ветви, образующие сложные сочетания в конкретных политических программах. В первой ветви язык предстает элементом культуры, как и прочие производный от экономической жизни общества. Как и вся культура язык меняется от формации к формации, и при наступлении коммунизма предполагается формирование единого общечеловеческого

языка, отражающего специфику нового общественного и экономического устройства. Вторая ветвь понимает язык не как элемент культуры, а как фундамент самой производственной деятельности, не зависящий даже от смены формаций и потому не прогнозируется его сильное изменение при переходе к коммунизму (все народы будут продолжать говорить на своих языках). Специфические формы речи отдельных групп рассматриваются как диалекты и «жаргоны» (например, «буржуазный жаргон» или «поповские словечки»), которые считаются в большей мере пережитками (поскольку выражают мировоззрение разделенного эксплуатацией общества).

На складывание такой альтернативы повлияли реальные языковые политики в коммунистических государствах. Первоначальное революционное прожектерство – планирование тотального и мгновенного изменения всего в экономике, политике, социальной сфере, культуре и языке – быстро сменяется политическим прагматизмом, требующим осторожности и поступательности преобразований. Важнейшее основание этого – ограниченность ресурсов, и прежде всего – ресурсов управления, поскольку именно по сообществу управляющих революция «бьет» сильнее всего. Другое значимое основание для ухода от проекта переучивания общества на другой язык – декларируемая народность коммунистических правительств. Переучивать граждан бывших Российской и Китайской империй на новаторский язык, который только образуется – проект ресурсоемкий и чреватый увеличением недовольства народных масс деятельностью коммунистов. Эти ограниченность ресурсов и народность вылились даже в отказ от умеренно-реформистских проектов переобучения партийного актива на эсперанто, на немецкий как язык Маркса и Энгельса и современной тогда науки или на упрощенный английский, которые рассматривались как потенциальные языки мировой революции (тут стоит упомянуть идею, что по мере освобождения от капиталистов развитые западные страны должны «перехватывать» руководящую роль в мировой революции у менее развитых, хоть при этом и принесших революционные преобразования, – то есть власть в расширяющемся СССР по мере включения в него Германии и Англии должна была перейти к ним, очевидным образом преобразовав язык межнационального общения в СССР). Коммунистическая языковая политика в результате провозгласила языком объединения трудящихся предшествующий имперский язык (русский в СССР, мандаринский в КНР), декларируя его «народность».

В СССР символом победы языковой реальной политики над прожектерством стала книга Иосифа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Сталин осудил «новое учение о языке» Николая Марра, пытавшегося, с одной стороны, свести все языковое разнообразие к ограниченному числу первобытных «трудовых выкриков» («Сал», «Бер», «Йон» и «Рош», например, обнаруживая «Рош» в «красный» или «этруски»), а с другой – на этой основе создать контуры будущего общечеловеческого языка. По идее Сталина язык вообще не относится к культуре, а потому ставить вопрос об отбрасывании старого языка и порождении нового наивно (он уподобляет сторонников такого подхода так называемым революционным троглодитам,

то есть тем, кто утверждал, что революция должна подразумевать уничтожение всех материальных проявлений предшествующих формаций – например, переплавку всех произведенных до революции рельсов). Язык по мысли Сталина даже более фундаментален, чем орудия производства – они меняются в ходе истории, тогда как язык по своей сути – нет. Также как Троцкий Сталин фактически переносит усматриваемую транзитивность с языка на культуру в целом – Пушкин и Лермонтов жертвы царизма, провозвестники нового общества и по сути своей народные художники (народное достояние), а потому их отбрасывать также не следует.

Несмотря на то, что сталинский подход сильно повлиял на многие последующие рефлексии марксистов о языке и культуре, радикально левая ветвь также не ушла полностью в прошлое.

В. А. Медзюлянава

ФІЛАСОФСКАЯ АПАЗІЦЫЯ АГУЛЬНАГА/ПРЫВАТНАГА І ІНШЫЯ СУМЕЖНЫЯ КАНЦЭПТЫ Ў ПРАСТОРЫ МОВЫ

Філасофскае паняцце агульнага вызначаецца як «принцип бытия всех единичных вещей, явлений, процессов; закономерная форма их взаимосвязи в составе целого» (Кароткі энцыклапедычны слоўнік філасофскіх тэрмінаў, 2008). Агульнаму супрацьпалагаецца прыватнае, адзінкавае, індывідуальнае, канкрэтнае і т.п. Такім чынам, апазіцыя агульнага/прыватнага можа закранаць такія паняцці, як цэлае, аб'ектыўнае, абстрактнае і іншыя сумежныя канцэпты.

Калі разглядаць такі аб'ект лінгвістычнага аналізу, як паняцце «Я» (у размове індывіда), праз прызму філасофскай апазіцыі агульнага і прыватнага, выявляцца і іншыя блізкія адзін аднаму супрацьлегласці, якія маюць пад сабой агульную аснову – аднесенасць да прызнакаў «Я». Гэта апазіцыі такога зместу, як:

- 1) цэлае – частка (напрыклад, *я і мая рука, я і мой настрой*);
- 2) аб'ектыўнае – суб'ектыўнае (*тое, што рэальна існуе незалежна ад маіх уяўленняў, і тое, што я сабе ўяўляю*);
- 3) абстрактнае – канкрэтнае (*тое, што знаходзіцца за межамі чалавека, а такім чынам і майго фізічнага (але не ментальнага) успрымання, і тое, што я як чалавек магу фізічна адчуць*);
- 4) чужое – сваё (*тое, што не належыць мне і майму колу, і тое, што належыць мне і майму колу*);
- 5) невядавочнае – відавочнае (*тое, што я не магу назіраць, паколькі яно ўтоена ўнутры, і тое, што я магу назіраць, паколькі яно звонку*);
- 6) далёкае – блізкае (*тое, што знаходзіцца за межамі маёй дасяжнасці, і тое, што знаходзіцца ў межах маёй дасяжнасці*);
- 7) некантралюемае – кантралюемае (*тое, што мне непадуладна, і тое, што мне падуладна*);

8) сабіральнае – адзінкавае (*тое, што, падобна агульнаму, у нявызначанай, не абмежаванай падлікамі колькасці, і тое, што, падобна мне, у малой вызначанай колькасці*);

9) пастаяннае – пераменнае (*тое, што адносна стабільна і прадказальна, паколькі ўласціва большай частцы групы, а значыць, з'яўляецца адносна агульным, і тое, што вар'іруецца ў залежнасці ад індывіда, такога як я*).

З пункту гледжання дадзеных прызнакаў у размове характарызуецца індывід, які з'яўляецца для большасці з іх стрыжнёвым паняццем, цэнтральным звяном. З аднаго боку, паняцце «Я» на правах падпарадкаваных адносін з'яўляецца часткай агульнага: *я і ўдзельнікі зносін, я як частка групы, калектыва, грамадства і т.п.* З іншага боку, я перасякаецца з новай апазіцыйнай парай *я – не я*.

На аснове прыёмаў апісання адносін, якія выкарыстоўваюцца ў фармальнай логіцы, можна схематычна адлюстраваць сувязь паміж лінгвістычна абгрунтаванай, а значыць, і лінгвістычна-філасофскай апазіцыяй агульнага/прыватнага з выдзеленымі і апісанымі вышэй паняццыйнымі парамі (малюнак).

Адносіны агульнага/прыватнага і я/не я

Апазіцыя цэлага і часткі знаходзіцца ў падпарадкаваным становішчы ў дачыненні прыватнага і агульнага, паколькі ўсякая частка можа быць прыватным чагосяці агульнага, але не ўсякае прыватнае (індывідуальнае) можа быць неаддзельнай часткай ад цэлага, і нельга сцвярджаць, што гэтыя апазіцыі тоесныя. Напрыклад, чалавек – частка цэлага калектыву і асобнае ад калектыву, а рука чалавека – частка цэла, але не прыватнае (асобнае) ад яго.

Пры гэтым цэлае ёсць агульнае, але не наадварот. Прыкладна тое ж самае можна сказаць і аб супрацьпастаўленні аб'ектыўнага і суб'ектыўнага: усякае суб'ектыўнае прыватна, але не наадварот. Напрыклад, суб'ектыўная ацэнка чалавека – прыватная, але не ўсякая прыватная ацэнка – суб'ектыўная. Пры гэтым аб'ектыўнае ёсць агульнае, але не наадварот. Напрыклад, аб'ектыўнасць узыходу сонца па раніцах – агульны факт для ўсіх, а агульныя рэлігійныя ўяўленні – далёкія ад аб'ектыўнай рэчаіснасці.

Апазіцыя абстрактнага і канкрэтнага знаходзіцца ў зносінах перасячэння з рода-відавай па сувязі парай *агульнае/прыватнае*, паколькі ў гэтых пар ёсць агульнае поле: людзі як агульнасць, у якую ўваходзіць *я*, і людзі як агульнасць, здольная да фізічнага ўспрымання аб'ектаў навакольнага свету. Акрамя таго, у такім жа стаўленні знаходзяцца пары паняццяў *абстрактнага – канкрэтнага* і *суб'ектыўнага – аб'ектыўнага* з агульным полем канкрэтна-аб'ектыўнага.

Апазіцыя *сабіральнага – адзінкавага* суадносіцца з *агульным/прыватным* па колькаснаму прызнаку, г.зн. апасродкавана, гэтак жа як і *пастаяннае – пераменнае*, але ўжо па характары змены. Таму дзве названыя пары праходзяць на малюнку па датычнай да цэнтральных паняццяў *агульнага/прыватнага*, але не перасякаюць іх, як іншыя пары, у частцы *я*.

Правыя часткі астатніх апазіцый, якія складаюць паняцці *свой, блізкі, відавочны, кантралюемы*, уваходзяць у поле прыватнага *я* як вобласці перасячэння пары *прыватнае – агульнае* з паняццёвай парай *я – не я*. Пры гэтым паняцці *блізкага – далёкага* перасякаюцца з паняццямі *відавочнага – невідавочнага* ў агульным полі візуальна дасягальнага і недасягальнага. Левыя часткі гэтых апазіцый (*чужое, далёкае, невідавочнае, некантралюемае*) атрымліваюць размеркаванне ў полі *не я* паняццёвай апазіцыі *я – не я*.

Выдзеленыя апазіцыі аказваюцца заўважнымі пры разглядзе моўных сістэм на лексіка-граматычным узроўні. Асаблівая іх значнасць выяўляецца ў сістэмах указальных і асабістых займеннікаў у розных мовах свету. Так, напрыклад, у індаеўрапейскіх мовах ёсць асабісты займеннік *я* і супрацьлеглы яму па прызнаку колькасці займеннік *мы*. Апошні можа выяўляць *уклучанасць/няўклучанасць* адрасата ў сферу «сваіх» для таго, хто размаўляе, г.зн. быць інклюзіўным або эксклюзіўным. У шэрагу найстаражытных рэдкіх моў (каўказскія, дравідыйскія і інш.) для выражэння інклюзіўнасці/эксклюзіўнасці прызначаны спецыяльныя займеннікі. Сустрэкаюцца яшчэ больш цікавыя моўныя факты. У афрыканскай мове герэра прысутнічаюць суфіксы *-ni* і *-na* са значэннем *той бачны* і *той нябачны* адпаведна. У паўночнаамерыканскай мове квакіутль маецца сем розных займеннікаў 3-й асобы, якія адрозніваюцца па ступені аддаленасці, бачнасці/нябачнасці, прысутнасці/адсутнасці прадмета. У амерыканскай мове блэкфут ёсць спецыяльны займеннік, які паказвае на чалавека з іншага роду (К. Я. Майцінская, 2009).

Прыведзеныя моўныя факты з рэдкіх выміраючых моў служаць своеасаблівымі рэліктамі – носьбітамі мінулых вобразаў у наш час, пацвярджаюць даўнія высновы даследчыкаў аб тым, што першабытныя людзі

ў сваіх прымітыўных уяўленнях аб свеце перш за ўсё супрацьпалагалі я – не я (К. Я. Майцінская, 2009, с. 144).

У эпоху нарастаючай глабалізацыі і іншых інтэграцыйных працэсаў узнікаюць пытанні: ці істотны лінгвафіласофскія апазіцыі *прыватнага (я) – агульнага (не толькі я)*, *я – не я* для сучаснага грамадства, а таксама якім чынам і ў якой ступені яны прадстаўлены ў прасторы мовы. Відавочна, лінгвістычнае даследаванне на гэтую тэму ўяўляла б цікавасць як у супастаўляльным, так і ў этнакультурным, этнасацыяльным аспектах.

Б. Я. Мигас

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКУ ПОМОЩНИК, КОНКУРЕНТ, ГОСПОДИН?

Искусственный интеллект – это способность компьютера обучаться, принимать решения, выполнять действия, свойственные человеку – проявлять творческие функции. В 1968 г. советский академик Николай Амосов писал, что можно создать разум и лучше человеческого, чьи возможности довольно ограничены. Малы объем памяти и скорость переработки информации, очень медленно обучение, трудны воспоминания и выборка. Наконец, ему присущи искажения – неизбежный спутник всякого моделирования. Искусственный разум выступает в качестве вспомогательного орудия для человека при переработке информации. К сожалению, есть и другие аспекты проблемы.

Первый. Ущерб человеку от внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в творчество. Это повлечет за собой ослабление стимула творчества у людей. Это будет первый шаг отступления человека перед грядущими хозяевами планеты – искусственными существами, которые будут обладать несравненно большей способностью к приспособлению и развитию.

Второй. Возможность превращения искусственного разума в личность с собственными интересами. Ее поведение, даже если она будет умна, не обещает быть всегда «разумным». Так возникает опасность не только ошибочного, но и злонамеренного поведения разумных машин, принимающих участие в управлении обществом. Это значит, что развитие разума действительно необходимо, хотя и необязательно до уровня высокой самоорганизации.

Третий. Вполне мыслима фабрика искусственных организмов – от примитивных роботов до сложнейших интеллектуалов, которая может обходиться без помощи людей. Вывод Н. Амосова такой: «Разум находится на столбовой дорожке развития мира, которое можно задержать, но не остановить. Значит вопрос только в регулировании прогресса, в поиске новых решений для проблемы человека в будущем мире».

Нынешнее состояние и перспективы развития ИИ анализирует Председатель Президиума Национальной академии наук Республики Беларусь

Владимир Гусаков в статье «Люди и машины» в газете «СБ – тенденции» от 6 мая 2021 г. Он пишет следующее.

Четвертая технологическая революция ускоренно трансформирует общество: цифровые технологии, сквозная информатизация и роботизация, ИИ вместо человеческого коренным образом меняет сферу нашего обитания, а в конечном счете самих людей. Но при этом мы почти ничего не знаем о технических, экономических и социальных последствиях и рисках реализации происходящих преобразований. Об этом заставляют задуматься уже сегодня беспилотный транспорт, безлюдное производство, роботы творческих профессий, 3D-печать, 3D-видео, чипы в биологических материалах, в том числе в мозге животных и человека и т.д. А в ближайшей перспективе люди будут подвергаться кибергенизации на базе искусственных гаджетов-имплантантов и заменителей частей человеческого тела. Уже известны и попытки создания так называемых цифровых людей. А личность в Интернете – лишь набор информации и ее пользователи-собственники могут быть непредсказуемыми. Разрабатываются также гибридные роботы на основе реконструированной ДНК, синтетических белков и искусственных материалов. Эти наноустройства запрограммированы на защиту каждой клетки организма от болезней, в том числе от старости. Полным ходом идут работы по созданию совершенного человека через полное клонирование человеческой ДНК и способы ее дальнейшего редактирования. Познание механизмов работы мозга приведет к соединению его с суперкомпьютерами и к цифровому продлению жизни.

На уровне государственных масштабов автор отмечает, что в ближайшее десятилетие «интернет вещей» и «интернет всего» захватят все товарные рынки, рынки услуг и станут отслеживать потребление каждого человека. Причем речь идет не только об умных товарах, но и умных домах, городах и государствах со всей их инфраструктурой, включая науку, образование и национальную безопасность. Кроме того, интернет-гиганты стали направлять наши желания и интересы с помощью новейших смартфонов и цифровых технологий, они создали свои империи ИИ, которые способны повелевать миром и каждым его жителем. Они это делают секретно, сами не представляя, как этой системой управлять и к чему она приведет. Сложившаяся ситуация напрямую ведет к новой социальной пирамиде. На ее вершине окажется горстка людей, которым будут принадлежать нейросети и технологии. Всем другим станет предоставляться в лучшем случае минимальный социальный пакет, избранным будет принадлежать и разрешено все, а остальным – ничего. Сегодня каждое новое поколение гаджетов все больше избавляет человека от необходимости думать, расслабляет мозг.

Автор, безусловно, прав, утверждая, что впервые в истории человечества оружие под названием «искусственный интеллект» отделилось от своего субъекта и отошло в виртуальное пространство под названием цифровых технологий. Эта субстанция уже не принадлежит какому-то отдельному человеку, а существует вне контроля индивидуального пользователя.

Переходя к выводам, отметим следующее.

1. Проекты в сфере ИИ стали геополитической проблемой, «полем битвы» ведущих стран мира за глобальное лидерство в сферах экономики и безопасности. Поэтому регулирование деятельности в исследовании ИИ и практическое применение их результатов должны регулироваться как международным, так и государственным правом, правами человека, общечеловеческими ценностями и нормами гуманизма, а не быть оружием меньшинства против большинства.

2. Сам ИИ содержит в себе потенциал сдерживания своего отрицательного воздействия на человека и человечество. Всем известный Илон Маск пытается создать антиматрицу ИИ, которая не будет контролировать человечество в угоду частным интересам. В этом состоит социальный заказ, а такие задачи обычно находят свое решение.

3. В нынешнем состоянии ИИ выступает во всех трех обозначенных в заглавии ипостасях. Как помощник человеку он незаменим, так как призван обеспечить его благосостояние. Полезен он человеку и как конкурент, стимулируя его стремление к развитию интеллектуальных и профессиональных качеств, открывает горизонты самосовершенствования личности. Быть подданным ИИ человек не желает и остается таким пока он личность со своими интересами и психологией, т.е. человеком мыслящим.

Н. Г. Севостьянова

РЕФЛЕКСИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА САМОБИТНОЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Как сами русские мыслители, явившие миру уникальную самобытную философию, рассматривают ее предмет на языке самоописания? Представим наиболее авторитетные версии такого самоопределения, обращаясь к трудам русских славянофилов и западников. Отметим также, что сегодня в специальных исследованиях русскую философию до XVIII в. называют духовным любомудрием, а российскую самобытную философию – отечественным любомудрием. Это позволяет избежать крайностей понимания русской философии как религиозной и литературно-художественной, а российской философии – как светской и научной.

Первым опытом систематизации отечественного любомудрия стала «Русская философия» архимандрита Гавриила (В. Н. Воскресенского) (1795–1868). Ее национальной особенностью он назвал сочетание веры и знания, рассудочности и набожности. Проследил зарождение русской христианской мысли со времени принятия Русью православия. Именно разработка всеобъемлющего христианского мировоззрения, морального по своей сути, была делом жизни русских мыслителей, по их признанию. «Русская философская мысль бессильна творить в стихии рационализма» (В. Ф. Эрн) и творит только в стихии божественного предопределения.

Об этом писал в работе «Русская философия» один из видных ее представителей А. Ф. Лосев (1893–1988): «Русская самобытная философия представляет собой борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio*

и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом». «Русской философии, в отличие от европейской, чуждо стремление к систематизации взглядов. Она представляет собой интуитивное, чисто мистическое познание сущего. Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, которая берет начало в общем духе времени, со всем его порядком и хаосом. Художественная литература является кладезем самобытной русской философии» (А. Ф. Лосев).

Между тем, философы-западники отказывали самобытной философии в самостоятельном развитии, подчеркивали ее всецело заимствованный характер. Г. Г. Шпет (1879–1937) в работе «Очерк развития русской философии» рассматривал ее «ученические этапы»: «невегласие», «около школы», «по прописям», «по линейкам», «первые испытания», «первые ученики». «Невегласие есть та почва, на которой произрастала русская философия. Не природная тупость русского в философии, не отсутствие живых творческих сил, не неспособность к научному аскетизму, а исключительное невежество не позволяло русскому духу углубить в себе до всеобщего сознания европейскую философскую рефлексию. Неудивительно, что на такой почве произрастала философия бледная, чахлая, хрупкая. Удивительно, что она все-таки росла» (Г. Г. Шпет).

Противоположной точки зрения придерживался автор фундаментального двухтомного труда «История русской философии» В. В. Зеньковский (1881–1962). «Кроме языковой изолированности, отсутствия прямых связей с античностью была в церковном сознании русском дополнительная причина медленного пробуждения “логоса”. Период молчания был периодом накопления духовных сил, а вовсе не дремоты духовной». «Это был кризис Византийской культуры в русском духе» (Г.В. Флоровский). «Имело место развитие в пространстве священной истории, затем – вне всякой истории, далее – внутри себя» (В. В. Зеньковский). Русская философия выражалась в иконописи как «умозрении в красках», проявлялась в агиографии (жития святых) и книжности. «Этот процесс периодически нарушался вторжением западной философии и уточнением самой техники философствования, в которой большую роль сыграло неокантианство» (В. В. Зеньковский).

«Если давать какие-либо общие характеристики русской философии, то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. Русская философия не теоцентрична, не космоцентрична – она больше всего занята темой о человеке. Всюду доминирует моральная установка: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот панморализм, который выразил Лев Толстой, может быть найден почти у всех русских мыслителей» (В. В. Зеньковский). «Вдохновение свободы всегда было дорого русскому уму. Дух свободы никогда не угасал в недрах церковного сознания» (В. В. Зеньковский).

Автор труда «История русской философии» Н. О. Лосский (1870–1965) причислил себя и С. Л. Франка к философам-интуитивистам. О себе сообщил следующее: «В своих книгах Лосский занимался разработкой системы метафизики, необходимой для христианского истолкования мира».

Что касается метафизики всеединства как главного направления русской философии начала XX в., то она представлена в цельном знании о Софии и Богочеловечестве в трудах В. С. Соловьева, в русском космизме. «Цельное знание в русской философии означает не только внутреннюю логику системосозидания, но и проявляется в стремлении постичь цельный духовный опыт. Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей. Только собрав в единое целое все свои духовные силы, человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о боге. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей» (Н. О. Лосский). «Наиболее близка мне идея Богочеловечества, которую продолжаю считать основной идеей русской религиозной мысли» (Н. А. Бердяев).

Кроме того, русская мысль историософична, обращена к вопросу о смысле истории, конце истории. Автор книги «Духовные основы общества» С. Л. Франк (1877–1950) полагает, что главными темами самобытной русской философии являются философия истории и социальная философия с ключевым словом *правда*, в котором сливаются истина и справедливость. В понимании общества мыслитель ориентируется на его духовную основу, в качестве которой выступает триединство: солидарность, свобода, служение.

В работе «Смысл жизни», а книгу с таким названием написал едва ли не каждый русский философ, С. Л. Франк утверждал, что предмет русской философии – смыслоискание, метафизическое познание действительности. «Смысл жизни – в ее утвержденности в вечном»; «Победа над смертью представлялась мне основной проблемой жизни. Смерть я считал событием более глубоким, более основным для жизни, более метафизическим, чем рождение» (Н. А. Бердяев).

Весомым вкладом в самоосмысление русской философии стали труды мыслителей русского зарубежья. Н. А. Бердяев (1874–1948) в работах «Судьба России», «Смысл истории», «Русская идея», «Философия неравенства» связал развитие самобытной философии с «русской идеей». «Русский народ в большей степени народ восточноазиатский. Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной»; «Русские или нигилисты, или апокалиптики».

Рефлексия по поводу самобытной русской философии отразилась как в зеркале в опыте философской автобиографии Н. А. Бердяева, в его книге «Самопознание». Развивая «философию свободы», Н. А. Бердяев отмечает: «Я удержался в жизни, ни на что не опираясь, кроме искания божественной истины. Мое главное достижение в том, что я основал дело своей жизни

на свободе. Я не должен представляться каноническим типом верующего»; «У нас в России дело шло о последних, предельных, жизненных проблемах». «Моя философия рождается из духовного опыта»; «Философия, принимающая во внимание этот опыт, неизбежно становится религиозной. Любая философская система, поставившая перед собой великие задачи познания сокровенной сущности бытия, должна руководствоваться принципами христианства».

Повествуя о своей окончательной философии, Н. А. Бердяев отмечает: «Основная метафизическая идея, к которой я пришел в результате своего философского пути и духовного опыта, это идея примата свободы над бытием»; «Русская философия в наиболее своеобразных своих течениях всегда склонялась к экзистенциальному типу философствования».

«Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре»; «С какими же русскими мыслями приехал я на Запад? Я принес эсхатологическое чувство судеб истории, которое западным христианам было чуждо. Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции. Принес с собой сознание кризиса исторического христианства, конфликта личности и мировой гармонии, индивидуального и общего. Принес также русскую критику рационализма, изначальную русскую экзистенциальность мышления. Русским я считаю также понимание христианства как религии Богочеловечества».

Таким образом, самобытная русская философия, софийная и моральная, по преимуществу православно-христианская, «есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» (В. В. Зеньковский).

И. П. Салтанович

ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

Различные технологические трансформации на протяжении веков затронули и продолжают влиять на все сферы деятельности человека. В то же время само общество формировало и формирует социально-«технологические» структурные изменения. Этот двухвекторный процесс особенно важен сейчас для исследования, поскольку нынешние социальные, экономические, политические, технологические и культурные перемены порождают как возможности, так и проблемы.

Культурные трансформации – постоянное явление в истории человечества. Тем не менее сегодня цифровые инструменты, процессы цифровизации и цифровизация процессов действительно или как кажется – способствуют ускорению этих преобразований. Мы приближаемся к культуре алгоритмов, влияющих на нашу повседневную жизнь, поведение, культурные обычаи, суждения и ценности.

Несомненно, возникают насущные вопросы о влиянии таких перемен на нас и нашу культуру. Следует понять, насколько радикально новыми являются эти процессы по сравнению с прошлыми инновациями, такими как

письменность, печать, железные дороги, телеграф, радио и телевидение, и, каково влияние различных культурных традиций на технологические метаморфозы.

Исследователями также обсуждаются многоуровневые отношения между природой и технологиями, а именно способы, которыми природе придается форма посредством ее преобразования в коммуникационные системы, и гибридный, почти киборгический образ жизни в современных больших городах, отмечая, что людям приходится мыслить бинарно, что является и физическим и цифровым существованием.

Оказывая значительное влияние на социокультурный аспект жизни людей, цифровые трансформации, с одной стороны, создают новые возможности для коммуникации и обмена информацией, расширяют доступ к знаниям и культурному наследию, упрощают рутинные задачи и повышают эффективность работы. С другой, они могут приводить к изоляции и отчуждению людей (манипуляции, социальные сети, игровая зависимость), а также способствовать распространению негативных явлений, таких как кибербуллинг, онлайн-экстремизм и дискриминация.

«Цифра» изменяет культурные ценности и образ жизни под влиянием цифровой культуры и цифрового искусства, а также модифицирует представления о работе, отдыхе и социальных связях. В целом, цифровые трансформации общества имеют как положительные, так и отрицательные последствия для социокультурной динамики. Поэтому важно осознавать возможности и риски цифровых преобразований и использовать их с умом и ответственностью.

Цифровыми инструментами затронуты практически все аспекты нашей жизни. Мы связаны через устройства, постоянно выдающие данные, которые собираются, анализируются и возвращаются нам после обработки (социальные сети, персонализированная реклама и контент с рекомендациями под каждого из нас). Эти процессы влияют на формирование личности и индивидуальный суверенитет, на наши знакомства, встречи и понимание окружающего мира. Цифровая коммуникация обещает социальное взаимодействие, глобальную интеграцию и человеческую солидарность.

Однако она же делает неравенство более заметным, а также может изолировать отдельных лиц и группы (региональные, политические, этнические, классовые) в эхо-камерах или «пузырях фильтров», провоцирует распространение фейковых новостей, «оголтело» ненавистнических комментариев, популизма и ксенофобии.

Цифровая визуализация, машинное обучение, робототехника и искусственный интеллект – основные инновации быстро развиваются в области технических и естественных наук, и в то же время постоянно взаимодействует с человеческими эмоциями, творчеством и воображением. Несомненно, «новая эстетика» задается вопросом о желании и возможности взаимодействия культурных, этических и футуристических описаний цифрового мира с реальными процессами цифровизации. Нас интересует то, до какой степени технологические преобразования ответственны за изменения миров

нашего воображения, и в какой степени технологии придают воображению форму трансформаций, уже предвосхищенных в прежнем образном мышлении.

Сегодня возникает вопрос создания и защиты пространства креативной мысли в цифровом мире, определения свободы и творчества по мере того, как алгоритмы учатся использовать наши модели общения. Формируется «новая сложность» решения вопросов ответственности, доверия и прозрачности, разработки правовых и этических стандартов, которые могут справиться с этими проблемами.

Создавая новые формы общения, выражения эмоций и творчества, новые формы получения знаний и распространения информации с одной, стороны, цифровая трансформация, с другой стороны, поднимает вопросы о ценностях и идентичностях, об индивидуализме наравне с общественным интересом, солидарности, об участии, социальной справедливости и инклюзивности.

Цифровой мир порождает множество парадоксов. Интернет предлагает беспрецедентный бесплатный доступ к почти безграничной информации и развлечениям, что позволяет людям завязывать дружеские отношения, а предприятиям строить отношения независимо от расстояния, делая возможной социальную и политическую мобильность в таких масштабах и характере, которые раньше считались невозможными. Цифровые трансформации позволяют большому количеству людей сотрудничать на бесплатной и равноправной основе. Это может быть операционная система, такая как Linux, информационная база данных, такая как Википедия, или прозрачная система учета и реестра, такая как Блокчейн.

Но это также способствует росту частного бизнеса с богатством и властью на цифровой основе, которого никогда не было в истории. Социально и экономически мир уже в значительной степени зависит от Google, Amazon, Facebook и Apple, а также китайских компаний, таких как Weibo и Alibaba, не сильно отстающих по силе и влиянию. Эти компании владеют и контролируют данные о физических и юридических лицах, объем которых не может сравниться ни с одной исторической эпохой, ни в одном государстве.

В этом смысле наше кажущееся открытым глобальное общество с его свободным потоком информации построено на невероятно хрупком фундаменте. Приведет ли цифровая трансформация к созданию нового общества совместного творчества, открытого для всех, или же она просто предоставит средства, с помощью которых уже сформированные «центры влияния» усилят и укрепят свою власть?

Эти изменения не происходят одновременно или единообразно во всех странах и во всех частях общества, что приводит к новому социальному разделению и различиям между социальными группами и сообществами.

Дискуссия о роде общества, которое мы создаем, остается. Это демократическое, плюралистическое и инклюзивное «общество знаний» или коммерческое «информационное общество», где вся информация является товаром?

Главным арбитром в таком споре является позиция занимаемая знаниями и культурой, всей общей сетью культурных ресурсов.

Дебаты о цифровизации напоминают предыдущие споры о крупномасштабных социальных преобразованиях, таких как модернизация, индустриализация и глобализация. С одной стороны, есть энтузиасты, восхваляющие огромный потенциал инноваций для роста и ускорения социального прогресса. С другой, есть скептики, опасющиеся потери важнейших человеческих качеств из-за технологизации. Исследователи отмечают, как цифровая трансформация меняет социальную жизнь, формирует гендерные различия, баланс между работой и личной жизнью, количеством и качеством времени, проводимым с семьей и друзьями.

На протяжении всей своей истории человечество прошло через многообразие форм изобретений, некоторые из которых привели к серьезным техническим преобразованиям. Ученые всегда размышляли об отношениях между людьми и культурной средой, исследуя влияние технологических изменений на генерацию, хранение и передачу знаний. Актуальные, широкие по своему охвату научные исследования по цифровой трансформации направлены на создание платформы, посредством которой обсуждаются и подтверждаются всеобъемлющие концепции и теории для анализа цифрового общества, отображающие и критически разбирающие по существу отдельные концепции, такие, в частности, как алгоритмическое управление, датафикация, платформизация, конфиденциальность в соединении с междисциплинарным подходом и мышлением.

Т. Л. Степанова

ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ ДОБРА В ИСТОРИИ МОРАЛИ И КУЛЬТУРЫ

Как известно, главная проблема морали состоит в том, что в ситуации морального выбора, суть которого заключается в выборе между должным и сущим, при всей очевидности должного человек делает выбор в пользу сущего. Это объясняется двояко. Первый, неприятный для человека ответ свидетельствует о том, что телесность, материальность в большинстве случаев для людей значительно важнее духовности. Но выбор другой части людей является совершенно осознанным, рациональным и с их точки зрения – моральным. Отчего же, осмысливая ситуацию, ориентируясь как бы на духовное, субъект все же делает неверный, неморальный выбор? Связано это со сложностью критерия моральности.

Одна из особенностей языка философии заключается в том, что в нем практически нет понятий, являющихся чисто философскими, так как все они заимствованы из естественного языка. Философия придает им особый смысл, наполняет их категориальным содержанием, но часто это содержание известно лишь специалистам. Это создает определенные проблемы в реализации философией таких функций, как гносеологическая и эвристическая, так как для большинства людей тот смысл, который они вкладывают в слово,

одновременно являющееся и философским понятием, полагается исчерпывающим. Если для философской онтологии это не имеет значения, то для философии морали, этики, которая является одновременно и теоретической, и нормативной дисциплиной, это – серьезная проблема. Мораль как превращенная ценностная форма познания действительности предполагает, что человек в своем отношении к социуму опирается на постигнутые истины, которые выступают как корреляты человеческого поведения.

В естественных языках эта ценностная истина определяется как добро, и как философская категория используется в языке философии. Для того чтобы являться действенным коррелятом поведения человека, эта истина должна осознаваться и в рациональном, и в практическом смысле. Поэтому общественное сознание на различных этапах развития общества наполняет их различным содержанием. Можно выделить три этапа в формировании этого понятия: польза – благо – собственно добро. Смысл добра как пользы характерен для первобытного общества, когда мораль выступала в форме нравов. Задача, которая стояла перед обществом в этот период была и проста, и сложна одновременно. Она заключалась в том, что общество как новая (и еще окончательно не состоявшаяся форма бытия) должно было выжить. Численность людей в племени была такова, что при ее уменьшении племя оказывалось нежизнеспособным, поэтому ценность каждого индивида была высока.

В этих условия польза и являлась таким коррелятом, который соблюдал все необходимые условия. Выживание отдельного человека было возможно при потреблении некоторого количества пищи, без которого организм просто не мог функционировать, и сохранения внешней безопасности. Все это возможно было только в условиях первобытного коллективизма, где интересы общественного организма и отдельного человека совпадали. Для человека это совпадение воспринималось как полезность его поступков для него самого, и в то же время эта полезность для индивида выступала как полезность для общества, поскольку потребности людей в силу невысокой производительности труда, в большинстве своем еще присваивающего, удовлетворялись на минимальном уровне, а при отсутствии разделения труда человек еще не мог проявить свою индивидуальность, поэтому то, что было полезно для одного, было полезно и для другого, и все это было полезно для общества. Однако универсальность пользы как стимула человеческого поведения и коррелята межличностных взаимоотношений была возможна лишь при неразвитых общественных отношениях. Но когда общество вступило на стадию цивилизации, которая предполагала сформировавшееся разделение труда, и человек обрел себя как индивидуальность, польза перестала быть универсальным критерием моральности человека. Поэтому содержание добра должно было быть наполнено новым смыслом.

Смысл добра как критерия моральности заключается в том, чтобы ориентировать человека на поведение, отвечающее интересам общества, но если в первобытном обществе эти интересы совпадали, то в классовом – нет. Поэтому новым смыслом добра стало благо. Категории блага и добродетели

являются основными категориями античной этики. Благо выступало как своеобразный паритет между интересами индивида и общества. Индивидуальность человека рассматривалась в единстве положительных и отрицательных с точки зрения общества качеств. При этом надо иметь в виду, что это разделение являлось совершенно условным, характерным именно для этого общества, в другие исторические эпохи достоинства античных свободных граждан оценивались скорее отрицательно.

Благо предполагало своеобразный обмен – при сдерживании в своем поведении того, что общество оценивало как отрицательное, разрушающее его поведение, оно давало возможность реализовать себя свободному человеку в тех качествах, которые были выгодны обществу, но одновременно отражали и его индивидуальность. Благо как бы возвышало человека, но в то же время предполагало и определенные общественные гарантии. Условиями выполнения этих гарантий выступали рабский труд и невысокая численность свободного населения. На определенных этапах развития античные полисы вполне эти гарантии выполняли, но по мере расширения цивилизованного общества и снижения продуктивности рабского труда, они становились невыполнимы. В Древнем Риме благо уже не являлось паритетом интересов человека и общества, критерий моральности терял свой смысл, и общество впадало в крайнюю безнравственность. Поэтому следующий этап в развитии морали предполагал новый смысл добра. Им стало собственно добро. Этот критерий мог быть выработан только в условиях господства в духовной культуре монотеистической, и более того, христианской религии, которая не делает различия между людьми разных сословий и национальностей. Если благо разделяло человека на дурную и положительную сторону, то христианство разделило его на тело и душу. Если благо предполагало гарантии при жизни, то добро никаких гарантий не предполагало, но давало надежду на обретение бессмертия души, если польза и благо предполагали, что моральный (добрый) поступок в конечном счете возвращается самому человеку, то собственно добро предполагает, что моральный поступок всегда направлен на другого, а не на самого человека.

Несомненно, что такое понимание добра совершенно нормально воспринимается верующим человеком, для которого жизнь не заканчивается смертью, но имеет продолжение в жизни души, и эта жизнь напрямую зависит от того, как душа управляла телом, то есть в какой мере поступки человека соответствовали критерию добра. К сожалению, секуляризация сознания, которая началась в эпоху Возрождения и в дальнейшем сориентировала культуру в развитии от идеалистической к чувственной, «амнистировала» тело, но недialeктичность общественного сознания привела к тому, что маятник из положения единства в понимании соотношения духовного и телесного в человеке пришел в положение примата телесности, и общество консьюмеризма и индивидуализма удовольствие сделало главным критерием жизни современного человека. Поэтому современный человек в качестве критерия моральности понимает пользу и в лучшем случае благо, и в ситуации выбора между ними и собственно добром выбирает их. А это означает аморальный выбор.

ГІСТОРЫЯ І БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА

І. В. Грабянчук

ДА ПЫТАННЯ АБ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ ГЕРОЯХ БЕЛАРУСІ
(на прыкладах прыватных апытанняў беларускіх студэнтаў і школьнікаў)

Для менталітэту сучасных народаў істотнае значэнне мае паняцце “нацыянальны герой”. Нацыянальныя (народныя) героі – гэта асаблівая катэгорыя асоб і персанажаў, якія карыстаюцца вялікай любоўю і папулярнасцю сярод простых людзей, памяць якіх, як вядома, і забяспечвае ім несмяротную славу. Яны могуць быць выдуманымі, напалову легендарнымі, а таксама рэальнымі гістарычнымі дзеячамі, учынкамі і жыццём якіх трапляюць у фокус увагі ўсё новых і новых пакаленняў.

Мне заўсёды было цікава ведаць, якія персанажы айчыннай гісторыі маюць найбольшую любоў і павагу ў беларускім грамадстве, асабліва ў моладзі. Тэма нацыянальных герояў мае адметнае месца ў змесце розных прадметаў, якія вывучаюцца ў сярэдняй школе, а таксама вучэбных дысцыплін – ва ўстанове вышэйшай адукацыі. Мне давялося працаваць на розных узроўнях сістэмы адукацыі нашай краіны. Напрыклад, у 2001 г. я меў тры месцы працы: сярэдняя школа № 10 г. Светлагорска Гомельскай вобласці (асноўнае) і два па сумяшчальніцтве: Светлагорскі індустрыяльны тэхнікум і Светлагорскі філіял Прыватнага інстытута кіравання і прадпрымальніцтва. Працуючы з такім рознаўзроставым кантынгентам навучэнцаў, я задаўся пытаннем: а як будуць адказваць на адно і тое ж пытанне мае рэспандэнты ва ўзросце ад 15 да 50 гадоў?

Тады, у 2001 г., я і вырашыў папрасіць сваіх школьнікаў і студэнтаў вызначыць з іх пункту гледжання 5 найбольш выдатных асоб у айчыннай гісторыі, якіх можна аднесці да катэгорыі нацыянальных герояў. Падлік галасоў быў дастаткова простым: тая асоба, якую рэспандэнт ставіў на першае месца, атрымлівала 5 балаў, на другое – 4 балы, на трэцяе – 3 балы і гэтак далей. Усяго ў той прыватнай апытанцы ўзялі ўдзел 182 чалавекі. Называць можна было толькі рэальных асоб з любых гістарычных эпох – ад старажытнасці да сучаснасці.

У 2022 г., калі я прыйшоў на працу ў Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, мне захацелася паўтарыць апытанку на гэтую ж тэму, праўда ўжо ў меншых маштабах. Дадатковым стымулам да такой справы стала выкладанне новай вучэбнай дысцыпліны – гісторыя беларускай дзяржаўнасці. Апытаннем былі ахоплены дзве групы першакурснікаў дзённай формы навучання факультэта міжкультурных камунікацый МДЛУ, а таксама адна група завочнікаў (факультэт англійскай мовы). Цікава было даведацца, як змянілася ўспрыманне тэмы нацыянальных герояў у асяроддзі студэнцкай моладзі праз два дзесяцігоддзі.

Калі выявіліся першыя 5 нацыянальных герояў паводле версій 2001 і 2022 гг., то пэўную цікавасць выклікала пытанне, а каго ж мае рэспандэнты памясцілі на наступныя пяць пазіцый? Вынікі двух апытанняў для большай зручнасці ўспрымання прадставім у наступнай форме.

2001 г.

1. Францыск Скарына
2. Кастусь Каліноўскі
3. Св. Еўфрасіння Полацкая
4. Янка Купала
5. Якуб Колас
6. Аляксандр Лукашэнка
7. Рагвалод
8. Вітаўт
9. Пётр Машэраў
10. Усяслаў Чарадзеі

2022 г.

1. Францыск Скарына
2. Св. Еўфрасіння Полацкая
3. Кастусь Каліноўскі
4. Тадэвуш Касцюшка
5. Пётр Машэраў
6. Янка Купала
7. Якуб Колас
8. Вітаўт
9. Леў Сапега
10. Васіль Быкаў

Якія высновы можна зрабіць паводле гэтых дадзеных?

Пантэон нацыянальных герояў Беларусі ўпэўнена ўзначальвае беларускі першадрукар, асветнік Францыск Скарына. І ў першым і ў другім выпадку ён значна апырэдзіў усіх сваіх, умоўна кажучы, канкурэнтаў па колькасці галасоў. Калі ў будучыні ў Беларусі будзе грашовая рэформа, і на новых купюрах з'явіцца яе нацыянальныя героі, то на самай буйной з іх можна смела размясціць партрэт Скарыны.

На другой і трэцяй пазіцыі памяняліся месцамі знакамітая асветніца св. Еўфрасіння Полацкая і палітычны дзеяч, рэвалюцыянер Вікецій Канстанцін Каліноўскі, больш вядомы як Кастусь Каліноўскі. Па сутнасці, у маіх рэспандэнтаў стаўленне да названых постацяў айчыннай гісторыі засталася нязменным.

Далей мы бачым даволі цікавыя змены. Класікі беларускай літаратуры – Янка Купала і Якуб Колас – перамясціліся з 4-га і 5-га месцаў па апытанцы 2001 г. на 6-е і 7-е – у 2022 г. Верагодна, такі вынік дало пэўнае зніжэнне ў моладзі цікавасці да класічнай літаратуры ў век імклівага развіцця інфармацыйных тэхналогій.

Класікаў літаратуры змянілі знакавыя постаці палітычнай гісторыі Беларусі – Тадэвуш Касцюшка і Пётр Машэраў. Зразумела, гэта людзі розных эпох, выхаваныя ў розных ідэалагічных дыскурсах, але ж іх жыццё і дзейнасць маюць актуальнасць для фарміравання светапогляду маладых грамадзян Рэспублікі Беларусь, якія нарадзіліся ў эпоху незалежнасці. Заўважым яшчэ, што Машэраў у 2001 г. быў на 9-м месцы, а Касцюшка – на 15-м. Так што да 2022 г. значна ўзрасла папулярнасць гэтых асоб, асабліва Касцюшкі.

Калі паглядзець на пазіцыі з 6-й па 10-ю апытанкі 2001 г., то тут мы бачым выключна дзяржаўных дзеячаў ад старажытнасці да сучаснасці. Час унёс свае карэктывы ў ацэнку гэтага сегмента прадмета нашага даследавання.

Сюды, як было сказана вышэй, перамясціліся Купала і Колас, застаўся на сваім месцы вялікі князь Вітаўт, а дабавіліся канцлер Вялікага Княства Літоўскага Леў Сапега (13-е месца ў 2001 г.) і знакаміты беларускі пісьменнік, грамадскі дзеяч Васіль Быкаў (14-е месца ў 2001 г.). Так што з дзяржаўных дзеячаў у другой пяцёрцы засталіся толькі двое, а астатнія – класікі нашай літаратуры, творчая спадчына якіх мае вялікую актуальнасць для далейшага развіцця беларускай дзяржаўнасці.

Такім чынам, мы склалі некаторае ўяўленне пра тэндэнцыі ўспрымання тэмы нацыянальных герояў Беларусі сярод вучняў і студэнтаў за апошнія два дзесяцігоддзі. Трэба ўлічваць тое, што дадзеныя апытанкі былі аматарскія, без выкарыстання прафесійнага інструментарыю сацыялагічнага даследавання (якім аўтар, дарэчы, і не валодае). Але тут важна было высветліць, памяць пра якіх людзей застаецца ў моладзі пасля вывучэння розных гуманітарных прадметаў і дысцыплін, каго яны могуць успомніць адразу, хто ім задае духоўныя арыенціры ў нялёгкай працы пабудовы самастойнага жыцця? Аўтар спадзяецца, што вынікі гэтага невялікага даследавання будуць карыснымі як для студэнтаў, так і для калег.

С. Я. Новікаў

СЕМ З ПАЛОВАЙ ДЗЕСЯЦІГОДДЗЯЎ У ГІСТОРЫІ: ДА 75-ГАДОВАГА ЮБІЛЕЮ МІНСКАГА ІНЯЗА

Сем з паловай дзесяцігоддзяў гісторыі з моманту стварэння Мінскага іняза (цяперашняга МДЛУ) пераканаўча сведчаць, што за гэты час установа адукацыі прайшла адметы шлях і набыла статус аднаго з самых вядомых лінгвістычных універсітэтаў на прасторы СНД, Еўропы і свету. Аўтар па прычыне абмежаванага памеру артыкула звяртае ўвагу чытача толькі на адну з першых старонак летапісу сталічнага інстытута замежных моў.

Свае вытокі ён пачынае ў гады першай пасляваеннай пяцігодкі, калі ў адпаведнасці з урадавымі пастановамі ў 1948 г. у Беларускай ССР упершыню быў адкрыты Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут замежных моў (МДПІЗМ), створаны на базе факультэта замежных моў МДПІ імя А. М. Горкага. За тры чвэрці існавання Мінскі іняз – МДЛУ падрыхтаваў звыш 40 тысяч настаўнікаў замежных моў і дзесяці тысяч перакладчыкаў-рэферэнтаў і спецыялістаў па міжнародных камунікацыях. Сярод выпускнікоў дзясяткі сусветна вядомых вучоных, дзяржаўных дзеячаў і заслужаных настаўнікаў Беларусі.

Стварэнне, станаўленне і развіццё ВНУ трывала звязана з дзейнасцю рэктараў, першым з якіх быў кандыдат эканамічных навук, дацэнт Жаўрыд Міхаіл Фядотавіч (1948–1960). У далейшым установа адукацыі ўзначальвалі Фрол Парфір’евіч Шмыгаў (1960–1970), Ніна Георгіеўна Краснова (1970–1990), Уладзімір Васільевіч Макараў (1990–1995) і Наталля Пятроўна Бара-

нава (1990–2020). З 2020 года пасаду рэктара займае кандыдат педагагічных навук, дацэнт Наталля Яўгеньеўна Лапцева.

Інстытут быў створаны ў адпаведнасці з Пастановай СМ СССР № 3485 ад 4 кастрычніка 1947 г. У рамках яе выканання на ўзроўні ўрада БССР прымаюцца пастанова СМ БССР ад 26 лістапада 1947 г. № 1686 і загад МА БССР ад 25 жніўня 1948 г. № 199. Як самастойная ВНУ ён пачаў функцыянаваць з 1 верасня 1948 г. у складзе 3 факультэтаў – англійскай, нямецкай і французскай моў і 8 кафедраў. У адпаведнасці з загадам міністра асветы Беларускай ССР П. В. Саевіча ад 25 жніўня 1948 г. было ўстаноўлена, што заняткі на 1 курсе пачнуцца 1 кастрычніка, тады як на старшых курсах – з 1 верасня 1948 г. Заняткі павінны былі праводзіцца ў другую змену ў памяшканні школы № 13 па вул. Пушкіна, 35, дзе ў першую змену навучаліся студэнты педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага.

Паводле загада Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР ад 21 красавіка 1949 г. № 476 і Міністэрства асветы БССР ад 29 красавіка 1949 г. № 68 у інстытуце адкрыта завочнае аддзяленне.

На момант узнікнення ў інстытуце быў арганізаваны Савет і створаны неабходныя структурныя падраздзяленні – рэктарат, вучэбная частка, навуковая частка, аддзел кадраў, бухгалтэрыя, канцылярыя, аддзел забеспячэння, гаспадарчая частка, бібліятэка. Намеснік дырэктара па навучальнай працы адначасова сумяшчаў пасаду дырэктара па навуцы. Прычым гэтая практыка захоўвалася да сярэдзіны лістапада 1964 г., калі штатны расклад адміністрацыйна-кіруючага персаналу МДПЗМ зацвярджаўся Міністэрствам вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР, уводзіліся адразу дзве пасады: прарэктара на вучэбнай і прарэктара па навуковай працы. Што азначала, што першым выконваючым абавязкі намесніка дырэктара з’яўляўся старшы выкладчык А. П. Шлопак, які адначасова з’яўляўся загадчыкам кафедры англійскай мовы. Праз год на гэту пасаду быў прызначаны кандыдат гістарычных навук Ф. П. Шмыгаў, які прапрацаваў да 1952 г. Потым гэту пасаду займаў таксама кандыдат гістарычных навук А. А. Сарокін. Кіраўніцтва факультэтамі ажыццяўлялася двума дэканамі з дэканатамі факультэтаў англійскай і нямецкай моў. Факультэт французскай мовы ў сувязі са сваёй малалікасцю не меў дэканата, таму кіраўніцтва вялося дэканам англійскай мовы.

У першы 1948–1949 навучальны год заняткі ў інстытуце праходзілі ў другую змену ў будынку школы № 13 (вул. Пушкіна, 35) разам са студэнтамі МДП імя М. Горкага. Вучэбна-вытворчая база інстытута была надзвычай вузкай, таму ўвесь час прыходзілася працаваць у даволі цяжкіх умовах.

Амаль 10 гадоў спатрэбілася інстытуту для стварэння ўласнай матэрыяльна-тэхнічнай базы. Спачатку студэнты факультэта нямецкай мовы вучыліся ў інтэрнаце, уведзеным у эксплуатацыю па Омскім завулку з 1 верасня 1955 г. Заняткі ішлі таксама і ў школах горада, у адным з будынкаў БПІ

(проспект Сталіна, 79)². У 1957–1958 вучэбным годзе інстытут размяшчаўся ў будынку былога педагагічнага вучылішча па вуліцы Захарава, 59, дзе часова арандаваліся два паверхі (першы паверх займала Рэспубліканская школа павышэння кваліфікацыі настаўнікаў).

У чэрвені 1958 г. прымаецца ў эксплуатацыю першы (на цяперашні час галоўны. – С. Н.) вучэбны корпус інстытута на вуліцы Захарава, 21. У ліпені інстытут перайшоў на новыя вучэбныя і адміністрацыйныя плошчы. Аднак адразу ж стала відавочным, што аўдыторнага фонду для заняткаў не хапала, таму яны праводзіліся ў 2 змены. У новым корпусе інстытута не было чытальнай залы і бібліятэкі, кніжны фонд, які на той момант складаў 165 тысяч адзінак кніг і часопісаў, з якіх колькасць кніг дасягнула лічбу ў 129 500 адзінак (у 1948 г. у фондах бібліятэкі было 3855 экзэмпляраў, перададзеных бібліятэкай МДП імя М. Горкага).

З першага навучальнага года кіраўніцтва інстытута бачыла асноўнымі задачамі сваёй дзейнасці падрыхтоўку высокаадукаваных спецыялістаў па замежных мовах (настаўнікаў сярэдніх школ, выкладчыкаў вышэйшых і сярэдніх навучальных устаноў, рэферэнтаў, перакладчыкаў для работы ў розных установах); выкананне навукова-даследчых работ у вобласці філалогіі, педагогікі, псіхалогіі, гісторыі КПСС, палітэканоміі, філасофіі; стварэнне падручнікаў і вучэбна-метадычных дапаможнікаў; фарміраванне навукова-педагагічных кадраў; павышэнне кваліфікацыі спецыялістаў па замежных мовах, якія працуюць у сістэме народнай адукацыі і г.д. Развіццё інстытута звязвалі з арганізацыяй сістэматычных, планавых камандзіровак навуковых работнікаў у Маскву і Ленінград з мэтай павышэння тэарэтычнага і метадычнага ўзроўню, авалодвання вопытам перадавых інстытутаў Саветаў Саюза.

На 1948–1949 вучэбны год Міністэрствам вышэйшай адукацыі СССР для інстытута быў зацверджаны штат у 47 адзінак прафесарска-выкладчыцкага складу. Як адзначалася ў справаздачы аб рабоце інстытута за першы навучальны год, з 5 кафедраў інстытута толькі 2 ўзначальвалі кандыдаты навук, тады як астатнія – старшыя выкладчыкі пры гэтым па замежных мовах інстытут не меў навуковых супрацоўнікаў, якія б мелі вучоную ступень і вучонае званне. Нягледзячы на празмерныя цяжкасці ў арганізацыі і забеспячэнні вучэбнага працэсу, першы навучальны год у інстытуце прынёс пэўныя станоўчыя вынікі. На 1 курс у 1948 г. былі залічаны 158 студэнтаў, у тым ліку на факультэт англійскай мовы – 88, на факультэт нямецкай мовы – 40 і на факультэт французскай мовы – 40 студэнтаў. Усяго ў інстытуце на пачатак вучэбнага года навучаліся 408 студэнтаў, а на канец года – 364, з якіх на факультэце англійскай мовы – 204 студэнты, на факультэце нямецкай мовы – 86 і на факультэце французскай мовы – 74. У чэрвені 1949 г. факультэты зрабілі свой першы выпуск спецыялістаў па замежных мовах

² На цяперашні час гэта адзін з вучэбных будынкаў Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта, у якім вядуцца заняткі па ваеннай падрыхтоўцы студэнтаў гэтай установы адукацыі.

у колькасці 43 чалавек, з якіх выкладчыкаў англійскай мовы – 24, нямецкай мовы – 9 і французскай мовы – 10. Чатыры выпускнікі былі пакінуты для работы ў інстытуце ў якасці асістэнтаў.

Праз год пасля адкрыцця інстытута на 1 курс прынялі 165 студэнтаў, з якіх толькі 24 юнакі, 2 члены і кандыдаты ў члены КПСС, 108 камсамольцаў, 55 беспартыйных. Карціну па нацыянальнай прыналежнасці вызначалі наступныя звесткі: беларусаў – 94, рускіх – 36, украінцаў – 9, яўрэяў – 15, прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей – 11. Па сацыяльнай прыналежнасці большасць прадстаўляла дзяцей служачых – 79, 42 студэнты, паходзілі з сямей рабочых, калгаснікаў – 15, сялян-аднаасобнікаў – 29. З заходніх абласцей БССР студэнтамі сталі 39 чалавек, 126 паходзілі з усходніх раёнаў і абласцей Беларусі. Сярод студэнтаў значыўся 1 інвалід Вялікай Айчыннай вайны, 7 былі ўзнагароджаны ордэнамі і медалямі.

У пераліку характарыстык значыліся вельмі адметныя пытанні аб тым, чым студэнты займаліся ў гады Вялікай Айчыннай вайны або ў час германскай акупацыі тэрыторыі рэспублікі. Вынікае, што 7 студэнтаў служылі ў Савецкай арміі, 2 былі ў партызанах, 69 знаходзіліся ў тыле, але больш за ўсё – 87 студэнтаў, ці больш паловы ўсяго набору, у час вайны пражывалі на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Такіх студэнтаў было роўна палова ад агульнай колькасці студэнтаў 1–4 курсаў, хто праз год пасля адкрыцця быў у складзе студэнтаў інстытута: на акупаванай тэрыторыі пражываў 231 студэнт, ці 50,1 % ад спісачнага складу студэнтаў.

Такім быў першы год з 75-гадовай гісторыі Мінскага іняза. Год, які ўпісаны імёнамі, справамі, падзеямі ў летапіс памяці, гонару і славы мінскіх інязаўцаў. На цяперашні час лінгвістычны ўніверсітэт – вядучая навучальная ўстанова па падрыхтоўцы высокакваліфікаваных настаўнікаў і выкладчыкаў замежных моў, перакладчыкаў, спецыялістаў па міжкультурных камунікацыях.

С. А. Сігаева, Ю. Бас

ФАЛЬКЛОРНЫЯ МАТЫВЫ Ў ТВОРЧАСЦІ АДАМА ГЛОБУСА

Народная творчасць – гэта калектыўная і заснаваная на традыцыях творчасць груп або індывідаў, якая прадстаўляе калектыўнае ўяўленне пра свет. Фальклор – сінкрэтычнае мастацтва, з’яўляецца адлюстраваннем культурнай і сацыяльнай самабытнасці народа. Беларуская народная творчасць багатая разнастайнасцю, жанраў і формаў твораў, яна вылучаецца адметнасцю і багаццем высокамастацкіх узораў абрадавай паэзіі, добрай захаванасцю аўтэнтычных формаў, актыўнасцю бытавання, цеснай сувяззю з рэчаіснасцю, захоўвае патрыярхальна сямейныя традыцыі.

На працягу XIX–XX стагоддзяў беларуская фальклорная творчасць эстэтычна разгортвалася ў побытавай прасторы, а сацыяльна была абмежаваная вясковай праблематыкай. Гэта можна абгрунтаваць тым, што да другой паловы 50-х гадоў XX стагоддзя беларускае насельніцтва пераважна пражы-

вала ў вёсках ды мястэчках, да пачатку міграцыйнага руху, калі лікам беларускіх вяскоўцаў колькасць гарадскога насельніцтва з 1950 па 1970 год павялічылася на 57 %. Але развіццё беларускага фальклору не спынілася, а наадварот, набыўшы іншыя формы ды трансфармаваўшыся, працягнула жыць ва ўмовах гарадскога асяроддзя.

Да яркіх прадстаўнікоў сучаснага гарадскога фальклору адносіцца Адам Глобус. Адам Глобус – беларускі пісьменнік, мастак, выдавец. Прадметам даследавання з’яўляюцца фальклорныя матывы ў творах Адама Глобуса. Таксама мы паспрабуем даць ацэнку ўплыву народнай творчасці на дзейнасць пісьменніка.

Разглядаючы канкрэтныя прыклады, варта звярнуцца да аднаго з галоўных вобразаў народнай творчасці – вобраз дамавіка, які досыць часта сустракаецца і ў творах Глобуса. Адам Глобус – прадстаўнік плыні постмадэрнізму ў беларускай літаратуры. Постмадэрнізм – літаратурны кірунак, які прыйшоў на змену мадэрнізму і адрозніваецца ад яго не столькі арыгінальнасцю колькі разнастайнасцю элементаў, цытатаў, пагружанасцю ў культуру. «Постмадэрнізм адлюстроўвае складанасць, хаатычнасць, дэцэнтраванасць сучаснага свету, “дух літаратуры” канца дваццатага стагоддзя. Такая літаратура можа разглядацца як літаратура эпохі сусветных войнаў і інфармацыйнага “выбуху”. Згаданая плынь сцвярджае сціранне межаў паміж так званым “высокім” і “нізкім” мастацтвам, адмаўляе існаванне рэзкай мяжы паміж літаратурнымі жанрамі, папулярызуе пародыю, калаж, іронію, элементы гульні і інш. У постмадэрнізме “на змену тэрмінам “жанр”, “мяжа тэксту” прыходзяць “тэкст” ці “інтэртэкст”, што дае мысліўцу свабоду ствараць, грэбуючы патрабаваннямі традыцыі» (І. П. Ільін). Адсюль – постмадэрнісцкі тэкст нельга рацыянальна прааналізаваць, спасцігнуць пры дапамозе пэўных лагічных аперацый. Яго можна толькі эмацыянальна, унутрана адчуць, зразумець шляхам мастацкай інтуіцыі. Адам Глобус выкарыстоўвае інтэртэкст, і, замест вынаходніцтва новых персанажаў, прыводзіць здаўна вядомыя архетыпы, адаптуючы іх пад сучаснасць і гарадское асяроддзе. («У Дамавіка быў твар добра знаёмага чалавека, чыё імя яна ніяк не магла прыгадаць»).

Дамавік (Хатнік, Гаспадар, Падпечнік, Хохлік) – увасабленне духу дома. З усіх беларускіх нячысцікаў ён, верагодна, найбольш блізкі да чалавека. Часцей за ўсё, дамавік – чалавекападобная істота, пакрытая валасамі; старэнькі дзядок; тоўсты, сярэдняга росту чалавек, падобны да гаспадара. Асноўныя абавязкі дамавіка – дагляд за парадкам у хаце і ў гаспадарцы нагул, актыўны ўдзел у сямейным жыцці. Ён спрыяе, дапамагае добрым гаспадарам і вельмі не любіць сварак, п’янства, гучнай гаманы, люстэркаў, масак. Гэтыя схільнасці сведчаць аб яго станоўча-сакральнай прыродзе.

Адамам Глобус жа цалкам пераасэнсаваным вобраз дамавіка. У творы «Дамавікамерон» пачвара паўстае ў вельмі незвычайным амплуа: «На парозе стаяў незнаёмы барадаты мужчына ў чорным скураным паліто і ў капелюшы, насунутым на вочы. Жанчына памкнулася зачыніць дзверы, але госць спыніў яе выразным жэстам рукі ў бліскучай пальчатцы». Дамавік Глобуса –

сапраўдны гаспадар хаты, а менавіта гарадской кватэры. «Дамавік дастаў з глыбокай кішэні свайго скуранага паліто вялізную маністу рознакаліберных ключоў, выбраў патрэбныя, адчыніў замкі і зайшоў у перадапокой, дзе сядзела на падлозе перапаханая жанчына». «З паліцы Дамавік узяў родную, зразумелую, блізкую кнігу – “Легенды і паданні” з серыі “Народная Творчасць”, з яе і прачытаў у сто адзінаццаты раз: “...Гаспадыня, падаіўшы карову, не прамінала пачаставаць яго цёплым малаком...” “Трэба і мне перахапіць нечага”. Дамавік уважліва азнаёміўся са змесцівам трохпавярховай лядоўні».

Вобраз істоты максімальна набліжаны да звычайнага чалавека, як гэта і было ў традыцыйным варыянце, сцёртыя нават знешнія адрозненні, хіба што барада захавалася. Гэта досыць лагічна: з трансфармацыяй чалавечага вобразу жыцця, трансфармуюцца і ягоныя фальклорныя спадарожнікі. Пры гэтым прызначэнне Дамавіка не змянілася. Ён апякуецца гаспадарамі, працягваецца хавацца ў цёмных кутах, даглядае за парадкам і прымае ўдзел у сямейным жыцці гаспадароў (а асабліва гаспадынь) кватэры, нават калі гэта датычыцца інтымнай яго часткі.

Разгледзім яшчэ адзін вобраз народнай дэманалогіі. Лясун – валадар лясоў. Абсяг дзейнасці Лесуна – уся лясная плошча ад узлеску да ўзлеску, з усімі ўзгоркамі, нізінамі, ярамі і палянамі, за выключэннем вадаёмаў, дзе маецца асобны нячысцік – Вадзянік. «Хаця Лясун прымае рознае аблічча, ператварацца ў любыя прадметы свайго абсягу, але часцей за ўсё паўстае ў вобразе старога з белым, як бяроза ці як воск, ніколі не загарэлым тварам, з вялізнымі цёмнымі вачыма свінцова-сіняга колеру, якія нерухомыя і ніколі не закрываюцца» (В. А. Васілевіч). Шматаблічнасць Лесуна, асабліва калі ён паўстае ў выглядзе аб’екта жывой прыроды, звязана з міксантрапічнасцю формаў у міфалогіі.

Адам Глобус захаваў за Лесуном ягоныя абавязкі – догляд за лесам, але знешне нячысцік змяніўся: «Лясун быў вусаты, у фрэнчы, з партупею, у ботах і фуражцы з лакаваным брылём. – Так нельга рабіць! – паўтарыў ён і дадаў: – Я – Лясун, сачу за парадкам у лесе. Вы папілі і паелі... А хто фанцікі ад салодкіх плітак будзе прыбіраць? Спачатку прыбярэце, а потым мілуйцеся. Студэнтка і навучэнец пад наглядам Лесуна прыбралі смецце». Як і ў выпадку з Дамавіком, аўтар трансфармуе вобраз ляснога ўладара пад уплывам сучасных культурных працэсаў жыцця, але не змяняе сутнасці персанажа. Лясун выяўляе еднасць чалавека і прыроды. Аўтар дае магчымасць сучаснікам апынуцца на месцы нашых продкаў згодна са светаўспрыманнем якіх, кожны прыродны аб’ект мае душу, адсюль лес – месца напоўненае жывымі істотамі, пакой якіх нельга парушаць.

Таксама Адам Глобус стварае «фальклорныя» вобразы з персанажаў, якія ў грамадскай свядомасці не маюць ніякай сувязі з народнай творчасцю, а хутчэй асацыююцца з савецкім ладам жыцця. Адама Глобус змяшчае ўпраўдомаў, кадравікоў, газавікоў, масавікоў, кіраўнікоў усіх рангаў побач з дамавікамі, як бы параўноўваючы супрацьлеглыя, з першага погляду, вобразы. Вядомы факт, што штуршком для стварэння першых навел «Дамавікамерона» стала здарэнне, што насамрэч мела месца ў жыцці адной са

знаёмых пісьменніка, якая, абмовіўшыся, назвала домакіраўніка дамавіком. У гэтым выпадку аўтар таксама выкарыстоўвае інтэртэкст, бо, як бы дзіўна гэта не гучала, вобраз кадравіка вядомы беларусам так жа, як і вобразы лесуна, вадзяніка, русалкі і іншых персанажаў, згаданых у кнігах Адама Глобуса. Таму у кнігах серыі «Дамавікамерон» яны досыць гарманічна «суіс-нуюць».

Пры чытанні ўзнікае пытанне, чаму Адам Глобус, піша пра такія, здаецца, архаічныя вобразы народнай творчасці, звяртаецца да эратызму. Наогул эратызм – адметнасць творчасці як Глобуса-пісьменніка, так і Глобуса-мастака. Сам аўтар каментуе: «Эротыка мае нейкія асветніцкія, эстэтычныя, лірычныя настроі... Я не раблю творы, якія накіраваны выклікаць палавае ўзбуджэнне. І нават калі я малюю палавы акт, гэта метафара, гэта не фатаграфічныя адбіткі рэальнасці». Таму, можам меркаваць, што аўтар мае асветніцкую і ўзнёсла-мастацкую мэту, ды і наогул эратызм – распаўсюджаны прыём постмадэрнізму.

Сама па сабе народная творчасць – генетычны код кожнага народа, які з'яўляецца падмуркам для будавання гмаху нацыянальнай культуры. «Традыцыі народнай культуры, аб'ядноўваючы ў сваіх законах якасці кансерватыўнасці і пастаяннага аб'наўлення, выбудоўваюцца ў гістарычна шматслойную і разам з тым цэласную сістэму, у якой мінулы вопыт пры неабходнасці можа быць запатрабаваны і адноўлены. Традыцыі не знікаюць, яны захоўваюць сваю жыццёвую сілу на ўзроўні этнічнага светапогляду і свядомасці, адраджаючыся ў былых або іншых формах пры новых спрыяльных умовах» (К. В. Казакова). Беларусы маюць багацейшую фальклорную спадчыну, вывучэнне якой працягваецца і дасюль. Шматлікія пісьменнікі, у тым ліку і Адам Глобус, бачаць у традыцыйным мастацтве крыніцу натхнення і з дапамогай адмысловых мастацкіх прыёмаў працягваюць фальклорную традыцыю.

Адам Глобус – выбітны пісьменнік, які ўрывае на сучасную беларускую літаратуру, а асабліва на стаўленне чытача да яе. Аўтар пераконвае, што нават традыцыйныя персанажы маюць пластычнасць, змяняюцца, набываюць новыя якасці.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. В. Афанасенко

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФРАНЧАЙЗИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Франчайзинг представляет собой новую и перспективную систему взаимоотношений в построении и ведении бизнеса. Существует несколько классификаций франчайзинга. Наиболее распространенной классификацией являются следующие виды франчайзинга: франчайзинг продукции; франчайзинг производства; бизнес-франчайзинг или франчайзинг бизнес-формата.

Франчайзинг имеет преимущества как для франчайзера, так и для получателя франшизы: позволяет увеличить объем продаж с минимальными капитальными затратами; позволяет повысить престиж компании франчайзера и ее торговой марки; снижает расходы на персонал при увеличении объема продаж; получает дополнительный доход за счет использования торговой марки; благодаря ресурсам франчайзи быстрее развивается бизнес франчайзера в своей системе, чем в других компаниях; франчайзи получает доступ не только к известному продукту или услуге, но и к схеме организации бизнеса успешной компании, быстро завоевывающей репутацию среди потребителей; многие вопросы для франчайзи решаются франчайзером: централизованные закупки, обучение персонала, лизинг оборудования, проектирование и т.п. Недостатками франчайзинга являются: сложность контроля за деятельностью франчайзи; возникновение трудностей с подбором компетентного персонала в основной деятельности франчайзи и т.п.

В настоящее время рынок франчайзинга развивается и считается очень перспективным. Франчайзинг в Российской Федерации находится на начальной стадии развития, в основном из-за отсутствия понимания людьми того, что эта форма бизнеса становится все более перспективной. Анализ уровня развития франчайзинговых отношений в Российской Федерации, а также преимуществ и недостатков ведения бизнеса таким образом показал, что российский рынок заинтересован в привлечении иностранных франшиз, а также в совершенствовании собственного опыта.

Основными причинами низкого уровня развития франчайзинга в Российской Федерации являются:

- сложность нормативно-правового регулирования и юридически сложных лицензионных соглашений для предпринимателей;
- сложность формализации отношений в рамках договора франчайзинга;
- низкий уровень знаний субъектов хозяйствования о принципах ведения бизнеса по договору франчайзинга;
- недостаточное развитие кредитования по договору франчайзинга.

На основе анализа использования наиболее распространенных российских франшиз можно сформулировать следующие тенденции развития в Российской Федерации:

- 1) рост конкуренции приводит к появлению более сложных и эффективных франшиз;
- 2) увеличиваются перспективы продвижения собственных национальных франшиз;
- 3) массовое распространение информации о содержании и возможностях наиболее популярных и доступных франшиз;
- 4) франчайзинговое сообщество становится все более «программным» и эффективность специализации возрастает, особенно для организаций за пределами Москвы.

Необходимо отдельно рассмотреть ряд существующих недобросовестных схем, которые сегодня имеют место в реализации и развитии франчайзинговых сетей. В о - п е р в ы х, после установления и развития успешного франчайзингового сотрудничества франчайзи может настаивать на расторжении договора франчайзинга и открыть на его основе собственный бизнес, но уже под другим брендом. В о - в т о р ы х, во время выставления предложения на рынке франчайзер нередко завышает финансовые показатели бренда, чтобы он был более экономически привлекательным с точки зрения финансовых вложений для потенциальных франчайзи. В - т р е т ь и х, в ходе реализации сделки франчайзер способен искусственно завысить сумму единовременного платежа (паушального взноса), иногда и последующих платежей (роялти), за предоставление франчайзи специализированного оборудования, а после совершения сделки существенно снизить свой интерес к франчайзи как к уже полноценному партнеру по бизнесу. В - ч е т в е р т ы х, зачастую представители малого и среднего бизнеса применяют термин «франчайзинг» в отношении сетевого бизнеса, который не организовывается и не реализуется на основе франчайзинговой модели для привлечения внимания инвесторов и потенциальных франчайзи.

Перспективные направления развития франчайзинга в Российской Федерации можно представить следующим образом:

- совершенствование нормативной базы франчайзинговых отношений;
- повышение уровня защиты интеллектуальной собственности;
- расширение программ франчайзингового кредитования;
- регулярное практическое обучение в области организации и ведения бизнеса по комплексной лицензии предпринимателя;
- разработка и издание практических пособий и методических материалов по использованию франчайзинга в бизнесе;
- организация и проведение обучения консультантов по применению франчайзинга в бизнесе;
- организация специализированных франчайзинговых ярмарок с участием ведущих зарубежных компаний;
- привлечение банковских кредитов для франчайзингового бизнеса и т. п.

И. С. Благуш

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ШОКОВ

Республика Беларусь является страной с малой открытой экономикой, т. е. не оказывает влияния торговыми операциями и операциями с капиталом на формирование уровня мировых цен и мировых процентных ставок. По функциональной открытости экономики Республика Беларусь – лидер среди стран СНГ и находится в группе наиболее открытых национальных хозяйственных систем. Показатель экспортной квоты страны в 2020 г. составлял 49 % ВВП, импортной квоты – 55 %, существенно увеличившись в 2021 году до 72,1 и 66,7 % соответственно (Белстат, 2022).

Неизбежным следствием реализации этой модели является зависимость от внешних условий, а в случае международных конфликтов, войн, санкций, блокады уязвимости страны из-за угрозы прекращения экспортно-ориентированного производства и прекращения импортных поставок, особенно жизненно важных продуктов (сырья, энергоресурсов, продовольствия). Важную роль в реализации потенциала малой открытой экономики играет диверсифицированная и сбалансированная внешняя торговля.

На внешних рынках реализуется более 60 % производимой промышленной продукции Беларуси: 62,7 % – в 2018 году, 59,5 % – в 2019, 60,5 % – в 2020, 65,5 % – в 2021 году (Белстат, 2022). Основные индикаторы внешней торговли Республики Беларусь в 2016–2021 годы демонстрировали положительную динамику: валовой товарооборот вырос с 59,9 до 94,7 млрд долл., экспорт товаров и услуг – с 29,9 до 49,2 млрд долл., импорт – с 29,9 до 45,5 млрд долл. Сальдо торговли в 2020–2021 гг. было положительным, увеличившись за год с 1,899 до 3,771 млрд долл. (см. таблицу).

Индикаторы внешней торговли Республики Беларусь в 2016–2021 гг.

Индикатор	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Объем торговли товарами и услугами, млрд долл	59,967	73,090	83,604	84,353	72,471	94,745
Экспорт товаров и услуг, млрд долл.	29,984	36,595	42,268	41,931	37,185	49,258
Импорт товаров и услуг, млрд долл.	29,992	36,495	41,339	42,224	35,286	45,487
Сальдо торговли, млн долл.	-8,0	100,0	929,0	-293,0	1,899	3,771

Источник: Белстат, 2020–2022.

Внешнеторговая политика Республики Беларусь с 2020 года реализуется в условиях жесткого санкционного давления. Только в ЕС в 2020–2022 гг. были приняты 6 пакетов ограничительных мер против Беларуси. Экономиче-

ские санкции четвертого пакета вводили запрет на продажи, поставки, трансфер и экспорт оборудования, технологий и программного обеспечения для мониторинга или перехвата интернет- и телефонной коммуникации, товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы в военных целях; ограничение торговли продуктами нефтепереработки, калием и товарами, используемыми для производства табачной продукции; ограничение доступа к финансовым рынкам стран ЕС; запрет страхования и перестрахования правительства Беларуси и белорусских государственных институтов и агентств; прекращение выплат Европейским инвестиционным банком по действующим соглашениям в рамках проектов в государственном секторе и действующим контрактам технической помощи. В начале 2022 года был прекращен транзит белорусских калийных удобрений через территорию Литвы, был введен запрет на въезд в ЕС большегрузов, зарегистрированных в Беларуси и России, а в качестве ответной меры Беларусь запретила железнодорожный транзит по своей территории нефтепродуктов, химических и минеральных удобрений, погруженных на станциях «Литовских железных дорог».

Санкции, введенные в 2022 году США, затронули белорусские финансовые учреждения и промышленные предприятия (запрет на сотрудничество с МТЗ, МЗКТ, БСВТ, КБ Радар, 558 АРЗ, Интеграл, Минотор-Сервис, Оборонные инициативы, ОКБ ТСП). Весной 2022 года был введен строжайший контроль экспорта и запрет на импорт на территорию Республики Беларусь 600 видов товаров, относимых к категории предметов роскоши, включая легковые автомобили, отменен режим минимальных тарифов в торговле с Республикой Беларусь, разрешено применение заградительных пошлин против белорусских товаров.

Санкции Японии привели к запрету экспорта 266 товаров и 26 технологий, включая оборудование связи, продукты нефтепереработки, полупроводники, станки, на которых в Беларуси изготавливали микрочипы. Япония отказалась от сотрудничества с Белагропромбанком, банком «Дабрабыт», банком «Развитие» с заморозкой их активов. Южная Корея запретила поставки 57 товаров и технологий.

В этих условиях Республика Беларусь реализует систему долгосрочных и оперативных мер, направленных на минимизацию зависимости белорусской экономики от влияния внешнеэкономической конъюнктуры на основе импортозамещения и локализации производства, на диверсификацию и увеличение объемов экспорта, рост экспорта услуг, реализацию потенциала действующих и развитие новых производств с высокой добавленной стоимостью, повышение в экспорте удельного веса инновационных товаров и продукции, произведенной из местных ресурсов. Если до 2019 года импорт товаров и услуг Беларуси, как правило, превышал экспорт, что приводило к формированию отрицательного сальдо баланса торговли (–29 млн долл. по статистическим оценкам 2019 года), то в 2020–2021 годы, когда на мировую

и национальную экономику воздействовали санкционные шоки, доходы от экспорта превысили расходы на обеспечение импортных поставок, при этом индикатор положительного сальдо торговли по абсолютной величине, за год увеличился в два раза (Белстат, 2022).

Одной из задач внешнеторговой политики Республики Беларусь, поставленной на 2016–2020 годы, было снижение зависимости от немногих традиционных рынков сбыта, на которые приходилась непропорционально большая доля экспортных и импортных поставок, и распределение экспортных поставок по одной трети на рынки стран ЕС, ЕАЭС и дальней дуги. Решить эту задачу в условиях санкционных ограничений, закрытия традиционных транспортно-логистических коридоров не удалось: в 2021 году на долю стран ЕАЭС приходилось 43,8 % белорусского экспорта, на страны ЕС – 23,9 %, на остальные страны – 32,3 % (Белстат, 2022). В условиях нарастающего санкционного давления было признано целесообразным сконцентрировать 50 % экспортных поставок на рынках стран ЕАЭС, а оставшуюся половину – между рынком ЕС и странами дальней дуги.

В 2021 году только на Российскую Федерацию приходилось 40,9 % товарных экспортных поставок (16,392 млрд долл.) и 56,6 % импорта Беларуси (23,66 млрд долл.), хотя торговые операции осуществлялись, по данным статистического департамента ООН, более чем со 170 странами мира. Но расширение круга стран-партнеров (в первую очередь – за пределами ЕАЭС), рост абсолютных показателей экспортных товарных поставок в целом и по группам стран в 2016–2019 гг., до введения ограничений на внешних рынках, не оказывали положительного влияния на условия торговли и сальдо торгового баланса Республики Беларусь. Из 95 стран-импортеров белорусских товаров с объемом поставок в диапазоне от 1 тыс. долл. (Барбадос) до 22,027 млрд долл. (Россия) у 40 субъектов (42,1 %) баланс торговли для Беларуси был отрицательным. Наиболее высокие значения этого показателя формировались по результатам внешнеторговых операций с Россией, Китаем, Германией, которые входят в число основных партнеров по экспортно-импортным операциям. Абсолютные показатели поставок на наиболее значимый для Беларуси российский рынок в долгосрочном периоде демонстрировали устойчивый рост, увеличившись за 2000–2021 годы в 3,6 раза (с 3,7 до 16,39 млрд долл.), но и импорт прирастал (с 5,6 млрд долл. в 2000 году до 23,66 млрд долл. в 2021). В результате сальдо торговли складывалось не в пользу Республики Беларусь: оставаясь устойчиво отрицательным, оно увеличилось за последние 20 лет с –1,9 до –7,3 млрд долл., то есть в 3,8 раза (Белстат, 2022).

Значимым направлением внешнеторговой политики Республики Беларусь остаются, таким образом, эффективное импортозамещение, а также товарная диверсификация и увеличение объемов экспорта товаров и услуг, в первую очередь – на основе развития производств с высокой добавленной стоимостью, увеличения в экспорте доли высокотехнологичных инновационных товаров.

Т. В. Глуховская

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОКАЛИЗАЦИЯ СТАЛИ ВЕДУЩИМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ XXI ВЕКА

Г л о б а л и з а ц и я представляется как процесс усиления взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимовлияния различных сфер и процессов, превращение всего мира в единое глобальное сообщество.

Г л о к а л и з а ц и ю можно определить, как процесс противоположный глобализации, когда на ее фоне вместо прогнозируемого стирания региональных и межстрановых различий происходит их усиление и сохранение.

Иногда глобальные подходы могут быть неэффективными при решении проблем глобального характера. Поэтому возникает необходимость переноса принятия решений от наднациональных организаций субнациональным. В этом случае суверенитет национальных экономик усиливается.

Между понятиями «глобализация» и «глокализация» существует тесная корреляция. Оба понятия отражают процесс становления глобальной экономики, глобального сообщества в целом, но характеризуют этот процесс с разных сторон. Понятие «глобализация» отражает общее цивилизационное содержание данного процесса, а понятие «глокализация» – специфическую форму, в которой протекает этот процесс в современную эпоху. Некоторые ученые, исследующие эти процессы, пришли к выводу о локальном как аспекте функционирования глобального. Глобальные процессы сегодня принимаются регионами с местными видоизменениями.

Концепция глокализации предполагает применение стратегий адаптации развития региона, политики и бизнеса, культуры к определенным условиям, повышающих конкурентоспособность региона.

Возможностям применять глобальные технологии в отдельных регионах с учетом национальных особенностей, способствует информационная открытость, свободный доступ к глобальным системам коммуникации, влияние транснациональных структур.

Процесс глокализации можно рассматривать на макро- и микроуровнях.

На макроуровне глокализация направлена на поиск новых путей, оптимальных способов интеграции стран в мировые глобальные процессы. ТНК как главные действующие силы глобализации понимают, что их выгоды обеспечиваются различиями в потенциалах стран. Сегодня растет интерес к локальным отличиям, традициям и национальным суверенитетам стран.

Глокализация в деятельности ТНК означает развитие ими локальных связей в процессе производства и маркетинга их продукции, учет особенностей местного рынка и специфики культуры потребления в том или ином регионе мира. Если глобальные бренды хотят оставаться успешными, им необходимо быть хорошо информированными и соответствовать местной культуре. Все компании, которые хотят расти, стараются учитывать «глокал – тренд». Правильно совместив глобальные тренды с локальными особенностями, можно умело завоевать потребителей.

Проявления глокализации могут способствовать разработке эффективной стратегии брендинга страны, региона, бизнеса.

Глокализация может быть стадией импортозамещения или брендозамещения (в торговых или санкционных войнах), а также стадией слияний и поглощений или концентрации усилий со стороны стихийных национальных или формирующихся транснациональных стратегических альянсов.

На микроуровне глокализация представляет собой современную маркетинговую стратегию выхода фирм на мировые рынки и создание международного продукта. Для фирм глокализацию можно определить как метод ведения бизнеса, основанный на использовании инновационных стратегий присутствия иностранных компаний на местных рынках. Расширяя свои рынки сбыта компании сегодня активно решают вопросы адаптации своего продукта к особенностям локальных и региональных рынков. При выходе на новый рынок компания должна модифицировать свои продукты и услуги для удовлетворения потребностей потребителей местного рынка и приспособляясь к местным обычаям и законам либо предложить кардинально новый продукт. Еще одним вариантом может стать выпуск узкоспециализированной и мелкосерийной продукции, продукции «под заказ». Поэтому глокализация делает продукт глобальным, универсальным, который может использовать каждый.

Глокализация помогает компаниям создать более глубокую связь с обычными пользователями, повысить узнаваемость бренда и лояльность клиентов. Это улучшает имидж фирмы, ее репутацию в отношении потребителей и ее конкурентоспособность.

Компании, которые используют глокализацию для выхода на зарубежные рынки, нанимают местных жителей для продажи своей продукции и ведения бизнеса на местном рынке. Таким образом, они создают рабочие места для местных жителей.

Среди положительных последствий глокализации можно отметить, с одной стороны, быстрое внедрение инноваций и ускоренный обмен технологиями, а также возможность приумножить капитал, инвестируя в иностранные компании.

С другой стороны, компании вынуждены затрачивать большие средства для глокализации своих продуктов и признания их на местных рынках. И здесь появляется риск быть не признанным местными потребителями. Во многом успех зависит от маркетинговых и рекламных стратегий.

Другим недостатком глокализации является то, что ее сложно достичь. Компании должны нанимать местных жителей, которые могут предоставить знания о местной культуре и предпочтениях людей.

К тому же местные жители зачастую отдают предпочтение товарам местного производства. При появлении международных компаний с глобальным продуктом доля местных предприятий распределяется.

Таким образом, оба процесса – глобализация и глокализация – имеют свои причины, признаки и последствия. Это две разнонаправленные тенденции, не исключающие друг друга. Они дополняют друг друга и должны сосуществовать, чтобы иметь возможность решать локальные и глобальные проблемы сообща.

Е. Н. Иванова

ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА РУБЕЖОМ

Выработка государственной инновационной политики требует формирования адекватной информационной базы в рамках статистического наблюдения инновационной деятельности, отражающей состояние инновационного потенциала, масштабы и тенденции инновационных процессов в различных сферах экономики.

Работы по формированию статистики инноваций ведутся в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Активную роль в создании новых и уточнении существующих международных стандартов по статистике инноваций играет Евростат.

Руководство Осло – основные методические принципы статистического измерения инновационной деятельности, подготовленные ОЭСР и Евростатом и признанные в качестве международного стандарта в области статистики инноваций. Руководство Осло содержит конкретные рекомендации, объединяющие указания по сбору и интерпретации индикаторов инноваций с учетом возможности межстрановых сопоставлений.

В 2018 году ОЭСР совместно с Евростатом выпустили новую (четвертую по счету) редакцию Руководства Осло. Обновленное Руководство Осло уточняет и дополняет методологические положения и практические рекомендации по статистическому измерению инновационных процессов в предпринимательском секторе. Актуализированы ключевые понятия, сокращен состав типов основных инноваций, пересмотрен состав процессных инноваций, скорректированы перечень и содержание видов инновационной деятельности.

Важнейшим нововведением Руководства Осло является изменение количества и состава типов исследуемых инноваций, повлекшее корректировки в определении основных понятий. Сокращение исследуемых типов инноваций произошло с четырех (продуктовые, процессные, организационные и маркетинговые) до двух (*продуктовые* и *процессные*).

Применительно к бизнес-сектору определение понятия «инновация» несколько упрощено по сравнению с принятым в предыдущей редакции Руководства Осло. Согласно международным стандартам инновация представляет собой внедренный на рынке новый или усовершенствованный продукт (товар, услуга), значительно отличающийся от продукта, производившегося ранее и внедренный в практику новый или усовершенствованный

бизнес-процесс, значительно отличающийся от соответствующего бизнес-процесса, используемого ранее. Данное определение является единым для всех секторов экономики.

Продуктовая инновация – внедренный на рынке новый или усовершенствованный продукт (товар, услуга), значительно отличающийся от продукта, производившегося ранее. Продуктовые инновации должны обеспечивать значительное усовершенствование одной или нескольких характеристик или технических спецификаций товара или услуги. Это подразумевает добавление новых функций и усовершенствований в уже существующие функциональные характеристики продукции, к которым относятся качество, надежность, долговечность, экономичность при использовании, доступность, удобство в эксплуатации. Дополнительной характеристикой продуктовой инновации становится дизайн продукта и нововведения, с ним связанные, которые ранее считались частью маркетинговых инноваций.

Процессная инновация – внедренный в практику новый или усовершенствованный бизнес-процесс, связанный с методами производства товаров и услуг, логистики, маркетинга, обработки и передачи информации, администрирования и управления, практикой деловых отношений и внешних связей, и значительно отличающийся от соответствующего бизнес-процесса, используемого ранее.

Выделяются семь типов процессных инноваций, которые определяются как новые или значительно усовершенствованные:

- 1) технологические методы производства и разработки товаров и услуг;
- 2) методы логистики, поставок и распределения сырья, материалов, комплектующих, товаров и услуг;
- 3) методы обработки и передачи информации, общие для организации;
- 4) практики деловых отношений и внешних связей;
- 5) методы ведения бизнеса, корпоративного управления, бухгалтерского и финансового учета;
- 6) методы управления трудовыми ресурсами;
- 7) маркетинговые методы продвижения, представления и ценообразования товаров.

В новой редакции Руководства Осло расширен состав признаков инновационной активности и к категории инновационно-активных относятся организации, которые соответствуют одному или нескольким из приведенных ниже критериев:

- наличие в отчетном периоде затрат на выполнение одного или нескольких видов инновационной деятельности;
- выполнение научных исследований и разработок, включая прикладные и поисковые научные исследования, экспериментальные разработки для достижения практических целей и решения конкретных задач при создании новых технологий, товаров, выполнении работ, оказании услуг;
- отгрузка в отчетном периоде инновационной продукции (товаров, работ, услуг) собственного производства.

Анализ состояния статистики инноваций в России показал, что статистические наблюдения инноваций ведутся по 3 формам: 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации» (годовая), 2-МП инновация «Сведения об инновационной деятельности малого предприятия» (один раз в два года) и 1-технология «Сведения о разработке и использовании передовых производственных технологий» (годовая).

Основной формой статистической отчетности организаций по инновационной деятельности является 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организаций». По ней ведется сбор информации об инновационной активности организации; объеме инновационной продукции (услуг); факторах, препятствующих инновациям; затратах на инновации по видам деятельности и источникам финансирования; результатах инновационной деятельности; наличии кооперационных связей; патентовании и других методах защиты изобретений и научно-технических разработок; количестве приобретенных и переданных новых технологий (технических достижений) и программных средств, а также об организационно-управленческих изменениях. В форме 4-инновация представлены разделы, изучающие совместные проекты, экологические инновации, приобретение (передачу) новых технологий (технических достижений), программных средств.

В статистике инноваций важным объектом изучения является технологический обмен, охватывающий сделки по приобретению и передаче научно-технических знаний и опыта для оказания научно-технических услуг, применения технологических процессов, выпуска продукции. Российская статистика учитывает количество приобретенных и переданных технологий (с выделением компании-партнера из стран СНГ или дальнего зарубежья) по следующим формам приобретения (передачи): права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей; результаты исследований и разработок; ноу-хау, соглашения на передачу технологий; покупка (продажа) оборудования; целенаправленный прием (переход) на работу квалифицированных специалистов.

В состав обследуемых формой 4-инновация организаций входят юридические лица, осуществляющие экономическую деятельность в сфере промышленного производства, сельского хозяйства, строительства и услуг.

В контексте расширения охвата наблюдаемых видов экономической деятельности и обогащения информационной базы для анализа развития экономики одним из существенных нововведений последних лет стало формирование методологических подходов к измерению инноваций в сельском хозяйстве. Основные проблемы были обусловлены большой спецификой самой отрасли, где процесс производства неразрывно связан с естественным развитием живых организмов – растений и животных. Инновационные процессы в сельском хозяйстве затрагивают не только технологические, но и биологические изменения в продукции и производственных процессах. В этой связи в 2016 году понятийный аппарат, инструментарий статистического наблюдения, включающий форму обследования и указания по ее заполнению, был существенно доработан с учетом особенностей отрасли.

Опираясь на международный опыт, действующая в России система статистического наблюдения в полной мере обеспечивает задачи оценки процессов разработки и внедрения инноваций в организациях, регионах, стране.

А. Л. Подгайский

СЕТЕВЫЕ ЭФФЕКТЫ КАК ФАКТОР ДОМИНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Использование информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на все стороны организации и функционирования бизнеса. Нарастает процесс сетизации бизнес-структур, повышающий их гибкость и способность к рекомбинации. Переформатирование традиционных вертикальных организационных структур либо дополнение их горизонтальной сетевой структурой, объединяющей множество бизнес-единиц, взаимодействующих на договорной основе, дает возможность эффективно комбинировать ресурсы на глобальных рынках, находить заказчиков, включать в бизнес-процесс различных производителей.

Можно констатировать, что в целом в современной экономике существенные конкурентные преимущества приобретают компании, которые смогли наиболее полно использовать сетевые эффекты. В современных реалиях этот феномен тесно связан с феноменами двусторонних рынков и цифровых платформ. Как отмечает А. Н. Козырев, все эти феномены давно известны как относительно автономные социально-экономические явления, однако удешевление информационных технологий и снижение транзакционных издержек придали им единство и новое качество.

Сущность сетевого эффекта заключается в том, при достижении определенного числа пользователей продукта полезный эффект, получаемый пользователем возрастает, опережая затраты на его производство. Это дает возможность производителю снижать цену продукта, что делает его более доступным и привлекает новых потребителей блага.

Двусторонний рынок отражает ситуацию, когда субъект экономики – посредник – создает продукт, позволяющий двум группам пользователей, например, покупателям и продавцам, взаимодействовать между собой. Качественно новый уровень такие отношения приобретают с появлением цифровых платформ, которые позволяют организовать взаимодействие субъектов не только на двусторонней, но и многосторонней основе. Поле деятельности компаний-цифровых платформ не ограничивается посредничеством в сделках на определенном рынке и распространяется на смежные сферы – обеспечение сопутствующих продуктов и услуг, инфраструктуры рынка и др. Основой эффективности компаний-цифровых платформ является практически неограниченное снижение транзакционных издержек на основе снижения издержек поиска информации, быстрой аутентификации, информационного обмена и др., что упрощает и удешевляет заключение и осуществление сделок.

Выполнение функции агрегатора в сочетании с диверсификацией деятельности и расширением спектра предлагаемых продуктов (оказываемых услуг) позволяет не только повышать их качество, но и аккумулировать огромные массивы персональных данных. Вместе с тем появляются широкие возможности их монетизации, получения различных экономических выгод на основе их использования. Доступ к большим массивам персональных данных и возможность распоряжаться соответствующими информационными ресурсами составляют основу рыночной власти компании-платформы, позволяют доминировать на рынке.

Сетевые эффекты придает таким компаниям устойчивую защищенность от конкуренции. Ведущие компании-цифровые платформы получают дополнительные преимущества в виде эффекта масштаба и преимущества бренда. Потребителям нет смысла переключаться на другие продукты, так как экспансия информационной платформы позволяет одновременно снижать издержки на производство продукта и повышать его полезность для пользователя, а известность бренда придает потребляемому продукту дополнительную привлекательность, обусловленную рациональными и эмоциональными преимуществами, получаемыми пользователями.

Возможности сетевых эффектов, использование эффекта масштаба, сосредоточение огромных массивов персональных данных, возможности постоянного расширения сферы деятельности составляют основу инновационного потенциала и глобальной инновационной конкурентоспособности компаний-информационных платформ. Они демонстрируют организационную гибкость и быстроту освоения новых сервисных, маркетинговых, финансовых ниш. Такие компании являются более клиентоориентированными в силу эффективной онлайн-коммуникации субъектов рынка и сетевого характера взаимодействия. Они предоставляют потребителям широчайший спектр разнообразных продуктов (услуг), отвечающий требованиям индивидуализации спроса.

Компании-информационные платформы сегодня обладают огромным потенциалом развития, который обусловлен не столько целенаправленной модернизацией бизнес-структуры, сколько природой саморазвивающейся организации, обеспечивающей постоянные инновации в управлении. Но главное преимущество компаний-информационных платформ заключается в том, что они трансформируют основные экономические институты и сами формируют новую институциональную среду своей деятельности. Например, усиление конкуренции и дестабилизация рынков в связи с появлением новых «игроков» сочетается с феноменом кооперативной конкуренции, предполагающей сотрудничество конкурентов. Такое сотрудничество позволяет компаниям получать больше выгод от расширения рынков и роста значения данной области бизнеса, чем от достижения частных успехов во взаимной конкурентной борьбе.

Таким образом, с одной стороны, освоение и использование сетевых эффектов во многом определяет успешность бизнеса в современных условиях, рост его доходности и капитализации, перераспределение капитала между

отраслевыми направлениями экономики и изменение расстановки сил на глобальных рынках. С другой стороны, преимущества использования сетевых эффектов выступают мощным стимулом перестройки бизнес-моделей на сетевых началах в самых различных сферах экономической деятельности.

А. Н. Русак

SMM В СИСТЕМЕ ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ КОМПАНИИ

Коммуникационные технологии и инструменты динамично развиваются из-за перехода от традиционных маркетинговых средств к каналам цифрового маркетинга. Сочетание online и offline-маркетинговых инструментов способствует развитию подходов к коммуникационному процессу на основе взаимодействия между различными участниками информационно-коммуникативного пространства. Целью интегрированных маркетинговых коммуникаций компании в новых медиа является внедрение комплекса коммуникативных средств, используемых для достижения маркетинговых целей и формирования благоприятной коммуникационной среды. Статистика показывает, что популярность цифровых медиа среди пользователей растет. Поэтому, как крупные бренды, так и представители малого бизнеса расходуют свои маркетинговые бюджеты на медиаканалы, где их целевая аудитория проводит больше всего времени. Маркетинг в социальных медиа (Social media marketing, SMM) определяется как форма маркетинга, который использует возможности платформ социальных медиа для достижения маркетинговых целей, в том числе привлечения потенциальных клиентов. Это не только продвижение через социальные платформы, но и комплекс маркетинговых мероприятий при построении коммуникационной стратегии компании.

Возможности SMM позволяют бизнес-структурам: создавать сообщества подписчиков; выстраивать долгосрочные взаимоотношения со своей аудиторией, продвигая бренд; увеличивать объем продаж. Основные преимущества маркетинга в социальных медиа: охват более широкой аудитории и повышение уровня вовлеченности; получение, посредством функций аналитики, представления о том, кто является подписчиком, каким контентом интересуется, как взаимодействуют с брендом; исследование конкурентов путем анализа публикаций в социальных медиа и т.п. Недостатки маркетинга в социальных медиа: уязвимость репутации бренда; определение успеха SMM в течение длительного периода времени, т.к. SMM – это долгосрочная инвестиция в развитие коммуникационного процесса.

Формирование маркетинговой стратегии в социальных медиа включает следующие этапы:

1) определение целей маркетинга в социальных медиа, интегрированных в бизнес-цели компании;

2) исследование и сегментирование целевой аудитории (знание о том, на каких платформах находится целевая аудитория компании, позволит выбрать в какие каналы инвестировать время и ресурсы);

3) анализ конкурентного контента в отрасли (позволит получить представление об отрасли, а также определить возможности по выпуску продукта на рынок);

4) создание контента для повышения вовлеченности;

5) оценка и оптимизация контента, получившего максимальную вовлеченность и максимальную отдачу.

Исследователи выделяют два направления SMM: «открытое» продвижение (донесение информации, создание осведомленности), средствами которого являются блоги, сообщества, группы в социальных сетях и т.п.; «скрытое» продвижение (работа с мнениями, впечатлениями). Малые бизнес-структуры могут привлекать партнеров, не являющихся конкурентами, но имеющих схожую целевую аудиторию для проведения маркетинговых кампаний.

Среди SMM-инструментов выделяют также: использование хэштегов; публикацию развлекательного контента; поздравление подписчиков с праздниками; проведение конкурсов и розыгрышей призов среди подписчиков; стимулирование пользователей создавать материалы, связанные с компанией.

Исследователи выделяют следующие ключевые элементы для формирования успешной стратегии в социальных медиа (7 «С»).

– Community (сообщества в социальных медиа). Создание активного пользовательского сообщества имеет решающее значение для успешной маркетинговой стратегии в социальных медиа. Знание интересов целевой аудитории позволяет выстраивать процесс коммуникации на платформах социальных медиа, определять, как осуществляется взаимодействие с брендом. Бизнес-структуры создают портреты потенциальных покупателей с помощью аналитических инструментов, для понимания целевой аудитории и взаимодействия с ней (анализ основывается на данных о демографии, географическом положении, поведении потребителей на интернет-платформах, а также на предположениях об их предпочтениях, мотивах и проблемах).

– Content (содержание контента при взаимодействии с целевой аудиторией). Включает: сообщения в блогах; электронные письма; контент в социальных сетях; электронные книги; видеоконтент; вебинары; тематические исследования; визуальные эффекты; прямые видеотрансляции и т. п. Контент-план помогает определить маркетинговые приоритеты компании.

– Conversation (общение со своей аудиторией в зависимости от выбранных форм представляемого контента). Важным отличием является фактическое участие в онлайн-общении с сообществами компании. SMM-стратегия должна быть согласована с общей бизнес-стратегией компании.

– Capital (индивидуальный социальный капитал на платформах социальных медиа). Исследования сосредотачиваются на взаимосвязи использования социальных медиа и воспринимаемого индивидуального социального капитала. Бренд имеет возможность использовать свои социальные связи на

платформах для создания положительного имиджа. Перспективными при формировании социального капитала являются платформы, основанные на социальной активности, на восприятии социальной поддержки.

– Culture (культурные различия в стратегиях в социальных медиа). Маркетинг одних и тех же продуктов в разных регионах мира должен основываться на существующих моделях оценки и коммуникации.

– Collaboration (совместная деятельность). Процессы цифровизации трансформируют использование платформ социальных медиа, в результате пользователи больше не являются пассивными участниками, а выступают производителями и потребителями контента одновременно.

– Conversion (конверсия в зависимости от целей компании). Примеры конверсии включают действия по привлечению потенциальных клиентов (подписка, регистрация, загрузка документа, совершение покупки и т.д.).

Некоторые исследователи SMM-маркетинга, рассматривая различные аспекты и точки зрения, добавляют к этому списку элементов следующие.

– Creation (процесс создания текстового, аудио- или видеоконтента). Это процесс создание письменного или визуального контента на основе генерирования тематических идей и представления этой информации, сообществу пользователей в виде блогов, видео, инфографики или других форматов контента.

– Connection (связь с сообществом, обмен контентом с будущим потребителем). Позволит получить понимание того, что нравится целевой аудитории в деятельности компании и в ее стратегии в социальных медиа. Согласно исследованиям интернет-пользователи доверяют оценкам и рейтингам других пользователей на этих платформах.

Представляется необходимым дополнить данный перечень элементов для формирования SMM-стратегии.

– Creativity (креативность). Креативный подход к созданию контента позволит повысить интерес целевой аудитории, улучшить маркетинговую стратегию в социальных медиа для узнаваемости бренда.

– Comprehension (понимание). В результате использования инновационных способов создания контента, постоянного диалога с аудиторией, бизнес-структуры будут понимать основные мотивы человеческого поведения, причины использования платформ, а также ожидаемые и воспринимаемые преимущества в результате присутствия и активности пользователей на них.

Трансформация SMM-стратегии приводит к тому, что социальные медиа внедряются в интегрированные маркетинговые коммуникации. Экспертами была предложена модель PESO (Paid, Earned, Shared, Owned). Paid (платные коммуникации): платное распространение контента, платная реклама и т.п. Earned (бесплатные коммуникации): обмен бесплатным контентом на различных платформах, что повышает доверие аудитории. Shared (социальные медиа): распространение контента компании через собственную аудиторию в социальных сетях. Owned (собственные площадки): корпоративный

контент, управляемый компанией. Модель служит средством сегментации всех маркетинговых каналов, позволяет компенсировать недостатки одного канала коммуникации преимуществами другого.

Характер коммуникации на различных платформах требует от компаний адаптации своего контента и формирования интегрированной стратегии маркетинговых коммуникаций.

В. Н. Усский

КЛЕЙТОН М. КРИСТЕНСЕН VERSUS К. ШВАБ. ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПОНИМАНИИ «ПОДРЫВНЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ

Клейтон М. Кристенсен в своих исследованиях использует методологию традиционной экономической теории. Ее предмет базируется на принципах редкости ограниченных ресурсов и ограниченности познавательных способностей человека, из чего вытекает закон снижения производительности факторов производства в короткий период времени (КПВ). Люди, работая в условиях жестких бюджетных ограничений, вынуждены строить свою деятельность рационально, распределяя дефицитные ресурсы по избранному числу приоритетных направлений, стремясь достичь максимального результата. Из данных методологических предпосылок следует то, что закономерности рынка не представляют собой линейную зависимость между рыночными параметрами (ценовые переменные, объемы выпуска) фирмы, отрасли.

Действие объективных причинно-следственных зависимостей между ресурсами и целевыми ограничениями исключает экспоненциальный рост добавленной ценности как на уровне макроэкономики, так и микроэкономики. Экспоненциальная зависимость между рыночными параметрами возможна лишь как эксклюзивное состояние определенных микроэкономических структур («единороги»), но не макроэкономики в целом. «Сдувшиеся» «единороги» – это обычная история ввиду ограниченности инновационных ресурсов фирмы, что выражается в величине рыночных рисков. Национальная экономика как сложно организованная системная целостность множества взаимодействующих субъектов не может создавать перманентный экспоненциальный рост добавленной ценности. Законы рынка диктуют как микроэкономике фирмы, так макроэкономике конфигурацию их жизненного цикла, ввиду природы непредсказуемых рыночных рисков, ведущих к неизбежным потерям, а значит к вероятной смерти (банкротство, дефолт).

Прямолинейный луч не может уходить в безвоздушное пространство до бесконечности. U-образная кривая на графике, которая иллюстрирует поведение фирмы на рынке, представляет собой стандартную конфигурацию зависимости между ценовыми переменными (цены, доход, издержки, прибыль) и объемами выпуска. Нелинейную взаимозависимость выражает конфигурация U-образной кривой, которая делится на два участка. U-образ-

ная кривая предельных издержек на первом участке иллюстрирует их снижение до минимума. На втором отрезке U-образной кривой происходит рост предельных издержек до точки равновесия, где эта кривая пересекается с ценой спроса на предельный продукт.

Кривая производственной функции фирмы также делится на два участка. Сначала происходит рост производительности факторов производства до точки перегиба (максимальной отдачи), после прохождения которой производительность падает, так как уникальная комбинация факторов производства исчерпала заложенный в ней потенциал роста. Необходимо искать новую комбинацию факторов производства, которая бы давала более высокую отдачу.

Вывод из анализа объективных ограничений, в которых действуют люди в экономике, состоит в том, что методология экономической теории отражает условия использования ограниченных ресурсов на рынке. Это незыблемая аксиома, отход от которой означает отрицание фактов и переход в зону футуристических спекуляций. Графики производственной функции и предельных издержек фирмы задаются природой ограничений на факторы производства.

Крис Скиннер, К. Шваб, Р. Курцвейл выдвинули гипотезу о том, что цифровая революция породила некие «подрывные» технологии (блокчейн, криптовалюты и т.д.) (disruptive technologies), применение которых должно привести к экспоненциальному росту добавленной ценности фирм и экономики в целом. По мнению авторов этой гипотезы, «подрывные» технологии порождают некие новые бизнес-модели, которые приводят к экспоненциальному росту добавленной ценности фирм-единорогов. Данные предположения означают радикальное изменение природы человека, сущности микроэкономики фирмы и макроэкономики. Однако эти абстрактные дедукции не имеют ни эмпирического подтверждения, ни теоретических доказательств.

Сравнительный анализ взглядов Клейтона М. Кристенсена и К. Шваба показывает, что они диаметрально противоположны, так как первый работает в рамках методологии прагматической экономической теории, а второй погружен в футуристическую утопию. Экономист-прагматик, изучающий эмпирические факты с помощью индуктивной методологии теории, построенной на исходной посылке о редкости ограниченных ресурсов, ни при каких обстоятельствах не скажет, что в будущем предельные затраты на продукт упадут до нуля по причине применения «подрывных» технологий, обладающих необъяснимо волшебными свойствами. Однако именно такой тип представлений о тенденциях развития экономики в будущем «сидит» в сознании футуристов. Они исходят из предположения, что «предельные издержки на продукт цифрового бизнеса стремятся к нулю». Например, профессор Клаус Шваб утверждает: «Создание единицы ценности с привлечением значительно меньшей рабочей силы, чем десять или пятнадцать лет назад, стало возможным благодаря минимальной стоимости цифрового бизнеса, которая стремится к нулю. Кроме того, реальность цифровой эры заключается в том, что многие новые компании предоставляют “информационные товары” с практически нулевыми затратами на хранение, транспор-

тировку и тиражирование. Некоторым компаниям, основанным на диджитальных технологиях, для процветания почти не нужен капитал. Например, таким компаниям, как Instagram или WhatsApp, для старта фактически не требовалось финансирования, что изменило роль капитала и масштабирования бизнеса в контексте четвертой промышленной революции. В целом это демонстрирует, как эффект масштаба стимулирует рост и влияет на изменения целых областей».

Ключевые понятия для К. Шваба – это единица (продукт) цифрового бизнеса, «информационные товары», «диджитальные» («подрывные») технологии. Речь идет об одном цифровом продукте, который обладает, по мнению автора, «практически нулевыми затратами на хранение, транспортировку и тиражирование». Данное утверждение означает возврат к классической теории «гармонии рынка», согласно которой гибкие цены мгновенно приводят к равновесию динамику спроса и предложения на рынке. Подобная позиция в своей сущности означает возврат к архаике закона Сэя, причинно-следственные связи которого исключают возможность возникновения кризисов перепроизводства. Согласно закону Сэя существует мгновенная адаптация покупателей и продавцов через гибкие цены, так как отрицается существование рыночных механизмов «трения», которые «высекают» феномен транзакционных издержек. Отрицаются циклические колебания рыночной экономики, с имманентными рыночными рисками и значимым масштабом неопределенности изменений, что генетически порождает непредсказуемая рыночная среда. Установки классиков о «гармонии рынка», которая определяется линейной зависимостью, заложенной в закон Сэя («предложение автоматически порождает спрос»), отрицает саму возможность повторения масштабных катаклизмов Великой депрессии (1929–1939) и мирового кризиса (2008–2009).

Реставрация закона Сэя позволяет К. Швабу использовать гипотезу об «экспоненциальном росте» фирм и национальной экономики. В этом наблюдается утопия футуризма, где ключевое место занимает категория «экспоненциального роста» применимая как в микро-, так и макроэкономике. Экспоненциальный рост капитализации единорогов (Unicorn company), достигших 1 млрд долл. обусловлен спросом инвесторов на акции в надежде на то, что технологии дадут отдачу. Однако не все единороги «выстреливают». Термин «Unicorpse» означает «труп единорога», т.е. быстрый провал единорога после его стремительного взлета. В условиях турбулентной среды ценность стартапов снижается из-за переоценки стоимости их активов. Утверждение К. Шваба: «*Instagram или WhatsApp для старта фактически не требовалось финансирования, что изменило роль капитала и масштабирования бизнеса в контексте четвертой промышленной революции*» бездоказательно и противоречит фактам.

Клаус Шваб придерживается двух дедуктивных тезисов: 1) «многие новые компании предоставляют “информационные товары” с практически нулевыми затратами на хранение, транспортировку и тиражирование»; 2) «информационным товарам» придаются свойства, исключаящие затраты

на масштабирование продаж. Делается вывод: «реальность цифровой эры заключается в том», что в экономике стали происходить экстраординарные события. В обоснование вывода автор не приводит никаких эмпирических и теоретических доказательств.

Клаус Шваб наделил «информационные товары» свойством радикального «взлома» условий воспроизводства продуктов в тех отраслях экономики, в которых они появляются. Футуристы выдвинули идею о том, что цифровая революция привела к «изменению паттернов» (структур «информационного общества»), которые способствовали «взлому» законов микроэкономики и макроэкономики и к отрицанию основ экономической теории. К. Шваб, к сожалению, не представил теоретического анализа причин успеха таких компаний, как Instagram или WhatsApp. Автор не выделил значимой совокупности факторов, которую следует подвергнуть анализу для того, чтобы объяснить феномен их роста. Это типичная манера рассуждения футуриста, который, не утруждая себя исследованием экономических феноменов, сразу же делает скороспелый отвлеченный вывод из исходных дедуктивных предпосылок своей механистической теории. Подобная «логика» базируется на исходной предпосылке дедуктивного мышления К. Шваба о том, что с появлением «подрывных» технологий, породивших «информационные товары», произошло радикальное изменение «реальности цифровой эры, заключающейся в том», что они дали старт снижению издержек на цифровой продукт до нуля и увеличению производительности труда до бесконечности. Эти два предполагаемых в будущем события еще не наступили. Однако футурист верит, что обозначенный им тренд к нулевым издержкам и беспредельной производительности существует уже сейчас. Футуристы считают, что эти тренды в недалеком будущем обязательно проявятся. Однако тренды движения издержек к нулю и производительности к бесконечности – не более чем две дедукции, наступление которых в принципе невозможно, если мы исходим из ограниченности ресурсов, в первую очередь человеческих. Попросту говоря, люди не Боги. Утописты переформулировали основы предмета экономической теории, утверждая, что снижение издержек на цифровой продукт до нуля и увеличение производительности труда до бесконечности возможно. Представляется, что эти дедуктивные гипотезы напоминают некое волшебство, которое утописты-визионеры выводят из радикального «изменения паттернов (структур)». Для экономиста-прагматика сие есть абсурд. В итоге надо делать выбор: ты экономист или ты утопист? Предположения футуристов – это обновленный вариант рационалистической утопии эпохи Просвещения, писавшей о техногенном Прогрессе.

Клейтон М. Кристенсен отмечал: «В моей среде термин “прорывная инновация” также слишком часто применяют дилетанты, которые в любом случае ищут оправдание тому, чем они хотят заниматься». Традиционная экономическая теория утверждает, что U-образная кривая предельных издержек и закон снижения производительности факторов производства в КПВ проявляются при строго определенных условиях деятельности фирмы на

отраслевом рынке. В обоих случаях экономическая теория анализирует взаимодействие между производителем товара и его покупателем. Взаимодействие между субъектами определяется эмпирическими зависимостями, связывающими их. Технологии не являются неким деперсонифицированным субъектом, который изменяет природу отраслевых рынков. А именно эту отвлеченную от жизни дедукцию выдвинули сторонники теории «техногенного детерминизма». Они считают, что технологии являются неким неведомым доселе техногенным субъектом, который способен самообучаться, входя в режим самогенерации, развивать свой интеллект до бесконечности. Футуристы утверждают, что машинный интеллект в процессе самообучения намного превышает интеллект человека. Эта дедукция отрицает аксиому новоевропейской традиции, что только человек является творческим субъектом индустриальной экономики.

Клаус Шваб придерживается расширительного толкования термина «подрывных технологий». Он пишет: «Термины “дизрупция” и “дизруптивная инновация” получили широкое освещение в деловых и управленческих кругах. Из последнего – Клейтон М. Кристенсен, Майкл Э. Рейнор и Рори МакДональд, “Что такое дизруптивная инновация?”, Harvard Business Review, декабрь 2015 г. Уважая озабоченность профессора Кристенсена и его коллег относительно определений, в этой книге я опирался на более широкое понимание этих терминов».

ПСИХОЛОГИЯ

А. Э. Богданович

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОШИБОК ПРИ НАЗЫВАНИИ ДЕЙСТВИЙ ВИДЕОСЮЖЕТОВ КАК ИНДИКАТОР ОВЛАДЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМОЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Овладение иностранным языком в искусственных условиях сопряжено с рядом затруднений и между тем не лишено противоречий. С одной стороны, студенты испытывают потребность в коммуникации на иностранном языке, с другой – пресловутый языковой барьер способен замедлить продвижение процесса усвоения иностранного языка по причине страха со стороны студентов «ошибиться» или «не успеть» подобрать нужный иноязычный эквивалент в условиях живого общения. Тем не менее выполнение точных заданий в интенсивном режиме работы как раз и определяет, по Б. А. Бенедиктову, уровень владения иностранным языком. Важным условием является временное ограничение выполнения экспериментального задания. В качестве цели рассматривается владение структурой иноязычной фразы по схеме: субъект – предикат – объект.

Экспериментальным материалом послужил ряд видеосюжетов. Каждый из них был ограничен во времени и содержал какое-либо действие, которое нужно было назвать на английском, используя адекватную временную форму. Акцентировалось внимание на длительности или кратковременном (завершенном) характере действия, которое требовалось отразить при помощи необходимой временной формы. Участниками эксперимента стали студенты 1 и 2 курса Минского государственного лингвистического университета. Анализ ошибок испытуемых предоставил возможность оценить уровень владения не только временными формами английского глагола, но и успешность процесса овладения английским языком в целом.

Например, видеосюжет, в котором девушка играет на пианино, большинство испытуемых (92 %) интерпретировало корректно, употребив соответствующую временную форму: ‘The girl is playing the piano’ *Девушка играет на пианино*. Тем не менее встречались и другие варианты называния, в частности, употребление временной формы Present Simple вместо необходимой Present Continuous (5 % испытуемых): ‘The girl plays the piano’ *Девушка играет на пианино*. Данная временная форма подразумевает наличие действия, которое совершается регулярно, например, каждый день, в отличие от действия, которое является длительным и совершается прямо сейчас. При анализе речевых реакций было также зафиксировано употребление неопределенного артикля (a) вместо определенного (the), например, ‘The girl is playing a piano’ *Девушка играет (на каком-то) пианино*. Данная ошибка связана с ролью артикля в английском языке, где артикль является не каким-либо формальным элементом, но включает в себе важную смысловую

личительную функцию: если речь идет о конкретном субъекте (объекте), требуется использовать определенный артикль *the*; неопределенный артикль *a* несет иную функцию – указать на любой предмет, а не конкретный субъект (объект) ситуации.

При назывании действий видеосюжетов имели место и такие явления, как паузы хезитаций (выражались в длительном латентном периоде речевых реакций), а также отказ от называния. Впоследствии при ответе на вопросы специальной анкеты, предложенной испытуемым после экспериментальной части задания, они указали следующие причины затруднений в процессе называния.

1. Сложно было быстро реагировать на предъявляемые ситуации по причине временных ограничений; не всегда нужные лексические единицы «всплывали» в памяти в процессе называния.

2. Задание было необычным, действия видеосюжетов побуждали к их детальному описанию.

3. Дополнительные временные затраты отчасти связаны с видеосюжетами, в которых отсутствовал субъект: их идентификация и последующее называние занимали несколько больше времени, чем видеосюжеты, где присутствовал как субъект, так и объект действия.

Указанные студентами затруднения нашли подтверждение в процессе детального анализа всех речевых реакций студентов: зафиксированы попытки многократного называния видеосюжетов с целью детализировать характер демонстрируемого действия, например, видеосюжет, в котором можно наблюдать двух летающих бабочек, был назван следующим образом: *The weather is warm. The forest is beautiful. Two butterflies are flying high in the air* ‘Тепло. Красивый лес. Высоко в воздухе летают бабочки’.

Затруднения, связанные с поиском точного английского эквивалента действия, можно было наблюдать при назывании субъекта: вместо различных видов животных (*parrot* ‘попугай’, *sparrow* ‘воробей’, *cheetah* ‘гепард’, *giraffe* ‘жираф’) испытуемые обобщали их, используя слово *animal* ‘животное’. Аналогичная тенденция была отмечена и при назывании действий – испытуемые акцентировали внимание на факте какой-либо активности: *is doing something* ‘делает что-то’ вместо детализации деятельности субъекта *is singing* ‘поет’, *is running* ‘бежит’, *is throwing* ‘бросает’. В процессе идентификации людей испытуемые прибегали к существительным *someone, somebody* ‘кто-то’.

Затруднения, связанные с поиском адекватных лексических единиц в процессе порождения английских фраз, также приводили к пропускам субъекта (или объекта) действия, а также предиката, например: *the boy* ‘мальчик’... (пропуск предиката); *is searching* ‘ищет’ (пропуск субъекта). Данные затруднения продиктованы наличием временных ограничений, которые предполагают называние фразы с учетом среднего темпа речи, однако не предполагают дополнительных временных затрат в случае припоминания лексических эквивалентов.

При назывании видеосюжетов были зафиксированы оговорки: *carrot* ‘морковь’ вместо *parrot* ‘попугай’, *paper* ‘бумага’ вместо *pepper* ‘перец’.

Показатель латентного периода можно было рассматривать как дополнительный индикатор уровня владения английским языком: при высоком показателе порождение фраз осуществлялось симультанно в процессе предъявления видеосюжетов, при недостаточном уровне – выходило за рамки отведенного времени либо несколько запаздывало.

Наконец, испытуемым было сложнее называть видеосюжеты, где факт отсутствия действующего лица – субъекта – побуждал к употреблению пассивной грамматической конструкции, что выражалось в увеличении показателя латентного периода (на 30 % медленнее порождение фраз, содержащих пассивный залог), а также искусственное замещение недостающего субъекта, например, ситуация видеосюжета, где закрыли кран с водой, была названа как *Somebody has closed the tap* ‘Кто-то закрыл кран’ вместо *The tap has been closed* ‘Кран закрыли’. Следует отметить, что студенты успешно справились с выбором временной формы при назывании действия: так как действие носило кратковременный характер и имело последующий результат – из крана не текла вода, так как его закрыли – испытуемые употребили временную форму Present Perfect Passive.

Таким образом, анализ ошибок при назывании действий видеосюжетов позволил обратить внимание на затруднения, испытываемые студентами в ситуационной речи, которые связаны не только с выбором временных форм, но и оформлением фразы-называния в целом. Понимание специфики данных затруднений может способствовать интенсификации процесса овладения иностранным языком и повышению уровня владением им.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ

А. Г. Цымбал

АЦЭНКА ЭФЕКТЫЎНАСЦІ МАРКЕТЫНГАВЫХ СТРАТЭГІЙ У ПРАСОЎВАННІ БЕЛАРУСІ ЯК ТУРЫСТЫЧНАЙ ДЭСТЫНАЦЫІ: ПРЫКЛАД НАЦЫЯНАЛЬНАГА АГЕНЦТВА ПА ТУРЫЗМЕ БЕЛАРУСІ

Індустрыя турызму адыгрывае значную ролю ў эканамічным развіцці многіх краін, у тым ліку і Беларусі. Прасоўванне турыстычных напрамкаў стала найважнейшай задачай для многіх нацыянальных турыстычных агенцтваў па ўсім свеце. У Беларусі Нацыянальнае агенцтва па турызме адказвае за прасоўванне краіны як турыстычнага напрамку як унутры краіны, так і за мяжой. Для дасягнення гэтай мэты агенцтва выкарыстала розныя маркетынжавыя стратэгіі, такія як рэкламныя кампаніі, маркетынг у сацыяльных сетках і ўдзел у міжнародных турыстычных кірмашах. Аднак застаецца адкрытым пытанне, ці былі гэтыя стратэгіі эфектыўнымі для прыцягнення турыстаў у Беларусь.

Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца ацэнка эфектыўнасці маркетынжавых стратэгіяў, якія выкарыстоўваюцца Нацыянальным агенцтвам па турызме Беларусі для прасоўвання Беларусі як турыстычнага напрамку. Для дасягнення гэтай мэты ў дадзеным артыкуле будзе ажыццёўлены комплексны аналіз маркетынжавых кампаній, якія праводзяцца агенцтвам, і ацэнка іх уплыву на турыстычную галіну Беларусі.

Распрацаваны тэарэтычныя асновы для ацэнкі эфектыўнасці маркетынжавых стратэгіяў напрамкаў. Адным з падыходаў з'яўляецца мадэль іміджу і рэпутацыі пункта прызначэння, якая сцвярджае, што імідж і рэпутацыя пункта прызначэння з'яўляюцца найважнейшымі фактарамі ў працэсе прыняцця рашэнняў патэнцыяльнымі турыстамі. Вядома, што на імідж і рэпутацыю пункта прызначэння могуць уплываць розныя фактары, такія як рэклама, «сарафанная» інфармацыя і асвятленне ў СМІ.

Яшчэ адна тэарэтычная аснова, якая выкарыстоўваецца для ацэнкі эфектыўнасці маркетынгу напрамку, – гэта мадэль канкурэнтаздольнасці напрамку. Яна падкрэслівае важнасць канкурэнтаздольнасці напрамку для прыцягнення турыстаў. Мадэль сцвярджае, што на канкурэнтаздольнасць напрамку могуць уплываць розныя фактары, такія як прыродныя і культурныя рэсурсы, інфраструктура і якасць турыстычных паслуг.

Папярэднія даследаванні маркетынгу напрамкаў у Беларусі былі сканцэнтраваны на розных аспектах турыстычнай індустрыі краіны, такіх як прыродныя і культурныя славутасці, інфраструктура і ўспрыманне замежных гасцей. Аднак недастаткова даследаванняў эфектыўнасці маркетынжавых стратэгіяў, якія прымяняюцца беларускім Нацыянальным агенцтвам па турызме.

Для ацэнкі іх эфектыўнасці быў выкарыстаны падыход на аснове тэматычных даследаванняў. Тэматычнае даследаванне было засяроджана на маркетынгавых кампаніях, праведзеных агенцтвам у перыяд з 2018 па 2020 год.

Вынікі аналізу сведчаць аб тым, што маркетынгавыя кампаніі, якія праводзяцца Нацыянальным агенцтвам па турызме, аказалі станоўчы ўплыў на турыстычную галіну Беларусі.

Дадзеныя паказалі, што агенцтва выкарыстоўвала розныя маркетынгавыя стратэгіі, такія як рэкламныя кампаніі, маркетынг у сацыяльных сетках і ўдзел у міжнародных турыстычных кірмашах. Гэтыя стратэгіі аказаліся эфектыўнымі для пашырэння пазнавальнасці Беларусі як турыстычнага напрамку і прасоўвання ўнікальных культурных і прыродных слаўтасцяў краіны. Намаганні агенцтва спрыялі павелічэнню колькасці турыстаў, якія наведваюць Беларусь у апошнія гады.

Некалькі фактараў былі істотнымі для рашэння турыстаў наведаць Беларусь, у тым ліку маркетынгавыя кампаніі, культурныя слаўтасці краіны і якасць турыстычных паслуг. У цэлым вынікі сведчаць аб тым, што маркетынгавыя стратэгіі Беларускага Нацыянальнага агенцтва па турызме былі эфектыўнымі ў прасоўванні Беларусі як турыстычнага напрамку.

Аналіз маркетынгавых кампаній, праведзены Нацыянальнага агенцтва па турызме Беларусі, выявіў некалькі моцных і слабых бакоў. Адным з моцных бакоў маркетынгавых кампаній было выкарыстанне крэатыўных і прывабных рэкламных кампаній. Напрыклад, кампанія «Пазнай Беларусь», што эфектыўна прыцягвала ўвагу патэнцыяльных турыстаў і стварала пазітыўны імідж Беларусі як турыстычнага напрамку.

Яшчэ адным моцным бокам было выкарыстанне маркетынгу ў сацыяльных сетках (Facebook, Instagram і Twitter) з мэтай прасоўвання нашай рэспублікі і ўзаемадзеяння з патэнцыяльнымі турыстамі, дзе размяшчаліся паведамленні пра разнастайныя падзеі, што адбываюцца ў Беларусі. Такі падыход дапамог ахапіць больш шырокую аўдыторыю і інтэрактыўна ўзаемадзейнічаць з патэнцыяльнымі турыстамі.

Удзел у міжнародных турыстычных кірмашах таксама быў моцным бокам маркетынгавых кампаній. Агенцтва рэгулярна ўдзельнічала ў буйных турыстычных кірмашах, такіх як ITB Berlin і World Travel Market у Лондане. Гэтыя мерапрыемствы далі магчымасць агенцтву прадэманстраваць Беларусь як прафесіяналам у сферы падарожжаў, так і патэнцыяльным турыстам з усяго свету.

Аднак аналіз таксама выявіў некаторыя слабыя месцы ў маркетынгавых кампаніях. Адным з недахопаў была адсутнасць разнастайнасці маркетынгавых каналаў. Нягледзячы на тое, што агенцтва выкарыстоўвала рэкламныя кампаніі і маркетынг у сацыяльных сетках, іншыя каналы, такія як маркетынг з уплывам і кантэнт-маркетынг, не былі цалкам вывучаны. Гэтыя каналы маглі б забяспечыць больш персаналізаваны і мэтанакіраваны падыход да

прасоўвання Беларусі як турыстычнага напрамку, а таксама яшчэ адным слабым месцам была адсутнасць увагі да нішавых рынкаў турызму. Маркетын- гавыя кампаніі былі сканцэнтраваны ў асноўным на прасоўванні культурных і прыродных слаўтасцяў. Больш увагі можна было б надаць прасоўванню нішавых рынкаў, такіх як прыгодніцкі турызм, аздараўленчы турызм, гастронамічны турызм.

Варта сказаць, што маркетынжавыя кампаніі, якія праводзіліся беларускім Нацыянальным агенцтвам па турызме, у цэлым былі эфектыўнымі ў прасоўванні Беларусі як турыстычнага напрамку, аднак застаюцца шляхі для ўдасканалення. Будучыя маркетынжавыя стратэгіі павінны вывучыць спектр каналаў і арыентавацца на больш разнастайныя нішавыя рынкі, каб прыцягнуць больш шырокую аўдыторыю патэнцыяльных турыстаў.

Аналіз маркетынжавых стратэгий, якія выкарыстоўваюцца беларускім Нацыянальным агенцтвам па турызме, дазваляе зрабіць наступныя вывады пра палітыку і практыкі турызму ў Беларусі.

П а - п е р ш а е, вынікі паказваюць, што для прыцягнення больш шырокай аўдыторыі патэнцыяльных турыстаў неабходны больш дыверсіфікаваны падыход да маркетынгу. У той час як агенцтва выкарыстала розныя маркетынжавыя стратэгіі, такія як рэкламныя кампаніі і маркетынг у сацыяльных сетках, усё яшчэ ёсць месца для вывучэння іншых каналаў, такіх як маркетынг з уплывам, кантэнт-маркетынг і таргетынг на нішавых рынках. Гэта патрабуе дадатковых даследаванняў і інвестыцый, але можа прывесці да больш індывідуальнага і эфектыўнага падыходу да прасоўвання Беларусі як турыстычнага напрамку.

П а - д р у г о е, якасць турыстычных паслуг і культурных слаўтасцяў мае вырашальнае значэнне для прыцягнення турыстаў. Агенцтва павінна працаваць у цесным супрацоўніцтве з мясцовымі турыстычнымі пастаўшчыкамі і ўстановамі культуры над паляпшэннем якасці турыстычных паслуг і прасоўвання ўнікальнага культурнага вопыту, які адрознівае Беларусь ад іншых напрамкаў.

П а - т р э ц я е, вынікі сведчаць аб тым, што міжнароднае супрацоўніцтва і ўдзел у турыстычных кірмашах з'яўляюцца эфектыўнымі спосабамі прасоўвання Беларусі як турыстычнага напрамку. Агенцтва павінна працягваць удзельнічаць у буйных турыстычных кірмашах і супрацоўнічаць з іншымі краінамі для рэалізацыі сумесных турыстычных пакетаў і ініцыятыў.

П а - ч а ц в ё р т а е, агенцтва павінна надаваць больш увагі нішавым рынкам турызму. У Беларусі ёсць патэнцыял для прыцягнення турыстаў, зацікаўленых у тым ліку прыгодніцкім аздараўленчым, гастронамічным турызмам і г.д. Агенцтва павінна цесна супрацоўнічаць з мясцовымі пастаўшчыкамі для распрацоўкі і прасоўвання нішавых турыстычных прадуктаў, якія абслугоўваюць гэтыя рынкі.

П а - п я т а е, неабходна адзначыць важнасць маніторынгу і ацэнкі эфектыўнасці маркетынговых стратэгий. Агенцтва павінна працягваць збіраць і аналізаваць інфармацыю аб турыстычных прыбытках, узроўні задаволенасці і ўспрыманні Беларусі як турыстычнага напрамку, каб ацаніць эфектыўнасць сваіх маркетынговых кампаній і ўносіць неабходныя карэктывы.

У цэлым можна зрабіць выснову аб тым, што больш дыверсіфікаваны і мэтанакіраваны падыход да прасоўвання Беларусі як турыстычнага напрамку разам з намаганнямі па паляпшэнні якасці турыстычных паслуг і культурных слаўтасцяў можа прывесці да далейшага росту індустрыі турызму і станоўчага ўздзеяння на эканоміку краіны.

Круглый стол «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ»

В. Г. Бричикова

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Хорошее владение языком имеет важное значение для каждого человека. Грамотная речь – важнейший инструмент профессионального труда и творческого роста. Без знания языковых норм, специфики речевого общения не может состояться ни один квалифицированный специалист, педагог, руководитель, организатор, менеджер.

Речевая деятельность различных социальных и профессиональных групп продолжает оставаться одним из наиболее актуальных и активно разрабатываемых направлений современного языкознания, педагогики, психологии, социологии и культурологии.

Именно институциональный дискурс находится в центре внимания исследователей. Детальному изучению подвергаются многие ориентированные и профессиональные дискурсы. Особое значение имеет педагогический дискурс. Очень активно педагогический дискурс исследуется в трудах И. А. Зимней, А. А. Леонтьева, А. А. Мурашева, А. Н. Ксенофонтова, В. И. Карасика и многих других исследователей.

Изучение педагогического дискурса осуществляется с различных точек зрения, но специалисты в области речевой коммуникации уделяют большое внимание его универсальным признакам: 1) язык в действии основывается на коммуникативной практике людей; 2) речевое взаимодействие включает в себя докоммуникативную, собственно коммуникативную и посткоммуникативную стадии общения; 3) коммуникативные ситуации рассматриваются с учетом социокультурного контекста; 4) ведущая роль в коммуникативной ситуации отводится людям.

Участники педагогического дискурса хорошо известны: преподаватель и студент (высшая школа) или учитель и ученик (средняя школа) и т.п. Каждый преподаватель и учитель должны отдавать себе отчет, что они являются средством обеспечения высокого уровня знаний, воспитания и развития студентов и учеников.

Студент, ученик являются объектами образования. Педагогический процесс призван решать триединую задачу: обучение, воспитание, развитие студентов, учеников. На результаты образования студентов, учеников оказывает влияние образовательное пространство в целом: лекции, семинары, практические занятия, сдача экзаменов, работа в библиотеках и т.п. Педагогический дискурс нацелен на социализацию новых членов общества через приобщение их общепринятым ценностям и поведенческим нормам.

Важно подчеркнуть, что в процессе преподавания педагог не только передает знания конкретного предмета, но и формирует образ мыслей, стиль речевого поведения. Выдающийся российский историк, профессор Москов-

ского университета, блестящий лектор В. О. Ключевский, в совершенстве владеющий магией публичной речи, писал: «Самое трудное и самое важное в преподавании – заставить себя слушать». Хорошая устная речь преподавателя, учителя – важнейшая составляющая его профессиональной характеристики, помогающая ему в решении широкого спектра учебных и воспитательных задач. Основными коммуникативными стратегиями педагогического дискурса являются: организующая, объясняющая, содействующая, контролирующая, оценивающая стратегии. Выразительная речь преподавателя, учителя при любой коммуникации со студентами и учениками способствует созданию атмосферы коллективизма, сопереживания и взаимопонимания. Студенты, ученики оказываются включенными в эстетику той или дисциплины, проявляют неподдельный интерес к предмету изучения только тогда, когда преподавателю удастся отойти от тяжеловесного, бесстрастного языка многих учебников, от объемных или шаблонных конструкций. В педагогическом дискурсе опытного преподавателя и учителя индивидуально сочетаются коммуникативные качества речи: правильность, коммуникативная целесообразность, точность высказываний, ясность и доступность изложения, чистота и выразительность речи, разнообразие средств выражения, эстетичность и уместность. Речь неопытного педагога суха, невнятна, монотонна.

Перечислим факторы, положительно влияющие на воздействие речи педагога.

1. Глубокие знания предмета преподавания.
2. Способность убеждать.
3. Владение техникой речи.
4. Умение логично выстраивать речь.
5. Целесообразное использование образных средств выразительности.
6. Уместное обращение к невербальным средствам выражения: жестам, мимике, пластике, позе.
7. Сознательное конструирование совместной речевой деятельности (вовлечение студентов, учеников в беседу, дискуссию, полемику, спор).
8. Умения использовать новейшие технологии, оперативно обеспечивающие наглядность изучаемого материала.

Хорошей публичной речи педагога свойственны следующие коммуникативные качества: речевой артистизм, энергетика речи, ее интенсивность, ассоциативность, выразительность и экспрессивность.

Речевой артистизм предполагает яркое проявление в речи индивидуальных качеств преподавателя, учителя, умение вызвать у студентов эмоциональный отклик на услышанное. Энергетика речи проявляется в единстве манеры поведения преподавателя, учителя и особенности произнесения речи. Студентам, ученикам импонирует спокойное, достойное поведение преподавателя, учителя.

Интенсивность речи регулируется изменением темпа подачи информации преподавателем. Слишком быстрая речь, как, впрочем, и замедленный ее темп, притупляют внимание обучающихся и быстро утомляют их. Нужна «золотая середина». Обращение преподавателя к ассоциативным возможностям языка вызывает интерес и понимание обучающихся. Если преподаватель

обращается к своему жизненному опыту, то материал воспринимается не как сухое, теоретическое изложение, а как пережитый опыт. Таким образом, преподаватель создает комфортные условия для осуществления учебного процесса, требующего от обучающихся длительного внимания.

Речь, лишенная необходимых мелодичных акцентов, монотонна и скучна. Опытный преподаватель также искусно использует в своей работе комплекс невербальных языковых средств (мимика, жесты, поза). По мнению исследователей невербальных средств, удачный жест иногда может внести в выступлении до 40 % информации.

Таким образом, для эффективного речевого воздействия на слушающую аудиторию чрезвычайно важно, чтобы преподаватель заботился о создании своего целостного образа (внешний вид, пластика, выбранная дистанция общения, доступность звукового и визуального восприятия речи). Все это способствует успешному осуществлению всего образовательного процесса.

Знакомство с новейшими образовательными технологиями, стратегиями и тактиками речевого поведения, умение пользоваться в процессе общения современными техническими средствами не должны заслонять классических основ педагогического процесса. Важнейшими составляющими речевого мастерства педагога всегда будут уровень его общей и речевой культуры. Американский писатель и педагог В. Уорд справедливо заметил, что посредственный преподаватель излагает, хороший объясняет, выдающийся показывает, великий вдохновляет своих обучающихся.

Т. А. Довнар

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ У ВЗРОСЛЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕНИЮ

Вслед за Т. В. Ежовой под педагогическим дискурсом мы будем понимать объективно существующую динамическую систему ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса, функционирующую в образовательной среде, включающую участников дискурса, педагогические цели, ценности и содержательную составляющую, обеспечивающую приобретение обучающимися опыта в проектировании и оценке любого социального явления в соответствии с нормами культуросообразной деятельности.

Готовность к межкультурному диалогическому общению – это интегративное личностное новообразование, предполагающее как минимум наличие определенного уровня знания иностранного языка, ценностных ориентаций и коммуникативных умений, имеющее в качестве своих компонентов единство проявления социальной, функциональной и социокультурной компетенций (М. С. Сафина). Таким образом, целью педагогического дискурса является формирование у обучающихся готовности к межкультурному диалогическому общению.

Системообразующими компонентами педагогического дискурса являются цель, участники, ценности и стратегии. В частности, речеповеденческая стратегия – это линия речевого поведения субъекта общения в условиях социального взаимодействия, направленного на достижение коммуникативных целей и задач, и выраженного конкретными языковыми средствами. Речеповеденческие тактики межкультурного диалогического общения направлены на реализацию данных стратегий. Можно выделять три основные стратегии речевого поведения преподавателя: *императивную, информативную и коммуникативно-регулирующую* (Н. А. Антонова).

Для обеспечения императивной стратегии используются побудительные предложения с глаголами преимущественно в повелительном наклонении. Такие глаголы-стимулы могут быть представлены в виде слов и словосочетаний в последовательности, определяемой систему образовательных целей: запоминание, понимание, применение, анализ, оценка, создание.

Императивная стратегия нашла выражение в следующих тактиках речевого поведения: а) концентрация внимания посредством указания на необходимость: выбора чего-либо, выбора и дифференциации чего-либо, следования плану речевых действий, выполнения речемыслительных действий в соответствии с заданным алгоритмом; б) стимуляция умственной деятельности с помощью: указания на важность вида деятельности, сопровождающего императив, обращения к когнитивной сфере личности и имплицитной рекомендации, актуализации имеющихся знаний и сравнения точек зрения с партнером по общению, прогнозирования, восприятия нового и проведения компаративного анализа, прямого указания к действию, прогнозирования и уточняющего вопроса, творческого задания, мозговой атаки, проблемного задания, самоанализа эмоциональной сферы личности, в) контроль за деятельностью обучающихся, используя устно-речевые и письменные тексты, императив, подкрепляемый алгоритмом выполнения действий, указания на выполнение тестовых заданий.

И н ф о р м а т и в н а я стратегия является главной на этапе объяснения нового материала и вспомогательной на этапе рефлексии. Данная стратегия осуществляется с помощью тактик активизации интеллектуальной деятельности обучающихся, объяснения, уточнения и оценки их действий. Поддержание коммуникации происходит с помощью информативных высказываний различных структурно-семантических типов: преподаватель сообщает факты, делает выводы и оценивает знания обучающихся.

Для реализации информативной стратегии используются информационные и вопросительные высказывания. Данная стратегия представлена в виде тактик: а) активизации интеллектуальной деятельности посредством: стимулирования самообразования, постановки серии проблемных вопросов; б) объяснения нового посредством раскрытия значения чего-либо, смысла какого-то явления; в) уточнения с использованием: альтернативных вопросов, рекомендаций организационного характера; г) оценки действий с использованием шкал самооценки.

Коммуникативно-регулирующая стратегия реализуется на протяжении всего учебного занятия с помощью тактик установления, поддержания и прерывания речевого контакта. Они реализуются в соответствующих тактиках речевого поведения: а) концентрация внимания, стимуляция умственной деятельности и контроль деятельности обучающихся; б) активизация интеллектуальной деятельности, объяснение, уточнение и оценка действий; в) установление и поддержание речевого контакта.

Коммуникативно-регулирующая стратегия выражена побудительными предложениями и нашла свое воплощение в следующих тактиках речевого поведения: а) установление речевого контакта в соответствии с коммуникативными интенциями, личностными предпочтениями, логикой выполнения организационно-деятельностной игры; б) поддержание речевого контакта путем прямого указания на взаимодействие, предъявления задания для парной работы, обращения к отдельному обучающемуся.

Анализ научной литературы (Ю. В. Щербина, Т. В. Ежова, И. В. Пинюта) свидетельствует, что педагогический дискурс относится к статусно-ориентированному типу общения. Предметом его изучения является речевое поведение педагога как представителя определенного социума, где общение осуществляется в рамках определенных статусно-ролевых отношений. Цель такого общения определяет тематику и тональность дискурса. Базовыми дифференциальными признаками рассматриваемого типа дискурса выступают аксиологичность и интерактивность.

Если речевое поведение преподавателя иностранного языка подчинено статусно-ролевым отношениям между ним и обучающимися, значит речь идет об институциональном типе дискурса как продукте речевого общения. Спецификой учебного общения выступает *моделирование речевых культуроведчески-ориентированных ситуаций*. В них реализуется цель педагогического дискурса, которая заключается в адаптации обучающихся к культуре народов стран изучаемого иностранного языка. Среди ценностей, формируемых посредством педагогического дискурса, приоритетными выступают:

а) межкультурная коммуникативная компетенция как «способность продуктивного взаимодействия с носителями другой культуры на иностранном языке, предполагающая понимание культуры инофона и позитивное, толерантное отношение к культурным различиям»;

б) межкультурное посредничество как вид профессиональной деятельности, направленный на обеспечение взаимопонимания участников межкультурного общения посредством управления пониманием специфических явлений культуры.

Проблематика педагогического общения обусловлена спецификой *смоделированного и реального межкультурного общения*. С м о д е л и р о в а н н о е межкультурное диалогическое общение означает взаимодействие преподавателя иностранного языка с обучающимися, в котором он (в роли представителя иностранной культуры) выполняет действия по предупреж-

дению возникновения ситуаций непонимания, обусловленных различиями культур, а также по подготовке обучающихся к осуществлению межкультурного посредничества в ходе их будущих контактов с носителями изучаемой культуры.

Реальное межкультурное диалогическое общение представляет собой взаимодействие преподавателя иностранного языка с носителем иной культуры как равноправным участником диалога, вне зависимости от его социальной и коммуникативной позиции, в соответствии с нормами его культуры, в ходе которого реализуются познавательная/информационная, регулятивная, эмоционально-оценочная и этикетная/конвенциональная функции общения.

Т. Е. Карпович

МОДЕЛЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕСТРУКЦИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Под педагогическим дискурсом понимается тип институционального дискурса, который включает сложившиеся в обществе образцы речевого поведения в образовательной среде, отражающие систему ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса. Анализ особенностей общения преподавателя и обучающегося позволяет судить о наличии или отсутствии в нем деструктивных явлений (угроз, насмешек, обвинений и т.д.), что может свидетельствовать о рисках возникновения профессиональных деформаций. Поэтому в рамках дополнительного образования взрослых целесообразно обеспечить формирование у преподавателей практических умений диагностики, сохранения и укрепления своего профессионального здоровья посредством рефлексии и коррекции собственного педагогического дискурса.

Представим структурно-функциональную психолого-дидактическую модель преодоления деструкций (ПДМПД) в педагогическом дискурсе преподавателя в рамках образовательных программ повышения квалификации. Она позволяет выделить в образовательном пространстве такие взаимосвязанные компоненты, как функционально-целевой, нормативно-регулирующий, содержательный, операционно-деятельностный и оценочно-результативный.

Целью модели выступает гармонизация педагогического дискурса преподавателя, т.е. приведение его в эталонное состояние, а основной функцией модели является профилактика профессиональных деформаций педагога.

Нормативно-регулирующий компонент ПДМПД в педагогическом дискурсе преподавателей – слушателей образовательных программ повышения квалификации предполагает опору на основные принципы обучения взрос-

лых (С. И. Змеёв, 1996), среди которых особую значимость приобретают принципы индивидуализации и рефлексивности обучения в сочетании с развитием образовательных потребностей педагогов.

Содержательный компонент ПДМПД в педагогическом дискурсе преподавателей должен быть представлен научно-методическими материалами для актуализации собственного дискурсивного опыта, расширения и углубления теоретико-методических знаний в дискурсивной области и формирования умений повышения своей дискурсивной компетентности, в том числе путем преодоления деструктивных явлений.

Операционно-деятельностный компонент ПДМПД в педагогическом дискурсе преподавателей – слушателей образовательных программ повышения квалификации должен отражать способы обучения эффективным стратегиям речевого поведения (объясняющей, оценивающей, контролирующей, содействующей, организующей) в разных жанрах педагогического дискурса (информативных, императивных, оценочных, этикетных). В операционно-деятельностный компонент ПДМПД необходимо включать такие виды интерактивных коммуникативных заданий, которые обеспечивают гармонизацию педагогического дискурса посредством узнавания деструктивных явлений на содержательном (вербальная агрессия, речевое манипулирование, ложь), формальном (инвективизация и жаргонизация речи) и интенциональном (коммуникативные барьеры и коммуникативные неудачи) уровнях, а затем воспроизведения и применения способов их преодоления.

В условиях наращивания электронной составляющей современной образовательной среды, реализуемой на базе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), возрастает роль электронных образовательных ресурсов в рамках операционно-деятельностного компонента ПДМПД в педагогическом дискурсе преподавателей. Наличие электронных версий текстов лекций и учебных презентаций, предоставление банка аудио- и видеоматериалов (ситуаций) для анализа и электронных тренажеров для самостоятельной отработки дискурсивных навыков и умений позволит слушателям самостоятельно гармонизировать свой педагогический дискурс.

В операционно-деятельностный компонент ПДМПД в педагогическом дискурсе преподавателей мы включаем создание необходимых и достаточных педагогических условий, т.е. требований, которых необходимо придерживаться в процессе реализации модели.

Исходя из андрагогических принципов обучения, основным педагогическим условием реализации модели мы считаем включение в каждое занятие в рамках образовательной программы повышения квалификации педагогов трех обязательных составляющих, таких как:

- теоретический блок, обеспечивающий предоставление слушателям информации о сущности изучаемого компонента педагогического дискурса в виде интерактивной мини-лекции с использованием мультимедийных средств;

- диагностический блок, позволяющий осуществить экспресс-диагностику составляющих профессионального дискурса слушателей с последующей интерпретацией результатов;

- практический блок, предлагающий конкретные рекомендации по гармонизации профессионального дискурса педагога и упражнения рефлексивного характера для профилактики его нарушений.

Рефлексия выступает важнейшим инструментом профессионального развития педагога, так как она представляет собой способность к осмыслению, анализу и оценке профессиональной деятельности и общения, личностных и профессиональных качеств, осознанию и пониманию того, как педагога воспринимают другие участники образовательного процесса (обучающиеся, их родители, коллеги). Поэтому педагогическим условием реализации ПДМПД в профессиональном дискурсе преподавателей выступает включение в образовательную программу повышения квалификации элементов тренинга по осознанию ими черт собственного характера и способов речевого взаимодействия с окружающими, развитию навыков рефлексии своей профессиональной биографии и определению собственной иерархии профессионально-личностных ценностей.

Оценочно-результативный компонент ПДМПД в педагогическом дискурсе преподавателей направлен на стимулирование в рамках образовательных программ повышения квалификации дальнейшего профессионального развития педагогов. Он реализуется через взаимодействие слушателей с преподавателем, слушателями-партнерами, учебными материалами, содержащими ключи и инструкции, ИКТ и включает следующие критерии и показатели эффективности:

- эмоциональный, выражающийся в принятии целей и задач изучения программы, интересе к содержанию и форме заданий, выполняемых в ее рамках;

- поведенческий, проявляющийся в посещаемости занятий по курсу, активном участии в дискуссионных видах работы;

- когнитивный, обнаруживающийся в достаточном объеме знаний, умений и навыков, представленных по результатам собеседования по курсу.

Таким образом, особенности ПДМПД в педагогическом дискурсе преподавателей – слушателей образовательных программ повышения квалификации проявляются в каждом ее компоненте, а именно:

- 1) целевом – через ориентацию на гармонизацию педагогического дискурса, т.е. приведение его в эталонное состояние;

- 2) нормативно-регулирующем – посредством опоры на принципы обучения взрослых;

- 3) содержательном – путем целенаправленного отбора материалов для актуализации и коррекции дискурсивного опыта слушателей, развития их дискурсивной компетентности;

- 4) операционально-деятельностном – через подбор интерактивных коммуникативных заданий и создание необходимых и достаточных педагогических условий для их выполнения на рефлексивной основе;

5) оценочно-результативном – посредством группового собеседования с ориентацией не только на когнитивный, но и на эмоциональный и поведенческий критерии результативности обучения.

Так как профессиональные деформации, как правило, слабо рефлексированы учителем, анализ педагогического дискурса слушателями образовательных программ повышения квалификации позволяет им установить наличие предрасположенности к деструктивным профессиональным изменениям и повысить контроль над психоэмоциональными состояниями.

Круглый стол
«ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ
СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН»

А. С. Баранова

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЛАГЕРЕЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время в связи с геополитическими вызовами, необходимостью своевременного укрепления государственного суверенитета и национальной безопасности Республики Беларусь возрастает актуальность организации военно-патриотических лагерей. В Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.12.2021 № 773 военно-патриотическое воспитание определено как формирование физических, духовных качеств, которые позволяют быть морально-стойкими, готовыми к выполнению конституционной обязанности по защите Отечества.

В Беларуси в летний период было организовано 480 военно-патриотических лагерей, в которых оздоровились более 18 тысяч детей. Особое внимание при проведении этой детской летней оздоровительной кампании уделялось гражданско-патриотическому воспитанию детей. Военные лагеря в Беларуси для детей – это место, где под руководством квалифицированных педагогов ребята погрузились в реальную солдатскую атмосферу и смогли пройти курс молодого бойца. Многие военные лагеря были организованы под началом военно-патриотических клубов, которые в последнее время работают практически во всех крупных городах нашей страны. Здесь дети постигали азы безвредного и умелого обращения с оружием, осваивали основы военной дисциплины и особенности организации армейского быта, занимались физической подготовкой под руководством профессиональных наставников.

С 18 по 24 июля 2022 г. в г. Уречье на базе Любаньского благочиния был организован молодежный военно-патриотический лагерь, где были подростки из Минска, Солигорска, Любани. Занятия проводили инструкторы ВПЦ «Казачий спас». Участники молодежного военно-патриотического лагеря осваивали рукопашный бой, учились обращению с оружием, оказанию первой помощи на поле боя, маскировке, знакомились с видами экипировки, играли в волейбол, несли ночные дежурства, посетили базу хранения техники, ознакомились с видами техники, стоящей на вооружении Вооруженных Сил Республики Беларусь, побывали в музее воинской части, на местном полигоне прошла игра «Зарница».

В военно-патриотическом лагере «Феникс» с круглосуточным пребыванием одной из главных задач является военно-патриотическое воспитание учащихся 7–8 классов. В лагере проводились важные мероприятия по

гражданскому, военно-патриотическому воспитанию молодежи: «День патриота», «День мужественности», «День защитника», «День гражданина», «День воспоминаний», «День спасателя», издавался информационный журнал «Служу Отчизне», были организованы просмотры военно-патриотических фильмов, посещение мемориального комплекса «Хатынь», фотоэкскурсии «Так начиналась война», мероприятия, посвященные памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа. «День мужественности» проводился с военно-патриотическим клубом «Вектор» г. Жодино: посетили исторический музей, занятия по изучению вооружения и средств индивидуальной защиты, соревнования по военно-прикладным видам спорта; интерес вызвал рассказ-презентация «Военная техника Великой Отечественной войны». «День защитника» был посвящен реализации военно-познавательной программы с посещением зенитно-ракетного дивизиона воинской части 30151. В задачу программы входило ознакомление с техникой и оружием, состоящем на вооружении дивизиона, ознакомление с текстом государственного гимна, военной присяги и государственных символов, проведение спортивной эстафеты «Вместе к победе». «День гражданина» способствовал формированию гражданских и патриотических чувств, воспитанники посетили мемориальный комплекс «Тростенец», с ними проводились разъяснительные и информационные мероприятия об ответственности за пропаганду нацизма, в том числе с использованием социальных сетей, также экскурсия к памятным местам г. Логойска. «День воспоминаний» включал проведение информационных, просветительских мероприятий с воспитанниками по формированию нравственной и общественно-политической позиции по отношению к событиям и итогам Второй мировой войны, воспитанники посетили мемориальный комплекс «Курган славы». «День спасателя» был посвящен профессии спасателя, воспитанники посетили братское захоронение (урочище Ивановщина), провели вечер «Песни военных лет» у костра. Во время «Дня игры» была реализована военно-познавательная программа с посещением зенитно-ракетного дивизиона воинской части 30151, воспитанники ознакомились с материальной частью стрелкового оружия, провели ориентирование на местности без карты, военно-патриотическую игру «Мы – патриоты Родины своей». Была реализована военно-познавательная программа с выездом в бригаду милиции, внутренних войск воинской части 3310 г. Околица. В результате воспитанники ознакомились с историей бригады, порядком прохождения воинской службы рядовым и офицерским составом, приоритетными задачами Внутренних войск МВД Республики Беларусь. Мероприятия способствовали формированию у воспитанников духовно-нравственной культуры и патриотизма.

На базе воинской части 3214 внутренних войск Министерства внутренних дел функционирует круглосуточный военно-патриотический лагерь «Доблесть». В течение девяти дней школьники перенимают опыт старших учителей: занимаются строевой подготовкой, собирают и разбирают оружие, отрабатывают силовые приемы, учатся ориентироваться на местности, само-

му юному воспитаннику лагеря всего семь лет. На территории воинского соединения сформирована первая смена военно-патриотического лагеря. Планируется, что за период летних каникул «Доблесть» организует отдых для шести смен, куда войдут школьники из всех районов столицы. Воспитанники ежедневно изучают предметы боевой подготовки подразделений специального назначения, практикуются в оказании военно-медицинской помощи, осваивают навыки стрельбы из страйкбольного, пневматического и огнестрельного оружия. Регулярно проходят занятия и по основам безопасности жизнедеятельности: подрастающее поколение должно понимать, как вести себя в той или иной чрезвычайной ситуации. Кроме того, есть возможность познакомиться с техникой, стоящей на вооружении воинской части, попробовать свои силы в рукопашном бою. Военно-патриотический лагерь – это хорошая возможность для школьников ощутить на себе жизнь и быт защитников Отечества. Всего за несколько дней ребята освоили строевой шаг, соорудили простейшие тайники, изучили способы оказания первой помощи при ранении, посетили музей внутренних войск МВД Республики Беларусь. В лагере «Доблесть» находились корреспонденты газеты «Звезда», для воспитанников была организована военизированная мини-эстафета «Зарница». Кроме того, дети потренировались в установке туристических палаток, в разведении костра без использования зажигалок и спичек. Также школьники учились ориентироваться на местности, искали скрытые от них секретные предметы, готовили еду на костре. Воспитанники узнали обо всех званиях, научились правильно отдавать воинское приветствие.

Во внутренних войсках было организовано 20 военно-патриотических лагерей, 14 из них – круглосуточного пребывания. Все лагеря, кроме начальной военной подготовки, осуществляют также идеологическую, физическую, медицинскую подготовку, которой охвачено более 700 школьников. В стране на базе воинских частей 3310, 3214 и 5448 работают военно-патриотические лагеря «Патриот», «Родина» и «Доблесть».

В средней школе № 2 г. Солигорска был организован оздоровительный военно-патриотический лагерь «Патриот» оборонно-спортивного профиля с круглосуточным пребыванием для ребят разного возраста от 10 до 17 лет. Целью оздоровительного лагеря являлось создание условий для успешной самореализации личности подростка и формирования нравственных качеств патриота своей Родины. Основными в воспитательной работе в лагере были мероприятия, посвященные году исторической памяти. Так, ребята посетили ряд организаций Солигорского района, историко-культурный комплекс «Линия Сталина» и музей Великой Отечественной войны в Минске. Ребята получили представление в области обороны государства и подготовки к военной службе.

Военно-патриотический лагерь «Родина» действовал на базе 83-го отдельного ордена Красной Звезды инженерно-аэродромного полка. На протяжении смены 27 ребят из разных населенных пунктов Бобруйского

района постигали особенности военной службы и быта армейской жизни. У воспитанников было много поездок, экскурсий, полезных и познавательных встреч с разными службами: БГРОЧС, РОВД, кинологами Департамента охраны, ГАИ и т.п.

В результате военно-патриотические лагеря дали воспитанникам возможность почувствовать себя настоящими защитниками Отечества. За короткое время школьники познакомились с армейской жизнью, приобрели полезные военно-профессиональные навыки, некоторые ребята захотели в будущем связать свою жизнь со службой во внутренних войсках.

8 июля 2022 г. на базе 83-го отдельного инженерно-аэродромного полка открылся военно-патриотический лагерь «Патриот» ГУО «Центр дополнительного образования детей и молодежи г. Бобруйска». С воспитанниками проходили занятия по строевой подготовке, особое внимание ребят привлекло знакомство с воинской частью, была проведена экскурсия в комнате боевой славы воинской части.

На базе учебного центра Института пограничной службы Республики Беларусь функционировал военно-патриотический лагерь «Рубеж». Помощь воспитателям оказывали бывшие кадеты, а затем курсанты Института пограничной службы. В лагере «Рубеж» отдыхали и обучались 45 подростков, которые жили в условиях, максимально приближенных к армейским. Вместо отрядов в лагере были взводы. С воспитанниками проводились спортивные занятия, занятия по начальной военной подготовке, встречи с военнослужащими, вечера военных песен. После каждого мероприятия на сайтах учреждения образования, в социальной сети Инстаграм оперативно представляли видео- и фотоотчеты.

В военно-патриотическом лагере «Доблесть» в войсковой части 3214 внутренних войск МВД у детей воспитывали положительное отношение к службе в армии. На протяжении нескольких недель к столичным спецназовцам призывали отдохнуть, набраться сил и научиться военным премудростям группы школьников в возрасте от 10 до 15 лет. Смена длилась 9 дней. Юноши в части жили круглосуточно, девочек отпускали переночевать домой. С учащимися проводились занятия по военно-патриотической тематике, строевой подготовке на учебных точках. На одной из площадок под присмотром военнослужащих ребята поражали цели из страйкбольных пистолетов. На второй точке в динамике отработывалась тактика действий бойцов передвижения, стрельба из укрытия по мишеням. Учащиеся занимались медицинской, физической, огневой подготовкой, учились собирать и разбирать автомат Калашникова, накладывать медицинские повязки, получали знания о проведении искусственного дыхания. На скалодроме учащиеся взбирались по отвесной стене, преодолевали страх высоты, развивали координацию движений, занимались рукопашным боем.

По окончании смены дети получили сертификаты о прохождении военно-патриотического лагеря и занятий по программе специального назначения. У многих школьников появились планы связать взрослую жизнь со службой во внутренних войсках МВД.

Летом 2022 г. во внутренних войсках МВД было организовано 25 лагерей, 16 из которых – с круглосуточным пребыванием детей. За 3 летних месяца в гостях у военных побывало около 900 ребят.

Очень интересно и эффективно была построена работа по военно-патриотическому воспитанию учащихся 7–8 классов в военно-патриотическом лагере «Феникс». В лагере на протяжении смены проводились мероприятия по военно-патриотическому воспитанию детей и молодежи: «День патриота», «День мужественности», «День защитника», «День гражданина», «День воспоминаний» «День спасателя», воспитанники посещали мемориальные комплексы «Хатынь», «Тростенец», «Курган славы», братское захоронение урочище Ивановщина, знакомились с текстом государственного гимна, военной присяги и государственных символов.

Анализ опыта работы военно-патриотических лагерей в Республике Беларусь показывает их эффективность в совершенствовании гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи.

Круглый стол
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

О. В. Янчукович

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЮЩИХСЯ
В ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Особая функция образования как фактора усиления роли человека в общественной жизнедеятельности отмечена в Национальной стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. В ней определены направления стабильного развития человека как личности и генератора новых идей, конкурентноспособной экономики и качества окружающей природной среды в условиях вызовов долгосрочного развития.

Совершенно очевидно, что сегодня человеческий потенциал становится стратегическим ресурсом продуктивной жизнедеятельности общества и его развитие выступает главной задачей функционирования системы образования.

В соответствии со статьей 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося. В качестве важнейшей задачи определяется создание условий для социализации, саморазвития и самореализации личности.

В контексте заданных целевых ориентиров особое значение приобретает поиск теоретических оснований и методического инструментария педагогического сопровождения учащихся в саморазвитии своего личностного потенциала.

Среди эффективных технологических решений обсуждаемой задачи видится создание образовательной среды. Справедливым представляется утверждение А. Г. Асмолова о том, что драйвером развития школы является не взрослый, не ребенок, а содействие. Конструирование мотивирующей, развивающей среды является драйвером развития.

Трендом образования XXI века выступает конструирование персонализированной (лат. *persona* – личность) образовательной среды. В профессиональной педагогике персонализированное образование утверждается сегодня в качестве новой парадигмы (Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк). Персонализированное образование – это способ проектирования и осуществления образовательного процесса, направленного на развитие личностного и образовательного потенциала учащегося, в котором учитываются его особенности и потребности развития. В персонализированной образовательной среде ученик выступает субъектом различных видов творческой деятельности, имеет возможность строить свою индивидуальную траекторию развития и образования (А. Г. Асмолов, Э. Ф. Зеер, Д. С. Ермаков Е. И. Казакова, П. Н. Кирилов, С. А. Янкевич и др.).

С концептуальных позиций персонализированную образовательную среду отличает:

- человекоцентрированность и педагогичность;
- совместная творческая деятельность всех субъектов образовательного процесса;
- субъектная позиция учащихся в различных видах социальной деятельности;
- субъектность обучающегося по отношению к целям образования (участие в целеполагании, планировании, выборе уровня овладения учебным материалом, видов деятельности и оценке результатов);
- выбор учеником индивидуальной траектории своего развития и персонализированной траектории образования;
- фасилитационная, консультационная, тьюторская функция педагога.

В инструментальном аспекте реализация изложенных положений предполагает:

- включение учащихся в конструирование образовательной среды класса и школы;
- модульное построение образовательного процесса;
- реализацию продуктивных методов обучения;
- создание цифровой платформы персонализированного обучения;
- организацию учебного взаимодействия на принципах диалога и полилога.

Важно отметить, что персонализированная перспектива образования обуславливает гармоничное функционирование личности на мотивационном, когнитивном, аффективном, волевом, поведенческом уровнях, что приводит к целостному ее развитию и формирует готовность к самореализации.

Подчеркнем, что реализация персонализированного подхода в образовании требует от педагога не только профессиональных компетенций, управленческих навыков, но и готовности принимать на себя несколько ролей, а именно: фасилитатора, менеджера, психолога, консультанта, тьютора. Сегодня востребован педагог, являющийся собой «личностный образец образованности» (М. Шелер), творческий, открытый к диалогу, способный к исследованию и постоянному личностно профессиональному росту.

Круглый стол
«РУССКИЙ ЯЗЫК – ТЕОРИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ,
ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ»

М. Е. Айдын, О. Г. Сокольник

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОГРАФИКИ ПРИ РАБОТЕ С ТЕКСТОМ

Инфографика – это графическое изображение информации и данных, позволяющее визуализировать наиболее важные элементы для быстрого понимания. Сегодня спектр применения такого вида подачи информации очень широк. У инфографики сегодня есть огромный потенциал для использования на уроках РКИ. Это многофункциональный инструмент, который может быть использован на разных уровнях владения языком. Ее можно применять для развития различных видов речевой деятельности: устная монологическая и диалогическая речь, письменная речь, отработка грамматических форм и конструкций, работа с текстом. Говоря об универсальности инфографики, мы имеем в виду не только использование ее для развития различных видов речевой деятельности и на разных уровнях владения языком, но и в том числе то, что с ней можно работать как в группе, так и в парах и индивидуально. К тому же работа с графиками и инфографикой включена в экзамены ТРКИ на уровень В2 и С1. Следовательно, на наш взгляд обучать работе с такого рода информацией надо начинать с уровня А2–В1.

В нашей работе мы постараемся рассказать об опыте применения инфографики при работе с текстом, где она может помочь понять информацию, выделить ключевые точки или аспекты текста, сделать его более легким для чтения и восприятия.

При работе с текстом инфографику можно применять и в предтекстовой работе для введения в тему и отработки грамматического материала (повелительное наклонение, родительный падеж после числительных и т. д.), и в послетекстовых заданиях для высказывания своей точки зрения и обсуждения прочитанного.

Приведем несколько примеров использования инфографики при работе с текстом (в основном на уровне А2), которые мы применяем в нашей работе. Так, например, работу с текстом «Магия утра», в котором речь идет о полезных привычках, можно начать с инфографики «Заметки на каждый день». В этой инфографике представлены рекомендации: 9 тысяч шагов, 8 часов сна, 7 стаканов воды, 6 минут медитации, 5 овощей и фруктов, 4 перерыва на отдых, 3 приема пищи и 3 перекуса, 2 часа без телефона перед сном, 1 занятие спортом. Мы предлагаем студентам изучить инфографику и сказать:

- согласны ли они, что все эти привычки полезны;
- что их удивило в этой информации;
- какие еще полезные привычки, на их взгляд, можно назвать;
- какие полезные привычки у них есть;

– какие полезные привычки они хотели бы приобрести.

Помимо обсуждения полезных привычек, эта инфографика позволяет повторить грамматический материал, то есть употребление родительного падежа после числительных.

Использование инфографики в учебном процессе предполагает не только применение уже готовой графической информации, которую в огромном количестве можно отыскать в Интернете, но и создание собственной инфографики. Иногда это целесообразнее, так как можно учесть необходимый вам лексический и грамматический уровень владения языком. Создавать инфографику сегодня можно самостоятельно при помощи различных графических редакторов, например, photoshop и procreate, а также онлайн-платформ таких, например, как canva.com, pictochart.com, easel.ly и других. Эти онлайн-сервисы содержат большое количество шаблонов, схем, ментальных карт, графиков. Так, на основании статистических данных мы создали инфографику для темы «Хобби» и использовали ее для предтекстовой работы. Мы нарисовали схематические картинки для отражения данных о распространенных хобби в Беларуси: спорт – 28 %, чтение – 18 %, музыка – 8 %, рыбалка – 6 %, кино – 4 %, фото – 4 %, туризм – 3 %. Для работы с этой инфографикой мы предлагаем следующие задания:

- изучите инфографику и обсудите информацию с партнером в парах;
- как вы считаете, будут ли похожи результаты опроса в вашей стране;
- какие бы хобби вошли в топ в вашей стране, по вашему мнению;
- найдите в Интернете статистику по хобби в вашей стране и на основе этих данных создайте инфографику;
- представьте вашу инфографику и прокомментируйте для других студентов.

Можно предложить студентам создать подобную инфографику на основании данных текста (работа в парах или в мини-группах). Такие задания позволят разнообразить работу, заинтересовать студентов, сделать работу с текстом более эффективной.

Еще одна инфографика по теме «Хобби» представляет хобби для бедных (тусовки, игры, шоппинг, ТВ) и хобби для богатых (спорт, чтение, новые знания, поиск новых доходов). Эту инфографику мы использовали на более высоком уровне В1. Она помогает завязать дискуссию. Так, например, мы предлагаем:

- предположить, почему автор именно так классифицировал хобби;
- согласиться или не согласиться с такой классификацией хобби (хобби для бедных и хобби для богатых) и аргументировать свою позицию;
- предложить свои критерии для классификации хобби.

Этот вид работы развивает навык устной речи, критическое мышление, помогает вовлечь студентов в дискуссию.

Выше говорилось о том, что инфографику можно создать для конкретного текста. Но иногда интересная инфографика может натолкнуть на создание учебного текста на ее основе. Например, работа с инфографикой «Как быть счастливым» началась с отработки грамматических форм повели-

тельного наклонения (делай то, что нравится, меньше смотри телевизор, читай книги, занимайся спортом, радуйся жизни, помогай другим, верь в чудеса, будь ближе к семье и т. д.). Представленная в инфографике информация подтолкнула нас к созданию учебного текста на ее основе на тему «Секреты счастливой жизни. Советы» (уровень А2).

Еще одна инфографика «9 причин почему стоит начать день со стакана воды с лимоном» может послужить примером использования инфографики для послетекстовой работы. После прочтения текста о здоровом образе жизни, в котором говорилось о разных полезных приемах и привычках (уровень В2) студентам предлагаются следующие задания:

– изучите инфографику и проанализируйте аргументацию, почему полезно пить воду;

– трансформируйте информацию в монологическое высказывание;

– на основе текста и по модели этой инфографики составьте свою аргументацию для других полезных действий: есть фрукты и овощи, гулять на свежем воздухе, заниматься спортом, спать не менее 6 часов в сутки и т. п.

Выполняя эти задания, студенты развивают устную монологическую речь, совершенствуют навык аргументированного высказывания.

Таким образом, использование инфографики при работе с текстом может значительно улучшить качество процесса обучения, облегчить понимание текста, сделать информацию более доступной. Инфографику можно эффективно применять на уроках и для самостоятельной работы, и для работы в группах, и индивидуально. Инфографика разнообразит формы работы и дает возможность выводить студентов в речь, отрабатывать образование и употребление грамматических форм и конструкций.

А. В. Верниковская, М. Гараджаева

КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Роман в стихах «Евгений Онегин» представляет большой интерес с точки зрения не только содержания (как «энциклопедия русской жизни» XIX века), но и его высоких художественных достоинств. В этом произведении в полной мере проявилось поэтическое мастерство А. С. Пушкина, его авторское «Я», мысли, чувства, воззрения великого поэта.

В качестве объекта исследования нами были избраны компаративные конструкции, извлеченные из стихотворного текста романа (всего 87 сравнительных конструкций (СК), которые подлежали рассмотрению с точки зрения их структуры, лексико-семантических особенностей, а также в функциональном аспекте – роли в тексте произведения).

В результате анализа корпуса компаративных конструкций были выделены следующие структурные типы СК: с союзами *как*, *будто*, *как будто*; со словом *подобно*; с формой творительного падежа; с именем прилагатель-

тельным в форме сравнительной степени; СК – придаточная сравнительная часть сложного предложения; развернутые сравнения – самостоятельные предикативные единицы.

Наиболее употребительной в тексте романа оказалась модель с союзом *как*, в пределах которой выделено несколько подгрупп в зависимости от степени распространенности сравнительного оборота второстепенными членами.

СК нераспространенного типа представлены в романе многочисленными примерами, в том числе устойчивыми сравнениями (*горят как жар; глаза как небо голубые* и т.п.)

Им квас как воздух был потребен.
Летит, как пух, из уст Эола.
И вёрсты, теша праздный взор,
В глазах мелькают как забор.

А. С. Пушкин в своем романе несколько раз прибегает к сравнениям со словом *тень*, в частности при изображении главных героев – Татьяны Лариной и Евгения Онегина:

Бледна как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?..
За ней он гонится как тень.
Блестая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени.
Хандра ждала его на страже
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

Среди СК распространенного типа в тексте романа наиболее частотными являются атрибутивные словосочетания. Имя прилагательное, входящее в состав сравнительной конструкции, уточняет значение имени существительного, придает обороту особую образность и выразительность.

...И предается безусловно любви, как малое дитя.
Теперь, как в доме опустелом,
Всё в нём и тихо и темно.

СК атрибутивного типа являются средством характеристики персонажей, и прежде всего любимой автором Татьяны.

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива...

В мировой литературе для описания женской красоты издавна использовалось сравнение с луной. С помощью различных определений к слову *луна* А. С. Пушкин показывает динамику образа главной героини. Посредством сравнения с утренней бледной луной Пушкин раскрывает душевное состояние робкой юной Татьяны.

И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей не поднимает...

Совершенно иную Татьяну видим мы несколько лет спустя: перед нами уверенная в себе светская красавица.

Как величавая луна,
Средь жён и дев блестит одна.

Однако Пушкин в своем романе использовал сравнение с луной также и для негативной характеристики, вложив ее в уста циничного Евгения по адресу Ольги Лариной.

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

Характерной особенностью пушкинского стиля является использование в одном контексте нескольких сравнений.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила.
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна...

В состав многокомпонентных СК, кроме определения, могут входить также обстоятельство и дополнение, благодаря чему возрастает информативность и выразительность компаративной конструкции.

Исчезло счастье юных лет –
Как на лугах ваш лёгкий след.
Поэта память пронеслась
Как дым по небу голубому.

Из текста романа нами были извлечены также СК предикативного типа.

Приведем примеры СК, представляющих собой придаточные сравнительные части в составе сложного предложения.

...тревожит её ревнивая тоска,
Как будто хладная рука
Ей сердце жмёт,
как будто бездна
Под ней чернеет и шумит...
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

Наиболее совершенными в художественном отношении являются пушкинские развернутые сравнения со словом *так*, в которых заключены психологические, бытовые и пейзажные зарисовки, философские обобщения.

Гремят отдвинутые стулья;
Толпа в гостиную валит:
Так пчёл из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
И в сердце дума заронила
Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
И меркнет милой Тани младость:
Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

Образ бури, использованный автором в последнем фрагменте, неоднократно встречается на страницах романа, как и ранее упомянутые повторяющиеся образы тени и луны.

На образе бури построены рассуждения поэта о любви в его авторских отступлениях. В юности любовь подобна освежающему, животворному весеннему дождю.

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Её порывы благотворны,
Как бури вешние полям.

Однако в старости любовь, страсть могут быть губительны для человека, нести опустошенность и разрушение.

Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мёртвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

Анализ корпуса СК, извлеченных из текста романа, позволил сделать следующее наблюдение: по мере развернутости компаративной конструкции увеличивается ее образный потенциал, а значит, сила воздействия на читателя.

Сравнительные обороты у А. С. Пушкина нередко служат средством иронии при изображении персонажей.

В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной,
Румян, как вербный херувим.
С коня калмыцкого сваясь
Как зюзя пьяный,
И французам достался в плен...

Как женщин, он оставил книги,
И полку с пыльной их семьей
Задержнул траурной тафтой.

Пушкин с присущим ему неподражаемым чувством юмора использует сравнительные обороты также при описании различных ситуаций, явлений и бытовых деталей.

Как стих без мысли в песне модной
Дорога зимняя гладка.
За ним строй рюмок узких, длинный,
Подобно талии твоей...
...Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок.

Таким образом, в результате анализа корпуса компаративных конструкций были выявлены их структурные типы, установлено, что в тексте романа «Евгений Онегин» СК выполняют важную роль не только в качестве выразительно-изобразительного средства, но и как способ выражения авторского «Я». Сравнительные обороты присутствуют у А. С. Пушкина в пейзажных и бытовых зарисовках, в философских размышлениях, рассуждениях автора о жизни, о различных ее явлениях, предметах, выступают как средство характеристики персонажей (в том числе юмористической), помогают полнее и ярче выразить мысли и чувства самого автора этого бессмертного произведения.

А. В. Верниковская, Н. Мухитдинова

ЭПИТЕТ *ЗОЛОТОЙ* В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА

Среди изобразительно-выразительных средств поэзии Сергея Есенина особо выделяются эпитеты с семантикой цветообозначения. Поэт, выросший в деревне среди русской природы с ее неброской красотой, умел, как никто другой, в своих стихах передать тончайшие цветовые оттенки предметов и явлений окружающего мира. Цветовая палитра этого художника слова богата и разнообразна, однако наиболее часто в своих произведениях он использует такие краски, как синяя, голубая, белая, золотая.

Эпитет *золотой* является традиционным во всей мировой литературе, что вполне объяснимо. Ведь с давних пор золото, в силу своей красоты и ценности, выступает как эталон прекрасного. Именно поэтому данный эпитет относят к так называемым стертым, и его использование в современной литературе обычно воспринимается как свидетельство недостаточно хорошего вкуса писателя (*золотая осень, золотая пшеница, золотые листья*

и т.д.) Однако сказанное нельзя отнести к С. Есенину, у которого этот эпитет, хотя и встречается довольно часто, приобретает в поэтическом контексте особое звучание.

Слова *золотой* и устаревшее *златой* в значении «блестяще желтый, отливающий золотом, имеющий золотой оттенок» в русской классической литературе наиболее часто используются для передачи оттенков желтого цвета. Кроме того, в художественном стиле речи слово *золотой* часто встречается в значении «счастливый, прекрасный»: *золотая пора, золотое детство, золотое сердце*.

Сергей Есенин употребляет прилагательное *золотой* для изображения осеннего пейзажа, созревших хлебов, солнечного и лунного света, цвета волос. Особенно часто данный эпитет используется им в пейзажных зарисовках, обычно картин осени.

То сучья золотых стволов
Как свечи, теплятся пред тайной...
Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду...
Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком.

В есенинском тексте эпитет *золотой* не кажется «избитым», тривиальным, стертым, так как употребляется в составе оригинальной метафоры: *золотая роща отговорила березовым веселым языком*. Авторские эпитеты создаются за счет необычной сочетаемости прилагательных с именем существительным (*березовый, веселый язык*). В приведенных строчках заключена целая картина. Золотая роща уже *отговорила*, теперь же она тиха и печальна, сияет прощальной осенней красотой.

Сравнивая ветви деревьев с руками, а листья – с золотыми перстнями, поэт создает одухотворенный образ осенней природы:

Золотой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

В приведенных фрагментах эмоциональное воздействие эпитетов усиливается за счет метафор-олицетворений. Деревья подобны живым существам: они не просто шумят, а разговаривают; ветви берез словно руки в золотых перстнях.

Золотой свет излучает не только солнце, но и луна, месяц – любимый образ Есенина.

Рог золотой выплывает луны.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

Уподобляя солнце и луну животным, С. Есенин как бы «приземляет» эпитет *золотой* и вместе с тем делает образы небесных светил милыми, близкими сердцу.

Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.
Над рощею оценится
Златым щенком луна...
Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.

Неповторимость есенинского стиля заключается в создании словосочетаний, в которых прилагательное *золотой* связано со словами, обозначающими обыденные предметы крестьянского обихода. Например: *в золоченой хате, в златом закуте, златых коров, златые жерди, златой калач*. Сергей Есенин с помощью эпитета *золотой* романтизирует деревенский быт, выражая тем самым свою любовь к родным местам, кровную связь с деревней.

Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

В результате необычной сочетаемости слова *золотой* с существительными – названиями бытовых явлений и предметов достигается поразительный эффект: эпитет теряет свою торжественность, а слова, называющие обыденные предметы, наоборот, приобретают высокое поэтическое звучание.

Вьются паутины с золотой повеи,
Где-то мышь скребется в затаенной клетке...
Золотой известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц...

Определение *золотой* используется Есениным применительно не только к конкретным, но и зачастую с абстрактными именами существительным. Так, смысл словосочетания *златое затишье* раскрывается в следующей пейзажной зарисовке:

Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!

Золотистый цвет волос самого поэта располагает к созданию оригинальных образов, в том числе связанных с грустным расставанием с уходящей молодостью.

Куст волос золотистый вянет.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!
Руки милой – пара лебедей –
В золоте волос моих ныряют.

В стихотворении «Я усталым таким еще не был» золотому жизнеутверждающему цвету противопоставляется серый цвет, символизирующий тоску, увядание.

Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

В приведенных примерах, наряду с золотой, встречаются также цветообозначения *золотистый* и *золото*. В прилагательном *золотистый* суффикс *-ист* выступает в значении «похожий цветом на золото, подобный золоту».

Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

В ряде примеров нами зафиксированы эпитеты – имена существительные *золото*, *позолота*: *хвойная позолота*, *золото волос*.

В одном из самых пронзительных стихотворений С. Есенина «Песнь о собаке» эпитет *золотой* использован при создании картины большой эмоциональной силы воздействия на читателя. Поэт посвятил стихи собаке, оплакивающей детенышей, которых у нее отняли жестокие люди.

Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Как видно из приведенного фрагмента стихотворения, эпитет *золотой* входит в состав других тропов – в данном случае образного сравнения (*золотыми звездами*) и метафоры (*глаза... покатались в снег*).

Прием использования нескольких тропов в одном контексте, как уже отмечалось, является типичной чертой есенинского стиля и создает неповторимые картины, выразительные образы. Приведем еще один пример совмещения образного сравнения и метафоры, в котором поэт метко сравнивает рождение стихотворения с вынашиванием яйца курицей.

Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Данный фрагмент демонстрирует глубокую связь творчества Сергея Есенина с русским фольклором. Всем известна русская народная сказка о курочке Рябе, которая снесла золотое яичко.

В поэтических текстах С. Есенина позднего периода его творчества встречаются авторские неологизмы – сложные слова, в состав которых входит корень *-золот-/-злат-*.

И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь...
Облака лают,
Ревет златозубая высь...

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут...

Используя эпитет *золотой/златой*, С. Есенин сумел создать целых ряд образов, которые отличаются оригинальностью, свежестью: *златой родник, златая Русь, солнце златою печатью...*, *золото цветения, золотой порошей, златые ресницы* и т.п.

Таким образом, анализ примеров использования Сергеем Есениным эпитета *золотой* показал, что под пером талантливого, самобытного поэта это широко употребительное определение зазвучало по-новому.

Г. А. Гвоздович

О ВНУТРЕННЕМ СОДЕРЖАНИИ ЛЕКСЕМЫ *МИР* В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Слово, его внутреннее содержание, являясь основным языковым источником знаний об окружающей действительности, в любом языке как нельзя лучше показывает представление о реалии носителями языка, что требует особого отношения исследователей к внутренней структуре лексемы и эквивалентной передаче ее содержания. Материалом нашей работы послужили словари разного уровня.

Слово *мир* выбрано нами не случайно, оно актуально в любое время, но особенно в наше. Интересно также проследить, как это понятие отражается в русском и белорусском языках, которые являются близкородственными. «Краткий этимологический словарь» Шанского, Иванова, Шанской указывает, что слово мир – «общеславянское, имеющее соответствия в балтийских языках (н-р, др.-лит. “*mieras* – мир, тишина”, латышск. *miers* – мир). Образовано посредством суф. -рь от той же основы, что и МИЛЬИЙ. В современном русском языке лексема МИР является омонимичной (подается в двух словарных статьях), а каждый омоним еще и многозначен».

Омонимия лексемы *мир* в русском языке имеет исторические корни. Как свидетельствует история русского литературного языка, для обозначения звука [и] были три буквы: знакомая нам «и», которая называлась иже, (И восьмеричное); известная из латинского алфавита «I (i)» – так называемое і десятеричное и еще одна буква: «V» – ижица. Каждая требовала к себе особого подхода. Ижица к нашей теме не имеет прямого отношения; В. И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» пишет об Vжице, что она отвечает за «и» и за «в», и приводит примеры старинных русских имен греческого происхождения: Vпат (Ипат), Евфимій (Евфимий) и Евдокія (Евдокия).

Буква «I (i)», как справедливо отмечает Елена Первушина, выполняла в русской орфографии совершенно особую задачу. Когда букву «I (i)» использовали для счета, она имела значение цифры 10. Вот почему в русском языке ее стали называть «і десятеричное». Буква «И (и)» получила название

«И восьмеричное», так как «отвечала» за цифру 8. Так буква «I (i)» вошла во все языки восточных славян: русский, украинский и белорусский. Для нее нашлось свое, особое, место: ее писали в тех словах, где звук [i] должен произноситься перед гласными и перед [й]: *исторія, русскій, Іерусалимъ* и тому подобное. Буквы «И» и «I» выполняли еще одну функцию, имеющую непосредственное отношение к нашей теме: они различали омонимы *мір* и *мир*. Е. Первушина с опорой на словари замечает, что в русском языке существуют два омонима слова *мир*: один из них означает такое состояние, когда отсутствует война, а другой – окружающий нас мир, мирозданье и человеческое общество. Так, в частности, миром называлась сельская община, которая, собираясь на «мирские сходы», решала дела «всем миром», а потом устраивала пиры «на весь крещеный мир». Так вот, чтобы различить эти значения, в первом случае стали писать букву «и», а во втором «і» (*мірской сход, решить всем міром*). Таким образом, буквы «И (и)» и «I (i)» различали омонимы *миръ* и *міръ*. *міръ* – вселенная, люди, *миръ* – антоним к слову *война*. Точно так же слово *война* означает не только военные действия между враждующими армиями, но и моральную враждебность людей в мирной жизни, разделенных социальными и нравственными барьерами. Здесь же на память приходит и название знаменитого романа Л. Н. Толстого «Война и мир», которое скрывает глубокий философский смысл, хотя на первый взгляд и кажется очевидным. Существует легенда, что Л. Н. Толстой использовал в названии слово *міръ* – в значении ‘вселенная, люди’. Однако на портале «Культура.РФ» отмечается, что «Все прижизненные издания романа Толстого выходили под названием “Война и мирь”».

Название романа Льва Толстого «Война и мир» скрывает глубокий философский смысл, хоть на первый взгляд и кажется очевидным. Дело в том, что в дореволюционное время слово *мир* имело два буквенных начертания и два значения: *міръ* – «вселенная, люди», и «миръ» – антоним к слову *война*. Слово *война* также означает не только военные действия между враждующими армиями, но и моральную враждебность людей в мирной жизни, разделенных социальными и нравственными барьерами. Существует легенда, что Л. Н. Толстой якобы использовал в названии слово *міръ* – в значении ‘вселенная, люди’. Однако все прижизненные издания романа Толстого выходили под названием «Война и мирь».

Рассмотрим различные версии возникновения этой легенды. По одной из них, путаница возникла при первой полной публикации романа в 1868 году. В издательстве Михаила Каткова вышла книга, на титульном листе которой было написано «Война и миръ». Интересно, что заглавие в документе – «Тысяча восемьсотъ пятый годъ» – было зачеркнуто одной чертой, а рукой самого Льва Толстого над словами «Тысяча восемьсот» написано: «Война и миръ». При этом в самом начале документа над словами «Милостивый Государь, Михаилъ Николаевичъ» карандашом написано: «Война и Міръ» – это сделала уже Софья Толстая, когда наводила порядок в бумагах мужа в 1880-е годы. Другие исследователи считают, что легенда возникла из-за опечатки, допущенной в издании 1913 года под редакцией Павла Бирюкова.

В четырех томах романа заглавие используется восемь раз: на титульном листе и на первой странице каждого тома. Семь раз используется слово *миръ* и лишь один раз *міръ*, на первой странице первого тома.

Существует и еще одна версия: согласно ей путаница произошла из-за опечатки в оригинальном издании популярного труда «Пути русского богословия» Георгия Флоровского. В написании названия романа он использовал букву «і».

Итак, мы сейчас знаем только букву «И (и)», которая, как свидетельствуют исторические данные, до XVI века означала сразу два звука: гласный [i] и согласный [j]. Позже, чтобы различать эти звуки, там, где нужно было прочесть [j], над «и» стали ставить галочку. Так появилась еще одна хорошо знакомая буква «й». Известно, что на протяжении трехсот лет она «дружила» с буквой «І (і)» и «требовала» ставить ее на письме перед собой, так же как перед гласными. Например, название романа А. С. Пушкина до революции 1917 г. писали так: «Евгеній Онѣгин». После реформы правописания 1918 года букву «І (і)» в русском языке упразднили. В других славянских языках всё сложилось иначе. Украинский оставил «І» и с одной точкой и с двумя, а в белорусском «І (і)» вовсе заменила «и».

Библейское понимание слова *мир* двояко, различается оно по настоящему времени разным начертанием. С одной стороны, это мир, созданный благим и любящим Богом, в котором изначально не было ничего несовершенного. Как пишет священник Михаил Браверман, слово *мир* несет в себе разные значения, а в церковнославянском языке имеет и два разных написания. *Мир*, с которым мы призваны приносить свою молитву Богу, обозначает покой сердца в Боге – в противовес тому *міру*, который «лежит во зле» (1Ин. 5:19) и часто обозначает всю совокупность греха. После грехопадения человека этот *мір* перестает быть Божиим, уходит от Бога. Но Бог так любит человека, что Сам приходит в этот *мір*, «чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). И посреди падшего *міра* человек может обрести мир Христов, быть с Богом. В написании различают *мір* (социум, общность людей, иногда – тварная вселенная в целом), *мир* (покой, лад, согласие, гармония) и *муро* (миро благовонный состав для священного помазания). Есть и слова апостола Иоанна Богослова: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1Ин. 2:15). Безусловно, апостол Иоанн имеет в виду не людей и не природу, а мир греха (как пояснял прп. Исаак Сирин, «Слово мир есть имя собирательное, обнимающее собою так называемые страсти»). Поэтому, единственное, чего должны гнушаться христиане и что им нужно умерщвлять, – это грех, отделяющий человека от Бога (1Ин. 2:15. «Мір» – это житейское море, по которому плывет корабль спасения – Церковь. А «мир» – это мир Христов, Царство Божие. Господь о Самом Себе сказал: «Я не от *міра сего*» (Ин. 8:23), а своих учеников предупредил: «Если *мір* вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел».

Авторы «Русско-белорусского словаря» под ред К. К. Атраховича в полной мере разработали смысловую сторону вынесенной нами в заглавие статьи лексемы.

«МИР. 1. м 1. (вселенная – белор. СВЕТ, род. свету м; мн. светы, -таў; сусвет, -ту м; множество миров – мноства светаў;

2. (область явлений, понятий, сфера жизни, среда: СВЕТ, род свету м; НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР – неарганічны свет; АРТИСТИЧЕСКИЙ МИР – артыстычны свет, КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР – капіталістычны свет;

3. (сельская община) ист. ГРАМАДА, МІР.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ переводятся другими словами.: на миру и смерть красна – на людзях і памерці не страшна; ПУСТИТЬ ПО МИРУ – пусціць з торбамаі; ХОДИТЬ ПО МИРУ уст. Хадзіць з торбамаі, жабраваць; ВСЕМ МИРОМ – усёй грамадой; НЕ ОТ МИРА СЕГО – як не з гэтага свету, як не у сабе; СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО – уладныя людзі).

МИР 11 м 1.

1. (отсутствие вражды) мір, род. Міру, м; (согласие) згода, злагадады, ж ФР.: ЖИТЬ В МИРЕ жыць у згодзе (злагадзе).

2. Спокойствие, тишина – спакой -ою м., цішыня -ні ж.

3. (прекращение, отсутствие войны) – мір, род.міру м. ФР, ЗАЩИТА ДЕЛА МИРА АБАРОНА справы міру; заключить мир – заключыць мір; ГОЛУБЬ МИРА – голуб міру; ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ДОБРОЙ ССОРЫ; лепш благі мір, чым добрая сварка».

Таким образом, из всех употреблений слова *мир* в русском языке, в белорусском языке только в одном значении это слово переводится как ‘мир: прекращение, отсутствие войны’. В остальных случаях мы находим такие эквиваленты, как ‘свет, сусвет, грамада, пакой, спакой, згода, злагада’. Фразеологизмы, содержащие компонент МИР в русском языке, в белорусском языке имеют в основном смысловые соответствия.

А. А. Дерунова

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРОБЕЛОРУССКИХ «ЖАЛОБНИЦ»

Приступая к анализу композиционных особенностей старобелорусских жалобниц, следует определить, какой же вид документа следует называть жалобницами. В Историческом словаре старобелорусского языка под ред. А. Туровского *жалобницей* называется «тое, что і жалоба». *Жалоба* «дакумент, папера з пераказам скаргі».

Тексты жалоб мы находим в составе актовых книг городских и земских судов. Жалобы и заявления составляли значительную часть документов, вписанных в городские книги. Например, из 652 актов, зафиксированных в 22-м томе, составленном из актов Слонимского земского суда с 1556 по 1571 гг., 467 актов представляют собой жалобы и заявления. Жалобы создавались по разным вопросам: при нанесении обиды, побоев, при разрыве плотин в пруду, при захвате хлебов, лугов и земли, за порубку леса,

при потраве хлебов и лугов и т.п. Как указывается в предисловии к «Актам, издаваемым Виленской археографической комиссией для разбора древних актов», дела об обидах, убытках и грабежах начинались с жалобы потерпевшей стороны. «Обиженный» должен был пригласить «вознаго» или назначенного судом «вижа» и в присутствии 2 понятых показать следы произошедшего. Человек, назначенный судом, доносил об увиденном суду и его слова вместе с жалобой потерпевшего записывались в судовые книги. Выпись из этих книг и служила основанием для начала судебного дела.

К анализу мы привлекали тексты жалоб, извлеченные из судебных книг.

В структуре проанализированных документов можно выделить три части: начальный протокол, основную часть и конечный протокол.

Начальный протокол жалоб включает в себя указание на время составления документа, т.н. *datum*. Первое дело, которое рассматривается судом, имеет указание на точную дату, время составления последующих дел, рассмотренных в тот же день, указывается как «тогож дня». Это связано с особенностью ведения записей в книге дел земского или городского судов и экономией места в книгах. Далее в тексте документа указывается лицо (лица) и его (их) социальное положение, при котором(ых) происходит запись дела и который(ые) выслушивает(ют) жалобу, называется имя собственное и социальное положение лица, ведущего «заседание» суда. Например: *Пры бытнoсти на тот чсь велеможного пана, пана Миколая Ясенского, писара его кр. мсти великого князства литовского, поткоморого земьли Виленьское, державцы Любошаньского, войта места гсдрьского Могилевского упривилеваного* (Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 39, с. 17); *передь нами Петромь Кохлевскимь, судьею, Теодоромь Станиславомь Букрабою, подсудкомь, а Петромь Потеемь, писаромь, врадниками судовыми земскими воеводства Берестейского* [Там же, т. 2, с. 309]; *Приежчалъ до мене Григорья Воловича, маршалка господарьского, старосты Слонимьского, а Яна Викторына, а Миколая Павловича Юндила, судьей господарьскихъ Слонимьскихъ повету Троцкого* (Там же, т. 22, с. 60). В некоторых текстах указание на лиц, рассматривающих дело, заменено формулой «пришедши до книгъ», «ставши у книгъ», «пришедши до книгъ земьскихъ» (Там же, с. 49, 53).

Следующая структурная часть, входящая в состав начального протокола, отражает в тексте документа указание имени того, кто жаловал и имени его обидчика с указанием или без их социальных статусов: *земянинъ господарский Слонимскій Гришко Васкевичъ* (Там же, с. 53).

Обиженные или жалуются сами, или записывают жалобу со слов или подтверждения *вознаго*, который видел дело на месте.

Далее следует текст жалобы, его основная часть, в которой излагается причина жалобы.

В конечном протоколе записываются результаты слушаний и присужденное *войтом*, например, решение, а также указывается место внесения жалобы в судебные книги.

Структура документа имеет следующие части: начальный протокол, который включает *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ), *inscriptio* (обозначение адресата), *salutation* (приветствие); основная часть, включающая *prologus* (преамбула), *promulgatio* (публичное объявление), *narratio* (изложение обстоятельств дела), *dispositio* (распоряжение по существу дела), *sanctio* (запрещение нарушения документа); конечный протокол (*datum* – место и время выдачи, *appreciation* – заключение-благожелание) (С. М. Каштанов).

Можно сделать вывод, что к концу XVI века формуляр такого жанра документа, как жалоба уже был выработан в деловой практике, однако закрепления названия за этим жанром еще не произошло.

А. А. Долгович

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ТРАНСПОЗИЦИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ТУРЕЦКОГОВОРЯЩИМИ УЧАЩИМИСЯ

В методике преподавания иностранных языков уделяется большое внимание таким явлениям, как межъязыковая интерференция и положительный перенос (транспозиция), которые оказывают существенное влияние на процесс овладения иностранным языком. Использование родного языка учащихся при обучении иностранному языку часто приводит к возникновению таких явлений.

При приобретении навыков использования неродного языка «перенос» в целом характеризует влияние родного языка учащегося на изучаемый язык. Влияние родного языка приводит к ошибкам в процессе приобретения или использования изучаемого языка. Выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного. Мы говорим о том, что происходит отрицательный перенос, или интерференция. Когда же влияние родного языка не вызывает в изучаемом языке нарушения нормы, но стимулирует уже существующие в нем закономерности (т. е. позволяет учащимся использовать в своей языковой деятельности то, что в их предыдущем опыте уже использовалось для решения аналогичных задач), мы говорим о положительном переносе или транспозиции.

Фонетическая интерференция представляет собой отождествление инофоном фонетической системы изучаемого языка с фонетической системой родного языка. Причинами фонетической интерференции являются различия артикуляционной и орфоэпической системы языков.

При обучении турецкоговорящих русской фонетике очень важно сразу обратить внимание на то, что в русском языке отсутствуют гласные звуки, которые были бы совершенно аналогичны турецким. Лишь частично схожи русские гласные [и], [е], [э], [а], [о], [у] с соответствующими турецкими звуками.

Интерферирующее влияние турецких носовых гласных проявляется особенно ярко при произношении интернациональных слов (*студент, тон, альянс, диктант, магазин, концерт* и т. д.), в которых наблюдается частичная назализация русских гласных.

В русском языке присутствует явление палатализации, т. е. согласные смягчаются перед гласными переднего ряда, что совершенно не свойственно турецкому языку. Поэтому учащиеся часто на месте русских мягких согласных, например, в таких словах, как *телефон*, *директор*, *институт*, произносят по аналогии твердые.

Грамматическая интерференция является негативным переносом явлений грамматической системы родного языка на изучающийся язык. В русской речи турецких инофонов грамматическая интерференция обнаруживается в системе падежей. В турецком языке тоже присутствует падежная система, но глагольное управление у многих глаголов отличается от русского (в русском языке после глагола *звонить* используется дательный падеж (звонить кому?), в турецком – винительный (*aramak kimi*); в русском с глаголом *купить* мы используем предложный падеж, а в турецком – родительный: *купил в магазине – mağazadan aldım* ‘купил из магазина’).

У турецких слушателей наблюдаются так же ошибки при употреблении числительных с существительными. В турецком языке существительные с числительными не согласуются, а остаются в единственном числе (*пять яблок – beş elma*).

Лексическая интерференция представляет собой заимствование инофонов лексем из первичного языка в изучаемый. Ошибки могут возникнуть при употреблении глаголов *знать* и *уметь* (*я знаю играть в футбол*), *включать* (*я открываю свет – ışığı açuyorum*).

Многие аспекты русского и турецкого языков имеют сходства, однако внутри них наблюдаются различия, которые могут привести к появлению интерференции. Преодоление интерференции представляет собой сложный процесс, однако при правильно выбранных способах и приемах обучения негативного переноса можно избежать.

Таким образом, интерференция представляет собой явление, оказывающее отрицательное влияние на овладение новым языком, в то время как транспозиция делает процесс изучения языка гораздо более простым.

О. Н. Жизневская, М. Станкевич

РАЗРАБОТКА ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ СТРАНОВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Тесная взаимосвязь языка и культуры предполагает использование в процессе обучения иностранному языку лингвострановедческого подхода, целью которого является наполнение содержания обучения такими знаниями, которые обеспечивали бы не только языковую грамотность, но и необходимую страноведческую осведомленность. В данной статье рассматриваются особенности формирования лингвострановедческой компетенции у студентов-иностранцев в ходе работы с соответствующими видеоматериалами.

Отметим, что в практике преподавания РКИ существует нехватка качественного, современного видеоматериала, созданного с учетом специфики

конкретной страны, в которой русский язык является государственным, в частности, в Беларуси. Большинство современного материала страноведческого характера посвящено России, но для иностранцев, которые выбирают другую страну обучения (Беларусь), в первую очередь необходима информация о данной стране.

Обзор учебных материалов страноведческого характера, созданных для иностранцев в Беларуси, показал, что информация о ключевых местах и деятелях Беларуси ограничивается чаще всего набором фактов. Стоит отметить, что в существующих учебных пособиях не предусмотрено дополнений в виде аудио- или видеоматериалов. Это свидетельствует об актуальности разработки видеоматериалов страноведческой направленности для обучения РКИ с учетом национально-культурной специфики страны, в которой изучается русский язык.

В своей статье нам хотелось бы продемонстрировать фрагмент авторского проекта «Минск по алфавиту», который представляет собой комплекс, состоящий из видеоматериалов о значимых местах столицы, и упражнений к ним (традиционных и интерактивных). Данный материал предназначен для студентов-иностранцев, изучающих русский язык на уровне В1, и посвящен железнодорожному вокзалу. Видео было снято и смонтировано нами.

Задание 1. Любите ли вы путешествовать? Если вы едете в другой город/другую страну, какой транспорт выбираете?

Вы когда-нибудь ездили на поезде или на электричке в своей стране? Если да, то куда? А в Беларуси?

Задание 2. Соедините слова с соответствующими числами.

1872 год	тысяча восемьсот девяностый год
1890 год	тысяча девятьсот девяносто первый год
1946 год	двухтысячный год
1953 год	тысяча девятьсот сорок шестой год
1991 год	семь тысяч
2000 год	тысяча восемьсот семьдесят второй год
7000	тысяча девятьсот пятьдесят третий год

Интерактивное упражнение: <https://wordwall.net/ru/resource/56503151>

Задание 3. Уточните по словарю значения приведенных слов.

Бастион, хай-тек, орнамент, символ, симметричный, трофей, диаметр.

Задание 4. Замените слова в кавычках синонимами.

А ещё это место «с историей» (1), несмотря на его явно современное «лицо» (2). «Визитка» (3) Минска в ее современном виде оставляет жителям и гостям неизгладимые впечатления.

Задание 5. Знаете ли вы фразу «Театр начинается с вешалки»? А с чего, на ваш взгляд, начинается город?

Это Бранденбургские ворота в столице Германии, Берлине (демонстрация фото).

А знаете ли вы, где находятся главные ворота Минска? (демонстрация фото). Что расположено напротив них?

Задание 6. Посмотрите видео и ответьте на вопрос: можно ли сказать, что железнодорожный вокзал имеет богатую историю?

Задание 7. Посмотрите видео еще раз и отметьте высказывания как верные (В) или неверные (Н). Если предложение неверное, исправьте ошибку.

1. Железнодорожный вокзал в Минске – визитная карточка столицы. 2. Первое здание железнодорожного вокзала было построено в Минске в 1890 году. 3. Во время Великой Отечественной войны вокзал был разрушен. 4. Новое здание железнодорожного вокзала, открытое в 2000 году, способно принять около 5 тысяч пассажиров. 5. Зал ожидания – самое нелюбимое место пассажиров на вокзале. 6. Гости фотографируются на «золотой» плитке на втором этаже. 7. На Привокзальной площади стоят две башни – ворота города. 8. Самые большие в Беларуси часы на одной из башен были подарком немцев. 9. Минский вокзал оставляет у своих гостей приятные впечатления.

Интерактивное упражнение: <https://wordwall.net/ru/resource/56503226>

Задание 8. Ответьте на вопросы.

1. Почему вокзал в Минске называют местом с «историей»? 2. После какого ужасного события здание вокзала пришлось полностью восстанавливать? 3. Для чего нужен узор-орнамент на дверях зала ожидания? 4. Где можно загадать желание посетителям вокзала? 5. Какой символ столицы виден из окон здания вокзала? 6. Чем уникальны часы на одной из башен?

Задание 9. Составьте предложения из двух частей в таблице, вспомнив, что где находится. Н а п р и м е р: *На куполе в зале ожидания находится национальный орнамент.*

купол в зале ожидания	узоры на дверях
зал ожидания	две башни – ворота города
балкон на втором этаже	самые большие часы в Беларуси
Привокзальная площадь	«золотая» плитка
одна из башен	национальный орнамент

Задание 10. Представьте, что ваш друг приезжает на поезде в Минск. Что интересного вы можете показать ему на вокзале, когда встретите его? Теперь ваш друг уезжает из Минска. Посоветуйте, чем он может заняться на вокзале, пока дожидается прибытия своего поезда.

Задание 11. Проверьте себя. Соедините слова с их синонимами.

бастион	узор
хай-тек	соответствующий, одинаковый
орнамент	добыча (захваченная при победе)
символ	современный стиль в архитектуре
трофей	крепость
симметричный	знак

Интерактивное упражнение: <https://wordwall.net/ru/resource/56503385>

Задание 12. Восстановите предложения из видео.

1) вокзал карточка Минске в столицы Железнодорожный – визитная; 2) году 1872 Первое вокзала здание построено Минске было в железнодорожного в; 3) Отечественной Во разрушен Великой время вок-зал войны был; 4) ожидания – любимое Зал пассажиров вокзале место самое на; 5) этаже небольшого прямо в находится центре На втором, плитка балкончика «золотая»; 6) вели-чественно города На площади башни Привокзальной стоят две – ворота; 7) из часы На самые Беларуси башен одной большие в находятся; 8) виде «Визитка» впечатления остав-ляет Минска её неизгладимые в современном.

Интерактивное упражнение: <https://wordwall.net/ru/resource/56503493>

РУССКИЕ ПАРОНИМЫ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В иностранной аудитории паронимы традиционно рассматриваются на занятиях по лексике или по развитию навыков устной речи. По мнению некоторых методистов, изучение паронимов целесообразно начинать на среднем этапе обучения (уровень В1+), поскольку до этого студенты не обладают достаточными знаниями по русскому языку. Более того, данные слова достаточно употребительны, именно поэтому их часто включают в сертификационные тесты ТРКИ-2, ТРКИ-3 для того, чтобы проконтролировать уровень сформированности лексических навыков и умений.

Анализ «Лексических минимумов по русскому языку как иностранному» (1-й, 2-й и 3-й сертификационные уровни) и представленности паронимической лексики в учебных пособиях по русскому языку как иностранному позволил выявить некоторые проблемные моменты. В о - п е р в ы х, паронимы-прилагательные, характеризующиеся высокой частотностью, семантической ценностью, широкой сочетаемостью недостаточно отражены в средствах обучения РКИ. Рассматривается лишь небольшая группа паронимов, что подразумевает дальнейшую самостоятельную работу студентов. В о - в т о р ы х, есть некоторое количество паронимов, которые встречаются в тестовых заданиях ТРКИ-3, но не прописаны в «Лексическом минимуме по русскому языку как иностранному» данного уровня: *конструктивный – конструкторский, цветочный – цветовой – цветистый* и т.п. В - т р е т ь и х, было выявлено 16 пар паронимов, которые вообще не представлены в учебных пособиях: *авторитарный – авторитетный, годовалый – годовой, доходный – доходчивый, женский – женственный* и т.п. Эти паронимы не отрабатываются студентами, но их знание предполагается при сдаче ТРКИ-3, поэтому нашей задачей в исследовании является разработка учебно-методических материалов, направленных на формирование навыков корректного использования данных лексических единиц в речи инофонов.

В данной статье мы представим разработанные нами задания (традиционные и интерактивные), направленные на формирование правильного употребления в речи паронимической пары *доходный – доходчивый*.

Доходный

приносящий доход, прибыльный

Доходчивый

доступный пониманию, легко доходящий до сознания

Упражнение 1. Укажите, какие из паронимов имеют значение ‘прибыльный’, а какие – ‘доступный пониманию’

‘прибыльный’

‘доступный пониманию’

доходный бизнес

доходчивое усвоение

доходный дом

доходное имение

доходчивое повествование

доходное предприятие

доходное хобби

доходчивая идея

Упражнение 2. Какие из приведенных ниже существительных вы употребите с прилагательным *доходный*, а какие – с прилагательным *доходчивый*?

занятие
место
рассказ
объяснение
бизнес
язык
промысел
дом
слова
доходчивые
доходное
доходчивое
доходный
доходчивый
доходный
доходный
доходчивый
доходное

Упражнение 3. Выберите правильный вариант, употребив соответствующий пароним в нужной форме.

1. (Доходный/доходчивый) бизнес сделал его состоятельным человеком.
2. Благодаря (доходный/доходчивый) объяснению преподавателя, я хорошо усвоил тему.
3. Его доводы были (доходный/доходчивый) и убедительными.
4. Этот человек умел повлиять на своих сослуживцев метким (доходный/доходчивый) словом.
5. Превратить творческое хобби в (доходный/доходчивый) профессию – удастся крайне редко.

Упражнение 4. Вместо точек вставьте в предложения подходящие по смыслу паронимы, употребив их в нужной форме.

1. Ее объяснение было очень
2. Впервые дома в Петербурге появились в XVIII веке.
3. Выращивание тюльпанов и их торговля превратились в ... промысел.
4. Он создал ... бизнес и достиг процветания.
5. Самый ... и известный метод обучения – личный пример!

Это интересно

Доходный дом – это Петербург в миниатюре. В нем соединялись все слои населения – дворянство, купечество, мещанство, разночинцы и аристократы. Любой дом можно было представить как иерархию населяющих его людей, целую систему слоев общества. Состоятельные чиновники и служащие снимали квартиры вдоль наружных фасадов, а квартиры по внутреннему периметру сдавались разночинцам. Владельцы ателье и модных магазинов обычно занимали первые этажи. Вторые в большинстве случаев обживали конторские служащие. Наиболее престижными считались третьи этажи. Их населяли чиновники, банкиры и купцы. Простой люд снимал квартиры этажами выше. Чердаки, мансарды и флигели арендовали студенты и нижние чины. А этажи ниже тротуара – подвалы и полуподвалы – могли сдаваться городской бедноте или под мастерские. Современный облик Санкт-Петербурга невозможно представить без такого явления, как доходные дома. Сейчас они не просто часть города, а архитектурные памятники, несущие печать целой исторической эпохи.

✓ **А в вашей стране есть доходные дома?**

Скрайбинг... На первый взгляд, новообразованный неологизм... Но на самом деле с этим понятием мы знакомы с детства. Ведь когда-то мы все были в определенном смысле скрайберами. С помощью простых рисунков мы пытались передать увиденное, услышанное, определенную информацию, чувства, настроение, эмоции. Оказывается, таким образом можно просто и доходчиво рассказать о сложном, интересно объяснить определенный материал. Данный метод получил название *скрайбинг* – процесс визуализации сложного содержания простым и доходчивым способом, во время которого зарисовка образов происходит прямо во время передачи информации. Особенность скрайбинга заключается в том, что одновременно задействуются различные органы чувств: слух и зрение, а также воображение человека, что способствует лучшему пониманию и запоминанию. Именно эти особенности делают скрайбинг одним из доходчивых методов объяснения сложного материала. Стоит отметить его доступность, ведь использовать эту технику может каждый человек в своих ежедневных делах.

✓ **Вы когда-нибудь слышали про скрайбинг? Как вы считаете, является ли данный метод объяснения доходчивым?**

Поговорим?

1. Как вы считаете какой бизнес является доходным?
2. Производство масок в период пандемии – это доходный бизнес?
3. Какое объяснение для вас является доходчивым?

По следующим ссылкам размещены задания самостоятельной и контрольной работы <https://learningapps.org/watch?v=ptffx60s223>, <https://learningapps.org/watch?v=p22vhev8523>.

И. С. Каминская, Е. Дюдикер

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ “STORYTELLING”
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

Применение современных коммуникативных технологий обучения в преподавании иностранных языков, без сомнения, способствует активизации коммуникативно-познавательного интереса обучающихся. Одной из таких технологий является “Storytelling”, полное название которой – “Teaching Proficiency Through Reading and Storytelling” («Обучение свободному владению языком через чтение и рассказывание историй»).

Как и все образовательные технологии, «Storytelling» представляет собой совокупность приемов, выстроенных в определенной последовательности и реализующихся в три этапа: 1) введение и семантизация незнакомой лексики; 2) рассказ истории; 3) чтение текста истории и ее обсуждение. Каждый из этапов имеет свою специфику.

Семантизация лексики осуществляется через перевод на родной язык учащихся или язык-посредник, а также с помощью наглядности. Используются интерактивные приемы объяснения и проверки усвоения новых слов. Например, за каждым словом «закрепляется» определенный жест, и преподаватель, контролируя понимание лексических единиц, просит учащихся закрыть глаза и показать называемое им слово. Преподаватель также может задавать учащимся вопросы, ответы на которые предполагают использование изучаемого лексического материала.

Второй этап технологии – собственно сторителлинг – имеет две формы реализации: рассказ преподавателем готовой истории или так называемый “storyasking”, когда история создается самими учащимися в процессе ответов на вопросы. Выбор формы реализации второго этапа зависит от цели занятия, уровня группы и творческих способностей учащихся. Если преподаватель выбирает работу с готовой историей, ее изложение тоже обязательно сопровождается вопросами.

В сторителлинге используются «горизонтальные» и «вертикальные», а также «циклические» вопросы. «Вертикальные вопросы – это вопросы к одному и тому же члену предложения, которые помогают рассказать о нем как можно более подробно. <...> А горизонтальный вопрос – это переключение внимания на новую тему, переход к другому элементу (к которому можно задать новую серию вертикальных вопросов) (<https://storytellingrussian.com/>).

Приведем пример вертикальных и горизонтальных вопросов. Преподаватель озвучивает первую фразу истории: *Василий сегодня не пошел на работу*. Вертикальные вопросы: *Сколько лет Василию? Кем он работает? Есть ли у него семья?* и т.п. Горизонтальный вопрос: *Почему Василий не пошел на работу?* Важной особенностью технологии является то, что, даже не зная правильного ответа на вопросы, учащиеся должны высказать свое предположение.

Циклические вопросы задаются к одному и тому же предложению по определенной схеме, например: *Василий сегодня не пошел на работу? – Да, Василий сегодня не пошел на работу. Василий сегодня не пошел на работу или в парк? – Василий сегодня не пошел на работу. Василий сегодня не пошел в парк? – Нет, Василий сегодня не пошел на работу. Кто сегодня не пошел на работу? – Василий. Куда сегодня не пошел Василий? – На работу*. В ходе ответов на циклические вопросы закрепляются новые слова; кроме того, многократное повторение фразы способствует усвоению грамматических моделей в их конкретной лексической реализации. Циклические вопросы особенно эффективны при работе в слабых группах, а также для дифференциации обучения в разноуровневой группе: вертикальные и горизонтальные вопросы можно задавать более сильным учащимся, циклические – более слабым.

На третьем этапе сторителлинга осуществляется совместное чтение текста истории, цель которого – обеспечить максимальное понимание ее содержания. Текст читается и переводится по абзацам, учащиеся отвечают на вопросы, проверяющие понимание фактов, изложенных в истории. Обязательной частью третьего этапа является расширение текста новыми подробностями, а также составление параллельной истории (с аналогичным сюжетом, но другими действующими лицами). Полученные истории снова читаются вслух, обсуждаются, сопоставляются и разыгрываются по ролям. В качестве домашнего задания учащиеся могут написать свою историю, изменив героев и место действия, или изложить ту же историю, но от лица иного его участника.

Итак, технология «Storytelling» позволяет развивать и совершенствовать умения аудирования, чтения, говорения и письма, а также произносительные, лексические и грамматические навыки учащихся. Последнее является особенно значимым в контексте обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Как известно, в силу сложности русской грамматики, ей уделяется много внимания в процессе обучения РКИ, а преподаватели русского языка постоянно ищут более эффективные способы ее преподавания. В этом смысле технология «Storytelling» оказывается действенным инструментом для закрепления и совершенствования грамматических навыков учащихся в рамках коммуникативного подхода.

Готовясь к занятию по технологии «Storytelling», преподаватель составляет или адаптирует историю к целям обучения. Рекомендуются сначала создать «скелет» истории, а затем расширить его необходимыми для усвоения единицами. Преподавателю РКИ, помимо лексических единиц, следует сфокусироваться и на внимательном отборе грамматического наполнения текста, в частности, на традиционно сложных для усвоения всеми категориями иностранных учащихся темах русской грамматики. В целях выполнения нашего исследования мы провели тестирование среди студентов 2 курса иностранного отделения переводческого факультета МГЛУ, которое подтвердило проблемы в усвоении учащимися правильного употребления падежных форм именных частей речи, видов глагола, глаголов движения и т.п. В связи с этим вся система работы выстраивалась вокруг данных грамматических явлений.

Рассмотрим работу с грамматическим материалом в рамках технологии «Storytelling» на основе истории по мультфильму без вербального сопровождения «Mr. Indifferent» (<https://www.youtube.com/watch?v=qLGNj-xrgvY>). Текст истории: *Андрей был эгоистом. Он не любил помогать людям. Он никогда не придерживал дверь, когда входил в здание, никогда не занимался благотворительностью, всегда проходил мимо волонтеров, которые собирали деньги, он никогда не сдавал кровь. Он был злым и несчастным. Однажды, когда он стоял на пешеходном переходе, к нему подошла старушка и взяла его под руку. Она хотела, чтобы Андрей перевел ее через дорогу <...>* (Андрей помог старушке, и этот случай изменил его: он стал альтруистом). С учетом проблем в усвоении грамматики в текст были включены модели предложного управления, в частности, с винительным, творительным и дательным падежом (*быть кем, каким; заниматься/заняться чем; помогать/помочь кому; жертвовать/пожертвовать что, кому*); ситуации аспектного употребления видов глагола (*всегда, никогда не, когда-нибудь + глагол несовершенного вида*) и глаголы движения с приставками (*входить/войти куда; выходить/выйти откуда; проходить/пройти мимо кого, чего; подходить/подойти к кому, к чему; переводить/перевести кого через что*).

На этапе семантизации и первичного закрепления новых слов работа организуется таким образом, чтобы учащиеся усваивали грамматическую сочетаемость лексических единиц и особенности их употребления. Напри-

мер, на предтекстовом этапе к истории по мультфильму «Mr. Indifferent» были предъявлены словосочетания тематической группы «Помощь, благотворительность» – *заниматься/заняться благотворительностью, волонтерством, помогать/помочь кому, жертвовать/пожертвовать что кому* – и заданы вопросы, отвечая на которые учащиеся многократно повторяли подлежащие усвоению грамматические структуры: *Вы когда-нибудь занимались благотворительностью? Вы всегда помогаете людям? Вы когда-нибудь жертвовали деньги или вещи бедным людям/больным людям/животным?* (отрабатывается употребление глаголов в форме только несовершенного вида в сочетании со словами *когда-нибудь, никогда не, всегда, много/мало*, а также употребление падежных форм имен существительных).

Вопросы, задаваемые учащимся по ходу изложения истории, также должны быть составлены таким образом, чтобы в ответах на них употреблялись введенные на предтекстовом этапе грамматические структуры. Так, начальная фраза истории, иллюстрируемая кадром с портретом главного героя мультфильма, – *Андрей был эгоистом* – сопровождалась такими вопросами, как: *Как вы думаете: Андрей когда-нибудь помогал людям? Он когда-нибудь занимался благотворительностью? Он когда-нибудь жертвовал деньги на благотворительность?*

Таким образом, одной из наиболее значимых для преподавания РКИ особенностей технологии «Storytelling» является возможность тренировки правильного употребления грамматических явлений.

А. Л. Карпушина

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАБОТЕ С ТЕКСТОМ НА НАЧАЛЬНОМ УРОВНЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Начальный уровень владения языком – уровень начальной ориентации в языке, приобретение отдельных знаний и навыков. Коммуникативная направленность обучения – основополагающий принцип современной методики преподавания РКИ. А обучение чтению как виду речевой деятельности является одной из главных проблем методики преподавания РКИ.

Чтение – рецептивный вид речевой деятельности, направленный на восприятие и понимание прочитанного текста. Большинство лингвистов рассматривает текст как одну из важнейших лингвистических категорий. Текст является не только источником для обучения говорению, но и содержательной опорой для коммуникации, так как основная цель при обучении языку – системное и систематическое развитие всех форм общения (говорения, письма, чтения и аудирования).

На начальном уровне обучения РКИ работа с текстом начинается уже на вводно-фонетическом курсе параллельно с овладением навыками письма. Используются адаптированные тексты, работа над которыми является основным каналом ввода и закрепления не только важной информации, но и программного лексико-грамматического материала с точно дозированными

трудностями. В методике элементарного уровня объем текста 250–300 слов, количество незнакомых слов 1–2 %. Задачей преподавателя должно быть нацеливание учащихся на понимание смысла читаемого. Не рекомендуется исправлять ошибки, чтобы не прерывать процесс чтения. Обучение технике чтения требует многократного прочтения текста, который должен содержать знакомую лексику.

Любой текст имеет коммуникативную природу. Ученые оценивают основную функцию текста как средство общения, социальной коммуникации. Задание «перескажите текст» – не коммуникативное, так как простое, без цели пересказ лишен речевой направленности. Характерным признаком коммуникативности является ее обращенность к адресату. Речевая направленность всегда мотивирована. Человек всегда говорит ради какой-то цели, например, пересказывает содержание, так как собеседник не читал, но много слышал. Текст помогает воссоздать в условиях учебного процесса коммуникативную ситуацию – чтение и обсуждение.

В процессе обучения коммуникации различают три формы: парную, групповую и массовую. Все формы призваны побуждать обучаемых к речевым поступкам (например, согласию/несогласию с ситуацией) диалоги (парное общение) требуют быстрой реакции, знания разговорных формул и клише. При групповом обучении используются условно-речевые ситуации. Прежде всего преподаватель обязан научить студентов правильному общению: искренности, доброжелательности, учету интересов собеседника.

В последние годы в группах подготовительного курса преобладают китайские студенты, работа с которыми имеет свою внеязыковую специфику и трудности. Китайские студенты – учащиеся некоммуникативного типа. В Китае традиционно принято обучать большое количество студентов в группах. Китайская система оценки знаний предполагает форму письменных тестов, поэтому учащиеся ориентированы на пассивное восприятие, на занятиях нет активного или инициативного участия обучаемых. Креативные задания – большая проблема. В работе с текстом китайские студенты склонны заучивать наизусть. В последнее время появилась информация о реформе в азиатской образовательной системе. Однако главным методическим приемом остается давление со стороны преподавателя.

Преподавателю-русисту очень важно уделять особое внимание формам работы, развивающим аналитическое мышление и навыки логико-смысловой переработки информации. Обязательны задания: дать оценку, высказать отношения к прочитанному, сделать выводы, дополнить, закончить, спрогнозировать ситуацию в тексте, также важно вызвать дискуссию в аудитории. Практический курс языка должен быть направлен на воссоздание в учебных условиях реальных ситуаций аутентичного речевого общения. Такая работа носит продуктивный характер, так как она нацелена на порождение речи.

Из всех видов речевой деятельности (говорения, аудирования, чтения и письма) методисты считают наиболее трудным для овладения аудирование. Объем слуховой памяти человека не превышает 12–15 слов на родном языке. В иностранном языке способность удерживать информацию звучащей речи

понижается почти в два раза, так как пропускная способность слухового канала в шесть раз меньше пропускной способности зрительного канала. На начальном уровне объем звучащего текста составляет 3–5 минут. Преподавателями нашей кафедры разработан курс аудирования диалогов для начального уровня. Тематика диалогов актуальна для бытовой сферы общения. Цель такой работы – понять содержание диалога и коммуникативные намерения его участников. Аудирование развивает у обучаемых навыки интонационно-фонетического слуха, слуховой памяти, прогнозирования.

Таким образом, коммуникативный подход нацелен на практику общения. В процессе такой работы на начальном уровне обучения РКИ раскрываются пути оптимизации формирования фонетических, грамматических и лингвистических навыков, способы поддержки в сознании обучаемых коммуникативного взаимодействия.

С. А. Крапивная, Л. А. Козловская

ТЕКСТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ В АСПЕКТЕ РКИ

Текст является основной коммуникативной единицей в процессе обучения речевой деятельности, в том числе на иностранном языке. Функциональная значимость учебного текста в первую очередь определяется его возможностями быть инструментом развития навыков чтения, усвоения лексического и грамматического материала, совершенствования навыков устной речи и т.п. Коммуникативно-прагматический подход, лежащий в основе современных методик обучения иностранным языкам, предполагает анализ текста с точки зрения информативной значимости, целостности структурно-смысловой организации, наличия коммуникативной задачи. В содержательном плане учебные тексты могут быть, в частности, исследовательскими, социокультурными, познавательными, воспитательными.

В образовательных стандартах белорусских учреждений высшего образования, учебных планах и программах учебных дисциплин в качестве одного из основных требований к результативности образовательного процесса прописана сформированность у учащихся коммуникативной компетентности. Под коммуникативной компетентностью понимается владение основными коммуникативными навыками и умениями, основанными на знании культурных норм и правил общения, знании обычаев, традиций, этикета в сфере общения, на владении коммуникативными (языковыми) средствами, характерными для конкретного этноса, а также для конкретной социальной и профессиональной группы.

Коммуникативная компетентность складывается из комплекса компетенций, которыми должен овладеть студент, изучающий иностранный язык в качестве основной специальности. К числу наиболее специфическим в дан-

ном аспекте можно отнести, например, следующие требования, а именно, специалист должен:

- владеть основами исследовательской деятельности, осуществлять поиск, анализ и синтез информации;
- решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе применения информационно-коммуникационных технологий;
- осуществлять коммуникации на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;
- толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные, культурные и иные различия;
- обладать способностью анализировать процессы государственного строительства в разные исторические периоды, определять социально-политическое значение исторических событий (личностей, артефактов и символов) для современной белорусской государственности;
- уметь анализировать процессы и явления национальной и мировой культуры, устанавливать межличностное взаимодействие с учетом социально-культурных особенностей, этнических и конфессиональных различий;
- осуществлять речевое взаимодействие в основных сферах коммуникации, применять основные виды речевой деятельности на иностранном языке во всем многообразии его стилистических норм и особенностей функционирования;
- создавать структурированное сообщение (описание, повествование, рассуждение) на иностранном языке по широкому спектру тем лингвистической и социокультурной направленности, осуществлять основные виды переводческой деятельности;
- анализировать источники информации, выделять наиболее существенные факты, давать им собственную оценку и интерпретацию, использовать на практике лингвистический понятийно-категориальный аппарат, в том числе на иностранном языке.

Тексты этнокультурной тематики являются действенным инструментом формирования коммуникативной компетентности студентов, изучающих русский язык как иностранный. Этническая культура отражает преимущественно сферу быта и особенности повседневной жизнедеятельности конкретного этноса, что определяет содержательную часть этнокультурной тематики, включающую такие элементы, как этническое самосознание, традиции, обычаи, символика, специфика поведения и т.п. В учебниках, учебных пособиях для студентов, изучающих русский язык как иностранный в белорусских учреждениях высшего образования, в значительном объеме представлены тексты с историческим и этнокультурологическим компонентом. Однако актуальной задачей остается создание коммуникативно ориентированных учебных изданий, отражающих специфику национальной идентичности страны пребывания иностранных учащихся. Примером такого издания может служить пособие для иностранных студентов «Беларусь: лингвокультурологический комплекс», изданное в БГУ в 2008 году. В пособии включены аутентичные тексты следующей тематики: «Сегодня в нашем

доме праздник...», «Легенды земли белорусской», «Тексты-персоналии». В рубрике «Сегодня в нашем доме праздник...» размещены тексты из этнографической литературы, публицистики и классических текстов, посвященных традиционным народным праздникам, таким как Рождество, Пасха, Радуница, Купалье, Дожинки, Деда. В рубрике «Легенды белорусской земли» приводятся тексты «Как появились белорусы», «Герб Минска», «Гербы городов Беларуси», «Про озеро Нарочь», «Откуда город Несвиж», «Брест» и т.п. В рубрике «Тексты-персоналии» можно найти материалы под названием «Евфросинья Полоцкая», «Вечное слово Франциска Скорины» и т.п. Кроме того, пособие включает лингвострановедческий словарь национальных реалий Беларуси; раздел белорусских прецедентных высказываний представлен белорусско-русскими фразеологизмами, пословицами и поговорками, авторами белорусских прецедентных текстов являются Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Владимир Короткевич и др.

Следует отметить, что методическая работа на занятиях РКИ с текстами белорусской этнокультурной тематики представляет определенные трудности, связанные, в частности, с тем, что они являются переводными с белорусского языка и могут содержать архаизмы, историзмы и нестандартные грамматические конструкции, требующие дополнительного толкования. В связи с этим без предтекстовых, текстовых и послетекстовых заданий этнокультурные материалы не столь эффективны для достижения целей формирования социокультурной компетентности иностранных учащихся. Комплексом таких заданий сопровождаются этнокультурные тексты учебно-методического пособия по русскому языку для иностранных студентов «Белая Русь», изданное в 2007 году в МГЛУ (авторы Л. В. Бондарчук, А. Л. Карпушина) и предназначенное для среднего и продвинутого этапов изучения русского языка как иностранного. В первой части пособия представлены 15 тематических уроков, таких как «У карты Беларуси», «Беларусь сегодня», «Беларусь в годы Великой Отечественной войны», «Из истории Минска», «О белорусском характере», «Полоцк – исторический центр Беларуси» и т.п. Методически грамотно подобраны предтекстовые задания, направленные на снятие языковых (лексических, фразеологических, грамматических) и лингвокультурологических трудностей. Текстовый и послетекстовый этапы ориентированы на развитие коммуникативных навыков учащихся, включающих диалогическую и монологическую речь в рамках страноведческой и этнокультурной тематики. Во второй части пособия размещены адаптированные тексты для дополнительного чтения, расширяющие этнокультурологический кругозор студентов, формирующие позитивное отношение к стране пребывания и культуре ее народа.

В Минском государственном лингвистическом университете на факультете русского языка для иностранных граждан введен предмет «История Беларуси», адресованный студентам начального периода изучения русского языка. С учетом специфики данного этапа обучения в курс включены материалы следующей тематики: «Беларусь на карте мира», «Природа Беларуси», «Население Беларуси», «Минск – столица Республики Беларусь»,

«Древняя история Беларуси», «Конституционные основы Белорусского государства», «Внешняя политика Республики Беларусь», «Кухня Беларуси» и т.п.

Таким образом, тексты этнокультурной тематики в преподавании русского языка как иностранного являются действенным средством формирования коммуникативной компетентности учащихся, как в плане практического овладения ими изучаемым языком, так и приобретения необходимых этнокультурологических знаний.

А. С. Нарчук

РОЛЬ СЛЕНГА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Двадцать первый век оказался чрезвычайно интересным не только для политологов, историков, но и для лингвистов. Произошло много крупных социальных изменений, что отразилось не только в устной речи, но и в текстах.

Во времена советского союза цензура осуществляла регулирование информационных потоков, служила одним из важнейших механизмов предохранения общества от духовной деградации, защиты его политических и моральных устоев, а также не предоставляла возможности людям выражать свои мысли так, как они хотели. В постсоветское время большинство лингвистов начали утверждать, что новое общество стало абсолютно безграмотным, в устной и письменной речи нет никаких правил или норм. Существует мнение, что сейчас происходит распад языка.

Однако если посмотреть на эту ситуацию с другой точки зрения, мы можем возразить мнению большинства лингвистов. Благодаря глобализации и изменениям в жизни общества в настоящее время происходит развитие речи. Одним из самых интересных элементов языковой системы современной лингвистики является сленг, который имеет отражение в современном русском языке.

Сленг – это лексика неформального общения, распространенная в разговорной речи, но избегаемая в официальной письменной форме. Сленг облегчает процесс поиска нужных людей, помогает формировать и поддерживать специфические контакты. В процессе общения говорящий идентифицирует себя, по его речи можно получить представление о его возрасте, социальном положении, региональном происхождении и т. п. Использование сленга в обычном разговоре создает особый эффект и делает речь довольно выразительной.

Для иностранных слушателей, изучающих русский язык, особенно важно понимать сленговые выражения русскоязычного общества, так как это помогает иностранному учащемуся погрузиться в культуру изучаемого языка, узнать о национальных особенностях, найти контакт с носителями русского языка.

Мир движется вперед, языки развиваются, появляется все больше и больше лексических единиц – все это имеет отражение в литературе и, в частности, в русских текстах.

В данной работе рассматривается использование сленговых выражений в текстах для иностранцев, изучающих русский язык на уровне В1–В2 (материалы взяты из учебников «Обсудим» и «Встреча.ру»).

Рассмотрим примеры из текстов учебника «Встреча.ру».

1. «У тебя проблемы с головой» (стр. 15) – в данной ситуации сленг помогает «смягчить» то, что на самом деле хотел написать автор («ты сумасшедший»), что помогло фразе звучать не так грубо.

2. «Будь мужиком» (стр. 44) – «будь настоящим мужчиной».

3. «Инет» – «Интернет» – сленг используется для сокращения.

4. «Тряпка» (стр. 73) – элемент одежды. Сленг используется для выражения незначительности данного предмета одежды.

5. «Круто» (стр. 74) – прекрасно.

6. «Электричка» (стр. 77) – электропоезд.

7. «Пивко» (стр. 92) – алкогольный напиток.

Рассмотрим примеры из текстов учебника «Обсудим».

1. «Лайкать/лайкнуть» (стр. 36) – ставить/поставить «лайк» в социальной сети.

2. «Репостить/репостнуть» (стр. 36) – делать/сделать репост в социальной сети.

3. «Имейл» (стр. 42) – электронная почта.

4. «Жвачка» (стр. 48) – жевательная резинка.

5. «Ерунда» – неважная вещь, на которую можно не обращать внимания.

Из данных выше примеров («Лайкать/лайкнуть», «Репостить/репостнуть», «Имейл», «Инет») мы можем увидеть сленг, связанный с Интернетом, социальными сетями, электронной почтой. Такие лексические единицы являются заимствованием из других языков. Использование данной лексики в текстах помогает иностранцу, изучающему русский язык, быстрее понять, о чем текст, так как такая лексика известна во всем мире.

Сленг придает эмоциональную и творческую окраску тексту. Такая лексика звучит обычно эмоциональнее литературного языка. Куда ироничнее, экспрессивнее звучит «Будь мужиком» нежели «Веди себя как мужчина», «круто» вместо «прекрасно».

Использование сленгизмов помогает иностранному учащемуся при общении с людьми разного возраста, особенно при общении с молодежью. Иностранные студенты быстро находят контакт с молодыми русскоязычными людьми. Они общаются между собой в непринужденной, неофициальной обстановке, вместо «загрязнения» языка происходит расширение словарного запаса студента. Слух изучающего привлекает простота, популярность, эмоциональность, выразительность сленговых выражений, используемых носителями русского языка. Поэтому особое внимание привлекают слова *пивко*, *круто*, *жвачка*, так как лексика простая, но часто употребляется молодым поколением.

Освоение разных стилей и жанров литературной речи – задача особенно актуальна для иностранцев. Преподаватели должны осознавать важность этой задачи, совершенствовать навыки у учащихся, повышать культуру их

речи не только посредством чтения классической литературы, но и с помощью современных текстов.

Использование сленговых выражений в таких текстах является в некоторой степени связующим звеном между сознанием человека, который хочет изучать русский язык, и носителя языка. Иностранец «погружается» в культуру изучаемого языка, повседневную жизнь носителей русского языка.

Однако многие иностранные учащиеся, узнав новое интересное сленговое выражение, начинают использовать его не всегда в подходящих для этого случаях. Задача преподавателя русского языка – «направить» студента, помочь ему использовать новое выражение там, где это будет уместно. В данном случае использование сленга не только не «засоряет» язык, а будет являться показателем гибкости мышления учащегося.

Таким образом, использование сленга в разговоре создает особый эффект и делает речь выразительной. Тексты с наличием сленговых выражений помогают иностранным студентам быстрее понять, в каком контексте лучше употребить то или иное слово. Необычность звучания, эмоционально-экспрессивная окраска сленговых выражений привлекает учащегося, расширяет его сознание, а также делает его речь разнообразней.

А. И. Новикова

ОБУЧЕНИЕ МОНОЛОГИЧЕСКОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ НА ОСНОВЕ ТЕКСТА ДЛЯ ЧТЕНИЯ (из опыта преподавания)

Монологические высказывания (МВ) как однонаправленная речевая деятельность человека, обращенная к одному лицу или к группе лиц, является неотъемлемой частью общения во всех его сферах. В учебном процессе они обычно представляют собой ответы на занятиях и на экзаменах. Они могут быть развернутыми репликами диалогов самого разного характера. В качестве описаний они часто реализуются в коммуникативных ситуациях бытовой и социально-культурной направленности. Поэтому на подготовительном курсе уделяется большое внимание формированию у иностранных учащихся умений и навыков монологической речи при взаимосвязанном обучении всем видам речевой деятельности.

В соответствии с учебной программой к концу подготовительного курса иностранный учащийся при репродуцировании прослушанного или прочитанного текста должен уметь передать его содержание, выделить в нем коммуникативно ценную информацию и изложить ее с соблюдением норм русского языка в логической последовательности. При продуцировании он должен уметь создать собственный текст-монолог (не менее 20 фраз), состоящий из связных, грамматически правильных предложений, на основе заданной темы и коммуникативной установки. Он должен уметь выражать собственное отношение к фактам, событиям, изложенным в тексте, действующим лицам.

Монолог, являясь продуктом речевой деятельности одного человека, независимо от количества лиц, к которым он обращен, может выражать разные интенции. В МВ говорящий дает разного рода информацию, сообщает о фактах; описывает события, людей, их характеры; воздействуя на слушателей, убеждает их в чем-либо; выражает свое отношение к людям, их поступкам. Исходя из этого, в методической практике принято подразделять МВ на монологи-описания, монологи-повествования и монологи-рассуждения. Несмотря на интенциональные различия каждого из типов монологов, все они обладают общими характеристиками. Это относительная смысловая завершенность; композиционная логичность; непрерывная продолжительность; тщательный отбор языковых средств оформления.

Обучение МВ осуществляется взаимосвязано с обучением всем видам речевой деятельности. Сам уровень требований к монологу определяется степенью сформированности речевых умений и навыков у иностранных учащихся, их языковой подготовкой на конкретном этапе обучения языку.

Основной единицей обучения МВ, матрицей для его построения, служат печатные тексты, в частности, тексты для изучающего чтения, представляющие собой образец вербального МВ. Являясь основой для обучения воспроизведению (репродукции) содержания текста или для обучения созданию нового текста (продукции), учебные тексты должны соответствовать определенным лингводидактическим требованиям. Это педагогическая аутентичность; методическая целесообразность; структурно-смысловая завершенность; информативная значимость, которая заключается в удовлетворении прагматических, интеллектуальных или эстетических потребностей учащихся и стимулирует их в учебной деятельности; соответствие уровню освоения языка обучаемыми. Вместе с тем нам представляется целесообразным использовать для обучения МВ тексты повествовательного плана. Характеризуясь сквозной сюжетной линией и последовательным развитием событий, они представляют собой наиболее доступный материал для понимания, запоминания и, следовательно, для воспроизведения. Поэтому, на наш взгляд, обучение МВ необходимо начинать, с монологов, создаваемых на основе текстов-повествований.

Работа над текстом, используемым для формирования у иностранных учащихся умений и навыков построения МВ, как и при изучающем чтении, предполагает несколько этапов.

Цель первого этапа, предтекстового или подготовительного, – снятие лексических, грамматических и интонационно-произносительных трудностей, с которыми может встретиться иностранный учащийся при чтении нового текста и в дальнейшем при его репродукции. На этом этапе осуществляется семантизация новых слов, значимых для понимания текста, объясняются и закрепляются в случае необходимости незнакомые учащимся грамматические явления. Нивелируя оформительские трудности текста на всех его уровнях (лексическом, грамматическом, фонетическом), эта работа позволяет учащимся сконцентрироваться на содержательной стороне текста, на основе которого будет строиться репродуктивное/продуктивное МВ.

После предтекстового этапа переходят к чтению текста. Этой работе предшествует установка, фокусирующая внимание учащихся на его идейно-смысловым содержанием. Опыт показывает, что на подготовительном курсе наиболее продуктивным является чтение вслух, которое способствует формированию и развитию у иностранных учащихся умений быстро узнавать слова и соотносить их графическое оформление со слухо-моторным образом и со значением.

Второй этап работы над текстом, притекстовый, направлен на формирование у инофонов умений и навыков анализировать смысловую сторону текста и его композиционно-структурное построение. При этом, ориентируя учащихся на пересказ текста, преподаватель обращает их внимание на то, что текст репродукции в обязательном порядке должен передавать основную идею текста-оригинала и идеи его смысловых структур в их логической связи и последовательности. На данном этапе после контроля выполнения задания-установки учащимся предлагаются следующие виды заданий.

1. Ответьте на вопросы.
2. Выразите свое согласие/несогласие (Соответствуют ли данные предложения содержанию текста?).
3. Закончите данные предложения в соответствии с содержанием текста.
4. Прочитайте текст. Выпишите из него предложение, выражающее главную идею текста.
5. Разделите текст на смысловые части.
6. Выпишите из каждой смысловой части предложение, в котором заключена ее идея.
7. Выпишите из текста слова, указывающие на связь каждой смысловой части с последующей.
8. Озаглавьте каждую смысловую часть текста.
9. Составьте план текста.
10. Выпишите из текста ключевые слова, необходимые для передачи содержания каждого пункта плана.
11. Расположите данные словосочетания в соответствии с последовательностью событий в тексте.
12. Расширьте данное высказывание, исходя из содержания текста.
13. Аргументируйте данные утверждения, используя текст.

Предложенные задания не носят исчерпывающий характер. Их количество, последовательность, содержание варьируются в зависимости от уровня освоения языка учащимися.

Следующий этап работы над текстом связан с его репродуцированием. На начальном этапе формирования умений и навыков МВ учащиеся передают содержание текста, опираясь на план и ключевые слова. Постепенно при систематической работе над текстами с целью их пересказа они отходят от использования каких-либо опор.

Воспроизведение текста не всегда предполагает близкий к оригиналу пересказ от начала и до конца. В зависимости от установки преподавателя учащиеся передают содержание текста по смысловым частям, возможно, по

цепочке, в максимально сжатой форме или, наоборот, расширяют краткий пересказ текста опущенными деталями. Подобного рода задания позволяют, с одной стороны, избежать монотонности на занятиях, которая создается при пересказе одного и того же текста, а с другой – развивают гибкость в формируемых умениях и навыках самостоятельной репродукции прочитанного.

Завершающий этап работы направлен на формирование у инофонов умений и навыков продуцировать собственное МВ на основе прочитанного текста. Преподаватель предлагает учащимся пересказать текст от лица одного из персонажей; выразить свое отношение к героям текста, их поступкам; объяснить последовательность событий, описанных в тексте; поставить себя на место героя и рассказать, как они поступили бы в его ситуации. Такие задания отделяют, уводят учащихся от текста-оригинала, от опор в виде плана и ключевых слов и развивают в них самостоятельность в осмыслении содержательного плана текста и в речевых действиях, выражающих этот план.

Систематическая работа над текстом с соблюдением всех ее этапов на основе подобного рода заданий формирует у иностранных учащихся умения и навыки, позволяющие им самостоятельно находить главную идею текста, смыслы его структурных частей, устанавливать связи между ними, определять логическую последовательность событий, одним словом, репродуцировать/продуцировать текст в виде связного, грамматически правильно оформленного высказывания в соответствии с коммуникативной установкой.

О. В. Платоненко

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Фразеологизмы интересны в лингвострановедческом плане, так как отличаются разнообразием и насыщенностью страноведческих сведений. Иностранные студенты должны познакомиться с наиболее употребительными русскими фразеологизмами и использовать их в своей речи. На самом раннем этапе изучения русского языка необходимо знакомить студентов с формулами речевого этикета. Эти фразеологические единицы рано или поздно входят в активный лексический запас студентов, помогая им правильно вести себя в той или иной речевой ситуации, типичной для русских.

Наша задача – объяснить студентам, когда и в какой ситуации употребляется каждая из данных речевых формул. Одним из основных критериев отбора фразеологического материала для начального этапа является объяснение изучаемых единиц посредством синонимичного свободного словосочетания, построенного на знакомой студентам лексике, например: в двух шагах – «очень близко», в двух словах – «кратко».

Наиболее простым для понимания из всех средств является сравнение. Фразеологизмы, основывающиеся на сравнении, не вызывают трудностей у студентов, изучающих русский язык. Поэтому именно с такой категорией

фразеологизмов легко знакомить их на начальном этапе обучения, например: *как на базаре (шумно как на базаре), как из ведра (дождь льет как из ведра)*.

В работе над фразеологизмами-сравнениями весьма полезно предлагать студентам сопоставлять русские фразеологизмы с близкими по значению выражениями родного языка. На начальном этапе обучения можно вводить фразеологические единицы имеющие полный эквивалент в родном языке студента. Можно также ввести фразеологизмы, связанные со средой или с ситуацией, в которой находятся студенты. Например, фразеологизмы об учебе: *век живи, век учись, на ошибках учатся, повторенье – мать ученья*.

Так как студенты оказываются в новой среде и заводят себе друзей, можно ввести фразеологизмы о дружбе и друзьях: *друг познается в беде; не имей сто рублей, а имей сто друзей*.

Фразеологизмы русского языка, как известно, собраны во фразеологических словарях и справочниках и в толковых словарях русского языка. В них фразеологизмы описаны по-разному: во фразеологическом словаре дается их полное лексикографическое описание, во фразеологических справочниках – краткий рассказ об их происхождении и употреблении. В толковых словарях разъясняется лексическое значение фразеологизма и иногда приводится пример употребления. С фразеологическими словарями и справочниками студенты знакомятся впервые, поэтому сведения о них целесообразно дать преподавателю в своем сообщении, план которого может быть следующим.

1. Где и в каких книгах собраны фразеологизмы русского языка.

2. Отличие в описании фразеологизмов во фразеологических словарях, справочниках и толковых словарях русского языка.

3. Расположение фразеологизмов во фразеологическом словаре.

Полученные знания и навыки пользования словарями могут закрепляться при выполнении упражнений следующих типов.

1. Сопоставление словарных статей фразеологического словаря, фразеологического справочника и толкового словаря.

2. Нахождение во фразеологическом словаре фразеологизмов, в лексический состав которых входят, например, слова *нога, зуб, небо* и т.п.

3. Нахождение грамматически ведущего слова во фразеологизме и поиск во фразеологическом словаре этого фразеологизма по грамматически ведущему слову (примеры преподаватель подбирает сам).

4. Подбор фразеологизмов на темы, например:

а) фразеологизмы, включающие названия домашних животных;

б) фразеологизмы со словами, называющими цвет и т. п.

На практических занятиях по обучению студентов русскому языку преподаватель:

1) должен объяснять смысл встречающихся в текстах фразеологических оборотов, предлагать выписать, запомнить, употребить их в предложениях (обычно бытового характера);

2) может поручить студентам выписать из фразеологического словаря А. И. Молоткова фразеологические единицы, включающие в себя названия животных или такие слова, как *голова, глаза, рука* и т.п., затем дать толкование и определить ситуацию, в которой они могут использоваться;

3) может предложить студентам темы для докладов, которые они обяжутся подготовить для чтения на занятии; приведем примерную тематику докладов:

- а) фразеологизмы, связанные с русским бытом;
- б) фразеологизмы о труде;
- в) фразеологизмы об учебе;
- г) фразеологизмы о дружбе.

Таким образом, изучение фразеологии является важным звеном в усвоении иностранными учащимися языка в целом. В области методической организации языкового материала сегодня чрезвычайно актуальна задача определения критериев отбора фразеологических единиц, формирование и структурирование системы фразеологизмов, предъявляемых иностранным учащимся.

К. А. Рогаль

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Обратная связь (фидбек) – это процесс предоставления и получения комментариев о процессе обучения: конкретных действиях, ситуациях, вопросах, которые ведут к достижению студентами и преподавателем общей цели – совершенствования процесса образования.

Следует отличать обратную связь от критики. Критика направлена на выражение эмоций, сфокусирована на личности, обобщает и оценивает, ориентирована на прошлое. Обратная связь же предназначена для улучшения, сфокусирована на работе, ясная – ссылается на факты, наглядная, ищет решение, ориентирована на будущее.

Прежде всего, обратная связь обеспечивает успех обучения, если она осуществляется в атмосфере взаимоуважения и доброжелательности. С одной стороны, давая обратную связь, преподаватель делает акцент на успехе студента – подчеркивает его сильные стороны, обращает внимание на уже имеющийся прогресс, выделяет личные достижения студента в классе. С другой стороны, преподаватель обращает внимание на пробелы и слабые стороны, показывает возможные пути развития, и тем самым мотивирует на продолжение обучения, вызывая интерес. Важным моментом является то, что обратная связь должна носить лично ориентированный характер, быть направленной на конкретного учащегося, его конкретную проблему, и побуждать его к исправлению допущенных ошибок (недостаточно просто сказать в конце урока «вы все сегодня молодцы, хорошо поработали», нужно четко обозначить сильные и слабые моменты).

Сказанное выше относится к фидбеку *преподаватель – студент*.

В процессе урока такая обратная связь должна быть постоянной. Это значит, что она должна осуществляться после каждого этапа занятия: проверка домашнего задания, упражнения, особенно – говорение, конец урока, конец темы, полгода обучения и т. п. Каждый преподаватель может опреде-

лить для себя вехи, наиболее подходящие для его курса и группы. В конце занятия важно возвращаться к целям занятия и просить студентов сказать, каких целей достигли сегодня.

Также фидбек может быть обратным – *студент – преподаватель*.

Довольно часто просьба дать обратную связь вызывает у студентов смущение и стеснение. Особенно это касается устной обратной связи. Чтобы облегчить ее сбор, существует несколько техник.

1. «Покажите на пальцах» – быстрый метод проверить понимание материала. Преподавателю нужно не просто спросить, понятен ли студентам материал, а попросить показать палец вверх, вниз или в сторону, в зависимости от того, как хорошо студенты понимают, к примеру, новую тему. Конечно, после этого должны быть использованы вопросы на понимание, но именно метод «покажите на пальцах» предлагает быструю проверку понимания у аудитории, снижая стеснение.

2. «Возвращение к целям урока». Согласно методическим правилам построения урока в начале каждого занятия преподаватель должен озвучивать цели, над которыми студенты будут работать на занятии. Если в конце занятия возвращаться к этим целям, то у студентов будет не только более структурированное понимание проделанной работы, но и повысится удовлетворенность процессом обучения из-за видимых результатов. Если, по какой-то причине, не все цели достигнуты, преподаватель и студенты вместе могут решить, чему стоит уделить больше внимания, и вернуться к этому в следующий раз.

3. «Сегодня на уроке». Классический вариант обратной связи, который удобно использовать в конце каждого занятия. Важно: перед тем, как делиться с преподавателем и остальными, студенты должны обсудить результаты урока в парах или мини-группах, используя модель на экране. В модели могут быть такие фразы, как «сегодня на уроке я узнал...», «я научился...», «было интересно...», «у меня вызвало трудности...». Благодаря предварительному обсуждению у студентов будет больше времени на то, чтобы проанализировать свою работу, а партнер поможет вспомнить моменты, о которых другой студент, возможно, подзабыл.

4. «Светофор». Варианты реализации разнятся, и преподаватель может подстроить задание под свои нужды. Например, в одном из вариантов преподаватель может попросить студентов положить кружок (магнит) на один из цветов, который иллюстрирует их понимание темы, удовлетворенность уроком и т. п. (зеленый – «отлично, все понятно», желтый – «в целом, понятно, но остались вопросы», красный – «совсем не понимаю»).

5. «Три чашки». Разновидность предыдущего способа, но здесь преподаватель дает студентам больше пространства для творчества. По окончании занятия они могут положить по бумажке в каждую из чашек, написав о том, что понравилось на занятии, с чем возникали трудности, что кажется им совсем не понятным.

6. «Билет на выход». Перед выходом из класса студенты получают карточку. Выйти из класса они могут, только заполнив ее. Опять же, варианты

наполнения могут отличаться. «Билет на выход» – хорошая идея, когда студенты работают в своем темпе, например, на занятиях вне расписания, и могут уйти по завершении теста или контрольной работы, не отвлекая других.

7. «Пятница обратной связи». Хорошей идеей может стать предложение устроить регулярный фидбек, к которому готовятся и студенты, и преподаватель. Это поможет наладить процесс регулярной обратной связи, что, в свою очередь, сделает работу с конкретной группой, наиболее подстроенной под запросы ее студентов.

8. «Опросник об удовлетворенности работой преподавателя» – вариант для смелых и уверенных в себе преподавателей. Наполнение может отличаться. Лучше всего использовать вариант опросника анонимно и онлайн – так студенты не будут бояться негативной реакции со стороны преподавателя, и фидбек получится более развернутым.

После сбора письменной обратной связи ее необходимо проанализировать. Именно в таком виде преподаватель получает наиболее честное мнение о своей работе и видит сильные и слабые стороны своих занятий. Студенты могут обратить внимание на то, чего им не хватает на занятии (повторение, меньше грамматики, больше игр). Также можно узнать о том, какие темы сверх программы им хотелось бы изучить, с какими студентами им комфортно и некомфортно работать, почему студенты опаздывают на занятия – даже самые непредсказуемые и личные вещи.

Стоит упомянуть еще один вид фидбека – *от студентов студентам*. Он будет актуален, если студенты часто работали на уроке в паре или группе. С этим способом стоит быть осторожным, и перед использованием студентов стоит обучить тому, как именно давать обратную связь. Например, можно использовать метод сэндвича. Суть метода в следующем: хвалите, критикуйте, хвалите. Человек должен начинать с позитивного и заканчивать тем же, формируя у партнера положительное впечатление от обратной связи.

Исходя из всего сказанного выше, пользу обратной связи нельзя переоценить. Несмотря на объемы материала, которые необходимо изучить, эта часть урока должна присутствовать. Помимо всех упомянутых достоинств, она способствует формированию связей между студентами и преподавателем, делая процесс обучения более эффективным, приятным и благодарным.

С. А. Розова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Антропоцентризм как один из ключевых принципов новой научной парадигмы актуализирует лингвокультурологический интерес к тексту не только как к единице культуры и единице обучения, но и как к культурно-языковому феномену. При этом очевидна связь речевой культуры народа с национальной эстетической традицией и «эстетическая обусловленность»

культурно-речевых особенностей носителей национальной культуры. Как отмечал Ю. М. Лотман, текст содержит «культурную память», основанную на его диалогической сущности, ассоциативно-образной природе и связанной с этим возможности интерпретации (Л. Ю. Лотман, 1997).

По мнению В. А. Масловой, «приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им «чужих» текстов» (В. А. Маслова, 2001). В этой связи особое методическое внимание сегодня уделяется установлению лингвокультурологического (ценностно-смыслового) потенциала (ЛП) учебного текста, который является способом сохранения и распространения культурной информации. ЛП учебных текстов непосредственно связан с содержанием в них культурных и мировоззренческих концептов и является одним из эффективных средств этнокультурной репрезентации. Текст всегда существует в историческом и социокультурном контексте времени. Тесно связанный с национальной эстетической традицией текст способствует формированию национально-культурной ментальности и преодолению культурных барьеров. Учебный текст как связный, актуализированный, дидактически организованный материал, который обладает лексической структурой и семантикой, являясь одной из главных содержательных единиц обучения и элементом учебного дискурса, становится вместе с тем связующим звеном между участниками коммуникации.

В последнее время в лингводидактике и практике преподавания РКИ наблюдается тенденция к синкретизму языка и национальной культуры, понимание языка как посредника между культурой и обществом, которое в разное время отмечали в своих работах известные ученые-лингвисты (М. В. Ломоносов, Ф. И. Буслаев, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, А. А. Шахматов, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Л. В. Щерба и др.). Человек как носитель языка влияет на развитие культуры, ее особенности и характер, в которой язык функционирует, складывается как система и развивается. Это актуализирует принцип изучения языка в культуре и культуры в языке. В практике преподавания РКИ усиливается лингвокультурологическая направленность, которая реализуется в лингвокультурологическом подходе, предполагающем изучение инофонами русского языка как составной части жизни общества, постижение отраженной в языке материальной и духовной жизни народа.

Широкий ЛП включают в себе художественные тексты, что связано с фокусированием в них множественных культурных кодов. Являясь органической частью культурного пространства, художественный текст отражает в культурных знаках содержание этнической культуры, исторические, этнографические, психологические факторы национального поведения этноса.

Лингвокультурологический анализ художественного текста предполагает выявление культурных смыслов, заложенных в образных средствах, переосмысление ключевых слов как образов-символов и понимание через них культурного значения текста. Лингвокультурологический анализ позволяет установить связь между национально-культурным содержанием текста и его языковым воплощением.

Некоторые исследователи (А. В. Костин, Е. С. Антипина, О. В. Сапожникова) отмечают значимость лингвокультурологической интерпретации (объяснения) художественного текста в иностранной аудитории, подразумевающий выявление и анализ ключевых элементов художественного текста для понимания его общего идейно-ценностного смысла.

Лингвокультурологический анализ предполагает переосмысление культурно-эстетического содержания художественного текста посредством детального анализа национально-культурного компонента, значения его языковых единиц. Здесь важно соблюдать единство плана содержания.

Посредством учебного текста обучаемый приобщается к знаниям, социальным ценностям и нормам, к определенной картине мира, национальному образу. Обращение в практике преподавания РКИ к художественным текстам дает иностранным студентам представление о психологических особенностях этноса, специфике его речевой культуры, и, являясь важным критерием национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку, способствует формированию лингвокультурной компетенции.

Т. А. Сикорская

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ С КОРНЕМ *КЛЮЧ*

Словарный состав языка рассматривается как система лексических единиц, связанных друг с другом через принадлежность к определенным классам слов. Лексическая система – это система взаимосвязанных, пересекающихся классов слов разного объема и характера. Наиболее типичным проявлением системности лексики признают семантические группировки слов, для обозначения которых используются разные термины: лексико-семантические группы, тематические группы, семантические парадигмы, семантические, ассоциативные, понятийные поля, функциональные классы и т.п. Наиболее употребительным и получившим достаточное признание является термин лексико-семантическая группа (ЛСГ). Э. В. Кузнецова определяет ЛСГ как «класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности». Употребление слов, входящих в ЛСГ, вызывает наибольшее количество ошибок у иностранных учащихся. Не исключением является и ЛСГ глаголов с корнем *ключ*.

Общее прототипическое значение корня *ключ* – ‘то, что отпирает что-то закрытое, открывает дорогу, позволяет получить доступ к чему-либо’.

В данную ЛСГ входят глаголы: *включать(ся)/включить(ся)*; *выключать(ся)/выключить(ся)*; *переключать(ся)/переключить(ся)*; *отключать(ся)/отключить(ся)* и т.п. Рассмотрим некоторые из них.

Включать/включить

1. Ввести, внести в состав, в число кого-либо, чего-либо.

– *Столтенберг призвал включить Швецию и Финляндию в НАТО к середине июля. С января в Америке принялись создавать «суперсиловое» ведомство – министерство внутренней безопасности, в которое включили службу иммиграции и натурализации, береговую охрану, таможенную службу, Секретную службу, агентство по чрезвычайным ситуациям, агентство безопасности на транспорте.*

2. Иметь своей составной частью, охватывать.

– *Структура книги включает 3 главы, каждая из которых содержит несколько разделов. Данный курс включает как лекционные, так и практические занятия.*

3. Привести в действие, пустить в ход (например, подсоединив к источнику энергии и т. д.); начать воспроизведение (например, фильма, телепередачи и т. д.)

– *Для этого можно включать свет вручную, но лучше установить автоматику с применением реле времени. Анна прошла в кабинет, включила телевизор. Представьте, что ваши соседи часто включают громкую музыку в то время, когда вам это сильно мешает.*

4. Наполнять что-либо каким-либо содержанием, вкладывать во что-либо какой-либо смысл (перен.).

– *Хотела бы я уточнить, что ты включаешь в понятие «производство»?*

5. С местоимением себя – иметь своей составной частью.

– *Операция может включать в себя несколько действий, связанных одной целью.*

Приведем также следующие фразеологизмы.

– Включить мозг/мозги (разг.) – начать самостоятельно думать, размышлять, анализировать и т. п.

– *Что ты делаешь? Включи мозги! Всё это может плохо закончиться!*

– Включать дурака – делать вид, что не понимаешь, что происходит, о чем идет речь. Прикинуться непричастным к чему-либо.

– Включать заднюю – 1) испугаться; 2) уйти, скрыться, удалиться откуда-либо.

– *Он был решительно настроен на серьёзный разговор с ней, но, взглянув на её несчастное лицо, включил заднюю.*

Переключать/переключить

1. Изменять режим, способ, характер действия какого-либо механизма, устройства и т. д.

– *Он никак не мог успокоиться и нервно переключал передачи. (Переключать передачи (в машине)).*

2. Изменять направление (потока жидкости, газа или электрической энергии).

3. Перен. Придавать новое направление чему-либо, приобщить к чему-либо иному.

– *Сэкономленные ресурсы переключили на другие важные направления работы в этой области.*

4. Перен. Переводить на новую работу или менять направление, характер деятельности кого-либо, чего-либо

– *Он переключил внимание на Наташу.*

– *Чтобы проверить, насколько хорошо вы можете переключать внимание и удерживать в памяти информацию, после каждого тестирования я буду отвлекать вас простыми математическими примерами.*

Переключаться

1. Переключать какие-либо приборы, оборудование, технику (в другой режим, на другой канал и т. д.)

– *Переключаться с канала на канал можно, не вставая с дивана.*

2. Перен. Направлять свои действия, деятельность, внимание, мысли на что-либо.

– *Он сидел в полной растерянности и не мог переключиться на что-нибудь приятное.*

Пояснив значения глаголов и приведя примеры, перечислим упражнения на использование глаголов этой ЛСГ. Можно предложить трансформировать предложения, используя глаголы ЛСГ. Например: *Я так давно мечтал об этой экспедиции, но, когда Леонтьев предложил мне стать частью группы, я неожиданно отказался.*

Полезно также дать текст, при работе над которым обратить внимание на употребление глаголов изученной ЛСГ. И на последнем этапе предложить составить небольшой рассказ, максимально используя глаголы данной ЛСГ.

Такая работа, систематически проводимая преподавателем, поможет иностранцам разобраться в трудных вопросах русской лексики и словообразования, будет способствовать выработке навыков адекватного употребления в речи слов, входящих в ЛСГ.

Г. А. Гвоздович, Тан Мань

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Учитывая растущую роль науки в обществе, усиление значения языка как средства выражения и передачи информации все большее внимание ученых сосредотачивается на углубленном и многоаспектном изучении отдельных терминосистем в разных языках. Значительное внимание уделяется экономической терминосистеме, которая активно развивается в настоящее время. Научные экономические термины русского языка образуются следующими основными способами:

- вторичная номинация (*потребительская корзина, водяной знак*);
- словообразовательный: образование терминов с помощью **префиксов** (*перепроизводство, постиндустриальный, межотраслевой*); **суффиксов** (*маркировка, продавец, покупатель, обратимость*; суффикс может быть **нулевым**: *спрос, расход, доход*); составление слов и основ (*адрес-календарь,*

социально-экономический, счет-фактура); сокращение слов – аббревиация разных типов (*СЭЗ – специальные экономические зоны, ВВП, зарплата*);

- синтаксический (использование словосочетаний для названия научных понятий: *выходные сведения, общий множитель, нормальная прибыль, оптимальный размер предприятия*);

- заимствования (название научного понятия иноязычным словом: *контроллинг, ливеридж – Ливеридж, бюргшафт – Бюргшафт (поручительство), инфляция, дефлятор*).

Для словообразовательного типа с суффиксом *-ств(-о)* характерно образование терминов от мотивированного существительного – названия лица-деятеля, а также абстрактных названий (образованные названия функционируют как в узкоотраслевой сфере, так и удовлетворяют потребности общенаучного потребления): *агент – агентство; комиссионер – комиссионерство; фактор – факторство; банкрот – банкротство*. На базе заимствованных основ образовались термины с суффиксом *-аж*, например: *амбалаж, кулаж, куртаж*. Не очень часто в экономической терминологии встречается словообразовательный тип с суффиксом *-ант (-янт)* для обозначения лица: *спекулянт, контрактант, конкурсант, трассант*.

Проведенный анализ языкового материала позволил прийти к выводу о том, что экономический термин входит в состав словарного языка и не изолирован от законов, влияющих на развитие лексической системы в целом.

Н. Н. Федорович

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Изучение глаголов движения вызывает большие трудности у большинства иностранных студентов. Это связано в первую очередь с тем, что лексические средства выражения движения в разных языках отличаются от средств выражения движения в русском языке. Очевидно, что в русском языке эти средства значительно разнообразнее, они имеют более широкий спектр значений. В значительной степени значение глаголов движения в русском языке определяется префиксом. Особенности значений глаголов движения русского языка во многих других языках компенсируются контекстом и употреблением дополнительной лексики, поэтому перечень глаголов движения в этих языках значительно меньше и легче для усвоения.

Чтобы спрогнозировать и исключить возникающие у иностранных студентов проблемы при изучении глаголов движения русского языка, желательно провести сравнительный анализ средств выражения движения в русском и в родном языке иностранного студента. В этот раз предметом такого изучения стали глаголы движения в турецком языке.

В результате сравнительного анализа были выявлены следующие особенности и отличия русского и турецкого языков.

1. Бесприставочные глаголы, обозначающие однонаправленное и разнонаправленное движение, в русском языке представлены парами *идти* – *ходить*, *ехать* – *ездить* и т.д. В турецком языке глагол движения не определяет однонаправленность или разнонаправленность движения, поэтому любая такая пара русских глаголов в турецком языке представлена одним глаголом: *ехать* – *ездить*/*gitmek*, *бежать* – *бежать*/*koşmak*, *лететь* – *летать*/*uçmak*, *плыть* – *плавать*/*yüzmek*, *нести* – *носить*/*getirmek*, *везти* – *возить*/*sürmek*

Такая особенность турецкого языка может стать причиной следующих ошибок в русском языке. *Привет, ты куда ходишь? От дома до магазина я хожу 10 минут. Из Бреста до Минска я ездил на поезде. Обратно я ездил на автобусе. – Где ты был? – Я шел в магазин*

2. Группы глаголов движения русского языка с каким-либо префиксом в турецком языке могут быть представлены всего лишь одним глаголом. Можно предположить, что эти русские глаголы объединены значением одного турецкого глагола. Впрочем, такое может быть и в русском языке. Например, глаголы *прибывать* – *прибыть*, *возвращаться* – *вернуться*, по сути, выражают значение целой группы глаголов: *приходить* – *прийти*, *приезжать* – *приехать*, *прилетать* – *прилететь* и т.д. Точно также глаголы *уходить* – *уйти*, *уезжать* – *уехать*, *улетать* – *улететь* или *пойти*, *поехать*, *полететь* можно объединить глаголом *убывать* – *убыть* или *отправляться* – *отправиться*. Глаголы *приносить* – *принести*, *проводить* – *привести*, *привозить* – *привезти* можно заменить одним глаголом *доставлять* – *доставить*. Смысловые отличия таких глаголов в турецком языке обозначаются контекстом или дополнительными лексическими средствами.

В русском языке – *он пошел, он ушел, он уехал, он поехал*. В турецком – *o gitti*.

В русском языке – *он пришел, он приехал, он прилетел, он приплыл*. В турецком – *o geldi*.

В русском языке – *он принес, он привез, он привел*. В турецком – *o getirdi*.

В русском языке – *он увел, он унес, он увез, он повел, он понес, он повез*. В турецком языке – *o götürdü*.

Эта особенность глаголов движения, в целом, не должна создавать проблем, поскольку и в русском языке глаголы движения могут употребляться с уточняющими их значение словами и в определенном контексте. Например, *приехать (уехать) на автобусе, на поезде* или *прилететь (улететь) на самолете*, *привезти (увезти) на машине* или *принести (унести) в сумке*. Понятно, что *прибыть* из Китая, например, невозможно пешком, а на кухню не нужно ехать.

Трудности могут возникнуть при изучении значений глаголов *прийти* – *приходить*, *приехать* – *приезжать*, *уйти* – *уходить*, *уехать* – *уезжать*, так как в турецком языке такая пара глаголов обозначается одним глаголом. Например, *он пришел* – *он приходил* в турецком будет иметь только одну

форму *o geldi*. Из-за этой особенности возможны следующие ошибки: *Два года назад к нам приехала китайская правительственная делегация. – Где ты был? Я жду тебя целый час. – Я ушел в магазин.*

Нужно, однако, отметить, что указанные выше возможные трудности могут встречаться не на каждом этапе изучения языка, поскольку требования базового или элементарного уровня в плане изучения глаголов движения существенно отличаются от требований более продвинутых уровней. Анализ содержания тестов по грамматике уровня В1 свидетельствует о том, что далеко не все из оговоренных нами возможных сложностей можно встретить в нем. Есть немало глаголов движения с префиксами, которые даже не упоминаются в тестах этого уровня. Кроме того, особую группу трудностей могут представлять глаголы движения в переносном значении и во фразеологизмах, но эти сложности появляются на продвинутых этапах изучения глаголов движения, что, безусловно, нужно учитывать при определении объема изучаемого материала по данной теме на конкретном этапе обучения.

Для предупреждения ошибок в употреблении глаголов движения на начальном этапе имеет смысл составление перечня возможных ситуаций с указанием слов-индикаторов, помогающих выбрать правильную форму глагола.

<i>ИДТИ (ЕХАТЬ)</i>	<i>ХОДИТЬ (ЕЗДИТЬ)</i>
1. – Привет! Ты куда идёшь? – Я иду домой.	1. – Как часто ты ходишь в магазин? – Я хожу в магазин 3 раза в неделю .
2. – Куда ты идёшь завтра ? – Завтра я иду в театр.	2. – Где ты был ? Почему тебя не было? – Я ходил в магазин.
3. – Что ты делаешь по дороге в музей? – Когда я еду в музей, я слушаю музыку.	3. – Как ты добираешься в университет? – В университет я езжу на метро.
4. – Как ты добирался из Бреста? – Из Бреста я ехал на поезде.	4. – Я люблю ходить по парку.
5. – Как долго ты идешь от дома до магазина? – От дома до магазина я иду 10 минут .	
6. – Туда я ехал на поезде. Обратно я ехал на автобусе.	

После того, как студенты усвоят отличия глаголов, обозначающих однонаправленное и разнонаправленное движение, можно переходить к изучению значений глаголов движения с префиксами.

Особенности глаголов с префиксами, на которые необходимо обратить внимание:

1) *побежать* (начало движения) – *побегать* (движение прекращено);

2) *приехать* (находиться в месте назначения) – *приезжать* (прибыть и уехать из места назначения);

3) *уйти* (отсутствовать на месте) – *уходить* (отсутствовать, но затем вернуться на свое место);

4) *принести* (находиться с предметом в месте назначения) – *отнести* (оставить предмет в месте назначения и вернуться к себе).

Некоторые префиксы употребляются с определенными предлогами, на что также нужно обратить внимание студентов. Например,

Доехать, долететь, донести, довести и т.д. **до**

Отъехать, отлететь, отбежать, отойти и т.д. **от**

Подойти, подъехать, поднести, подвезти и т.д. **к**

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ДИКЦИЯ И ГОЛОСОВЕДЕНИЕ
В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА»

М. Ю. Крылович

ВОКАЛИЧЕСКАЯ И КОНСОНАНТНАЯ ПОДСИСТЕМЫ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ НОРМАЛЬНО СЛЫШАЮЩИХ УЧАЩИХСЯ
И ПРИ НАРУШЕНИИ СЛУХА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Данная проблематика – развитие устной речевой коммуникации у лиц с нарушением слуха – представляет интерес для исследования звучащей речи в таком актуальном в современной лингвистике направлении, как изучение особенностей устной речи лиц с дефицитом слуха, выявление возможностей и ограничений, налагаемых их перцептивно-артикуляторной базой, а также поиск путей совершенствования их устной речевой коммуникации.

Система образования Республики Беларусь направлена на создание необходимых условий для развития и образования лиц с разными психофизическими возможностями, а учебный процесс в специальных школах для детей с нарушением слуха строится на основе языковой подготовки. Для реализации этих задач идет постоянный поиск эффективных технологий обучения как родному, так и иностранному языку школьников с нарушением слуха.

Общеизвестно, что система английских гласных и согласных фонем представляет значительную трудность при освоении фонетики этого языка нормально слышащими носителями русского/белорусского языков. Поэтому в учебниках по практической и теоретической фонетике полно описаны особенности английских фонем, трудности их артикуляции, пути и способы преодоления русско-английской интерференции и коррекция типичных ошибок обучаемых. Учащимся со слуховой депривацией требуется больше времени и усилий для ассимиляции иноязычных произносительных движений, особенно на инициальном этапе обучения. Имеющиеся у них слуховые и перцептивные трудности могут в дальнейшем не сказываться на освоения ими английского языка при определенном условии: нужны специальные технологии обучения языку данной целевой группы, которые могут обеспечить им прямой и надежный путь в устную речь.

В учебной работе с учащимся с глубоким нарушением слуха в специальных школах в Республике Беларусь для изучения иностранного языка предусмотрено использование визуально-фонетической системы коммуникации – специальной технологии для расшифровки произносимых иноязычных слогов с губ говорящего. В устном общении речь говорящего дополняется условными знаками для передачи минимальной единицы артикуляции – слога. При «кодировании» слога используются 8 сочетаний пальцев для передачи 20 английских согласных и 4 позиции руки вокруг лица для обозначе-

ния 24 слогообразующих гласных. Благодаря применению визуально-фонетической системы коммуникации, начиная с первых уроков вводного фонетического курса и далее на протяжении школьного обучения, учащиеся получают полное представление о правильном произнесении/звучании английских слов и их изменении в словосочетании и фразе. В ходе формирующего эксперимента в специальных школах было проведено 18 занятий по английскому языку с 16 школьниками 5-х классов, и результат работы зафиксирован на видеоноситель. При выполнении аудитивного анализа звучащей речи испытуемых аудиторами отмечены модификации в произнесении консонантных и вокалических элементов. На следующем этапе исследования описаны качественные характеристики речи школьников с нарушением слуха и проведен сопоставительный анализ полученных данных с результатом нормально слышащих школьников этого же уровня лингвистического развития.

После подсчета количественных данных было выявлено, что у испытуемых с нарушением слуха число модификаций консонантных и вокалических элементов слога является практически одинаковым – 51 и 49 %. В речи нормально слышащих учащихся количество отклонений в консонантных сегментах преобладает над вокалическими – 69 и 31 % соответственно.

Анализ данных позволил ранжировать группы согласных по степени подверженности качественным модификациям: при патологии слуха – фрикативные (40 %), смычно-взрывные (31 %), сонорные (29 %); при норме слуха больше всего модификаций консонантных элементов слога было допущено при произнесении сонорных – 45 %, в 2 раза меньше в группе фрикативных – 22 %, срединное положение занимает группа смычно-взрывных согласных – 33 %.

В системе консонантизма модификациям по двум качественным признакам одновременно – по способу и месту образования – наиболее подвержены согласные сегменты, не представленные в артикуляционной базе русского языка и представляющие особую трудность для неслышащих. По признаку «палатализация» модификации было подвержено значительное число разных согласных. В ходе анализа устной речи неслышащих школьников также выявилось два отклонения в реализации такого значимого признака, как «степень участия голосовых связок» – происходило оглушение или озвончение звуков, ведущее к искажению смысла. Анализ модификаций консонантных элементов учащимися с нормативными психофизиологическими данными позволил выявить наиболее и наименее изменяемые признаки: чаще всего согласные модифицировались по признаку палатализации, в два раза меньше модифицировались согласные по месту образования, а также по степени участия голосовых связок (с тенденцией к оглушению). Наименьшее количество модификаций было допущено по признаку аспирации, а также по признаку «палатализация» с одновременным изменением места образования.

В системе вокализма к типичным отклонениям от произносительной нормы английского языка при глубоком нарушении слуха относятся качественные изменения гласных, выполняющие в английском языке смысловоразличительную функцию: по ряду, по степени подъема, значимые изменения долготы гласных. Количественный анализ модификаций вокалических элементов лицами с нормативными психофизиологическими данными показал, что чаще всего гласные модифицировались по признаку «подъем», значительно меньше модификаций выявлено по таким признакам, как «долгота» и «лабиализованность».

Как показал лингвистический эксперимент, у всех испытуемых (как при норме слуха, так и в условиях слуховой депривации) наблюдался ряд неточностей в признаках вокалических и консонантных элементов слога, что естественно для начальной стадии освоения иностранного языка. Однако для улучшения разборчивости речи неслышащих, для их успешной устной коммуникации на иностранном языке учителям английского языка необходимо выполнить на начальном этапе тот минимум коррекционной работы, который доступен этим детям. Качество восприятия неслышащими непривычных элементов английского слога успешно достигается благодаря сопровождению говорящим своей речи визуально-фонетической системой коммуникации (ВФС).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Андреева М. В. Способы отображения гендера как проявления языковой толерантности (на материале публицистических текстов).....	3
Аникеева Т. В. Визуальность структурно-семантической реализации средств выражения межтекстовых связей современного художественного текста.....	5
Вихренко Ю. В. Атрибутивные словосочетания с абстрактными именами существительными в белорусском и английском языках: особенности перевода.....	8
Іватовіч-Бабіч В. Т. Аксіялагічныя дамінанты моўнай карціны свету беларусаў	10
Каминская И. С. Коннотативный компонент значения слова <i>инвалид</i> : лексикография vs реальное употребление	13
Козлова Т. А. Отражение моральных качеств в именах собственных	16
Куц А. А. Особенности репрезентации понятия <i>поражение</i> в художественном тексте.....	19
Леон О. В. Контекстные особенности реализации метанарративного компонента значения названий нарративных жанров	22
Макоўскі А. А. Сінергетычныя механізмы развіцця запазычанай лексікі ў беларускай і рускай мовах.....	25
Надумович Л. М., Го И. Фразеологизмы в произведениях М. А. Шолохова	28
Надумович Л. М., Денисова И. Н., Тан Чэньмин. Лексические особенности заимствований в современном русском языке.....	29
Надумович Л. М., Ли Цзиньцяо. Лексика цветообозначения в русском языке (на материале словарей).....	31
Надумович Л. М., Тан Сяоюй. Национально-культурные особенности фразеологизмов с компонентом-зоонимом (на материале русского и китайского языков)	33
Надумович Л. М., Цзян Тао. Многозначные имена существительные в русском языке	34
Рудько Т. В. Особенности собирательных имен существительных в английском языке	35
Шарейко А. А. Представления славян о цветовом коде (желтый цвет).....	38
Шестакова Е. В. Оценочная лексика в дипломатическом тексте.....	40

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Xiao Jie The Poetics of Ekphrasis in Contemporary British Fiction	44
Авраменко В. И. Философские идеи С. де Бовуар и их воплощение в поздних романах писательницы	46

Боричевская Т. Г. Праявы постмадэрнізму ў творчасці Харальда Цузанека	49
Вильчинская А. В. Политическая составляющая в романе Дж. Коу «Какое надувательство!».....	51
Даниленко И. В. Литература и история: где проходят границы в XXI веке?	54
Зиновьева К. А. Поиски идентичности в романе «Бархатные коготки» С. Уотерс	57
Копытко Н. В. «Переформатирование» идентичности в романе-дистопии Дж. К. Оутс «Опасности путешествий во времени».....	60
Кравцова М. Д. Floristic Vocabulary and its Functioning in the Novel by H. G. Wells “The Time Machine”	62
Кудрявцева И. К. Профессиональный аспект идентичности героев романа «Хорошая работа» Д. Лоджа.....	65
Курыпка М. А. У пошуках ідэнтычнасці героя (раман Н. Шюта «Пацукалоў»)	68
Ломако Э. В. Концепция героя в романе Т. Уайлдера «Теофил Норт»	71
Лянь Хайбо. Повествовательные стратегии в произведениях о травме	73
Минина В. Г. Образ Лондона в романе С. Фолкса «Неделя в декабре»	77
Поражинская И. Л. Мотив овеществления в творчестве Эльфриды Елинек	80
Рогачевская М. С. Рассказ Дж. Барнса «Вспышка» как фикциональный биографический нарратив об И. Тургеневе	82
Сержант Н. Л. Социально-политический дискурс романов Дж. Франзена	85
Смирнова М. В., Жук А. А. Обретение идентичности китайскими иммигрантами в Америке конца XX века на примере романа Джин Квок «Девушка в переводе»	88
Тарек Альших Хедер. Poetic Tools of Creating Spatial Images in S. Heaney’s Works	91
Тычына С. М. Мастацкія асаблівасці англійскай філасофскай казкі (на прыкладзе казак О. Уайльда)	93

ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

Абреу-Фамлюк В. Р. Проблема соответствия различных коммуникативных типов высказывания во франко-русском направлении перевода	97
Барановский Р. С. Передача метафор в англо-русском переводе текстов экономической тематики.....	100
Вдовичев А. В. Диагностика знаний, навыков и умений в области перевода: современные подходы и требования.....	101
Голикова Т. И. Активизация интереса студентов к изучению культуры через призму дипломных работ по художественному переводу.....	103
Егоров Н. В. Роль перевода терминологии, в усвоении содержания статей о высоких технологиях	106

Жданович М. А. Формирование лексикографической компетенции на занятиях по переводу	109
Железнякова О. В. Рефлексия и контроль в обучении устному переводу	111
Завадская Е. А. Языковые средства выразительности во франкоязычных текстах тематики «Guerre commerciale» в аспекте перевода.....	113
Зверева С. Г. Преподавание дисциплины «Современные технологии перевода» в условиях актуальных технологических изменений.....	116
Иванова Т. Ф. Лингвостилистический анализ текста как этап предпереводческого анализа.....	119
Ключенович С. С. Как перевести название страны, которой нет на карте.....	121
Ковальчук С. И. Структура реферата в переводческом аспекте.....	123
Колесников В. В. О переводе поэзии в свете моделирующей концепции перевода.....	125
Кравцова М. Д. Grammatical Transformations in the Translation of Fiction (based on Stephen King's novels)	128
Мельник В. А. Обучение иностранных студентов работе с современными электронными ресурсами на занятиях по дисциплине «Современные технологии перевода».....	130
Мароз Я. Л. Беларускія інфінітыўныя канструкцыі з прэдыкатывам і іх пераклад на англійскую мову	133
Науменко Н. П. О лексико-семантическом поле англоязычной терминологии антов неповиновения афроамериканского населения США в 2020 году	134
Русина Ю. Н. Англоязычные термины с колоронимами и особенности их перевода.....	137
Рябцевич И. А. Использование интерактивной образовательной технологии «scaffolding» в процессе обучения будущих переводчиков.....	141
Стефанова Е. В. ИИ-инструмент ChatGPT в обучении синхронному переводу	143
Шиш П. С. Особенности сокращений в аспекте перевода (на материале немецкоязычных текстов экономической направленности)	145

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бобрович В. И. Обучение демократии в повседневности: к определению понятия	148
Гутько О. Л. Метамодерн белорусской культуры.....	150
Забродская В. С. Замак у Заслаўі	153
Кушнярэвіч А. М., Навумава В. В. Германскія ўплывы ў дэкаратыўна-ўжытковым мастацтве Беларусі XVIII ст.	154
Левшун Л. В. Соотношение категорий <i>творческое</i> и <i>художественное</i> в культуре <i>slavia orthodoxa</i>	156

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Захаров А. М.** Мирохозяйственные связи в контексте силовых сценариев в системе современных международных отношений 161
- Ковалёва И. В.** Европейские модели пенсионных систем: опыт для Беларуси..... 163
- Наумова В. В.** Правовые основы ограничения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь 166

ФИЛОСОФИЯ И ЛОГИКА

- Баранов Н. П.** От разума Homo sapiens к планетарному разуму человечества 169
- Майборода Д. В.** Марксистская философия общения, культуры и языка ... 171
- Медзюлянава В. А.** Філасофская апазіцыя агульнага/прыватнага і іншыя сумежныя канцэпты ў прасторы мовы..... 174
- Мигас Б. Я.** Искусственный интеллект человеку помощник, конкурент, господин?..... 177
- Севостьянова Н. Г.** Рефлексивное осмысление предмета самобытной русской философии 179
- Салтанович И. П.** Трансформации в эпоху цифровых технологий: социальная и культурная динамика 182
- Степанова Т. Л.** Изменение содержания понятия добра в истории морали и культуры 185

ГІСТОРЫЯ І БЕЛАРУСАЗНАЎСТВА

- Грабянчук І. В.** Да пытання аб нацыянальных героях Беларусі (на прыкладах прыватных апытанняў беларускіх студэнтаў і школьнікаў)..... 188
- Новікаў С. Я.** Сем з паловай дзесяцігоддзяў у гісторыі: да 75-гадовага юбілею Мінскага Іняза..... 190
- Сігаева С. А., Бас Ю.** Фальклорныя матывы ў творчасці Адама Глобуса 193

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Афанасенко А. В.** Перспективы развития франчайзинга в Российской Федерации 197
- Благуш И. С.** Внешняя торговля Республики Беларусь в условиях санкционных шоков 199
- Глуховская Т. В.** Глобализация и глокализация стали ведущими тенденциями XXI века 202

Иванова Е. Н. Опыт статистического наблюдения инновационной деятельности за рубежом.....	204
Подгайский А. Л. Сетевые эффекты как фактор доминирования в современной экономике.....	207
Русак А. Н. SMM в системе интегрированных маркетинговых коммуникаций компании	209
Усоский В. Н. Клейтон М. Кристенсен versus К. Шваб. Диаметрально противоположные методологические подходы в понимании «подрывных» технологий.....	212

ПСИХОЛОГИЯ

Богданович А. Э. Психологический анализ ошибок при назывании действий видеосюжетов как индикатор овладения временной системой английского языка	217
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ

Цымбал А. Г. Ацэнка эфектыўнасці маркетынговых стратэгий у прасоўванні Беларусі як турыстычнай дэстынацыі: прыклад нацыянальнага агенцтва па турызме Беларусі.....	220
---	-----

Круглый стол

«ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ»

Бричикова В. Г. К проблеме изучения педагогического дискурса.....	224
Довнар Т. А. Реализация педагогического дискурса с целью формирования у взрослых обучающихся готовности к межкультурному диалогическому общению	226
Карпович Т. Е. Модель преодоления деструкций в педагогическом дискурсе преподавателя в условиях дополнительного образования.....	229

Круглый стол

«ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН»

Баранова А. С. Организация военно-патриотических лагерей в Республике Беларусь	233
---	-----

Круглый стол
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

Янчукович О. В. Развитие личностного потенциала обучающихся в персонализированной образовательной среде 238

Круглый стол
«РУССКИЙ ЯЗЫК – ТЕОРИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ,
ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ»

Айдын М. Е., Сокольник О. Г. Использование инфографики при работе с текстом	240
Верниковская А. В., Гараджаева М. Компаративные конструкции в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»	242
Верниковская А. В., Мухитдинова Н. Эпитет <i>золотой</i> в лирике С. Есенина	246
Гвоздович Г. А. О внутреннем содержании лексемы <i>мир</i> в русском и белорусском языках	250
Дерунова А. А. Композиционные особенности старобелорусских «жалобниц»	253
Долгович А. А. Интерференция и транспозиция при изучении русского языка турецкоговорящими учащимися.....	255
Жизневская О. Н., Станкевич М. Разработка видеоматериалов страноведческого характера для обучения РКИ	256
Жизневская О. Н., Тиллюпо Д. Русские паронимы в лингводидактическом аспекте	259
Каминская И. С., Дюдикер Е. Возможности применения технологии “Storytelling” при обучении русскому языку как иностранному	261
Карпушина А. Л. Формирование коммуникативной компетенции в работе с текстом на начальном уровне обучения РКИ	264
Крапивная С. А., Козловская Л. А. Тексты этнокультурной тематики как средство формирования коммуникативной компетентности учащихся в аспекте РКИ.....	266
Нарчук А. С. Роль сленга в русскоязычных текстах.....	269
Новикова А. И. Обучение монологическому высказыванию на основе текста для чтения (из опыта преподавания)	271
Платоненко О. В. Изучение фразеологизмов в иностранной аудитории	274
Рогаль К. А. Обратная связь на уроках иностранного языка	276
Розова С. А. Лингвокультурологический потенциал учебных текстов в практике преподавания русского языка как иностранного	278
Сикорская Т. А. Лексико-семантическая группа глаголов с корнем <i>ключ</i>	280
Гвоздович Г. А., Тан Мань. К вопросу о структуре экономической терминологии	282

Федорович Н. Н. Сравнительный анализ глаголов движения
в русском и китайском языках 283

Круглый стол
«ДИКЦИЯ И ГОЛОСОВЕДЕНИЕ
В ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА»

Крылович М. Ю. Вокалическая и консонантная подсистемы
английского языка в речи нормально слышащих учащихся
и при нарушении слуха: сопоставительный аспект 287

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

16–19 мая 2023 года

В четырех частях

Часть третья

Ответственный за выпуск *Ю. И. Варакса*

Редактор *О. С. Забродская*
Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.